

2 (53)

2021

ISSN 2071-0437 (Online)

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 2 (53)
2021**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зими́на О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Клубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Пошехонова О.Е., ТюмНЦ СО РАН; Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство Эл № ФС 77-71754 от 8 декабря 2017 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2021

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 2 (53)
2021**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, University of a name Adam Mickiewicz in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Lishevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Poshekhonova O.E., Tyumen Scientific Centre SB RAS
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Содержание

Археология

Гимранов Д.О., Косинцев П.А., Бачура О.П., Жилин М.Г., Котов В.Г., Румянцев М.М. Малый пещерный медведь (<i>Ursus ex gr. savini-rossicus</i>) как объект охоты древнего человека	5
Дураков И.А., Мыльникова Л.Н. Бронзолитейные производственные участки поселения Венгерово-2 (Барабинская лесостепь)	15
Гюль Т.И. О династийном культе правителей Бухарского Согда в раннем средневековье (к трактовке росписей дворца Варахши).....	28
Папин Д.В., Степанова Н.Ф., Федорук А.С., Федорук О.А., Ломан В.Г. Керамика андроновской (федоровской) культуры поселения Жарково-3	40
Грушин С.П., Мерц И.В., Мерц В.К., Илюшина В.В., Фрибус А.В. Погребальный комплекс периода средней бронзы могильника Семиярка IV (Восточный Казахстан)	52
Зах В.А. Курильницы и блюда-алтарики саргатской культуры	66
Татауров С.Ф., Тихонов С.С. «Польско-литовские» археологические материалы из раскопок города Тары	83
Кулаков В.И. Судабы на Самбии в XIII–XIV вв.	91

Этнология

Истомина Ю.А. Орнамент тарских и барабинских татар: археолого-этнографический анализ.....	99
Березницкий С.В. Сакральные компоненты промысловых технологий коренных народов Амуро-Сахалинского региона	110
Яптик Е.С. <i>Homo technicus mobilis</i> на Ямале	120
Головнев И.А., Головнева Е.В. Образы Сахалина в наследии Б.О. Пилсудского (по материалам дальневосточных архивов).....	129
Мусагажинова А.А., Кабиденкова Ж.Д. Ритуальные и обрядовые функции пищи казахов Сарыарки (XX–XXI вв.).....	138
Стасевич И.В. Вызов времени: воспроизведение «забытых» традиций в современной казахской культуре	146
Дмитриева Т.Н. Русское освоение и топонимия Пелымского края по письменным и полевым источникам XVIII–XXI вв.	155
Чепайтене Р. Гулаговский опыт в культурных нарративах и коллективной идентичности постсоветской Литвы	166
Информация для авторов	177
Список сокращений	180

На передней стороне обложки: аргиш, ведомый снегоходом, с. Яр-Сале (фото Е. Яптик, апрель 2020 г.); череп малого пещерного медведя (*Ursus ex gr. savini-rossicus*) из пещеры Иманай (хранится в музее ИЭРиЖ УрО РАН, № ИЭРЖ 2284/3154), вид сбоку; курильница саргатской культуры из могильника Улановка (по: [Матвеев, 2015, рис. 4, 2]).

Contents

Archaeology

Gimranov D.O., Kosintsev P.A., Bachura O.P., Zhilin M.G., Kotov V.G., Rumyantsev M.M. Small cave bear (<i>U. ex gr. savini-rossicus</i>) as a game species of prehistoric man	5
Durakov I.A., Mylnikova L.N. Bronze-casting workshops of the Vengerovo-2 settlement (Baraba forest steppe)	15
Gyul T.I. On the dynastic cult of the rulers of Bukhara Sogd in the Early Middle Ages (to the interpretation of the murals of the Varakhsha palace)	28
Papin D.V., Stepanova N.F., Fedoruk A.S., Fedoruk O.A., Loman V.G. Pottery traditions of the Andronovo (Fedorovo) population of the steppe Altai (based on materials from the settlement of Zharkovo-3)	40
Grushin S.P., Merts I.V., Merts V.K., Ilyushina V.V., Fribus A.V. Semiyarka IV burial complex of the Middle Bronze Age (Eastern Kazakhstan)	52
Zakh V.A. Incense burners and altar dishes of the Sargatka Culture	66
Tataurov S.F., Tikhonov S.S. 'Polish-Lithuanian' archaeological materials from the excavations of the town of Tara	83
Kulakov V.I. Sudovians in Sambia in the 13 th –14 th centuries	91

Ethnology

Istomina Yu.A. The ornament of Tara and Baraba Tatars: archeological and ethnographic analysis	99
Bereznitsky S.V. Sacred components of hunting and fishing technologies of the indigenous peoples of the Amur-Sakhalin Region	110
Yaptik E.S. <i>Homo technicus mobilis</i> in Yamal	120
Golovnev I.A., Golovneva E.V. Images of Sakhalin in the research legacy of B.O. Pilsudsky (based on materials of the Far-Eastern archives)	129
Musagazhinova A.A., Kabidenova Zh.D. Ritual and ceremonial functions of the Saryarka Kazakh food (20 th –21 st centuries)	138
Stasevich I.V. The challenge of the time: reproduction of 'forgotten' traditions in the modern Kazakh culture	146
Dmitrieva T.N. Russian development and toponymy of the Pelym region according to written and field sources of the 18 th –21 st centuries	155
Čepaitienė R. The GULAG experience in cultural narratives and collective identity of post-Soviet Lithuania	166
Memo to the authors	177
Abbreviations	180

АРХЕОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-53-2-1>

Гимранов Д.О.^a, Косинцев П.А.^{a,*}, Бачура О.П.^a, Жилин М.Г.^b,
Котов В.Г.^c, Румянцев М.М.^c

^a Институт экологии растений и животных УрО РАН, ул. 8 Марта, 202, Екатеринбург, 620144

^b Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292

^c Институт истории, языка и литературы УфНЦ РАН, просп. Октября, 71, лит. У, Уфа, 450054

E-mail: djulfa250@rambler.ru (Гимранов Д.О.); kpa1958@yandex.ru (Косинцев П.А.);
olga@ipae.uran.ru (Бачура О.П.); mizhilin@yandex.ru (Жилин М.Г.); kslav1@yandex.ru (Котов В.Г.);
rumiantsevsmike@rambler.ru (Румянцев М.М.)

МАЛЫЙ ПЕЩЕРНЫЙ МЕДВЕДЬ (*URSUS EX GR. SAVINI-ROSSICUS*) КАК ОБЪЕКТ ОХОТЫ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА

*Из позднеплейстоценового местонахождения пещера Иманай (Республика Башкортостан, Южный Урал) описан череп пещерного медведя с повреждением искусственного характера. На основании размерных и морфологических признаков установлено, что череп принадлежит малому пещерному медведю *Ursus ex gr. savini-rossicus*. Радиоуглеродный возраст находки составил $34\,940 \pm 140$ BP ($IGAN_{AMS-5652}$). По регистрирующим структурам в зубах установлено, что животное погибло зимой в возрасте 9–10 лет. Трасологический анализ показал, что отверстие в теменной области черепа имеет искусственное происхождение и проделано остроконечным изделием. Животное было убито во время зимней спячки. Это первое прямое свидетельство добычи малого пещерного медведя человеком.*

Ключевые слова: малый пещерный медведь, поздний плейстоцен, средний палеолит, охота, Южный Урал, пещера Иманай.

Введение

Охота на крупных наземных млекопитающих играла ключевую роль в системе жизнеобеспечения палеолитического человека и неоднократно описана в литературе [Вережанин, 1971; Wilczyński et al., 2017; Wojtal, 2020]. Изучение охоты древнего человека основано главным образом на типологии каменных орудий, трасологических данных (следы на костях и орудиях охоты) и результатах тафономического анализа местонахождений. Однако для территории Северной Азии и Европы прямых данных о добыче животных непосредственно палеолитическим человеком немного (Ермолова, 1985; Праслов, 1995; Зенин и др., 2006; Синицын и др., 2019; Cordier, 1990; Praslov, 2000; Nikolskiy, Pitulko, 2013; Pitulko et al., 2013, 2016a, 2016b, 2017). Существуют свидетельства охоты человека в палеолите на большого пещерного (*Ursus spelaeus sensu lato*) и бурого (*Ursus arctos*) медведей [Turk, 1997; Auguste 2003; Germonpre, Hamalainen, 2007; Miracle, 2007; Wojtal, 2007; Kitagawa et al., 2012; Wojtal et al., 2015; Romandini et al., 2018; Duches et al., 2019]. В этих работах анализируются следы на костях, оставленные человеком. В ряде случаев они могли быть оставлены древним человеком при разделывании туш уже погибших животных, а не в результате добычи зверей охотой. Известен лишь один факт добычи пещерного медведя человеком, документированный характером повреждения позвонка пещерного медведя, связанного, как полагают, с использованием метательного оружия [Munzel et al., 2001; Wojtal et al., 2015].

В первой половине позднего плейстоцена Западной Европы [Musil, 1980] и Урала [Kosintsev et al., 2016] пещерный медведь является фоновым видом. Находки его костей достаточно обычны в пещерах и иногда образуют огромные скопления в результате гибели зверей во время зимней спячки [Kurtén, 1976]. В связи с тем что пещеры привлекали не только животных, но и человека, совместное нахождение костей пещерного медведя и артефактов довольно обычно [Nejman et al., 2017]. Существуют аргументы, свидетельствующие о естественной природе накопления костей медведей в пещерах, несмотря на присутствие там археологических находок [Барышников, 2012; Stiner, 1999]. Однако вымирание пещерного медведя продолжают связы-

* Corresponding author.

вать как с природно-климатическими изменениями, так и с антропогенным прессом в результате расселения древнего человека [Wojtal et al., 2015; Mondanaro et al., 2019].

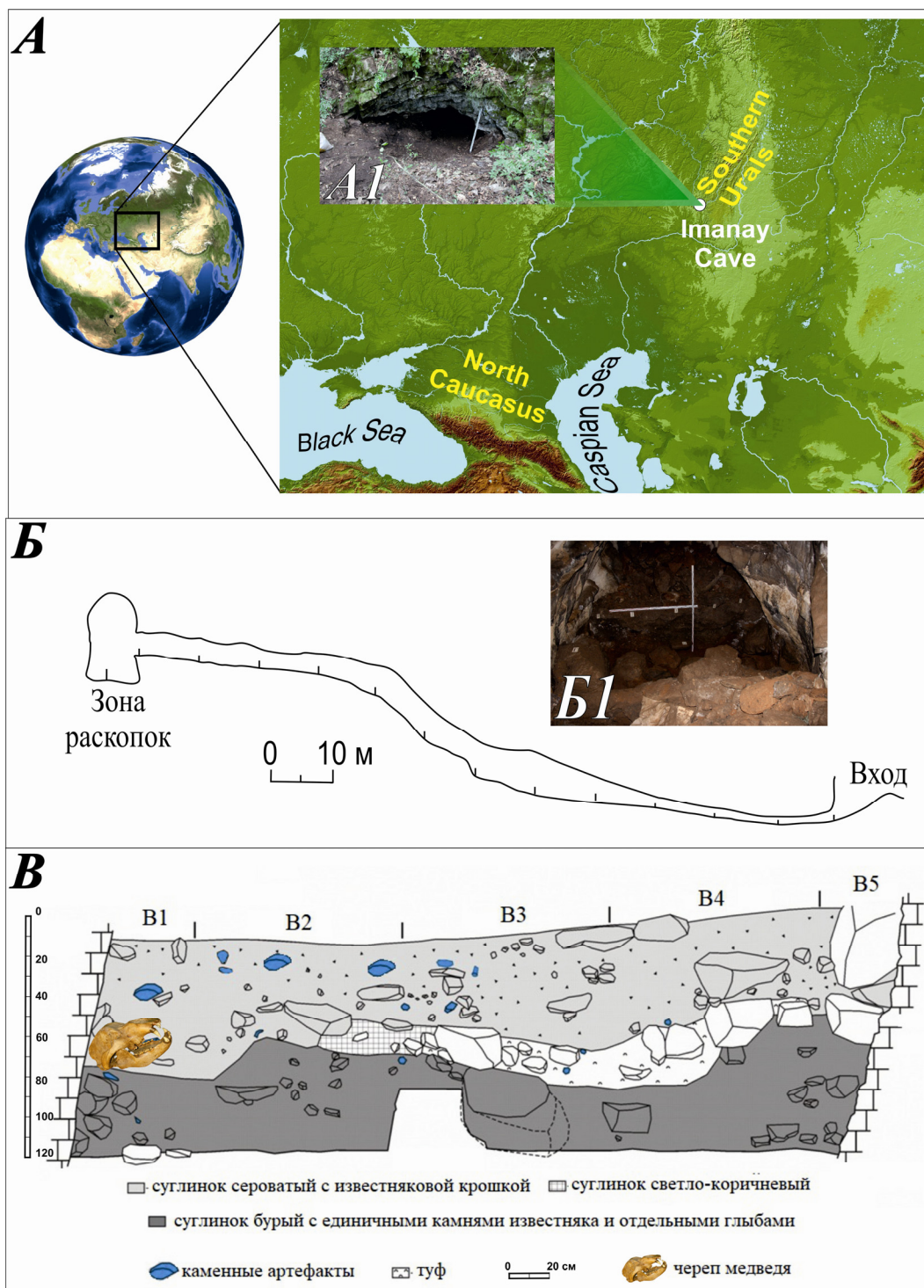

Рис. 1. Географическое положение, морфология и стратиграфия рыхлых отложений пещеры Иманай: А — география и внешний вид входа в пещеру (А1); Б — план-схема пещеры и вид на раскоп (Б1);

В — стратиграфия рыхлых отложений пещеры и место находки черепа медведя.

Fig. 1. Geographic location, morphology and stratigraphy of pit sediments of Imanay Cave:

А — geography and the cave entrance (А1); Б — map of the cave and a view of the excavation site (Б1);

В — stratigraphy of the pit and the location of the bear skull.

Материал и методика

В 2015 и 2016 гг. на Южном Урале (Республика Башкортостан, 53°02' с.ш., 56°26' в.д.) нами исследовалась пещера Иманай (рис. 1, А). Пещера коридорного типа длиной около 100 м заканчивается гротом размером 5×6×5,6 м (рис. 1, Б). Площадь раскопа составила 9,5 м². Стратиграфия раскопа (рис. 1, В): слой 1 — суглинок сероватый с известняковой крошкой, попадаются единичные угольки и скопления угольков, отдельные кусочки красной охры, изделия из кремня; мощность слоя — 0,6 м; слой 2 — суглинок бурый с единичными камнями известняка и отдельными глыбами; вскрытая мощность — 0,6 м. Наблюдаются участки светло-коричневого суглинка в виде отдельных линз мощностью не более 0,3 м.

Рыхлые отложения мощностью до 1,2 м исследованы по условным горизонтам мощностью 0,1 м. За два года раскопок собрано более 10 000 костных остатков позднеплейстоценового возраста, в том числе большое количество костей малого пещерного медведя и пещерного льва [Гимранов и др., 2018; Гимранов, 2019; Gimranov, Kosintsev, 2020].

Подавляющее большинство черепов, позвонков, ребер и трубчатых костей конечностей крупных млекопитающих разрушено до мелких обломков. Целыми сохранились главным образом зубы, сесамовидные кости, метаподии и фаланги. На целых костях и их фрагментах отсутствуют следы погрызов и/или укусов хищниками, следы прохождения через желудочно-кишечный тракт и следы деятельности человека [Gimranov, Kosintsev, 2020]. Это показывает, что сильное разрушение костей произошло в результате действия не биологических, а химических и/или механических факторов.

Костные остатки медведей распределены достаточно равномерно по всем горизонтам. Они принадлежат минимально 110 особям. Преобладают особи возрастной группы старше 5 лет. Соотношение костей самцов и самок пещерного медведя составляет 3:1 [Gimranov, Kosintsev, 2020].

В отложениях пещеры во всех горизонтах вместе с костными остатками позднеплейстоценовых млекопитающих найдены артефакты среднепалеолитического облика [Гимранов и др., 2017]. Как уже отмечалось, ни на одной кости не обнаружено следов разделывания или других следов деятельности человека. Однако при препарировании и очистке от кальцитовых натекос череп (рис. 2) пещерного медведя (№ ИЭРЖ 2284/3154) в его теменной части было обнаружено отверстие, описанию и интерпретации которого посвящена данная работа.

Рис. 2. Череп малого пещерного медведя (*U. ex gr. savini-rossicus*) из пещеры Иманай (хранится в музее ИЭРиЖ УрО РАН, № ИЭРЖ 2284/3154), вид сбоку.

Fig. 2. Skull of a small cave bear (*U. ex gr. savini-rossicus*) from the Imanay Cave (No. IPAE 2284/3154), lateral view.

Описание и измерение черепа и зубов проводились по стандартным методикам [Барышников, 2007]. Данные для построения двумерного графика (рис. 3) взяты из работы Г.Ф. Барышникова [2007]. По образцу кости черепа получена AMS-дата $34\,940 \pm 140$ BP, $IGAN_{AMS}$ — 5652. В результате калибровки по программе IntCal13 [Reimer et al., 2013] получен календарный возраст —

38 567–37 754 calBC, что соответствует середине морской кислородной стадии 3 (MIS 3). Возраст и сезон гибели животного определен на аншлифах корня верхнего премоляра (P4) по слоям в цементе [Завацкий, 1984; Клевезаль, 1988] с учетом времени прорезывания зуба [Клевезаль, 2007].

Результаты

Череп имеет крутой изгиб в области лба (рис. 2), что характерно для пещерных медведей и отличает их от бурых медведей [Барышников, 2007]. Зубы (P4, M1 и M2) усложнены дополнительными бугорками, что отличает череп из пещеры Иманай от черепа бурого медведя. От черепа медведя Денингера (*Ursus deningeri*) череп из Иманая отличается слабым развитием эктофлексуса на P4 [Барышников, 2007; Wagner, Čermák, 2012]. В то же время на P4 отсутствует бугорок на внутренней стороне метаконида и нет поперечного гребня, что отличает череп из Иманая от черепа большого пещерного медведя [Барышников, 2007]. Морфометрические данные показывают, что изучаемый череп по размерам меньше черепов большого пещерного медведя и медведя Денингера и соответствует малому пещерному медведю (рис. 3). Таким образом, по морфологическим и морфометрическим признакам череп принадлежит малому пещерному медведю (*U. ex gr. savini-rossicus*).

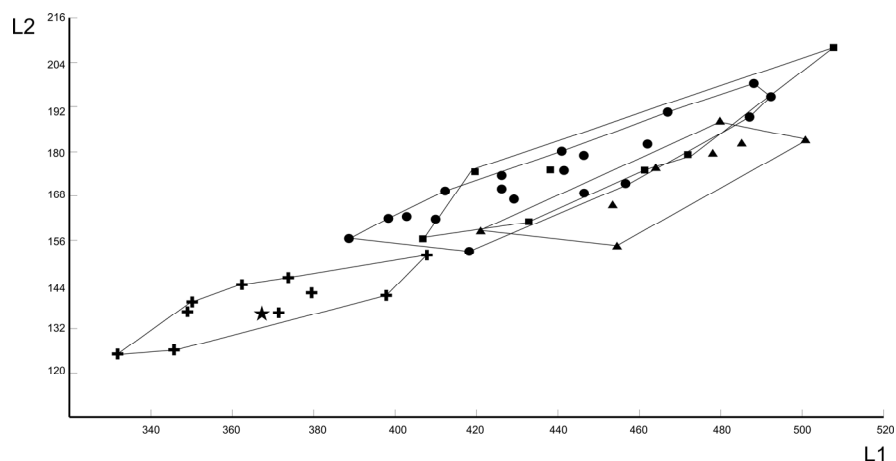

Рис. 3. Отношение общей длины черепа (L1) к лицевой длине черепа (L2) у пещерных медведей. Крест — малый пещерный медведь, круг — большой пещерный медведь, квадрат — медведь Денингера, треугольник — кударский пещерный медведь, звезда — череп из пещеры Иманай.
Fig. 3. Ratio of total skull length (L1) to face skull length (L2) of cave bears. Cross — small cave bear, circle — large cave bear, square — Denninger bear, triangle — Kudaro cave bear, star — skull from Imanay cave.

В цементе корня верхнего премоляра пещерного медведя из Иманая хорошо видны ростовые слои. Количество зимних слоев в зубе составило 8 в одном и 9 в трех аншлифах. Таким образом, с учетом возраста прорезывания данного зуба возраст медведя в момент гибели составляет 9–10 лет. По краю цемента на всех аншлифах виден полностью сформированный летний слой, а в некоторых местах замечен тонкий зимний. По всему краю цемента зимний слой хорошо прослеживается весной [Craighead et al., 2014]. На этом основании мы полагаем, что данная особь погибла в зимнее время.

В теменной части черепа имеется сквозное отверстие размером 38,7×12,8 мм (рис. 2). Нижний (базальный) край отверстия довольно ровный и имеет вид пологой дуги с крутыми краями и уплощенным «дном». Верхний (дорсальный) край отверстия неровный, его средняя часть расширена в виде угла высотой 4,1 мм и шириной 7,3 мм. Стенки отверстия выкрошены, на поверхности заметны многочисленные плоские фасетки, направленные от отверстия вдоль поверхности кости, а также сквозные трещины, идущие в том же направлении. В трещинах и углублениях фасеток сохранились отложения кальцита, удаленного с поверхности кости вокруг отверстия. Это говорит о древнем возрасте трещин, возникших до погребения черепа, а не после его извлечения. Следы заживления раны на кости отсутствуют, что указывает на смертельный характер ранения.

Обсуждение результатов

Описанные особенности отверстия указывают на его явное искусственное происхождение в результате очень сильного удара твердым предметом. Подобные признаки отмечались на кос-

тах животных, пробитых каменными и костяными наконечниками [Жилин, 2004; Нужный, 2008; Жилин и др., 2020; Nikolskiy, Pitulko, 2013; Smith et al., 2020].

Конфигурация отверстия свидетельствует в пользу того, что оно было сделано каменным орудием плоско-выпуклой формы с продольной гранью на спинке, похожим на бифасиальные остроконечники, что были найдены в раскопе (рис. 4) [Гимранов и др., 2017, рис. 15, 17]. Показательно, что эти изделия имеют асимметричный профиль, с плоской вентральной стороной, тогда как на дорсальной четко выделяется ребро. Сечение дистального (боевого) конца остроконечников из раскопа также асимметричное, уплощенное на вентральной стороне и с выступающим ребром на дорсальной стороне. Обломок подобного остроконечника (рис. 4, 3) [Гимранов и др., 2017, рис. 19] был найден в том же слое, что и описанный череп медведя с отверстием. Соответствие сечения и размеров остроконечников и отверстия на черепе медведя позволяет предполагать, что именно таким оружием был поражен зверь. Наиболее вероятно, остроконечник использовался в качестве наконечника копья. Сила древнего человека позволяла нанести удар копьем с близкого расстояния достаточный, чтобы пробить теменную часть черепа малого пещерного медведя. Данные орудия находят аналогии в среднепалеолитических памятниках Кавказского региона и Крыма. Аналогичные остроконечники присутствуют в коллекции верхнего культурного слоя грота Киик-Коба [Бонч-Осмоловский, 1940, табл. XI; XII, 1, 2; XVI, 4; XVII, 1, 2] и в 3 культурном слое стоянки Ильская в Прикубанье на Северном Кавказе [Щелинский, Кулаков, 2005, рис. 9, 10; 10, 6; 11, 6; 13, 8].

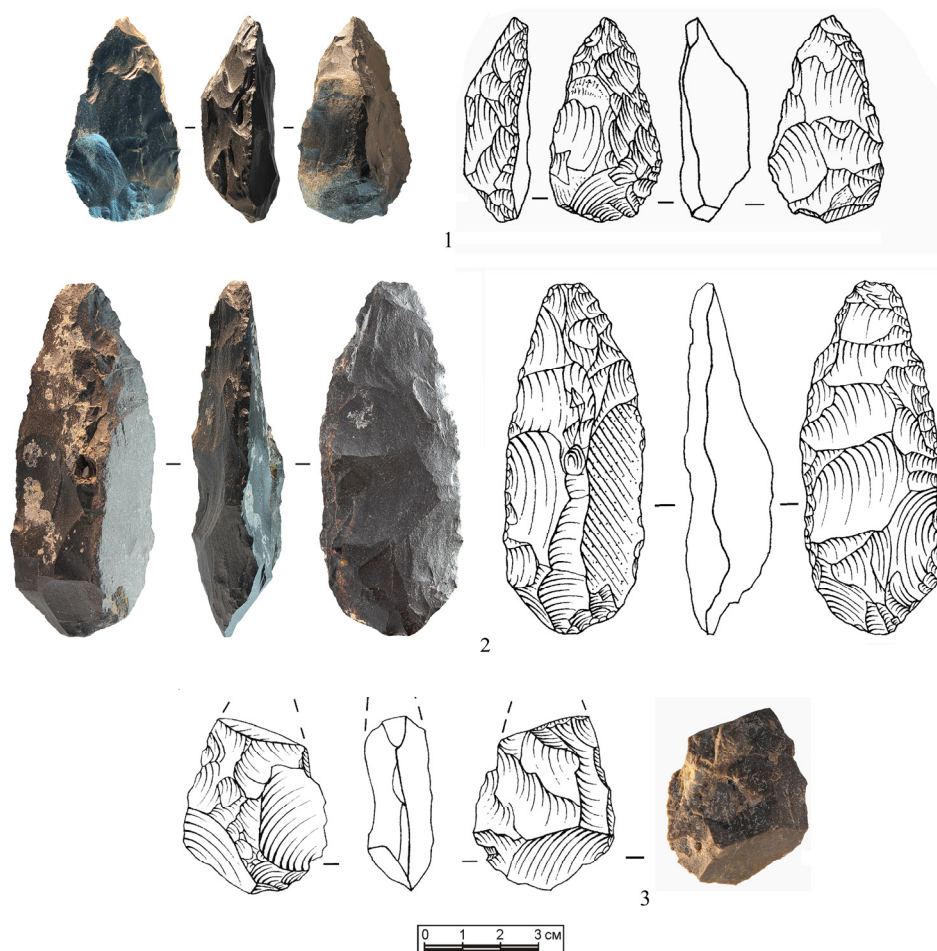

Рис. 4. Кремневые остроконечники из пещеры Иманай:
1, 2 — горизонты 1, 3; 3 — горизонт 8, в котором был найден череп пещерного медведя с отверстием (рис. 2).

Fig. 4. Flint points from the Imanay cave:
1, 2 — levels 1, 3; 3 — level 8 where the cave bear skull (fig. 2) was found.

Выше было показано, что накопление и разрушение костей медведя и других видов происходило в результате действия естественных факторов. Череп с отверстием является единственным свидетельством воздействия человека на животных, захороненных в отложениях пещеры. Отсутствие костей со следами разделки туш медведя и добытия костного мозга, т.е. кухонных остатков, позволяет говорить о единичности этого «охотничьего» действия.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что череп с отверстием принадлежал малому пещерному медведю, погибшему зимой в возрасте 9–10 лет около 35 тыс. радиоуглеродных или 38 000 календарных лет назад. Причиной смерти, наиболее вероятно, послужил удар копьем с кремневым наконечником с бифасиальной обработкой в теменную часть головы. Животное было убито во время зимней спячки. Это первый установленный случай прямой охоты палеолитического человека на малого пещерного медведя.

Благодарности. Авторы благодарят рецензентов за рекомендации и замечания, которые позволили существенно улучшить текст. Авторы выражают благодарность директору Национального парка «Башкирия» В.М. Кузнецову и сотруднику Национального парка «Башкирия» Л.А. Султангареевой за помощь в организации исследовательских работ в пещере Иманай. Авторы благодарны работникам музея ИЭРиЖ УрО РАН за помощь в каталогизации и хранении палеозоологических коллекций из пещеры Иманай.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-74-00041).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барышников Г.Ф. Семейство медвежьих (Carnivora, Ursidae). СПб.: Наука, 2007. 542 с.
- Барышников Г.Ф. Обзор ископаемых останков позвоночных из плейстоценовых слоев Ахштырской пещеры (северо-западный Кавказ) // Труды ЗИН РАН. 2012. Т. 316. № 2. С. 93–138.
- Бонч-Осмоловский Г.А. Грот Киик-Коба. Палеолит Крыма. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. Вып. 1. 226 с.
- Верецагин Н.К. Охоты первобытного человека и вымирание плейстоценовых млекопитающих в СССР // Труды ЗИН АН СССР. 1971. Т. 49. С. 200–232.
- Гимранов Д.О., Котов В.Г., Румянцев М.М. Результаты комплексных исследований многослойной мустьерской стоянки в пещере Иманай-1 на Южном Урале // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 251–252.
- Гимранов Д.О., Котов В.Г., Румянцев М.М., Силаев В.И., Яковлев А.Г., Яковлева Т.И., Зеленков Н.В., Сотникова М.В., Девяшин М.М., Пластеева Н.А., Зарецкая Н.Е., Нурмухаметов И.М., Смирнов Н.Г., Косинцев П.А. Крупнейшее в Северной Евразии захоронение пещерных львов // Доклады Академии наук. 2018. Т. 482. С. 234–237. DOI: 10.1134/S0012496618050046
- Гимранов Д.О. Новые данные о гималайском медведе (*Ursus (Euarctos) thibetanus* G. Cuvier 1823, Carnivora, Ursidae) в плейстоцене Урала // Зоологический журнал. 2019. Т. 98. № 10. С. 1168–1176. DOI: 10.1134/S0044513419100076
- Жилин М.Г. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М.: Academia, 2004. 144 с.
- Жилин М.Г., Савченко С.Н., Косинская Л.Л., Сериков Ю.Б., Косинцев П.А., Александровский А.Л., Лаптева Е.Г., Корона О.М. Мезолитические памятники Горбуновского торфяника. М.; СПб.: Нестор-; История, 2020. 368 с.
- Завацкий Б.П. Определение возраста медведя по слоям в цементе корня зуба // Регистрирующие структуры и определение возраста млекопитающих: (Унификация методов определения возраста, оценка динамики численности млекопитающих). М.: Наука, 1984. С. 17–19.
- Зенин В.Н., Лещинский С.В., Золотарев К.В., Грутес П.М., Надо М.-Х. Геоархеология и особенности материальной культуры палеолитического местонахождения Луговское // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 1. С. 41–53.
- Клевезаль Г.А. Регистрирующие структуры млекопитающих в зоологических исследованиях. М.: Наука, 1988. 285 с.
- Клевезаль Г.А. Принципы и методы определения возраста млекопитающих. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2007. 283 с.
- Косинцев П.А., Воробьев А.А. Биология большого пещерного медведя (*Ursus spelaeus* Ros. et Hein.) на Урале // Мамонт и его окружение: 200 лет изучения. М.: ГЕОС, 2001. С. 266–278.
- Нужный Д.Ю. Розвиток мікролітичної техніки в кам'яному віці: Удосконалення зброї первісних мисливців. Київ: КНТ, 2008. 306 с.
- Праслов Н.Д. Мамонт в жизни палеолитического человека // Цитология. 1995. Т. 37. № 7. С. 634–635
- Синицын А.А., Степанова К.Н., Петрова Е.А. Новое прямое свидетельство охоты на мамонта из Костенок // Первобытная археология. 2019. № 1. С. 149–158. DOI: 10.31600/2658-3925-2019-1-149-158

Малый пещерный медведь (*Ursus ex gr. savini-rossicus*) как объект охоты древнего человека

- Щелинский В.Е., Кулаков С.А. Ильская мустьерская стоянка (раскопки 1920-х — 1930-х годов). СПб.: Европейский Дом, 2005. 96 с.
- Auguste P. La chasse à l'ours au Paleolithique moyen: Mythes, réalités et état de la question // Acts of the XIVth UISPP Congress. Belgium: University of Liège, 2003. P. 135–142.
- Cordier G. Blessures préhistoriques animales et humaines avec armes ou projectiles conservés // Bulletin de la Société préhistorique française. 1990. Vol. 87. P. 462–482.
- Craighead J.J., Craighead F.C., McCutchen H.E. Age determination of Grizzly Bears from fourth premolar tooth sections // The Journal of Wildlife Management. 2014. Vol. 34. No. 2. P. 353–363.
- Germonpre M., Hamalainen R. Fossil Bear bones in the Belgian Upper Paleolithic: the possibility of a proto bear-ceremonialism // Arctic Anthropology. 2007. Vol. 44. P. 1–30.
- Gimranov D.O., Kosintsev P.A. Quaternary large mammals from the Imanay Cave // Quaternary International. 2020. Vol. 546. P. 125–134. DOI: 10.1016/j.quaint.2020.01.014
- Kitagawa K., Kronneck P., Conard N.J., Munzel S.C. Exploring cave use and exploitation among cave bears, carnivores and hominins in the Swabian Jura, Germany // Journal of Taphonomy. 2012. Vol. 10. P. 439–461.
- Kosintsev P.A., Gasilin V.V., Gimranov D.O., Bachura O.P. Carnivores (Mammalia, Carnivora) of the Urals in the Late Pleistocene and Holocene // Quaternary International. 2016. Vol. 420. P. 145–155.
- Kurtén B. The cave bear story. N. Y.: Columbia University Press, 1976. 163 p.
- Miracle P.T. The Krapina Paleolithic site: Zooarchaeology, taphonomy and catalog of the faunal remains. Zagreb: Croatian Natural History Museum, 2007. 345 p.
- Mondanaro A., Di Febbraro M., Melchionna M., Carotenuto F., Castiglione S., Serio C., Danisi S., Rook L., Diniz-Filho J.A.F., Raia P. Additive effects of climate change and human hunting explain population decline and extinction in cave bears // Boreas. 2019. Vol. 48. P. 605–615. DOI 10.1111/bor.12380
- Munzel S.C., Langguth K., Conard N., Uerpmann H.P. Hohlenbärenjagd auf der Schwabischen Alb vor 30.000 Jahren // Archäologisches Korrespondenzblatt. 2001. Vol. 31. P. 317–328.
- Musil R. *Ursus spelaeus* — der Hohlenbär. Thüringens: Weimer, 1980. 97 p.
- Nikolskiy P., Pitulko V. Evidence from the Yana Palaeolithic site, Arctic Siberia, yields clues to the riddle of mammoth hunting // Journal of Archaeological Science. 2013. Vol. 40. P. 4189–4197. DOI: 10.1016/j.jas.2013.05.020
- Pitulko V., Nikolskiy P., Basilyan A., Pavlova E. Human habitation in the Arctic Western Beringia prior the LGM // K.E. Graf, C.V. Ketron, M.R. Waters (Eds.). *Paleoamerican Odyssey*. CSFA, Dept. of Anthropology, Texas A&M University, 2013. P. 13–44.
- Pitulko V.V., Tikhonov A.N., Pavlova E.Y., Nikolskiy P.A., Kuper K.E., Polozov R.N. Early human presence in the Arctic: Evidence from 45,000-year-old mammoth remains // Science. 2016a. Vol. 351. P. 260–263. DOI: 10.1126/science.aad0554
- Pitulko V.V., Pavlova E.Y., Basilyan A.E. Mass accumulations of mammoth (mammoth 'graveyards') with indications of past human activity in the northern Yana-Indighirka lowland, Arctic Siberia // Quaternary International. 2016b. Vol. 406. P. 202–217. DOI: 10.1016/j.quaint.2015.12.039
- Pitulko V., Pavlova E., Nikolskiy P. Revising the archaeological record of the Upper Pleistocene Arctic Siberia: Human dispersal and adaptations in MIS 3 and 2 // Quaternary Science Reviews. 2017. Vol. 165. P. 127–148. DOI: 10.1016/j.quascirev.2017.04.004
- Praslov N. Outils de chasse du Paleolithique de Kostenki // Anthropologie et Préhistoire. 2000. Vol. 111. P. 37.
- Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Ramsey C.B., van der Plicht J. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP // Radiocarbon. 2013. Vol. 55. P. 1869–1887. DOI: 10.2458/azu_js_rc.55.16947
- Romandini M., Terlato G., Nannini N., Tagliacozzo A., Peresani M. Bears and humans, a neanderthal tale. Reconstructing uncommon behaviors from zooarchaeological evidence in Southern Europe // JAS. 2018. Vol. 90. P. 71–91. DOI: 10.1016/j.jas.2017.12.004
- Smith G.M., Noack E.S., Behrens N.M., Ruebens K., Street M., Iovita R., Gaudzinski-Windheuser S. When Lithics Hit Bones: Evaluating the Potential of a Multifaceted Experimental Protocol to Illuminate Middle Palaeolithic Weapon Technology // Journal of Paleolithic Archaeology. 2020. Vol. 3. P. 126–156. <https://doi.org/10.1007/s41982-020-00053-6>
- Stiner M.C. Cave bear ecology and interactions with Pleistocene humans // *Ursus*. 1999. Vol. 11. P. 41–58.
- Turk I. Mousterian Bone Flute and Other Finds from Divje Babe I Cave Site in Slovenia. Ljubljana: Opera Instituti Archaeologici Sloveniae, 1997. 223 p.
- Wagner J., Čermák S. Revision of the early Middle Pleistocene bears (Ursidae, Mammalia) of Central Europe, with special respect to possible co-occurrence of spelaeoid and arctoid lineages // Bulletin of Geosciences. 2012. Vol. 87. P. 461–496. DOI: 10.3140/bull.geosci.1354
- Wilczyński J., Wojtal P., Svoboda J. Pavlovian hunters on the margin — archaeozoological analysis of the animal remains discovered at the Pavlov II site (1966–67 excavations) // Fossil Imprint. 2017. Vol. 73. P. 322–331. DOI: 10.2478/if-2017-0018
- Wojtal P. Zooarchaeological studies of the Late Pleistocene sites in Poland. Kraków: Institute of Systematics and Evolution of Animals, 2007. 189 p.
- Wojtal P., Wilczynski J., Nadachowski A., Münzel S.C. Gravettian hunting and exploitation of bears in Central Europe // Quaternary International. 2015. Vol. 359–360. P. 58–71. DOI: 10.1016/j.quaint.2014.10.017

Wojtal P., Svoboda J., Roblíčková M., Wilczyński J. Carnivores in the everyday life of Gravettian hunters-gatherers in Central Europe // Journal of Anthropological Archaeology. 2020. Vol. 59. 101171. DOI: 10.1016/j.jaa.2020.101171

Gimranov D.O.^a, Kosintsev P.A.^a, Bachura O.P.^a, Zhilin M.G.^b,
Kotov V.G.^c, Rumyantsev M.M.^c

^a Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch RAS
8 March st., 202, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation

^b Institute of Archaeology RAS
Dmitri Ulyanov st., 19, Moscow, 117292, Russian Federation

^c Institute of History, Language and Literature, UFRS RAS
prosp. Oktyabrya, 71, Ufa, 450054, Russian Federation

E-mail: djulfa250@rambler.ru (Gimranov D.O.); kpa1958@yandex.ru (Kosintsev P.A.);
olga@ipae.uran.ru (Bachura O.P.); mizhilin@yandex.ru (Zhilin M.G.);
kslav1@yandex.ru (Kotov V.G.); rumyantsevmike@rambler.ru (Rumyantsev M.M.)

Small cave bear (*U. ex gr. savini-rossicus*) as a game species of prehistoric man

Imanay Cave is located in the Southern Urals (53°02' N, 56°26' E), at 420 m.a.s.l. A 9.5 m² trench was excavated in the grotto in the inner part of the cave to examine the sediments. The accretion thickness was 1.2 m. The taphocoenosis of the Imanay Cave is of the Pleistocene age and contains about 10,000 specimens of bone remains of large mammals. They mostly belong to small cave bear (*U. ex gr. savini-rossicus*), and the remaining bones — to species of the mammoth faunal complex (*Lepus* sp., *Castor fiber*, *Marmota bobak*, *Canis lupus*, *Cuon alpinus*, *Vulpes vulpes*, *V. corsac*, *Meles* sp., *Gulo gulo*, *Martes* sp., *Mustela* sp., *Ursus kanivetz*, *U. arctos*, *U. thibetanus*, *Panthera* ex gr. *fossilis-spelaea*, *Mammuthus primigenius*, *Equus ferus*, *Coelodonta antiquitatis*, *Alces alces*, *Bison priscus*, *Saiga tatarica*, *Ovis ammon*). In the layer with the bones, Middle Paleolithic stone artifacts were found, including several bifacial points. These tools have analogies in the Middle Paleolithic sites of the Caucasus region and Crimea. During excavations of the cave, the skull of a cave bear with artificial damage was found. The study of the artificial perforation on the skull was the purpose of the present paper. On the basis of dimensional and morphological features, it was established that the skull belongs to a small cave bear (*U. ex gr. savini-rossicus*). The skull was directly AMS radiocarbon dated to 34 940 ± 140 BP, IGANAMS-5652. Analysis of the growth layers in the teeth revealed that the animal died in winter at an age of 9–10 years. Trace evidence analysis showed, that the hole in the parietal region of the skull was made by a sharp bifacial flint point similar to the Middle Paleolithic points found in the cultural layer of the cave. The animal was killed during winter hibernation, most probably by stabbing with a spear. This is the first direct evidence of human hunting of a small cave bear. With the abundance of cave bear bones, the skull with the hole in it is the only evidence of human impact on this animal. There are no bones with traces of butchering and harvesting of the bone marrow.

Key words: small cave bear, Late Pleistocene, Middle Paleolithic, hunting, South Urals, Imanay Cave.

REFERENCES

- Auguste P. (2003). La chasse à l'ours au Paléolithique moyen: Mythes, réalités et état de la question. In: M. Patou Mathis, H. Bocherens (Eds.). *Acts of the XIVth UISPP Congress*. Belgium: University of Liège, 135–142.
- Baryshnikov G.F. (2007). *Ursidae*. St. Petersburg: Nauka. (Rus.).
- Baryshnikov G.F. (2012). A review of fossil vertebrate remains from pleistocene layers of Akhstyrskaya Cave (north-west Caucasus). *Trudy Zoologicheskogo instituta RAN*, 316(2), 93–138. (Rus.).
- Bonch-Osmolovsky G.A. (1940). *Kiik-Koba Grotto. Paleolithic of the Crimea. Vol. 1*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the AS USSR. (Rus.).
- Cordier G. (1990). Blessures préhistoriques animales et humaines avec armes ou projectiles conservés. *Bulletin de la Société préhistorique française*, (87), 462–482.
- Craighead J.J., Craighead F.C., McCutchen H.E. (2014). Age determination of Grizzly Bears from fourth premolar tooth sections. *The Journal of Wildlife Management*, 34(2), 353–363.
- Germonpre M., Hamalainen R. (2007). Fossil Bear bones in the Belgian Upper Paleolithic: The possibility of a proto bear-ceremonialism. *Arctic Anthropology*, (44), 1–30.
- Gimranov D.O., Kotov V.G., Rumyantsev M.M. (2017). The Results of Comprehensive Studies of the Multi-Layer Mousterian Site in the Cave of Imanay-1 in the Southern Urals. In: A.P. Derevyanko, A.A. Tishkin (Eds.). *(XXI) Rossiyskiy arkheologicheskii kongress*. Barnaul: Izd-vo Altayskogo universiteta, 251–252. (Rus.).
- Gimranov D., Kotov V., Rumyantsev M., Silayev V., Yakovlev A., Yakovleva T., Zelenkov N., Sotnikova M., Devyashin M., Plasteeva N., Zaretskaya N., Nurmukhametov I., Smirnov N., Kosintsev P. (2018). A mass burial of fossil lions (Carnivora, Felidae, *Panthera* (Leo) ex gr. *fossilis-spelaea*) from the Eurasia. *Doklady Akademii Nauk*, (482), 234–237. DOI: 10.1134/S0012496618050046
- Gimranov D.O. (2019). New data on *Ursus* (Euarctos) *Thibetanus* G. Cuvier 1823 (Carnivora, Ursidae) of the Pleistocene Urals. *Zoologicheskii zhurnal*, 98(10), 1168–1176. (Rus.). DOI: 10.1134/S0044513419100076

Малый пещерный медведь (*Ursus ex gr. savini-rossicus*) как объект охоты древнего человека

- Gimranov D.O., Kosintsev P.A. (2020). Quaternary large mammals from the Imanay Cave. *Quaternary International*, (546), 125–134. DOI:10.1016/j.quaint.2020.01.014
- Kitagawa K., Kronneck P., Conard N.J., Munzel S.C. (2012). Exploring cave use and exploitation among cave bears, carnivores and hominins in the Swabian Jura, Germany. *Journal of Taphonomy*, (10), 439–461.
- Kleveval G.A. (1988). *Recording structures of mammals in zoological research*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Kleveval G.A. (2007). *Principal and methods of the age determination of mammals*. Moscow: KMK. (Rus.).
- Kosintsev P.A., Vorob'ev A.A. (2001). Biology of Large Cave Bear (*Ursus spelaeus* Ros. et Hein.) in the Ural Mountains. In: A.Yu Rozanov (Ed.). *Mamont i yego okruzheniye — 200 let izucheniya*. Moscow: GEOS Press, 266–278. (Rus.).
- Kosintsev P.A., Gasilin V.V., Gimranov D.O., Bachura O.P. (2016). Carnivores (Mammalia, Carnivora) of the Urals in the Late Pleistocene and Holocene. *Quaternary International*, (420), 145–155. DOI: 10.1016/j.quaint.2015.10.089
- Kurtén B. (1976). *The cave bear story*. New York: Columbia University Press.
- Miracle P.T. (2007). *The Krapina Paleolithic site: Zooarchaeology, taphonomy and catalog of the faunal remains*. Zagreb: Croatian Natural History Museum.
- Mondanaro A., Di Febbraro M., Melchionna M., Carotenuto F., Castiglione S., Serio C., Danisi S., Rook L., Diniz-Filho J.A.F., Raia P. (2019). Additive effects of climate change and human hunting explain population decline and extinction in cave bears. *Boreas*, (48), 605–615. DOI: 10.1111/bor.12380
- Munzel S.C., Langguth K., Conard N., Uerpmann H.P. (2001). Höhlenbärenjagd auf der Schwabischen Alb vor 30.000 Jahren. *Archäologisches Korrespondenzblatt*, (31), 317–328.
- Musil R. (1980). *Ursus spelaeus — der Höhlenbär*. Thuringens: Weimer.
- Nikolskiy P., Pitulko V. (2013). Evidence from the Yana Palaeolithic site, Arctic Siberia, yields clues to the riddle of mammoth hunting. *Journal of Archaeological Science*, (40), 4189–4197. DOI: 10.1016/j.jas.2013.05.020
- Nuzhny D.Yu. (2008). Development of microlithic technology in the Stone Age: Improvement of the First Worlders' Armor. Kiev: KNT. (Ukr.).
- Pitulko V., Nikolskiy P., Basilyan A., Pavlova E. (2013). Human habitation in the Arctic Western Beringia prior the LGM // In K.E. Graf, C.V. Ketron, M.R. Waters (Eds.). *Paleoamerican Odyssey*. CSFA, Dept. of Anthropology, Texas A&M University, 13–44.
- Pitulko V.V., Tikhonov A.N., Pavlova E.Y., Nikolskiy P.A., Kuper K.E., Polozov R.N. (2016a). Early human presence in the Arctic: evidence from 45,000-year-old mammoth remains. *Science*, (351), 260–263. DOI: 10.1126/science.aad0554
- Pitulko V.V., Pavlova E.Y., Basilyan A.E. (2016b). Mass accumulations of mammoth (mammoth 'graveyards') with indications of past human activity in the northern Yana-Indighirka lowland, Arctic Siberia. *Quaternary International*, (406), 202–217. DOI: 10.1016/j.quaint.2015.12.039
- Pitulko V., Pavlova E., Nikolskiy P. (2017). Revising the archaeological record of the Upper Pleistocene Arctic Siberia: Human dispersal and adaptations in MIS 3 and 2. *Quaternary Science Reviews*, (165), 127–148. DOI: 10.1016/j.quascirev.2017.04.004
- Praslov N.D. (1995). Mammoth in the life of a Paleolithic man. *Citology*, (37), 634–635.
- Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Ramsey C.B., van der Plicht J. (2013). IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP. *Radiocarbon*, (55), 1869–1887. DOI: 10.2458/azu_js_rc.55.16947
- Romandini M., Terlati G., Nannini N., Tagliacozzo A., Peresani M. (2018). Bears and humans, a neanderthal tale. Reconstructing uncommon behaviors from zooarchaeological evidence in Southern Europe. *Journal of Archaeological Science*, (90), 71–91. DOI: 10.1016/j.jas.2017.12.004
- Shchelinsky V.E., Kulakov S.A. *Il'skaya mousterian site (excavations of the 1920s–1930s)*. St. Petersburg: European House, 2005. (Rus.).
- Sinitsyn A.A., Stepanova K.N., Petrova E.A. (2019). New direct evidence of mammoth hunting from Kostenki. *Pervobytnaya arkheologiya*, (1), 149–158. (Rus.). DOI: 10.31600/2658-3925-2019-1-149-158
- Smith G.M., Noack E.S., Behrens N.M., Ruebens K., Street M., Iovita R., Gaudzinski-Windheuser S. (2020). When Lithics Hit Bones: Evaluating the Potential of a Multifaceted Experimental Protocol to Illuminate Middle Palaeolithic Weapon Technology. *Journal of Paleolithic Archaeology*, (3), 126–156. <https://doi.org/10.1007/s41982-020-00053-6>
- Stiner M.C. (1999). Cave bear ecology and interactions with Pleistocene humans. *Ursus*, (11), 41–58.
- Turk I. (1997). *Mousterian Bone Flute and Other Finds from Divje Babe I Cave Site in Slovenia*. Ljubljana: Opera Instituti Archaeologici Sloveniae.
- Vereshchagin N.K. (1971). Prehistoric hunting and the extinction of pleistocene mammals in the USSR. *Trudy Zoologicheskogo instituta AN SSSR*, (49), 200–232. (Rus.).
- Wagner J., Čermák S. (2012). Revision of the early Middle Pleistocene bears (Ursidae, Mammalia) of Central Europe, with special respect to possible co-occurrence of speloid and arctoid lineages. *Bulletin of Geosciences*, (87), 461–496. DOI: 10.3140/bull.geosci.1354

Wilczyński J., Wojtal P., Svoboda J. (2017). Pavlovian hunters on the margin — archaeozoological analysis of the animal remains discovered at the Pavlov II site (1966–67 excavations). *Fossil Imprint*, (73), 322–331. DOI: 10.2478/if-2017-0018

Wojtal P. (2007). *Zooarchaeological studies of the Late Pleistocene sites in Poland*. Kraków: Institute of Systematics and Evolution of Animals.

Wojtal P., Wilczynski J., Nadachowski A., Münzel S.C. (2015). Gravettian hunting and exploitation of bears in Central Europe. *Quaternary International*, (359–360), 58–71. DOI: 10.1016/j.quaint.2014.10.017

Wojtal P., Svoboda J., Roblíčková M., Wilczyński J. (2020). Carnivores in the everyday life of Gravettian hunters-gatherers in Central Europe. *Journal of Anthropological Archaeology*, (59), 101171. DOI: 10.1016/j.jaa.2020.101171

Zavatsky B.P. (1984). Determination of the age of bear in layers in the cement of the tooth root. In: A.V. Yablokov, V.G. Safonov (Eds.). *Registriruyushchiye struktury i opredeleniye vozrasta mlekopitayushchikh: (Unifikatsiya metodov opredeleniya vozrasta, otsenka dinamiki chislennosti mlekopitayushchikh)*. Moscow: Nauka, 22–25. (Rus.).

Zenin V.N., Leshchinskiy S.V., Zolotarev K.V., Grootes P.M., Nadeau M.J. (2006). Lugovskoe: Geoarchaeology and culture of a paleolithic site. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii*, (1), 41–53. (Rus.).

Zhilin M.G. (2004). *Environment and economy of the Mesolithic population of the Center and North-West of the forest zone of Eastern Europe*. Moscow: Academia. (Rus.).

Zhilin M.G., Savchenko S.N., Kosinskaya L.L., Serikov Yu. B., Kosintsev P.F., Alexandrovskiy A.L., Lapteva E.G., Korona O.M. (2020). *Mesolithic sites of the Gorbunovo peat bog*. Moscow and St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (Rus.).

Гимранов Д.О., <https://orcid.org/0000-0002-9592-5211>

Косинцев П.А., <https://orcid.org/0000-0002-0973-7426>

Бачура О.П., <https://orcid.org/0000-0002-4865-5167>

Жилин М.Г., <https://orcid.org/0000-0002-3891-2959>

Котов В.Г., <https://orcid.org/0000-0002-3510-0058>

Румянцев М.М., <https://orcid.org/0000-0003-2787-3074>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 25.02.2021

Article is published: 28.05.2021

Дураков И.А., Мыльникова Л.Н. *

Институт археологии и этнографии СО РАН
просп. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090

E-mail: idurakov@yandex.ru (Дураков И.А.); L.Mylnikova@yandex.ru (Мыльникова Л.Н.)

БРОНЗОЛИТЕЙНЫЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ УЧАСТКИ ПОСЕЛЕНИЯ ВЕНГЕРОВО-2 (БАРАБИНСКАЯ ЛЕСОСТЕПЬ)

Представлена характеристика производственных участков, связанных с обработкой цветных металлов, поселения кротовской культуры Венгерово-2. Выявлено их единообразие по планировке и принципам организации производства, но отмечено различие в масштабах. Зафиксировано использование двух типов горнов. Плавка осуществлялась при искусственном нагнетании воздуха. Разливка металла происходила рядом с горном. Специфика и унификация изготовления производственного оборудования, характер проводившихся работ, объем плавов, большое количество однотипных форм позволяют говорить о специализации поселка на бронзолитейном производстве.

Ключевые слова: кротовская культура, Барабинская лесостепь, Западная Сибирь, бронзолитейные участки, производство, технология.

Введение

Металлообрабатывающее производство является основой экономики культур эпохи ранней — развитой бронзы. Его становление в лесостепной Барабе связано с одиновской культурой, хотя находки изделий из бронзы зафиксированы также в памятниках усть-тартасской культуры [Молодин, 2019, с. 178].

Завершение формирования раннего бронзолитейного производства и появление изделий сейминско-турбинского типа следует отнести к кротовской культуре. Основной массив памятников этой культуры, с учетом калиброванных радиоуглеродных дат, датируется в пределах III — начала II тыс. до н.э. [Молодин и др., 2011; Молодин, Гришин, 2016]. Жилище № 5 поселения Венгерово-2 датируется по 2σ: 1770–1510 л. до н.э. (СО АН-900), 2040–1730 л. до н.э. (СО РАН 9001), 2140–1690 л. до н.э. (СО АН-9002), 2020–1750 л. до н.э. (СО АН-9003) [Молодин и др., 2013]. Более поздняя хронологическая позиция кротовских памятников по сравнению с одиновскими фиксируется стратиграфически. Например, прослежены перекрытия кротовскими погребениями одиновских на могильнике Тартас-1 [Молодин и др., 2011], строения кротовского поселения Абрамово-10 перекрывают одиновский могильник Абрамово-11. Но есть свидетельства и их одновременного сосуществования на определенном отрезке времени [Молодин и др., 2017].

В настоящий момент выделены четыре типа памятников кротовской культуры со следами бронзолитейного производства: 1) с бронзолитейными участками на поселениях (Венгерово-2); 2) погребения литейщиков (Тартас-1, Сопка-2, Ростовка) [Матющенко, Сеницына, 1988; Молодин, Гришин, 2016; Molodin, Durakov, 2018]; 3) «клады литейщиков» (Тартас-1) [Молодин и др., 2016]; 4) производственные участки на могильниках (Усть-Тартас-2) [Молодин и др. 2019]. Литейное оборудование представляет собой комплекс, имеющий аналогии в предшествующей культуре. Например, выявленные в кротовских материалах тигли делятся на два типа, каждый из которых имеет своего предшественника в одиновской культуре [Дураков, Кобелева, 2019]. Несмотря на то что в настоящее время кротовской культуре посвящено немало работ и отмечено, что на памятниках имеются бронзолитейные участки [Молодин, 1977, с. 62–63; Молодин и др., 2012; Стефанова, 1988, с. 66], специальные исследования данного вида источников крайне малочисленны.

Цель данной работы — на материалах поселения кротовской культуры Венгерово-2 представить характеристику производственных участков, связанных с обработкой цветных металлов.

Памятник Венгерово-2 является в настоящее время наиболее полно изученным поселением кротовской культуры Центральной Барабы. Он расположен на краю второй надпойменной террасы левого берега р. Тартас в Венгеровском р-не Новосибирской обл. [Молодин, Новиков, 1998; Троицкая и др., 1980]. Открыто в 1966 г. Т.Н. Троицкой [Троицкая и др., 1980]. Два первых жилища

* Corresponding author.

исследованы в 1973 и 1975 гг. В.И. Молодиным [Молодин, Полосьмак, 1978, с. 16], что позволило обосновать выделение кротовской археологической культуры. Раскопки были продолжены в 2011–2017 гг. Исследованная площадь в настоящее время достигла 2064 м². Изучены котлованы 10 жилищ и межжилищное пространство в большей части — сплошным раскопом (рис. 1).

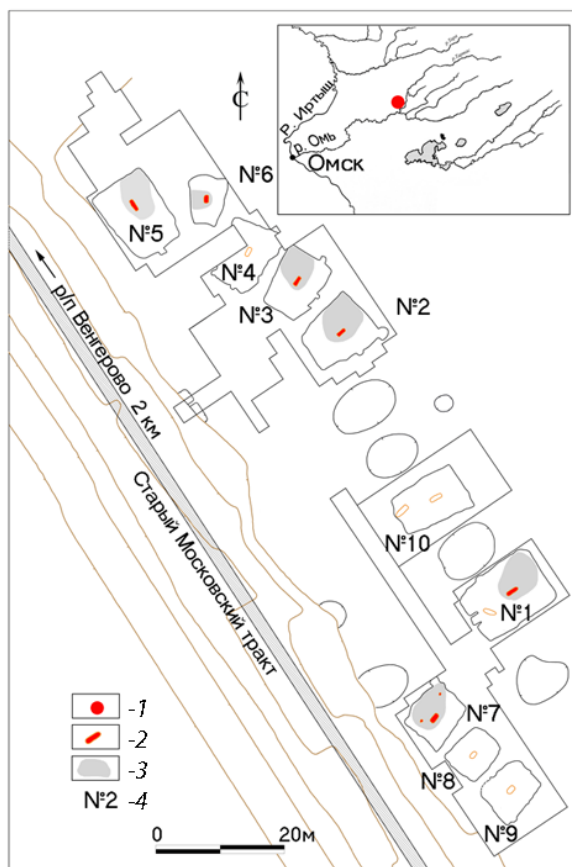

Рис. 1. Местонахождение и план поселения Венгерово-2 с исследованными участками:

1 — местонахождение памятника; 2 — теплотехнические сооружения; 3 — бронзолитейные участки; 4 — номер жилища.

Fig. 1. Location and plan of Vengerovo-2 settlement with investigated sites:

1 — the settlement location; 2 — heat engineering structures; 3 — bronze-casting sectors; 4 — dwelling number.

Характеристика участков

Бронзолитейные участки обнаружены в шести жилищах (№№ 1–3, 5–7). Следует отметить, что единичные находки производственного мусора (мелкие фрагменты форм, тиглей и ошлакованная техническая керамика) были сделаны и в остальных строениях, однако зафиксировать в них следы постоянной литейной деятельности не удалось.

Литейный производственный участок *жилища № 1*. Выявлен на уровне пола. Жилище представляло собой подпрямоугольную полуземлянку, ориентированную длинной осью по линии СВ–ЮЗ. Размеры котлована 12,5×9,5–10 м, общая площадь 123,5 м². Глубина — от 0,2 до 0,27 м. Стенки отвесные, дно ровное. Вдоль стен и в центре котлована прослежен ряд ям от опорных столбов каркаса жилища. Их диаметр 0,25–0,45 м, глубина — 0,07–0,42 м.

В середине юго-западной стенки расположен вход, обозначенный двумя материковыми выступами, длиной 1,5 и 1,3 м и шириной 0,35 м. Вся ограниченная выступами площадка выложена фрагментами керамики.

В жилище были сооружены два очага. Один из них расположен в предвходовой части. Это яма в форме вытянутого овала, ориентированного длинной осью по линии В–З. Размеры 2,15×0,76×0,52 м. Заполнение состояло из слоев прокаленной почвы, пепла и обломков керамики.

Второй очаг имел явное производственное назначение. Он находился в центральной части котлована и представлял собой углубление в виде вытянутого прямоугольника с сильно скруг-

ленными углами. Ориентирован по линии СВ–ЮЗ вдоль длинной оси жилища. Его размеры 2,15×0,75×0,52 м. Дно прокалено на глубину 0,1 м, выше залегал слой пепла, мощностью 0,16 м, перекрытый прокаленной оранжевой суглинистой супесью (0,15 см). В заполнении найдены обломки литейной формы, глиняные шарики, пряслица и диски, изготовленные из обломков керамики.

Бронзолитейный участок располагался между центральным очагом и северо-западной стенкой жилища. На этой площадке найдены фрагменты древесного угля, пепел и мелкие обломки кальцинированных костей. В северном углу котлована зафиксированы обломки двух керамических литейных форм для отливки крупного предмета. Судя по распространению производственного мусора, при литейных работах использовалось не менее четверти площади жилища, и в целом участок занимал 30–40 м².

Производственный участок на площади *жилища № 2*. Котлован жилища имел форму вытянутой трапеции, ориентированной длинной осью по линии СВ–ЮЗ. Размеры котлована 11×9–7 м, общая площадь достигала 192,6 м². Стенки отвесные, дно ровное, глубина от уровня материка колеблется в пределах 0,2–0,4 м. Вход в жилище конструктивно не оформлен и прослеживался только по выемке из фрагментов керамики у середины юго-западной стенки [Молодин, Полосьмак, 1978, с. 18].

В центре жилища располагался очаг, вокруг которого прослежены следы литейного производства. Он представлял собой яму подпрямоугольной формы, ориентированную по линии СВ–ЮЗ, размеры которой 1,5×0,5×0,27 м. Дно очажной ямы прокалено на глубину 0,1 м, выше лежал слой пепла, мощностью 0,17 м. На производственное назначение очага указывают найденные в его заполнении ошлакованные обломки не менее чем двух тиглей.

В котловане зафиксированы также две изготовленные из фрагментов бытовой керамики формы для отливки шильев или крупных игл. Отливавшиеся изделия — трехгранные в сечении, длиной не менее 3 см. Обе формы имеют по три рабочие камеры и предназначены для отливки нескольких изделий одновременно [Молодин, Полосьмак, 1978, с. 24–25, рис. 4, 8]. Здесь же найдены формы для отливки миниатюрных предметов в виде вытянутых овалоидов. Рабочая камера одной из них несет следы длительного использования в виде ошлаковки поверхности.

Производственный участок *жилища № 3* (рис. 2). Котлован имел форму прямоугольника, ориентированного длинной осью по линии С–Ю. Его размеры 10,1×7,5 м, общая площадь — 70,7 м². Глубина от уровня материка — 0,2–0,3 м. Стенки прямые отвесные, пол ровный, с небольшим понижением к краям котлована. Вдоль его стен и в центре прослежены столбовые ямы диаметром 0,15–0,3 м, глубиной 0,15–0,37 м.

Бронзолитейный участок занимал центральную и северо-западную часть котлована (рис. 2, 1). В центре жилища расположен плавильный очаг (рис. 2, 2). Он представлен ориентированной по линии север — юг подпрямоугольной ямой. Верхняя часть заполнения очага состояла из буро-коричневой прокаленной супеси (мощностью 0,15 м). Ниже находился золистый слой пепельно-болотного цвета (0,1–0,12 м). У южной стенки фиксировался участок темно-серой золистой супеси. Дно и стенки очажной ямы прокалены на 0,1–0,12 см. В заполнении обнаружено большое количество мелких жженных костей. Зафиксировано, что отсутствуют угли и сажистые прослойки. Это дает возможность предполагать, что единственным видом топлива (по крайней мере, на финальной стадии функционирования) служили кости животных.

В заполнении очага выявлены большое количество фрагментов керамики, глиняные шарики (рис. 2, 9, 16), обломки двух налепных ручек от льячек (рис. 2, 15, 17), керамические диски и бруски, фрагменты костяных наконечников стрел. Здесь же найдены фрагменты тиглей (рис. 2, 3–6), в том числе двух сложносоставных. Один из них находился в северо-западной части очага (кв. Д/8). Тигель представлял собой стенку со сливом, укрепленную на фрагменте керамики. Он изготовлен из хорошо отмученной глины с добавлением скорлупы яиц и небольшого количества органики. Максимальная высота стенки 2,7 см, минимальная — 0,16 см. Фрагмент второго тигля обнаружен в юго-восточной части очага в квадрате Д/9. Это обломок стенки высотой 2,7 см. По строению аналогичен предыдущему. Изготовлен из глины с добавлением скорлупы яиц и органики (мало).

В 2 м к югу от плавильного очага (кв. Г/11) найден фрагмент створки литейной формы. Сохранились спинка и разъем створки. Форма вылеплена на модельной плите из формовочной смеси, в состав которой, кроме суглинка, входили шамот, дробленые кости, сухая глина. Обжиг формы произведен при восстановительном режиме с очень быстрым охлаждением после окончания операции.

Следы бронзолитейного производства прослеживаются и на пространстве между очагом и северо-западным углом жилища: на этой площади рассеяны жженные кости, явно рассыпанные при чистке очага. У северной стенки выявлено скопление, в которое входили фрагменты стенок бытовой керамики со следами ошлаковки, абразивы, а также большое количество жженных кос-

тей. Здесь же найдены обломки тигля (кв. Ж/6), один обломок этого же изделия найден в заполнении очага (кв. Д/9). Тигель реконструируется практически полностью и представляет собой чашечку каплеобразной формы, закрепленную в овальном глиняном корпусе, служащем внешней оболочкой изделия. Размеры изделия 11,2×8,1 см по верхнему краю при максимальной высоте стенки 4,1 см [Молодин и др., 2012, с. 111, 112, рис. 8, 9].

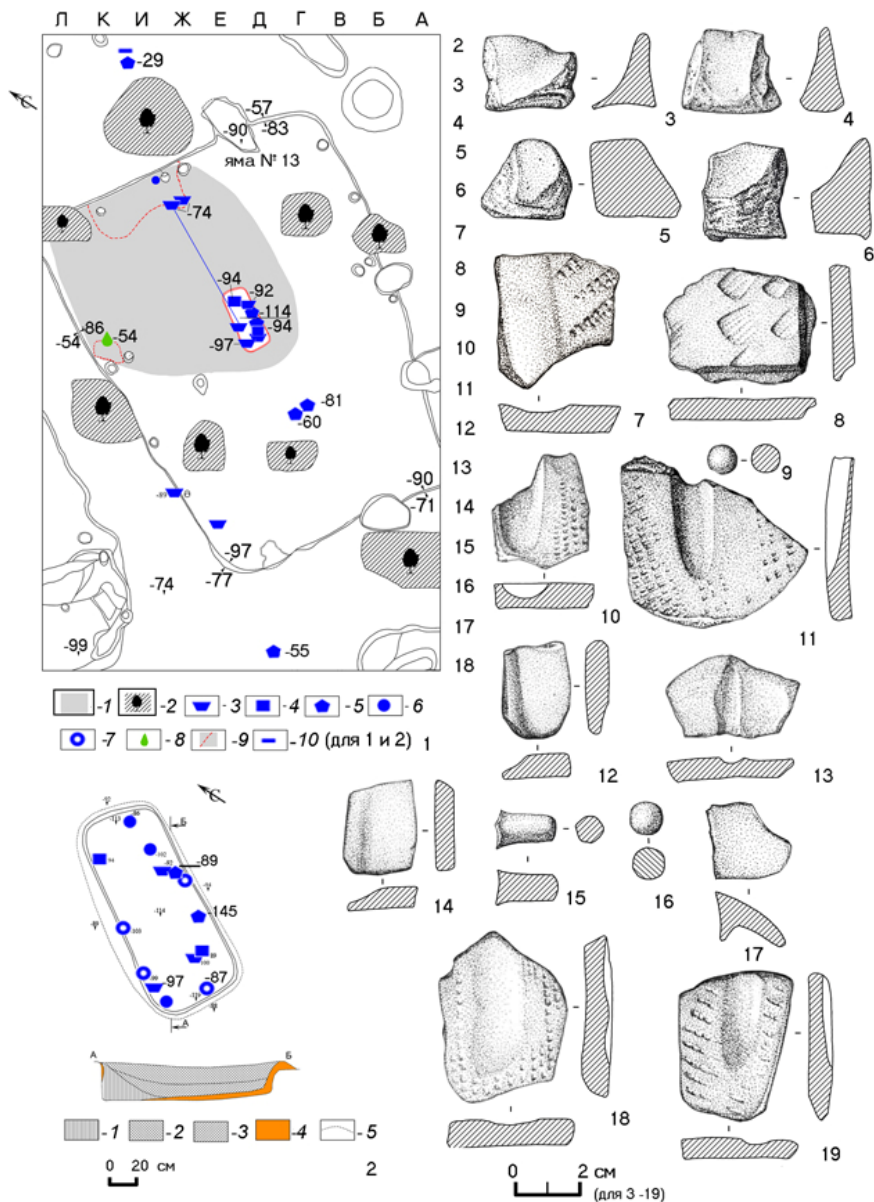

Рис. 2. Производственный участок жилища № 3 с находками:

1 — план жилища: 1 — площадь производственного участка; 2 — нераскопанные участки; 3 — тигель; 4 — фрагмент ручки льячки; 5 — литейная форма; 6 — шарик; 7 — диск; 8 — капля бронзы (бронзовый лом); 9 — скопление костей животных; 10 — глиняный стержень. 2 — план и разрез теплотехнического устройства: 1 — буро-коричневая прокаленная супесь; 2 — золистая пепельно-болотная супесь; 3 — темно-серая золистая супесь; 4 — оранжевая прокаленная супесь; 5 — граница прокала. 3–6 — фрагменты тиглей из глины; 7, 8, 10–14, 18, 19 — литейные формы на фрагментах керамики; 9, 16 — глиняные шарики; 15, 17 — ручки льячек из глины.

Fig. 2. Dwelling № 3 production sector with finds:

1 — dwelling plan: 1 — production area; 2 — unexcavated sections; 3 — crucible; 4 — fragment of the smelting ladle handle; 5 — casting form; 6 — glob; 7 — disk; 8 — drop of bronze (bronze scrap); 9 — animal bones accumulation; 10 — clay rod. 2 — plan and section of a heat engineering structure: 1 — brown-brown calcined sandy loam; 2 — ash ash-marsh sandy loam; 3 — dark gray ash sandy loam; 4 — orange calcined sandy loam; 5 — core line. 3–6 — fragments of clay crucibles; 7, 8, 10–14, 18, 19 — casting molds on ceramic fragments; 9, 16 — clay globs; 15, 17 — clay smelting ladle handles.

Бронзолитейные производственные участки поселения Венгерово-2 (Барабинская лесостепь)

У западной стенки котлована (кв. К/9), в скоплении производственного мусора найден медный сплеск. В юго-западном углу жилища (кв. Е/14) обнаружен фрагмент тигля со следами воздействия металла. Тигель подовальной формы, сложносоставной, максимальная высота стенки 3 см, край венчика ошлакован. Формовочная масса изделия составлена из глины с добавлением скорлупы яиц.

К производственному участку, видимо, относится также врезанная в северную стенку котлована (кв. Д-Е/3-4) (см. рис. 2, 1) производственно-ритуальная яма № 13 с запасом костей животных. В ее заполнении обнаружены 7 ребер и грифельная кость лошади, тазовая кость бобра. Яма неправильной вытянутой формы. Ее размеры по верхнему абрису 1,6×0,87 м. Стенки ямы наклонные, дно неровное. Глубина увеличивается с севера на юг от 0,28 м до 0,85 м.

Общая площадь выявленного производственного участка достигает 22 м² и занимает около четверти полезного пространства сооружения.

Производственные отходы встречены и за пределами котлована жилища. Например, в кв. И/2 найден фрагмент стержня (сердечника), предназначенного для получения полости в объемной отливке. Изделие изготовлено из формовочной массы с добавлением минимального количества сухой глины и органики. Стержень обожжен в восстановительной среде и имеет насыщенный черный цвет. С площади анализируемого раскопа происходят также 10 обломков форм, выполненных на фрагментах керамики (рис. 2, 7, 8, 10–14, 18, 19): выточенные на фрагментах керамики овальные углубления разных размеров.

Производственный участок, зафиксированный в жилище № 5 (рис. 3). Котлован жилища имел форму вытянутой трапеции, ориентированной длинной осью по линии СЗ–ЮВ. Длина жилищной камеры 13 м, максимальная ширина 10 м, общая площадь — не менее 125 м². Стенки отвесные, дно слегка понижается от центра к краям. Глубина котлована от уровня материка — 0,2–0,29 м. В середине юго-восточной стены жилищной камеры сооружен вход в виде небольшого выступа. Его размеры 1×1,2 м, глубина — 0,12 м. Столбовые ямы располагались как у стен жилища, так и в его центральной части. Диаметр их варьируется от 0,2 до 0,4 м, глубина от уровня материка достигает 0,48 м.

Очаг расположен в центре жилища. Он представлял собой яму подпрямоугольной формы, ориентированную по линии СЗ–ЮВ, параллельно длинным стенам котлована. Размеры очажной ямы 2,3×0,9 м, глубина от уровня материка достигает 0,45 м.

Заполнение очага неоднородное. В верхней части фиксировался слой темно-серой мешаной супеси с углистыми и прокаленными включениями с линзами песочно-серой легкой золистой супеси (при высыхании приобрел оранжевый оттенок). В центральной части отмечены насыщенно-черные углистые линзы с крупными фрагментами угля. У северо-западной стенки на уровне углистых линз находились остатки футеровки стенок очага — крупные фрагменты глиняной обмазки, а также обломки керамики, обмазанные глиной. Далее шел мощный (до 0,20 м) подстилающий слой серо-бурой золистой супеси с большим количеством кальцинированных костей. Ближе к дну слой был все более насыщен костями, в том числе крупными фрагментами. Почти все они представляют собой обломки дистальных отделов конечностей. Большинство (98 фрагментов) из определимых остатков принадлежали овце (*Ovis aries*), меньшая часть (37 ед.) — лисице (*Vulpes vulpes*). Найдено также 5 мелких обожженных позвонков рыб (определения к.б.н. С.К. Васильева).

По дну очажной ямы фиксировался прокал, особенно мощный в центре (до 0,10 м) и у северо-западной стенки (до 0,08 м). В меньшей степени прокалена юго-восточная стенка. В заполнении также обнаружены керамика, большое количество фрагментов глиняной обмазки, сформованные куски глины овальных и округлых очертаний, фрагменты литейных форм, обломки изделий на фрагментах керамики (рис. 3, 2–15), бронзовый сплеск (рис. 3, 16–19).

Основная производственная деятельность осуществлялась вокруг очага и между очагом и северо-западным углом жилища. На этой площадке зафиксированы мощная линза красно-оранжевой прокаленной супеси, образовавшейся при длительной чистке очага, фрагменты древесного угля, пепел, мелкие обломки кальцинированных костей, фрагмент бронзовой пластины (кв. f/21).

У северной стенки котлована (кв. h–g/22–23) обнаружено скопление производственного мусора (объект 2). Оно состояло из обломков керамики, рыбьей чешуи, комков обожженной глиняной обмазки, фрагмента бронзовой проволоки. Здесь же зафиксировано скопление костей животных: косули (5 экз. не менее чем от 2 особей), соболя (2/1), лося (2/1), лошади (10/2), овцы-козы (16/2). Единичными находками костей представлены лисица, собака и сайгак [Молодин и др., 2013, с. 279]. Большая часть определимых костей (261 не менее чем от 6 особей) принадлежало лесной кунице (*Martes martes*). Присутствуют практически все элементы скелета, начиная от фрагментов черепа, нижней челюсти, позвонков и ребер и заканчивая метаподиями и фалангами. При-

мечательно, что на всей остальной площади жилища № 5 обнаружено всего две кости куницы — астрагал и пяточная кость, обе от одной особи. Возможно, описанное выше скопление связано с обеспечивающими бронзолитейное производство ритуальными действиями.

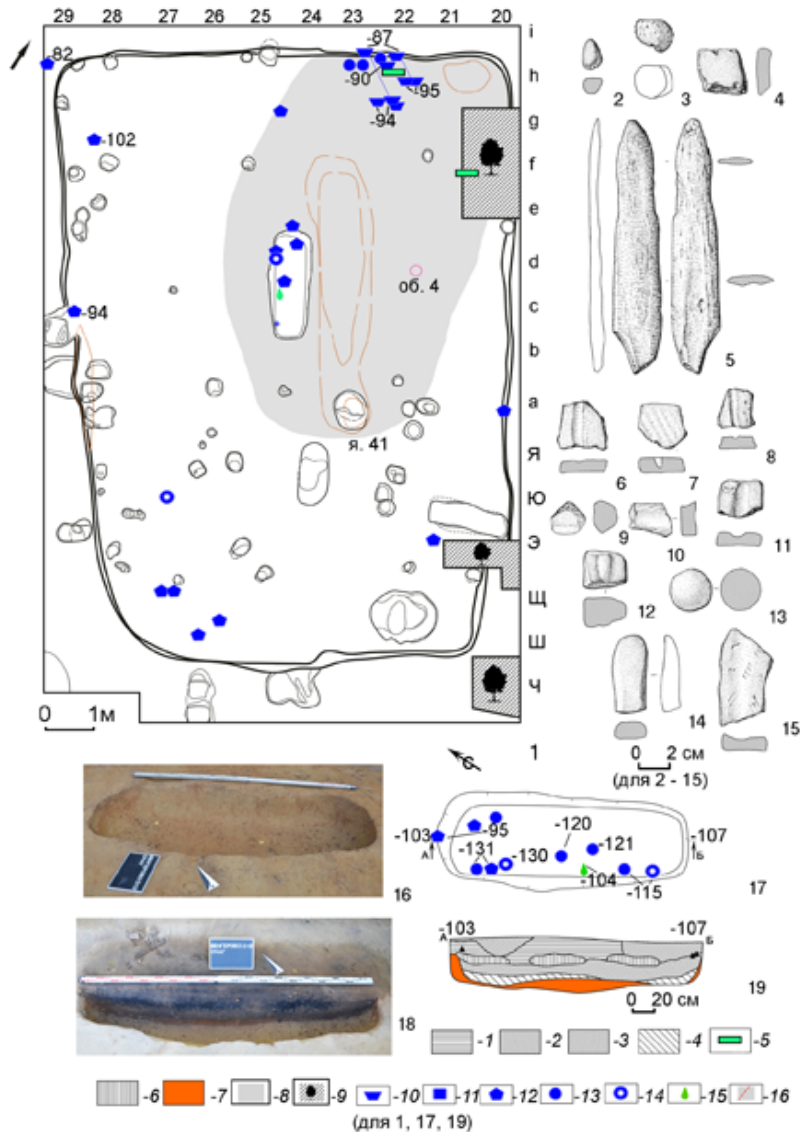

Рис. 3. Производственный участок жилища № 5 с находками:

1 — план жилища; 2 — глиняная ручка льячки; 3, 13 — глиняный шарик; 4 — тигель; 5 — костяное изделие; 6–12, 14, 15 — формы на фрагментах сосудов; 16, 17 — фото и план очага; 18, 19 — фото и рисунок разреза очага: 1 — мешаная темно-серая супесь с углистыми и прокаленными включениями; 2 — песочно-серая (при высыхании с оранжевым отливом) легкая золистая супесь; 3 — рыхлая золистая серо-бурая супесь с фрагментами кальцинированных костей; 4 — рыхлая золистая серо-бурая супесь с крупными фрагментами костей; 5 — бронзовый лом; 6 — черные углистые линзы с крупными фрагментами углей; 7 — кирпично-красная прокаленная супесь; 8 — площадь производственного участка; 9 — нераскопанные участки; 10 — тигель; 11 — ручка льячки; 12 — литейная форма; 13 — глиняный шарик; 14 — диск на фрагменте сосуда; 15 — капля бронзы (сплеск); 16 — скопление костей животных.

Fig. 3. Dwelling № 5 production sector with finds:

1 — dwelling plan; 2 — clay smelting ladle handle; 3, 13 — clay glob; 4 — crucible; 5 — bone product; 6–12, 14, 15 — forms on a vessels fragments; 16, 17 — photo and plan of the hearth; 18, 19 — photo and drawing of the hearth section: 1 — mixed dark gray sandy loam with carbonaceous and calcined inclusions; 2 — sandy gray (when dry with an orange tint) light ash sandy loam; 3 — loose ash gray-brown sandy loam with calcified bones fragments; 4 — loose ash gray-brown sandy loam with large fragments of bones; 5 — bronze scrap; 6 — black carbon lenses with large fragments of coal; 7 — brick red calcined sandy loam; 8 — production area; 9 — unexcavated sections; 10 — crucible; 11 — smelting ladle handle; 12 — casting form; 13 — clay glob; 14 — disc on a vessel fragment; 15 — drop of bronze (splash); 16 — animal bones accumulation.

Бронзолитейные производственные участки поселения Венгерово-2 (Барабинская лесостепь)

В этом же скоплении компактной кучей лежали обломки четырех сложносоставных тиглей со следами воздействия металла. Наиболее крупный из них представляет собой овальное кольцо, закрепленное на фрагменте бытовой керамики. Его диаметр 11–11,2 см, высота стенок 3,8 см. Особенностью данного изделия является изготовление стенок двойным лоскутным наложением, что хорошо читается в изломе изделия. Формовочная масса составлена из слабообожженной глины с добавлением песка, растительной органики, дробленой кости и шамота.

Второй тигель имел такие же конструктивные особенности. Его диаметр 8 см, высота стенок — 2,5 см. Изготовлен из формовочной массы, состоящей из глины с добавлением шамота и органики.

Третий тигель имел диаметр 7,5–8 см, высоту стенок 2,4 см, толщину — 1,3 см. Тесто подготовлено из глины с добавлением органики и шамота.

Четвертый тигель сохранился почти полностью. Он имел форму сильно вытянутого овала, длиной 10 см, шириной 6–6,5 см. Стенки очень низкие — 0,7–1 см. Их толщина 0,5–0,6 см. Формовочная масса составлена из слабообожженной (почти белой) глины с добавлением песка, шамота, дробленой кости и растительной органики.

Рядом с тиглями находился фрагмент литейной формы, тесто которой содержало слабообожженную глину, смешанную с органикой, шамотом и мелкодробленой костью. В скоплении также найдено костяное кинжаловидное орудие со следами окислов меди (рис. 3, 5). Изделие изготовлено из расколотой трубчатой кости животного. Длина его 16,4 см, максимальная ширина — 3,2 см. Конец приострен и залощен. Следует отметить, что подобные предметы были найдены в погребении литейщика могильника Сопка-2/4Б, В и интерпретируются как лопаточки для изготовления глиняных литейных форм [Молодин, Гришин, 2016, с. 251–252, рис. 401, 1, 2].

К производственному участку относится также расположенная в 1,5 м к юго-востоку от плавильного очага (кв. а/23) яма № 41. Она представляла собой овальное углубление размерами по верхнему абрису 0,65×0,82 м. Стенки пологие, дно ямы чашеобразное. Глубина от уровня материка — 0,11 м. Над ямой прослежена повторяющая ее форму линза прокаленной супеси. Заполнение ямы — прокаленная почва с вкраплениями угля, фрагменты жженных костей. Видимо, она служила для утилизации мусора, образовавшегося при чистке очага.

Производственный участок из жилища № 6. Котлован жилища имел форму трапеции, ориентированной длинной стороной по линии С–Ю. Его размеры 3,58×6×7,5 м, общая площадь — 48 м². Глубина от уровня материка 0,1–0,3 м. Стенки прямые, отвесные, пол ровный, с небольшим понижением к краям котлована. Несмотря на отсутствие явных признаков входа, можно предположить его наличие с южной стороны (все изученные на поселении постройки имели выходы внутрь поселка).

В центре жилища расположен плавильный горн. Он представлял собой яму подпрямоугольной формы, ориентированную по линии С–Ю, параллельно длинным стенам жилищной камеры. Его размеры по верхнему абрису 1,4×0,9 м, глубина от уровня пола жилища 0,4 м.

В заполнении обнаружены керамические «фишки», фрагменты керамики, формованные куски глины овальных и округлых очертаний, мелкие фрагменты кальцинированных костей, среди которых найдены сильно обожженный насад костяного наконечника стрелы и каменная ножевидная пластина. В результате использования в качестве топлива костей животных на дне сформировалась довольно мощная (0,10–0,15 м) прослойка плотной золистей массы, насыщенная мелкими кальцинированными костями. Большая прокаленность северной части очага указывает на расположение мехов у его южного края. Воздух нагнетался вдоль оси очажной ямы, создавая наибольшую область повышенной температуры у противоположной от мехов стенки.

Выявленный в жилище производственный участок занимал площадь в 12–14 м² и располагался между очагом и юго-западной стенкой жилища. На этом участке, у самой стенки котлована, найден развал сложносоставного тигля. Тигель представлял собой миниатюрную овальную чашечку, без дна, установленную на фрагмент керамики. Его размеры 5,5×4,5 см. Высота стенок 2–3,5 см (рис. 4, 1). Здесь же обнаружены обломки двух форм (рис. 4, 2).

Связанные с литейным делом производственные отходы зафиксированы и за пределами котлована жилища № 6. Например, в яме № 9 найдена заготовка тигля в виде чашечки, сформованной способом лоскутного наложения. Ее размеры 4,8–5 см, высота 2,7 см (рис. 4, 4). Рядом с жилищем обнаружено бронзовое изделие — нож-бритва. Орудие представляет собой длинную слегка изогнутую заточенную по периметру бронзовую пластину. Его длина — 7,8 см, ширина лезвия 2,2 см (рис. 4, 3). В качестве аналогий данному предмету можно привести серию находок из памятников сейминско-турбинского круга [Черных, Кузьминых, 1989, с. 105–106, рис. 61]. В Западной Сибири такие из-

делия найдены в комплексах памятника Сатыга-XVI [Кузьминых, 2011, с. 32, рис. 4.2.4] и погребениях кротовской культуры могильника Сопка-2/4Б, В [Молодин, Гришин, 2016, с. 245–246, рис. 390].

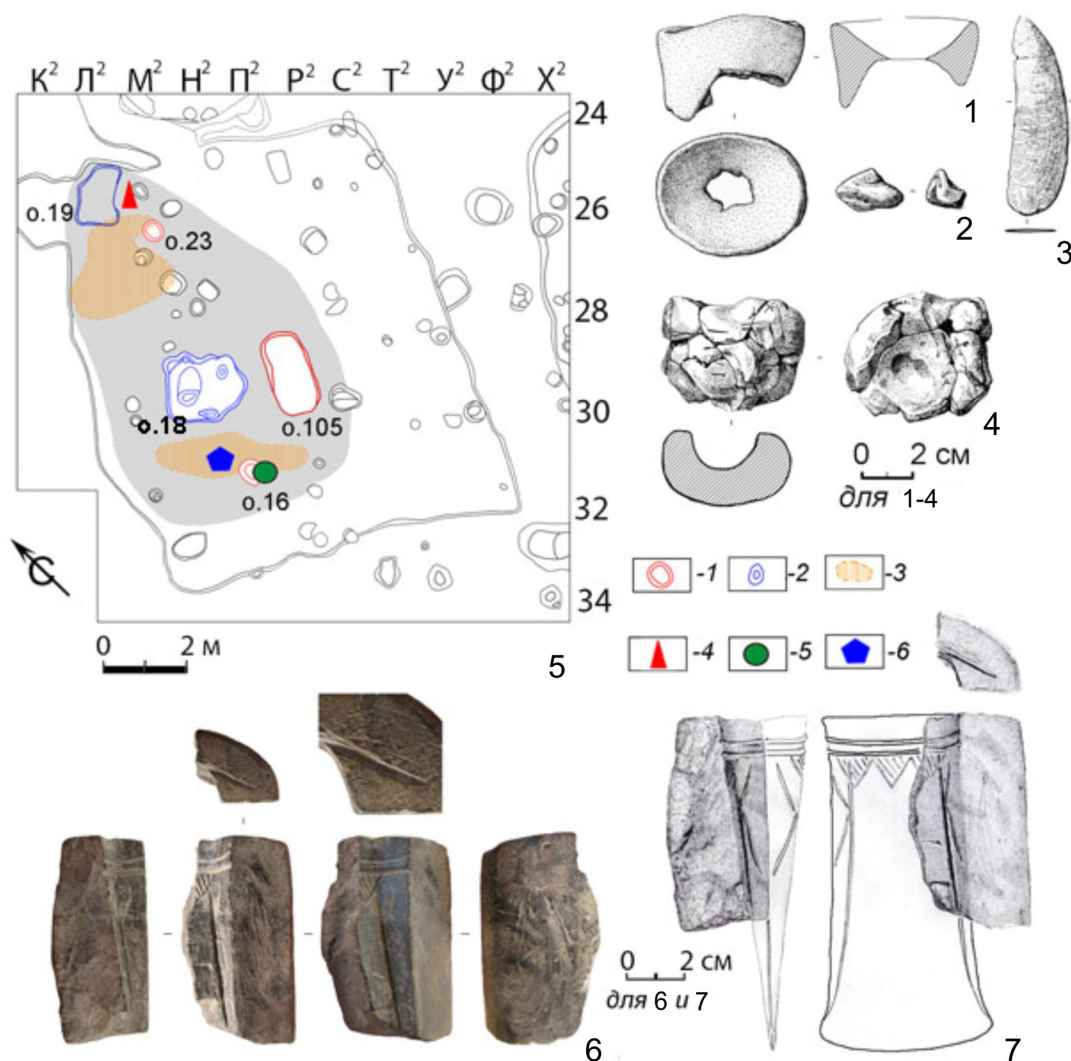

Рис. 4. Инвентарь производственной площадки жилища № 6 (1–4)

и производственная площадка жилища № 7 с инвентарем (5–7):

1 — чашечка и 4 — заготовка чашечки сложносоставного тигля; 2 — фрагмент литейной формы; 3 — бронзовый нож-бритва; 5 — площадь производственной площадки жилища № 7: 1 — очаг; 2 — хозяйственная яма; 3 — скопление отходов производства; 4 — каменная литейная форма; 5 — капля бронзы; 6 — каменная литейная форма кельта и 7 — его реконструкция.

Fig. 4. The production section of dwelling № 6 inventory (1–4) and the production section of dwelling № 7 (5–7): 1 — cup and 4 — semi-finished composite crucible cup; 2 — casting mold fragment; 3 — bronze razor knife; 5 — production area of dwelling № 7: 1 — hearth; 2 — midden; 3 — production waste accumulation; 4 — stone casting mold; 5 — drop of bronze; 6 — stone casting mold of celt and 7 — its reconstruction.

Производственный участок жилища № 7. Занимал большую часть жилища и состоял из многофункционального очага, двух специализированных плавильных горнов и двух ям для утилизации золы (рис. 4, 5). Котлован жилища имел форму прямоугольника, ориентированного длинной осью по линии С–Ю. Его размеры 8×6,45 м, общая площадь — 51,6 м², глубина от уровня материка 0,10–0,22 м. Стенки прямые, отвесные, пол ровный.

Очаг (объект № 105) представлял собой расположенную в центре жилища прямоугольную яму, размером 1,65×0,87 м, глубиной 0,21 м, заполненную пеплом, фрагментами горелых костей, обломками керамики, кусочками обожженной глины, среди которых найдены скол с орудия

Бронзолитейные производственные участки поселения Венгерово-2 (Барабинская лесостепь)

и абразив с желобком. Судя по заполнению, очаг использовался как для общебытовых (приготовление пищи, обогрев и освещение), так и для производственных операций.

В 1 м к юго-западу от центрального очага располагался специализированный плавильный горн с футеровкой глиной стенок и дна (объект № 16). Это небольшая яма каплеобразной формы, ориентированная длинной осью по линии С–Ю. Ее размеры 0,54×0,46 м, глубина от уровня материка — 0,16 м. Северная, западная и восточная стенки ямы — отвесные, южная — пологая, дно плавно понижается с юга на север. Слой глиняной обмазки, мощностью до 3 см, располагался по всей площади объекта, кроме выступа его южной части. Северная стенка, напротив выступа, обожжена сильнее, чем другие. По всей видимости, в южной части были установлены меха, и подаваемый ими поток воздуха достигал противоположной стенки, что создавало область наиболее высокой температуры. В заполнении теплотехнического устройства, кроме обожженной глины и угольков, найдена капля бронзы. Подобный тип горнов на памятниках кротовской культуры встречался и ранее, например в поселении Преображенка-3 [Молодин, 1985, с. 75].

Третий плавильный очаг (объект № 23) находился в северном углу жилища [Молодин и др., 2018, рис. 9]. Он представлял собой округлую яму, размером 0,4×0,38 м, глубиной 0,07 м. Северная, западная и восточная стенки ямы практически отвесные, южная — пологая, дно неровное, плавно понижается с юга на север на 0,05 м. Дно и стенки ямы были выложены фрагментами керамических сосудов. В заполнении найден мелкий фрагмент литейного стержня для отливки втульчатого орудия. В 0,6 м к северу от этого горна найден фрагмент каменной литейной формы для отливки кельта сейминско-турбинского типа (рис. 4, 6). Изделие имеет следы использования и, видимо, разрушилось в результате многократного термического воздействия. На фрагменте сохранилась часть негатива рабочей камеры. Реконструируемый по ней кельт (рис. 4, 7) имеет клиновидную форму, овально-уплощенную втулку и шестигранное сечение тулова. По верхнему краю орнаментирован рельефными валиками и пояском из штрихованных равнобедренных треугольников. По классификации Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых отливавшееся в форме изделия можно отнести к разряду К-12 или К-18 [1989, с. 46–55, рис. 10, 7, 8; 15, 1; 16, 4].

Кроме отмеченных горнов на площади бронзолитейного участка зафиксированы хозяйственные ямы для утилизации отходов производства и золы. Одна из них (объект № 18) имела форму неправильного пятиугольника с неровными стенками и округлыми углами. Ее размеры 1,55×1,25–1,4 м, глубина 0,13–0,17 м. Стенки наклонные. Дно неровное, в центре — приподнятое, в западной части — углубленное. Эта яма была полностью заполнена золой.

Вторая яма (объект № 19) имела форму подпрямоугольника с дуговидной северной и вогнутой южной стороной. Ее размеры 1,20×0,69–0,85 м, глубина 0,06–0,1 м. В заполнении ямы найдено 57 фрагментов керамики с венчиками от четырех сосудов, кости животных, среди которых находились обломки двух черепов и трех нижних челюстей лисицы, грифельная кость лошади, а также жаберная крышка, чешуя и кости рыбы, камень. Помещение в расположенную рядом с горном яму голов лисы имело явно ритуальный характер.

Таким образом, следы ритуальных действий с животными прослеживаются на трех (в жилищах №№ 3, 5 и 7) из шести бронзолитейных участках поселения. Захоронения жертвенных животных на площади кротовских литейных мастерских Центральной Барабы встречались и ранее. Например, в жилищах №№ 4 и 5 поселения Преображенка-3 рядом с плавильными горнами находились ямы с углем, фрагментами бронзы и черепами медведей [Молодин, 1977, с. 51]. Видимо, у населения кротовской культуры начинают складываться особые металлургические культы.

Аналогичное явление прослеживается и на соседних территориях. В Васюганье жертвенное захоронение собаки вместе с углем, бронзовым кинжалом и обломком сосуда найдено в жилище литейщика из поселения Тух-Эматор-IV [Кирюшин, Малолетко, 1979, с. 37, 169]. Погребение собаки зафиксировано также на территории литейной мастерской поселения самусьской культуры Крохалевка-1 [Молодин, Глушков, 1989, с. 117, рис. 59].

Выводы

Таким образом, выявленные на поселении бронзолитейные участки демонстрируют удивительное единообразие в планировке и принципах организации производства. Основная производственная активность фиксируется по рассеиванию производственного мусора: обломков форм, тиглей, жженных костей, угля и пепла, рассыпанных при чистке очага. Она, как правило, концентрируется вокруг очага в центре жилища и между очагом и стенкой котлована, противоположной входу. У этой стенки, под скосом кровли, видимо, хранилось литейное оборудование.

В трех случаях (жил. №№ 3, 5 и 6 поселения Венгерово-2) именно в этих местах найдены развалы археологически целых тиглей.

Для плавки металла на поселении использовалось два типа горнов. Первый — наиболее распространенный: заглубленный в землю многофункциональный подпрямоугольный очаг с футеровкой стен и дна фрагментами керамики или глиняной обмазкой. Размеры очажных ям колеблются в пределах 1,65×0,87–2,3×0,9 м. Глубина от уровня материка — 0,21–0,52 м. Такие горны присутствуют на всех литейных участках Венгерово-2. Кроме этого, их использование зафиксировано в литейных мастерских поселения Абрамово-10 [Молодин и др., 2018, с. 46–47, 49–51, рис. 3, 2; 7, 2; 9, 1–3]. Видимо, данный тип горна появился путем усложнения дополнительными элементами (футеровка стен и дна) бытового многофункционального очага.

Второй тип горна представляет собой небольшую круглую или овальную яму (0,4–0,5 м в диаметре) с дном и стенами, облицованными обожженной глиной или фрагментами керамики. Подобные горны встречены в литейной мастерской жилища № 7. Кроме этого их применение отмечается на поселении Преображенка-3, где как минимум в одном случае у такого очага удалось проследить и остатки глиняного свода [Молодин, 1977, с. 54; 1985, с. 75].

Судя по отмеченным выше особенностям — обожжения стенок горнов — плавка проводилась при искусственном нагнетании воздуха. Использование мехов кротовскими мастерами документируется находками каменных и керамических сопел в закрытых комплексах этой культуры [Молодин, Гришин, 2016, с. 247, рис. 394; Дураков, Кобелева, 2017, с. 24]. В качестве топлива широко использовались дробленые кости. При сжигании они горят медленнее, чем дерево, но при этом обладают большей теплоотдачей. Такое свойство было известно в древности и широко использовалось для усиления возможностей плавильных горнов в металлургическом производстве [Гришин, 1980, с. 94–95]. Разливка металла производилась рядом с горном, чаще всего у его западной или северо-западной стенки. Это место маркируется находками медных сплесков.

Найденная на производственном участке жилища № 7 форма для отливки сейминско-турбинского кельта свидетельствует об освоении кротовскими литейщиками способа изготовления этого типа орудий.

Площадь выявленных на поселении производственных участков зависит от размеров жилища и варьируется в пределах 22–48 м². Можно предположить, что на участке работала группа из 2–3 человек. Именно такое количество работающих в древневосточных мастерских зафиксировано на дошедших до нашего времени изображениях II тыс. до н.э. [Гришин, 1980, с. 101, рис. 17]. Исключением можно считать литейный участок жилища № 7. Он позволял одновременно использовать 2–3 горна, а число работников могло достигать 6–9 человек.

Масштабы производственной деятельности на выявленных участках сильно различаются. Как уже отмечалось, наиболее значительны они в жилище № 7. Следующими по интенсивности производства следует считать участки жилищ №№ 5 и 3. На это указывают находки в этих сооружениях сложных по конструкции составных тиглей, обломков крупных литейных форм. В жилищах №№ 1, 2 и 6 объемы производства, видимо, не превышали потребностей проживавших в них семей.

Исследованный на поселении, состоящий из нескольких мастерских, производственный комплекс демонстрирует значительные внешние хозяйственно-экономические связи. В первую очередь это проявляется в проникновении в безрудные районы Центральной Барабы значительных объемов цветного металла, достаточных для функционирования зафиксированных на памятнике литейных мастерских, а также в наличии явно импортного литейного оборудования в виде форм из мергеля и талька [Молодин, 1983, с. 101, рис. 4, 2; 5, 1]. На протяженность путей снабжения указывает одновременное присутствие в жилищах литейщиков костей животных таежной зоны (соболь, куница) и обитающих в южных, степных областях (сайгак). Следует также отметить преобладание на бронзолитейных участках костей пушных животных (в жилище № 5 они достигали 88,3 %) [Молодин и др., 2013, с. 279]. Видимо, пушнина в основном служила товаром в обменных операциях с металлом.

Неравномерность распространения производственных следов на поселении Венгерово-2 является признаком специализации внутри поселка и концентрации производства в руках отдельных семейных или клановых групп. Одновременное функционирование нескольких производственных участков на одном поселении на фоне существования полностью раскопанных памятников без следов металлообработки (например, Черноозерье IV) [Генинг, Стефанова, 1982] позволяет говорить об определенной специализации и всего поселения. На это же указывают и характер проводившихся на исследованных производственных участках бронзолитейных работ, объемы плавов, достигавшие, судя по размерам тиглей, 0,7–0,9 кг, большое количество однотипных форм для про-

Бронзолитейные производственные участки поселения Венгерово-2 (Барабинская лесостепь)

изводства стандартных слитков. Об этом же говорят специфика и явная унификация изготовления выявленного литейного оборудования. Почти на всех производственных участках использовались сложносоставные тигли на фрагментах керамики. Следует также отметить явные различия в рецептуре формовочных масс технической (тигли, форма, стержень) и бытовой керамики поселения даже в пределах одного жилища. Широко применялись специальные составы, включающие добавки органики, скорлупы яиц и дробленой кости. Добавка в формовочную массу кости, как правило, в древности вводилась для получения огнеупорного черепка [Гришин, 1980, с. 101, 128]. Выделение и обособление в кротовском обществе литейщиков документируется и подтверждается серией погребений с бронзолитейным инвентарем, зафиксированных на всех крупных могильниках этой культуры [Молодин, 1983, с. 96–109; Матющенко, Сеницына, 1988, с. 21–24, 46–47; Молодин, Гринин, 2016, с. 82–84, 144, 170–172].

Таким образом, наличие свидетельств бронзолитейного производства в ряде жилых сооружений поселения Венгерово-2 позволяет ставить вопрос о специализации такого рода деятельности в масштабах одного поселения, что чрезвычайно важно для социальной реконструкции общества у носителей кротовской культуры Западно-Сибирской лесостепи.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-09-40051.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозерье-IV — поселение кротовской культуры // Археологические исследования севера Евразии. Свердловск, 1982. С. 53–64.
- Гришин Ю.С. Древняя добыча меди и олова. М.: Наука, 1980. 186 с.
- Дураков И.А., Кобелева Л.С. Бронзолитейное производство как источник изучения миграционных процессов эпохи бронзы Западной Сибири // Мобильность и миграция: Концепции, методы, результаты. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 68–78. DOI: 10.17746/0301-5.2019.068-078
- Дураков И.А., Кобелева Л.С. Техническая керамика кротовской культуры Центральной Барабы // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 49. С. 23–25. DOI: 10.17223/19988613/49/4
- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. Томск: ТГУ, 1979. 182 с.
- Кузьминых С.В. Металлические изделия // Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2011. С. 32–36.
- Матющенко В.И., Сеницына Г.В. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. Томск: Изд-во ТГУ. 1988. 32 с.
- Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука. 1977. 174 с.
- Молодин В.И. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул, 1983. С. 96–109.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 199 с.
- Молодин В.И. Начало эпохи бронзы в лесостепном Обь-Иртышье: Усть-тартасская культура // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: Пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н.э. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2019. С. 175–181. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41195738>
- Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск: Наука, 1989. 168 с.
- Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. 452 с. DOI: 10.17746/7803-0299-5.2019
- Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С. «Клад литейщика» позднекротовской (черноозерской) культуры памятника Тартас-1 в лесостепной Барабе // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44. № 3. С. 79–86. DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.3.079-086
- Молодин В.И., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Производственный комплекс кротовской культуры на поселении Венгерово-2 (Барабинская лесостепь) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 5. С. 104–119. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17774957_42995736.pdf
- Молодин В.И., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Адаптация сейминско-турбинской традиции в культурах эпохи бронзы юга Западно-Сибирской равнины // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46. № 3. С. 49–58. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35562239>
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Борзых К.А., Иванова Д.П., Головкин П.С., Селин Д.В., Орлова Л.А., Васильев С.К. Конструктивные и планиграфические особенности жилища № 5 поселения кротовской культуры Венгерово-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. Т. XIX. С. 276–281. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21009349>
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Соловьев А.И. К периодизации культур эпохи бронзы Обь-Иртышской лесостепи: Стратиграфическая позиция погребальных комплексов ранней — развитой бронзы на памятнике Тартас-1 // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. № 3 (47). С. 40–56.

Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. Новосибирск: НПЦ по сохранению ист.-культур. наследия, 1998. 138 с. (Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России»; Вып. 3).

Молодин В.И., Полосмак Н.В. Венгерово-2 — поселение кротовской культуры // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск: Изд-во Томского университета, 1978. С. 17–29.

Молодин В.И., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Нестерова М.С., Ненахов Д.А., Дураков И.А., Идимешев А.А., Галямина Г.И., Назарова Л.В. Хозяйственно-производственные участки кротовской культуры на памятнике Усть-Тартас-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. XXV. С. 478–488.

Стефанова Н.К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири // ВИАУ. Свердловск: УрГУ, 1988. Вып. 19. С. 53–75.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск: Наука, 1980. 184 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии: (Сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

Molodin V.I., Durakov I.A. Late Krotovo (Cherno-Ozerye) Burials with Casting Molds from Tartas-1, Baraba Forest-Steppe // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2018. Vol. 46. Iss. 2. С. 25–34.

Durakov I.A., Mylnikova L.N.

Institute of Archeology and Ethnography Siberian Branch RAS

Acad. Lavrent'ev av., 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

E-mail: idurakov@yandex.ru (I.A. Durakov), L.Mylnikova@yandex.ru (L.N. Mylnikova)

Bronze-casting workshops of the Vengerovo-2 settlement (Baraba forest steppe)

The formation of the early bronze-casting production in Baraba and the appearance of products of the Seima-Turbino type were completed within the 3rd — early 2nd mil. BC — during the existence of the Krotovo Culture. Plenty of work has been devoted to its characterization; the presence of bronze-casting on the sites has been noted, but special studies of this type of sources are extremely few. The purpose of this paper is to present the characteristics of the production areas associated with the processing of non-ferrous metals, based on materials of the Vengerovo-2 settlement of the Krotovo Culture. Production sites were studied in six dwellings of the settlement. The uniformity of the workshops has been revealed in terms of site planning and principles of organization of the production, although differences in scale have been noted. The use of two types of the forges has been recorded. In all these workshops and in other sites of the culture, a multifunctional sub-rectangular hearth buried in the ground with the walls and floor lined with fragments of ceramics or clay coating was found (with dimensions of 1.65×0.87–2.3×0.9×0.21–0.52 m). The second type of the forges is less common — a small round or oval pit (0.4–0.5 m in diameter) with the bottom and walls lined with baked clay or fragments. The smelting was carried out with forced air supply. The casting of the metal was taking place next to the forge. Crushed bones were used as fuel. The production complex demonstrates extensive external economic and commercial ties. This is manifested by penetration of significant volumes of non-ferrous metal into the ore-barren areas of the Central Baraba, as well as by the presence of imported foundry equipment (molds made of marl and talc). The simultaneous presence inside the casters' dwellings of bones of taiga-zone animals and those living in the southern, steppe regions indicates significant length of the supply routes. The specific features and unification of the production of the manufacturing equipment, nature of the work carried out, volume of heats, and a large number of similar-type forms suggesting specialization of the village in the bronze casting production.

Key words: Krotovo Culture, Baraba forest steppe, Western Siberia, bronze-casting sectors, production, technology.

Funding. The study was supported by a grant from the Russian Foundation for basic research, project No. 18-09-40051.

REFERENCES

Chernykh E.N., Kuzminykh S.V. (1989). *Ancient metallurgy of Northern Eurasia: (Seyma-Turbino phenomenon)*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Durakov I.A., Kobleva L.S. (2017). Technical ceramics of the Krotovo culture of Central Baraba. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, (49), 23–25. (Rus.). DOI: 10.17223/19988613/49/4

Durakov I.A., Kobleva L.S. (2019). Bronzolithic production as a source of study of migration processes of the Bronze Age of Western Siberia. In: *Mobil'nost' i migratsiia: Kontseptsii, metody, rezul'taty*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. 68–78. (Rus.). DOI: 10.17746/0301-5.2019.068-078

Gening V.F., Stefanova N.K. (1982). Chernoozerye-IV — settlement of the Krotov culture. In: *Arkheologicheskoe issledovaniia severa Evrazii*. Sverdlovsk, 53–64. (Rus.).

Grishin Iu.S. 1980. *Ancient mining of copper and tin*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Бронзолитейные производственные участки поселения Венгерovo-2 (Барабинская лесостепь)

- Kiriushin Iu.F., Maloletko A.M. (1979). *The Bronze Age of Vasyuganya*. Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet. (Rus.).
- Kuz'minykh S.V. (2011). Hardware. In: *Satyga XVI: Seiminsko-turbinskii mogil'nik v taеzhnoi zone Zapadnoi Sibiri*. Ekaterinburg: Ural'skii rabochii, 32–37. (Rus.). Retrieved from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22466040>
- Matiushchenko V.I., Sinitsyna G.V. (1988). *Burial ground near the village of Rostovka near Omsk*. Tomsk: Izd-vo TGU. (Rus.).
- Molodin V.I. (1977). *The Neolithic era and Bronze of the forest-steppe Ob-Irtysh*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Molodin V.I. (1983). Burial of a foundry from the Sopka-2 burial ground. In: *Drevnie gorniaki i metallurgi Sibiri*. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 96–109. (Rus.).
- Molodin V.I. (1985). *Baraba in the era of Bronze*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Molodin V.I. (2019). The beginning of the Bronze Age in the forest-steppe Ob-Irtysh: Ust-Tartas culture. In: *Fenomeny kul'tur rannego bronzovogo veka stepnoi i lesostepnoi polosy Evrazii: puti kul'turnogo vzaimodeistviia v V–III tys. do n.e.* Orenburg: Izd-vo OGPU, 175–181. (Rus.). Retrieved from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41195738>
- Molodin V.I., Durakov I.A. (2018). Late Krotovo (Cherno-Ozerye) Burials with Casting Molds from Tartas-1, Baraba Forest-Steppe. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 46(2), 25–34. DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.2.025-034
- Molodin V.I., Durakov I.A., and Kobeleva L.S. (2016). “Caster’s Cache” from Tartas-1, Late Krotovo (Cherno-Ozerye) Culture, Baraba Forest-Steppe. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 44(3), 79–86. (Rus.). DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.3.079-086
- Molodin V.I., Durakov I.A., Mylnikova L.N., Nesterova M.S. (2012). Krotovo's culture production complex on the settlement Vengerovo-2 (the Barabinsk forest-steppe). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriia, filologiia*, 11(5), 104–119. (Rus.). Retrieved from: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17774957_17717568.pdf
- Molodin V.I., Durakov I.A., Mylnikova L.N., Nesterova M.S. (2018). The adaptation of the Seima-Turbino tradition to the bronze age cultures in the south of the West Siberian plain. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 46(3), 104–119. DOI: 10.17746/1563-0110.2018.46.3.003-058
- Molodin V.I., Glushkov I.G. (1989). *Samus culture in the Upper Priobye*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Molodin V.I., Grishin A.E. (2016). *Monument to Sopka-2 on the Omi River. Vol. 4: Cultural and chronological analysis of the funeral complexes of the Krotov culture*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. (Rus.). DOI: 10.17746/7803-0299-5.2019
- Molodin V.I., Hansen S., Mylnikova L.N., Kobeleva L.S., Nesterova M.S., Nenakhov D.A., Durakov I.A., Idimeshev A.A., Galyamina G.I., Nazarova L.V. (2019). Economic and Production Areas of the Krotovo Culture at the Ust-Tartas-2 Site. In: *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and neighboring territories. Vol. XXV*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publishing, 478–488. (Rus.). DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.478-488
- Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S., Borzykh K.A., Ivanova D.P., Golovkov P.S., Selin D.V., Orlova L.A., Vasiliev S.K. (2013). Constructive and planigraphic features of dwelling No. 5 of the settlement of the Krotovo culture Vengerovo-2. In: *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, (XIX), Novosibirsk: IAET SB RAS Publishing, 276–281. (Rus.). Retrieved from: http://old.archaeology.nsc.ru/ru/publish/sessbornik/doc/ses_2018.pdf
- Molodin V.I., Mylnikova L.N., Novikova O.I., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Efremova N.S., and Soloviev A.I. (2011). Periodization of Bronze Age cultures in the Ob-Irtysh forest-steppe: The stratigraphic position of Early and Middle Bronze Age burials at Tartas-1. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 3(47), 40–56. Retrieved from: <https://archaeology.nsc.ru/izdatelstvo/jr-aeae-ru/47-3/annot-03/>
- Molodin V.I., Novikov A.V. (1998). *Archaeological sites of the Vengerovo district of the Novosibirsk region*. Novosibirsk: Nauchno-proizvodstvennyi tsentr po sokhraneniui istoriko-kul'turnogo nasledia. (Rus.).
- Molodin V.I., Polosmak N.V. (1978). Vengerovo-2 — settlement of the Krotovo culture. In: *Etnokul'turnye iavleniia v Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 17–29. (Rus.).
- Stefanova N.K. (1988). Krotovso culture in the Middle Irtysh. In: *Material'naia kul'tura drevnego naseleniia Urala i Zapadnoi Sibiri. Voprosy arkheologii Urala. Vyp. 19*. Sverdlovsk: UrGU, 53–75. (Rus.).
- Troitskaya T.N., Molodin V.I., Sobolev V.I. (1980). *Archaeological map of the Novosibirsk region*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Дураков И.А., <https://orcid.org/0000-0002-8526-9257>

Мыльникова Л.Н., <https://orcid.org/0000-0003-0196-5165>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 25.02.2021

Article is published: 28.05.2021

Гюль Т.И.

Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, ул. Шахрисябз 1, д. 5, Ташкент, 100060
E-mail: gyultair@yandex.ru

О ДИНАСТИЙНОМ КУЛЬТЕ ПРАВИТЕЛЕЙ БУХАРСКОГО СОГДА В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (к трактовке росписей дворца Варахши)

Предложена новая интерпретация содержания росписей дворца Варахши, раннесредневековой резиденции правителей Бухарского Согда (долина Зарафшана, Средняя Азия). На основании их анализа и сопоставления с данными письменных и археологических источников автор выдвигает предположение, что центральное место в сюжетах росписей Восточного и Красного залов дворца Варахши занимал авестийский бог (язата) победы Веретрагна и что он являлся покровителем династии бухар-худатов.

Ключевые слова: *Средняя Азия, раннее средневековье, Западный (Бухарский) Согд, Варахша, монументальная живопись, Авеста, зоолатрия, Вретрагна, Индра, Фарнбаг, династийный культ.*

Введение

В XX — начале XXI в. исследователи собрали значительный массив данных по духовной культуре раннесредневекового Согда, однако в этой теме остается еще немало лакун. В первую очередь это объясняется отсутствием религиозных текстов на территории непосредственно Согда и других владений Средней Азии. Религиозные тексты на согдийском языке были найдены на бывших территориях согдийских колоний в Западном Китае (в Дуньхуане) и Восточном Туркестане (в Турфанском оазисе). Но все они связаны с инородными для согдийцев религиями — буддизмом, манихейством и христианством несторианского толка, которые, судя по всему, были широко распространены среди согдийских колонистов. В то же время значительная часть терминологии этих текстов, собственные имена согдийских колонистов (теофорные), а также сведения китайских источников показывают, что до принятия этих вероучений основной религией согдийцев был зороастризм. О доминировании зороастризма на территории Согда и других владений Средней Азии косвенно свидетельствуют китайские, иранские и арабские письменные источники, а также памятники археологии (культовая архитектура, нумизматика, эпиграфика, изобразительное искусство) [Шкода, 2009, с. 7–8; Лурье, 2017, с. 124–125]. При этом источники демонстрируют существенное отличие среднеазиатского зороастризма от ортодоксального зороастризма (маздеизма) Сасанидского Ирана. Одним из первых указаний на их различие для исследователей послужили упоминания в хрониках мусульманских авторов согдийских «храмов идолов», где огонь возжигали перед изображениями божеств. Для иранского зороастризма был характерен аниконизм — запрет на почитание в храмах божеств в зримых образах [Шкода, 2009, с. 7–8; Бойс, 1987, с. 101, 124–131]. Среднеазиатский зороастризм предстает как синкретический комплекс, сочетающий в себе авестийские, локальные и инородные традиции. Ряд данных (памятники изобразительного искусства, эпиграфики и нумизматики) дает основания полагать, что верховным божеством местного пантеона был не Ахурамазда, а Нана (Наная), богиня плодородия и покровительница царской власти, чей культ имел ближневосточное происхождение. Местный пантеон помимо авестийских вмещал в себя божеств местных (бактрийских, согдийских и пр.) и инородных (ближневосточных, эллинских, индийских), воспринятых местным населением через призму ассоциативного мифологического мышления [Шкода, 2009, с. 125; Гюль, 2016].

Таким образом, важнейшим источником для изучения духовной культуры и религии доисламского Согда являются памятники изобразительного искусства, особенно монументальная живопись и скульптура храмов, дворцов и частных домов. Одним из первых памятников такого рода стали росписи дворца Варахши, резиденции правителей Бухарского Согда.

Объект исследования

Городище Варахша расположено в северо-западной части Бухарского оазиса, который, в свою очередь, находится в западной части низовья р. Зарафшан (Бухарская область Узбекистана) и окружен со всех сторон пустынями и сухими степями. В раннем средневековье Варах-

ша была важным административным и экономическим центром Западного (Бухарского) Согда. Расцвет Согда был связан с активизацией международной торговли на Великом шелковом пути, в которой согдийские купцы заняли лидирующие позиции. Трассы Великого шелкового пути проходили и через Бухарский оазис, и по уровню экономического развития и политической значимости Бухара не уступала Самарканду (столице Центрального Согда). В конце V — начале VI в. владельцы Бухары, бухар-худаты, обустраивают себе загородную резиденцию на месте древнего селения Варахши. Они окружают его мощными оборонительными стенами с башнями; в южной части городища возводят хорошо укрепленную цитадель и дворец. Как отмечал В.А. Шишкин, желание иметь вторую резиденцию с дворцом можно рассматривать как тенденцию к повышению престижа правителей [1963, с. 8, 10, 230–233].

Первые сведения о Варахше приведены в «Истории Бухары» Мухаммада Наршахи (X в.), где сказано, что Варахша большое, хорошо укрепленное селение, древнее, чем город Бухара [2011], и является местом обитания падишахов (царей) [2011, с. 30]. Первые археологические исследования городища были проведены в конце 30-х гг. XX в., а более масштабные работы — уже после Великой Отечественной войны, под руководством В.А. Шишкина. В них принимали участие такие археологи, как В.А. Нильсен, Л.И. Альбаум, Н.В. Дьяконова, В.Д. Жуков, С.К. Кабанов и др.; художники Ю.П. Гремячинская, В.Н. Кедрин и Г.Н. Никитин, художники-реставраторы П.И. Кострова, И.Б. Бентович и Е.Г. Шейнина. Основным объектом работ стал дворец I бухар-худатов. Открытые здесь настенные росписи, скульптура, резьба по дереву и ганч стали одними из первых памятников согдийского монументального искусства, исследованными археологами в XX в. Ранее, в 1913 г., В.Л. Вяткиным были открыты первые фрагменты росписей во дворце Афрасиаба; знаменитые храмовые росписи Пенджикента, памятники искусства Топрак-калы и другие еще не были известны [Шишкин, 1963, с. 5–6, 14–17; Альбаум, 1975, с. 6, 94].

Остатки монументальной живописи были найдены на южной стороне дворцового здания, где открыто и исследовано несколько помещений. Лучше всего сохранились росписи в Красном (Индийском) и Восточном (Синем) залах. Эти залы являлись древнейшей частью сооружений, относящихся к первоначальной постройке дворца V–VI вв. [Шишкин, 1963, с. 53, 63]. Сам дворец на протяжении своего существования претерпел ряд перестроек, значительно менявших его планировку. На первом этапе, в конце V — первой половине VI в., на Варахше возводятся фортификационные сооружения и дворец. На втором этапе, в VII — начале VIII в., происходит капитальный ремонт дворца. Исследователи связывают эти события с реставрацией власти бухар-худатов при поддержке тюрков. К этому строительному периоду относятся росписи Восточного и Красного залов [Шишкин, 1963, с. 207, 234, 235; Альбаум, 1975 с. 18]. Оба помещения использовались довольно продолжительное время: росписи, как отмечают исследователи, обветшали и затем были выполнены вторично. Спустя какое-то время дворец был заброшен и подвергся разрушениям. Росписи Красного зала были умышленно испорчены острым оружием; уничтожались преимущественно головы и фигуры людей. В.А. Шишкин связывал это с распространением здесь ислама и его иконоборчеством [1963, с. 54, 56, 57]. А. Наймарк выдвинул гипотезу, что фрагменты живописи были аккуратно вырезаны для сохранения в ином месте, причем не обязательно как культовые образы, но и как ценные произведения искусства¹.

Третий строительный этап приходится на раннеисламское время, после захвата Бухары арабами. Во второй половине VIII в. старые помещения (в частности, Красный зал и прилегающие к нему комнаты) были забутованы; поверх них возводятся новые, менее капитальные строения. Они просуществовали относительно недолго, а затем дворец вновь приходит в запустение [Шишкин, 1963, с. 82–83; Распопова, Шишкина, 1999, с. 52, 59–60].

Росписи Восточного зала: описание и анализ содержания

Восточный зал — самое крупное из помещений дворца, остатки которых дошли до нашего времени. На южной стене сохранилась часть многофигурной сцены, изначально трактуемая как «сцена торжественного царского приема». Центр композиции занимала огромная фигура «царя» на троне. Сохранилась только нижняя часть изображения: персонаж облачен в белое, ниспадающее одеяние и розовые шаровары. На ногах желтые (золотые) поножи, украшенные чешуйчатым орнаментом и обрамленные красной полоской с белыми перлами и синей каймой. Между ног поставлен наклонно прямой меч в желтых (золотых) ножнах, орнаментированных

¹ Устное сообщение А. Наймарка, сделанное им во время доклада на тему «Согдийские оссуарии» на Историческом факультете НУУз в марте 2018 г.

тонкими красными линиями. Видимая часть сидения трона украшена растительным орнаментом; сам трон драпирован богатыми узорными тканями. Основу рисунка составляли большие круги (расположенные по квадратной сетке), в которых помещены многоцветные изображения хищных птиц с распростертыми крыльями, напоминающих силуэтом орлов. Особенно интересны ножки трона в виде протом крылатых верблюдов (рис. 1) [Шишкин, 1963, с. 159].

Рис. 1. Зооморфная протома трона в росписи Восточного зала [Шишкин, 1963, табл. XVI].
Fig. 1. Zoomorphic protome of the throne in the mural of the East Hall [Shishkin, 1963, tab. XVI].

Вправо от трона почти всю оставшуюся часть стены занимает изображение какого-то помоста (киоска), на который ведут ярко-красные ступени. На помосте лежит нечто вроде тюфяка, покрытого узорной тканью, в кайме которой изображены полукружия с вписанными в них головами вепрей синего цвета. Там же плохо сохранившиеся изображения сидящих на пятках фигур, предположительно знатных воинов. Над помостом нависает балдахин, кровля которого поддерживается столбами с капителями в виде крылатых кариатид [Шишкин, 1963, с. 162–163].

Влево от трона (по правую руку царя) изображена группа из пяти человек, сидящих на коленях. Хуже всего сохранились две последние фигуры — дети или подростки, судя по их небольшим размерам. Следующая фигура женская: она одета в длинную одежду из светлой, желтовато-розовой ткани с разноцветным узором. На грудь опускаются ожерелья, видно серьгу в правом ухе (наподобие большой жемчужины), голову венчает диадема из белых «перлов» с большим золотым украшением над серединой лба. Голова женщины заключена в оранжево-желтый нимб (наподобие огненного кольца). В левой руке она держит широкую желтую чашу на поддоне. Рука изображена в манерном жесте, с отставленным мизинцем. На пальцах видны кольца, запястье украшено браслетом. Через предплечье левой руки перекинута белая лента, конец которой падает на левое колено [Шишкин, 1963, с. 160–162].

Правее женщины изображена несколько более крупная мужская фигура. Персонаж одет в длинную одежду с коротким рукавом из желтой ткани с геометрическим орнаментом. Лицо не сохранилось; виден безбородый (выбритый) подбородок и серьга-кольцо в ухе. У мужчины были короткие черные волосы, а на голове — диадема, сходная с диадемой женщины. Талия мужчины стянута золотым узорным поясом (известный из письменных источников атрибут согдийской знати). С пояса свисают кинжал и прямой, длинный меч в золотых орнаментированных ножнах. Голову мужчины тоже окружает нимб, в виде белого диска, окаймленного желтой полосой [Шишкин, 1963, с. 160–162].

Перед мужчиной стоит большой жертвенник-курильница. Его левая рука протянута к жертвеннику, в ней он держит какую-то палочку, которой, видимо, поправляет огонь. В его правой руке золотая чаша; в ней видны некие белые «шарики» (приношение огню). По другую сторону жертвенника расположена менее крупная фигура юноши-подростка. Его узкая талия стянута широким золотым поясом, на котором висит кинжал в золотых ножнах с затейливой рукояткой. Голова и лицо юноши сохранились плохо; руки протянуты по направлению к жертвеннику (рис. 2) [Шишкин, 1963, с. 160–162, 219].

Рис. 2. Сцена культового обряда в росписи Восточного зала [Шишкин, 1963, табл. XIV].

Fig. 2. Scene of a cult ceremony in the mural of the Eastern Hall [Shishkin, 1963, tab. XIV].

Нижняя часть металлического (судя по цвету) жертвенника представляет собой высокую коническую подставку, сужающуюся кверху. Она увенчана шарообразным элементом, на котором, в свою очередь, возвышается «столешница» в виде большого диска, выпуклого сверху. На диске укреплена еще одна коническая деталь, расширяющаяся снизу вверх. В нее вставлен сосуд в виде ковша с ручкой. Он наполнен теми же «шариками», над которыми поднимаются языки пламени. Жертвенник богато орнаментирован, а на его конусовидной базе изображена вписанная в арку мужская фигура, восседающая на троне в виде лежащего верблюда (по предположению Л.И. Ремпеля, крылатого). Голову персонажа венчает сложная корона и окружает нимб. Он одет в облегающий кафтан с полукруглым вырезом и короткими рукавами; правой рукой упирается в бедро, а в левой держит перед лицом переносной алтарь (курильницу) (рис. 3) [Шишкин, 1963, с. 160–162; Альбаум, 1975, с. 18; Ремпель, 1977, с. 96–97].

Персонаж на базе жертвенника — это, по устоявшемуся мнению, божество победы Вретрагна (согд. Вашагн). В «Авесте» ему посвящен отдельный гимн («Бахрам Яшт»), в котором Вретрагна предстает перед Заратуштрой в десяти обликах: благостный ветер; златорогий бык; белый златоухий конь; могучий верблюд; свирепый вепрь; юный воин; птица Варагн; горный баран; дикий козел; зрелый муж с золотым мечом. Он борец со злом; он выступает впереди войска вместе с богами Митрой и Рашну, призывая к ответу нарушивших договор и забывших о

справедливости. Вретрагна несет с собой благое огненное Хварно, Спасение и Мощь [Авеста, 1990, с. 94–96, 104].

Рис. 3. Изображение Вретрагны на жертвеннике в росписи Синего зала [Альбаум, 1975, табл. III].
Fig. 3. The image of Vrethragna on the altar in mural of the Blue Hall [Albaum, 1975, tab. III].

Вретрагна — характерный для индоиранской и индоевропейской мифологической традиции персонаж, бог-громовержец. В «Авесте» он один из многих божеств-язатов, подчиненных Ахарамазде и младших по отношению к Амеша Спента, но в доавестийский период роль Вретрагны, несомненно, была более значительна [Сулейманов, 2010, с. 198]. Мифогенетически Вретрагна близок ведийскому богу-громовержцу Индре; его имя повторяет эпитет Индры — Вритрахан, т.е. «убийца Вритры» (змея-демона). Исследователи отмечают и другое значение имени Вретрагны: «разбивающий препятствия». На Калалы-гыре 2 (культовый центр IV–II вв. до н.э., Хорезм) был найден рельеф со сценой борьбы человека (бога) с быкоподобным существом. Сцену сопровождала надпись: «он поразит». По одной версии, здесь изображен эпизод местного мифа о борьбе божества (Вретрагны) с демоном, аналогичного ведийскому мифу о победе Индры над Вритрой [Вайнберг, 2004, с. 223–225]. Подобный сюжет характерен для мифологии индоевропейских народов: божество грома (греческий Зевс, ведический Индра, славянский Перун, скандинавский Тор) побеждает дракона или мирового змея, освобождая при этом воду и обеспечивая плодородие [Сулейманов, 2010, с. 198]. Сюжет с быком имеет аналогичное значение; он известен в Средней Азии с эпохи бронзы. Это маргианские и бактрийские буллы со сценами терзания и похищения семени у быка или хищника, сюжет тавромахии в митраизме и зороастризме (Митра, а позднее Ахриман, убивает быка, и из его плоти и крови произрастают растения и животные). Отметим также традиционную для индоевропейской и тюркской мифологии связь быка с водной стихией [Сулейманов, 2000, с. 215, 233–234].

Как и Индра, Вретрагна вооружен булавой, что в античное время послужило ассоциации его с греческим Гераклом (как и функция змееборца: Вретрагна — Вритра, Геракл — Лернейская гидра) [Сулейманов, 2000, с. 220]. По мнению исследователей, Вретрагна имеет характерные черты солярного божества (что сближает его с Митрой). Его образ был тесно связан с представлением об идеальном правителе, царе-герое, защищающем свой народ от зла [Акишев, 1984, с. 73; Токарев, 1991, с. 233; Сулейманов, 2010, с. 198–199].

В согдийской иконографии с Вретрагну чаще всего сопряжено именно изображение верблюда. Это самое крупное животное Центральной Азии, впечатляющее своей силой и свирепостью, поэтому ассоциация его с воинственным божеством победы вполне понятна. В «Авесте» Вретрагна в образе верблюда-бактриана описывается как великолепный, огромный, неистовый, стремительный. Отмечаются его ум, большие, сверкающие как звезды глаза, пригодная для одежды шерсть. Замечательные качества, присущие верблюду, связывают это животное в «Авесте» не только с Вретрагну, но и с Хварно (сакральное благо), и с богом ветра Вайю [Авеста, 1990, с. 94–96; Акишев, 1984, с. 73–75].

Образ священного, волшебного верблюда, нередко крылатого, встречается в эпосах и мифах индоиранских народов, в произведениях сасанидского и согдийского изобразительного искусства [Тревер, 1937, с. 7–8; Шкода, 2013, с. 151]. Он соотносился и с идеями о сакральной царской власти, о чем свидетельствуют короны хорезмийских правителей в виде лежащего верблюда (с конца III — начала IV в.), и согдийские зооморфные троны, описанные в источниках [Бичурин, 1950, с. 272; Вайнберг, 1977, с. 23–27, 34; Акишев, 1984, с. 71, 73].

В согдийском изобразительном искусстве представлены образы божества, восседающего на верблюде (или на троне в виде верблюда), а также держащего в руке статуэтку верблюда. Имеется ряд раннесредневековых согдийских терракотовых статуэток-образков VI в. — юноша в короне, сидящий на лежащем верблюде и держащий в руках маленького верблюда. Все эти изображения связывают с Вретрагну [Беленицкий, Маршак, 1976, с. 81; Горячева, 2017, с. 110–111].

Во дворце Афрасиаба (Самаркандский Согд) в одном из залов было открыто изображение четы божеств, сидящих под полукруглой аркой. Их головы окружают трехцветные нимбы; одежда имеет преимущественно красный цвет. В правой руке каждый держит чашу, в которой находится фигурка верблюда. Это позволяет предположить, что здесь изображены Вретрагна и богиня победы Ванинда (Хванинда) [Альбаум, 1975, с. 15–18; Шкода, 2013, с. 151].

Аналогичные изображения божественной четы известны в росписях двух частных домовладений Пенджикента, важного культового центра раннесредневекового Согда. На одной из росписей мужское божество с молодым безбородым лицом сидит на троне с протомой верблюда и держит фигурку верблюда в поднятой руке. Его супруга сидит на троне с протомой горного барана. В другом частном доме (объект XX) была изображена сцена некоего праздника с участием музыкантов и танцоров. В верхней части композиции два зороастрийских жреца с повязками-падамами на лицах несут носилки, на которых находится статуя божества. У статуи в руках чаша (или жертвенник) и булава — атрибут Вретрагны [Шкода, 2013, с. 151, 155]. Известно изображение четы божеств, держащих в поднятых руках фигурки лежащего верблюда, на бронзовых блюдах иконостаса в первом акбешимском буддийском храме (Семиречье) [Горячева, 2017, с. 111].

В южном храме Пенджикента в портике главного здания было открыто изображение: воин-лучник в колеснице, запряженной вепрями (VI в.), которое тоже ассоциируют с Вретрагну [Маршак, 1999, с. 178]. В «Авесте» (Яшты 10 и 14) Вретрагна единственное божество, предстающее в образе вепря — зверя, не уступающего бактриану в свирепости и отваге. Образ вепря имел широкое распространение в искусстве ираноязычных народов. Особое значение приобретает при Сасанидах мотив сакрализованной царской охоты на вепря, воплощающего собой понятие царственности [Вертиенко, 2014, с. 272–273, 278].

В настенной живописи Пенджикента имеется еще одна аналогия с росписью Восточного (Синего) зала Варахши. В жилом комплексе (объект III, предположительно дом пенджикентского правителя), в большом квадратном зале (пом. 7), был открыт фрагмент росписи с изображением восседающего на лежащем «золотом» звере (или зооморфном троне) человека (божества). Что это за зверь, установить затруднительно (предположительно это травоядное). Рядом, слева от трона, сохранилось изображение «золотого» жертвенника (курильницы), аналогичного жертвеннику в росписи Синего зала. Напротив жертвенника (лицом к трону) сидит мужчина-«жрец». Верхняя часть (голова и плечи) не сохранилась; правая рука поднята (видимо, протянута с подношением к жертвеннику), левая рука внизу у пояса, держит блюдо. Центральный

персонаж на зооморфном троне значительно крупнее прочих. Сам сюжет, несомненно, имел сакральное значение и, вероятно, был достаточно распространен в изобразительном искусстве Согда. Предположительно он был связан с культом царской власти и божества-покровителя рода (династии). Ниже под тронем шел фриз, включающий в себя сцену, трактуемую как поклонение и приношение даров (божеству). М.М. Дьяконов видел в этом помещении парадный зал правителя, но зал (пом. 7) вполне мог иметь культовое значение. Вход находился в центре южной стены; вдоль стен зала шла невысокая суфа; напротив входа на северной стене из суфы выдавался подиум; по бокам от него сохранились квадратные отверстия, вероятно, от столбиков «балдахина». Описанная роспись украшала стену над подиумом. Можно предположить, что центральное место на подиуме занимал не трон правителя, а жертвенник (курильница) перед изображением божества на стене [Шишкин, 1963, с. 200–202, 204; Дьяконов, 1954, с. 115–116].

Возвращаясь к росписям Варахши, подытожим, что персонажи в росписи Синего зала совершают подношение огню, с наибольшей вероятностью зажженному в честь божества, изображенного на жертвеннике,— Вретрагне. Вверху между мужчиной и женщиной изображен маленький белый пегас, с шеи которого свисают вниз длинные ленты (розовая и красная) — «ашхаравад», символ царской власти, характерный для сасанидского искусства [Шишкин, 1963, с. 162]. Сцена трактуется как изображение царской семьи во время семейного религиозного обряда.

Центральный персонаж южной стены Восточного (Синего) зала исследователями, начиная с В.А. Шишкина, интерпретировался как царь, правитель Варахши. А.М. Беленицкий и Б.И. Маршак выдвинули предположение, что это может быть некое божество, сопоставляя его с изображениями пенджикентских росписей [1976, с. 80]. Мы поддерживаем эту версию и предлагаем свою интерпретацию и доводы. Здесь, как и на жертвеннике рядом с тронем, изображен Вретрагна. Во-первых, на это косвенно указывают протомы трона в виде крылатых верблюдов. Во-вторых, облик «царя» на росписи ассоциируется с описанием в «Авесте» Вретрагны в образе зрелого мужа, воина с золотым мечом. В «Авесте» это воплощение (как и в случае с вепрем) характерно только для этого божества [Вертиенко, 2014, с. 272]. Другими намеками на то, что здесь изображен бог Победы, могут быть изображения хищной птицы в драпировках трона — как отсылка к другой ипостаси Вретрагны, птице Варагн, а также изображения вепрей на тканях на помосте, кровлю которого поддерживают кариатиды. Интересно, что, по мнению Л.И. Ремпель, образец стоящих крылатых фигур-кариатид в согдийском искусстве восходит к античным изображениям местной богини победы Ванинды, на образ которой повлияла иконография эллинской Ники [Ремпель, 1977, с. 97]. Наконец, на западной стене Восточной залы была изображена некая большая батальная сцена с тяжеловооруженными всадниками, скачущими вправо,— сюжет, подходящий воинственному Вретрагне [Шишкин, 1963, с. 163–164].

Л.И. Ремпель, касаясь трактовки росписей Варахши, отмечал семантическую связь верблюда с Вретрагной, но, по его мнению, образ верблюда (крылатого верблюда) в искусстве Согда VII–VIII вв. едва ли сохранил свое авестийское значение. Он рассматривал крылатого верблюда как один из образов геральдического значения, связанных с родословной царствующего дома согдийских правителей [Ремпель, 1977, с. 95–101]. Между тем последующее изучение памятников духовной культуры Согда (в том числе упомянутых религиозных текстов из согдийских колоний) показало, что значение авестийской традиции и зороастризма в раннесредневековом Согде и в других историко-культурных областях Средней Азии было довольно велико.

Росписи Красного зала: описание и анализ содержания

Обратимся теперь к росписям Красного (Индийского) зала Варахши. В центре живописной композиции располагалась сцена охоты на красном фоне. Она изображала группы людей, сидящих на слонах, и атакующих их огромных львов, тигров, леопардов, грифонов (рис. 4, 5). Иконография персонажей передает влияние индийского изобразительного искусства: пластика полуобнаженных тел, индианизированный тип лиц, с оттянутыми крупными мочками ушей и большими кольцами-серьгами в них, характерные для индийской культуры того времени прически и украшения (ожерелья и браслеты). Отметим, что раннесредневековые росписи Афрасиаба и Пенджикента демонстрируют бестелесные фигуры, задрапированные в дорогие ткани. В то же время бесстрастное выражение лиц героев Красного зала, статичность поз, контрастирующих с общим драматизмом сцены, характерна для бактрийско-буддийского искусства (с которым В.А. Шишкин связывал и происхождение сюжета «охота на слонах» в местном искусстве) [Шишкин, 1963, с. 152–157, 206; Альбаум, с. 93–94; Гюль, 2005, с. 95].

Из индийского искусства были заимствованы изображения слонов, не характерные для согдийского искусства. Причем, как отмечают исследователи, местный художник явно был незнаком с анатомией этого животного и со спецификой езды на слонах: у животных неправильные пропорции тел, слишком вытянутые туловища и короткие ноги. Бивни у них выходят не из верхней, а из нижней челюсти. В раскраске отдельных животных художник изобразил «яблоки», какие бывают у лошадей: снарядил слонов конской сбруей, с уздечкой, удилами, а кое-где даже со стремянами. В то же время изображения кошачьих хищников переданы художником значительно точнее [Шишкин, 1963, с. 152–157; Альбаум, 1975, с. 85].

Рис. 4. «Охота на слонах» в росписях Красного зала [Шишкин, 1963, табл. IV].
Fig. 4. "Hunting on elephants" in the mural of the Red Hall [Shishkin, 1963, tab. IV].

Изображения слонов есть и в росписях Пенджикента и Афрасиаба. Но там слоны показаны более натуралистично, чем в Варахше. Причем, как сообщает Л.И. Альбаум, на фрагментах из завалов в зале I Афрасиаба присутствуют сцены борьбы всадников на слонах с некими хищниками; одежда и прическа всадников несколько отличаются от варахшинских, но в целом они имеют между собой некоторую художественную близость [1975, с. 42, 84]. Отметим, что исследователи относят росписи Афрасиаба, Пенджикента и Варахши к единой согдийской художественной школе, центр которой предполагают в Самарканде [Альбаум, 1975, с. 97–98; Беленицкий, 1959, с. 9, 138; Шишкин, с. 151, 199].

На каждом слоне восседает по два персонажа: слуга-погонщик и его господин. Фигура господина, как и фигуры хищников, непропорционально велики по отношению к слону. Фигура слуги существенно меньше, следуя иерархии; он посажен на передней части головы слона. Мечами, копьями (в единичном случае и секирой) эти персонажи поражают нападающих на них чудовищ (рис. 4). Верхний ярус композиции Красного зала сохранился плохо; исследователи трактуют его как пейзаж «верхнего мира»: под райскими деревьями идут некие копытные животные, кошачьи хищники и грифоны [Шишкин, 1963, с. 152–158, 206].

Исследователи склоняются к религиозно-культовой трактовке сцены охоты, как и назначения Красного зала. Это было большое, подквадратное помещение, почти в центре которого находился подиум для алтаря огня, а напротив входа, на южной стороне зала, располагалась прямоугольная суфа с балдахином, предположительно служившая постаментом для царского трона либо для статуи божества. В южной части зала к нему примыкали три небольших помещения, глиняный пол которых был сильно обожжен [Шишкин, 1963, с. 56–58].

Рис. 5. Грифон в росписях Красного зала [Шишкин, 1963, табл. II].
Fig. 5. Griffin in the mural of the Red Hall [Shishkin, 1963, tab. II].

По мнению исследователей, в сцене охоты Красного зала многократно повторяется изображение согдийского божества, известного из согдо-манихейских текстов Восточного Туркестана — Адбага (Аззбага), в котором Б.И. Маршак и А.М. Беленицкий видели Ахурамазду. Они же отмечают, что в росписях Красного зала Адбаг-Ахурамазда уподоблен царю богов индийского пантеона Индре, восседающему на белом слоне и поражающему чудовищ [Маршак, 1999, с. 181]. Между тем нам кажется вполне вероятным, что эпитет «Адбаг» («Аззбаг»²) — «Высшее божество» мог применяться не к одному Ахурамазде, но к разным богам, имеющим высокий статус, например к Вретрагне. Обращая внимание на ассоциацию изображения Адбага на слоне с Индрой, мы можем вновь провести параллель с Вретрагной, учитывая его связь с ведическим божеством грома. Отсюда возникает предположение, что центральный персонаж росписей как в Синем, так и в Красном зале — Вретрагна. И что это божество Победы династия бухархударов выбрала в свои покровители в неспокойный, воинственный период раннего средневековья. Образы божеств в частных домах и дворцах правителей исследователи традиционно трактуют как изображения покровителей рода.

Культ Вретрагны был популярен в Согде; согласно источникам, храмы священного огня Варахрана — Веретрагны находились в Самарканде и Кеше (Шахрисябзе) [Смирнова, 1971, с. 103]. Среди согдийских теофорных имен встречаются произошедшие от имени Вретрагны, а также от имени Вананды (Хванинды). В авестийском календаре Согда Вретрагне был посвящен вторник, согдийское название которого отмечено и в ономастике [Лурье, 2017, с. 126, 128; Фрейман, 1962, с. 60].

Изображения верблюда-бактриана в экспрессивной позе, взъерянного, присутствуют на аверсе бронзовых монет V–VII вв. из Бухарского оазиса. Он представлен на монетах трех типов. В двух случаях на реверсе имеются изображения двух- или трехступенчатого алтаря сасанидского типа. На реверсе монет третьего типа, поздней серии, вместо алтаря имеется надпись, содержащая имя божества благоденствия — Фарнбага (Хварно) [Шишкин, 1963, с. 67; Смирнова, 1981, с. 25, 28–29; Ремпель, 1977, с. 97, 99]. В «Авесте» Хварно, так же как Вретрагна и Вайю (согд. Вешпаркар), является в ипостаси верблюда. Отметим связь между этими божествами: в «Бахрам Яшт»

² В прочтении согдолога А.М. Атаходжаева — «Аззбаг». См.: *Исҳоқов М.* (отв. ред.). Қадимги езма едгорлиқлар. Тошкент: Езувчи, 2000. С. 34.

сказано, что Вретрагна несет с собой благое Хварно. Также вместе с Вайю и Сраошей (божество религиозного послушания и порядка) Вретрагна сопровождает души умерших к мосту Чинват, защищая их от злокозненных демонов [Дюмезиль, 1986, с. 107; Акишев, 1984, с. 75].

Позднесогдийские бронзовые монеты чеканились в городах для нужд местного рынка и украшались образами городских божеств, героев или священных животных — покровителей города [Смирнова, 1981, с. 15]. Большая часть описанных монет с именем Фарнбага была найдена на территории Варахши. Вполне вероятно, что Фарнбаг здесь почитался как покровитель города. Одно из названий Варахши в средневековых источниках — «Фарахшн» апеллирует к имени Фарнбага, как и названия ряда других поселений и сельских областей (рустаков) Бухарского оазиса, зафиксированные в источниках X в. (Фаравиз, Фаргидад, Фаракент) [Шишкин, 1963, с. 28, 37 (сн. 7)].

Заключение

Монументальное искусство дворца Варахши демонстрирует высокий уровень изобразительного искусства и синкретизм художественных традиций. Анализ содержания росписей дает нам достаточные основания полагать, что образ божества победы Вретрагны занимал в них особое место, как воплощение покровителя династии бухар-худатов. Он изображен в центре композиции Синего зала подобно царю, на троне с протомами верблюдов, в ипостаси «великолепного мужа, прекрасного, богоданного, златой клинок держащего». И он же сражается с чудовищами в Красном зале, показанный в образе своего ведического двойника Индры — верхом на белом слоне. Что касается изображения взъяренного верблюда на раннесредневековых бронзовых монетах Бухарского оазиса, то на первых двух типах этих монет (с алтарем огня) верблюд мог символизировать Вретрагну как покровителя династии, а третий тип, с именем Фарнбага, вероятно, был связан с культом божества-покровителя города Варахши. В целом персонажи росписей дворца Варахши, апеллирующие к образам авестийских божеств, имя Фарнбага и алтари огня на монетах подчеркивают доминирование авестийской традиции в Бухарском Согде в раннем средневековье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акишев А.К. Образ верблюда в легендах Центральной Азии // Этнография народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1984. С. 69–76.
- Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент: ФАН, 1975. 160 с.
- Беленицкий А.М. Новые памятники искусства древнего Пянджикента: Опыт иконографического истолкования // Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 11–86.
- Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Черты мировоззрения согдийцев VII–VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М.: ГРВЛ, 1976. С. 75–89, 179–186 (иллюстрации).
- Бойс М. Зороастрийцы: (Верования и обычаи). М.: Наука: ГРВЛ, 1987. 303 с.
- Вайнберг Б.И. (отв. ред.). Калалы-гыр 2: Культовый центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н.э. М.: Вост. лит., 2004. 286 с.
- Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. М.: Наука, 1977. 220 с.
- Вертиенко А.В. Образ вепря в иранской традиции — нарратив и визуализация // Stratum plus: Археология и культурная антропология. 2014. № 3. С. 271–280.
- Горячева В.Д. Кыргызстан // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. II: Зороастризм и верования маздеистского круга. Самарканд: МИЦАИ, 2017. С. 76–134.
- Гюль Т.И. Культ богини Наны в Средней Азии и следы его пребывания в Чаче — Ташкентском оазисе // O'zbekiston tarixi. 2016. № 3–4. С. 13–24.
- Гюль Э. Диалог культур в искусстве Узбекистана: Античность и средневековье. Ташкент: PRINT-S, 2005. 206 с.
- Дьяконов М.М. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии // Живопись древнего Пянджикента. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 83–158.
- Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М.: Наука, 1986. 234 с.
- Лурье П.Б. Пантеон согдийцев по материалам имен собственных // Проблемы археологии и истории Таджикистана. Душанбе: Дониш, 2017. С. 123–131.
- Маршак Б.И. Согд V–VIII вв.: Идеология по памятникам искусства // Археология. Средняя Азия и Дальний Восток и эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М.: Наука, 1999. С. 175–191.
- Распопова В.И., Шишкина Г.В. Согд // Археология. Средняя Азия и Дальний Восток и эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М.: Наука, 1999. С. 50–77.

Ремпель Л.И. Фрагмент бронзовой статуи верблюда из Самарканда и крылатый верблюд Варахши: (К вопросу о природе согдийского искусства) // Средняя Азия в древности и средневековье: История и культура. М.: ГРВЛ, 1977. С. 95–102.

Смирнова О.И. Места домусульманских культов в Средней Азии (по материалам топонимики) // Страны и народы Востока. Вып. X: Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история. М.: Наука: ГРВЛ, 1971. С. 90–108.

Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М.: Наука, 1981. 548 с.

Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб: Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. — VII в. н.э. Самарканд; Ташкент: ФАН, 2000. 520 с.

Сулейманов Р. О Веретрагне // Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. Ташкент: Noshirlik yug'disi Press, 2010. 256 с.

Токарев С.А. (отв. ред.). Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 1: А–К. М.: Сов. Энцикл.: МП Останкино, 1991. 671 с.

Тревер К.В. Сэнмурв-Паскудж, собака-птица. Л.: Государственный Эрмитаж, 1937. 74 с.

Фрейман А.А. Описание, публикации и исследование документов с горы Муг. М.: Вост. лит., 1962. 92 с.

Шишкин В.А. Варахша. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 250 с.

Шкода В.Г. Б.И. Маршак и живопись Пенджикента: (Метод исследователя) // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники. Труды государственного Эрмитажа LXII. СПб.: Изд-во ГЭ, 2013. С. 147–158.

Шкода В.Г. Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V–VIII вв.). СПб.: Изд-во ГЭ, 2009. 280 с.

ИСТОЧНИКИ

Абу Бакр Мухаммад ибн Джа'фар ан-Наршахи. Та'рих-и Бухара. История Бухары / Перевод, комментарии и примечания Ш.С. Камолиддина; Археолого-топографический комментарий Е.Г. Некрасовой. Ташкент: SMIA-SIA, 2011. 600 с.

Авеста: Избранные гимны / Перевод с авест. и комментарии проф. И.М. Стеблин-Каменского. Душанбе: АДИБ, 1990. 176 с.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. II. 334 с.

Исхоқов М. (отв. ред.). Қадимги езма едгорлиқлар. Тошкент: Езувчи, 2000. 230 с.

Gyul T.I.

Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan
Mirabad district, Shakhriyabz st, passage 1, building 5, Tashkent, 100060, Uzbekistan
E-mail: gyultair@yandex.ru

On the dynastic cult of the rulers of Bukhara Sogd in the Early Middle Ages (to the interpretation of the murals of the Varakhsha palace)

Varakhsha hillfort is located in the Bukhara oasis (Uzbekistan). From the 6th to 8th c., it was the residence of the rulers of Bukhara Sogd. Archaeological investigations of the Varakhsha were carried out in the late 1930s, and then later in 1947 and 1949–1954. During the excavations of the palace, wall paintings were discovered in the Red (Hindu) and East (Blue) Halls (7th–8th c.). In the East Hall, the center of the art composition on the south wall was dominated by a massive figure of a 'king' with a golden sword, seated on a throne with protomas of winged camels. Depicted next to him was a group of five people sitting on their knees — the king's family. The elder man is making an offering to the fire on an altar. On the base of the altar, there is a male figure, seated on a throne in the form of a lying camel. This figure represents Vretragna, the Avestan deity of Victory. Mythogenically, Vretragna is close to the Vedic god of thunder Indra. In Avesta, Vretragna appears in various guises: a Bactrian camel; the bird of prey Varagn; a man with a golden sword. In Sogdian iconography, the image of the Bactrian camel is most often associated with Vretragna. The characters of the murals in the Blue Hall (the king's family) bring offering to the fire lit in tribute to the deity — to Vretragna. The central figure of this composition was identified by V.A. Shishkin as a king. In our opinion, it rather depicts Vretragna. This is implicitly indicated by the protomas of the throne in the form of winged camels and by the image of 'the king with the golden sword'. The walls of the Red Hall of Varakhsha were decorated with a scene of hunters riding elephants. Each elephant was ridden by a servant-mahout and a lord, whose figure would be disproportionately large. They are slaying huge monsters. According to researchers, an image of the Sogdian deity Adbag is repeated here. The epithet 'Adbag' — 'Supreme deity' is associated with Ahuramazda. B.I. Marshak and A.M. Belenitsky note, that here Adbag-Ahuramazda is likened to Indra riding a white elephant. It seems to us quite probable that such an epithet could be applied to various gods of a high status. Notably, it could be Vretragna depicted here, who is akin to Indra. We think that the image of Vretragna held a special place in the visual arts of Varakhsha, as the patron deity of the Bukhar-Khudat dynasty. He was depicted in the center of the composition in the Blue Hall in his Avestan hypostasis, and in the Red Hall he was depicted in the form of Indra.

Key words: Central Asia, Early Middle Ages, Bukhara's (Western) Sogd, Varakhsha, monumental art, Avesta, zoolatry, Vretragna, Indra, Farnbag, dynastic cult.

REFERENCES

- Akishev A.K. (1984). The image of camel in the legends of Central Asia. In: *Etnografiia narodov Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, 69–76. (Rus.).
- Al'baum L.I. (1975). *Painting of Afrasiab*. Tashkent: FAN. (Rus.).
- Belenickiy A.M. (1959). New monuments of art of ancient Panjikent: Experience of iconographic interpretation. In: A.M. Belenickiy, B.B. Piotrovskiy (Eds.). *Skul'ptura i jivopis' drevnego Pyandjikenta*. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 11–86. (Rus.).
- Boyce M. (1987). *Zoroastrians: (Their religious beliefs and practices)*. Moscow: Nauka: GRVL. (Rus.).
- D'yakonov M.M. (1954). Paintings in Pyandjikent and paintings of Central Asia. In: A.Yu. Yakubovskiy, M.M. D'yakonov (Eds.). *Jivopis' drevnego Pyandjikenta*. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 83–158. (Rus.).
- Dumézil G. (1986). *The supreme gods of the Indo-Europeans*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Freiman A.A. (1962). *Description, publication and research of documents from the Mug Mount*. Moscow: Vost. lit. (Rus.).
- Goryacheva V.D. (2017). Kyrgyzstan. In: B. Amanbaeva, F. Asadov, K. Baipakov, R. Nazarov, Sh. Pidaev (Eds.). *Religii Tsentral'noi Azii i Azerbaidzhana. Tom II: Zoroastrizm i verovaniia mazdeistskogo kruga*. Samarkand: MITSAL, 76–134. (Rus.).
- Gyul E. (2005). *The dialogue of cultures in the art of Uzbekistan: Antiquity and the Middle Ages*. Tashkent: PRINT-S. (Rus.).
- Gyul T.I. (2016). The cult of the goddess Nana in Central Asia and traces of her stay in the Chach — Tashkent oasis. *O'zbekiston tarixi*, (3–4), 13–24. (Rus.).
- Lur'e P.B. (2017). The Pantheon of Sogdians based on proper names. In: G.R. Karimova (Ed.). *Problemy arkheologii i istorii Tadzhikistana*. Dushanbe: Donish, 123–131. (Rus.).
- Marshak B.I. (1999). The Sogd of 5-th–8-th centuries: Ideology on monuments of art. In: B.A. Rybakov (Ed.). *Arkheologiya. Sredniaia Aziia i Dal'nii Vostok v epokhu srednevekov'ia. Sredniaia Aziia v rannem srednevekov'e*. Moscow: Nauka, 175–191. (Rus.).
- Raspopova V.I., Shishkina G.V. (1999). Sogd. In: B.A. Rybakov (Ed.). *Arkheologiya. Sredniaia Aziia i Dal'nii Vostok v epokhu srednevekov'ia. Sredniaia Aziia v rannem srednevekov'e*. Moscow: Nauka, 50–77. (Rus.).
- Rempel' L.I. (1977). The fragment of a bronze statue of a camel from Samarkand and the winged camel of Varakhsha (to the issue of nature of Sogdian art). In: *Sredniaia Aziia v drevnosti i srednevekov'e: Istoriia i kul'tura*. Moscow: GRVL, 95–102. (Rus.).
- Shishkin V.A. (1963). *The Varakhsha*. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. (Rus.).
- Shkoda V.G. (2009). *The Panjakent temples and problems of the Sogdian religion (5-th–8-th centuries AD.)*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. (Rus.).
- Shkoda V.G. (2013). B.I. Marshak and the painting of Penjikent (researcher's method). In: P.L. Lur'e, A.I. Torgoev (Eds.). *Sogdiitsy, ikh predshestvenniki, sovremenniki i nasledniki. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha LXII*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 147–158. (Rus.).
- Smirnova O.I. (1971). The places of pre-Muslim cults in Central Asia (based on toponymy materials). *Strany i narody Vostoka. Vypusk X: Sredniaia i Tsentral'naia Aziia. Geografiia, etnografiia, istoriia*. Moscow: Nauka: GRVL, 90–108. (Rus.).
- Smirnova O.I. (1981). *The synoptic catalog of Sogdian coins*. Bronze. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Suleimanov R. (2000). Ancient Nakhshab. Problems of the civilization of Uzbekistan in the 7th century BC — VII century AD. Samarkand; Tashkent: FAN. (Rus.).
- Suleimanov R. (2010). About Veretragna. In: Abdullaev K. (Ed.). *Traditsii Vostoka i Zapada v antichnoi kul'ture Srednei Azii*. Tashkent: Noshirlik yog'disi Press, 198–203. (Rus.).
- Tokarev S.A. (Ed.) (1991). *Myths of the peoples of the world: Encyclopedia. Volume 1: A–K*. Moscow: Sovetskaia Entsiklopediia: MP Oskankino. (Rus.).
- Trever K.V. (1937). Senmurv-Paskudzh, the dog-bird. Leningrad: Gosudarstvennyi Ermitazh. (Rus.).
- Vainberg B.I. (1977). *The Coins of ancient Khorezm*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Vainberg B.I. (Ed.) (2004). *The Kalaly-gyr 2: The cult center in Ancient Khorezm IV–II centuries BC*. Moscow: Vostochnaia literatura. (Rus.).
- Vertienko A.V. (2014). The image of a boar in the Iranian tradition — narrative and visualization. *Stratum plus: Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya*, (3), 271–280. (Rus.).

Гюль Т.И., <https://orcid.org/0000-0003-1630-6541>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 25.02.2021

Article is published: 28.05.2021

Папин Д.В.^{a, b, *}, Степанова Н.Ф.^{a, b}, Федорук А.С.^b,
Федорук О.А.^b, Ломан В.Г.^c

^a ИАЭТ СО РАН, просп. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090

^b АлтГУ, просп. Ленина, 61, Барнаул, 656049

^c КарУ им. Е.А. Букетова, ул. Университетская, 28, Караганда, 100028, Республика Казахстан

E-mail: papindv@mail.ru (Папин Д.В.); nstepanova10@mail.ru (Степанова Н.Ф.);

fedorukas@mail.ru (Федорук А.С.); olunka.p@mail.ru (Федорук О.А.); lvg7@yandex.ru (Ломан В.Г.)

КЕРАМИКА АНДРОНОВСКОЙ (ФЕДОРОВСКОЙ) КУЛЬТУРЫ ПОСЕЛЕНИЯ ЖАРКОВО-3

Представлены результаты комплексного анализа андроновской (федоровской) керамики поселения Жарково 3. Установлено, что в коллекции присутствуют сосуды баночных и горшковидных форм, преобладающей техникой орнаментации которых является штампование. В качестве исходного сырья гончары поселка предпочитали среднепластичные глины средней ожелезненности. Основной рецепт составления формовочной массы — «глина + шамот + органика». Зафиксированные на поселении лоскутно-комковатый и спирально-лоскутный способы формования полого тела сосудов характерны для андроновской керамики на всей территории ее распространения.

Ключевые слова: бронзовый век, Алтай, керамика, технология, андроновская культура.

Введение

Традиционно используемый в археологии типологический анализ орнаментальных схем и форм сосудов не всегда позволяет подойти к изучению явлений на уровне отдельных групп. При историко-культурном подходе, разработанном А.А. Бобринским [1978, 1999], и в частности в результате технико-технологического анализа, доступно исследование явлений на уровне выработки адаптивных навыков в производстве керамики и вклада конкретных мастеров. Возможности сочетания традиционного и технико-технологического методов изучения древней керамики были продемонстрированы авторами на материалах ряда ключевых для региона поселений эпохи развитой и поздней бронзы Алтая: Рублево-VI, Фирсово-XVIII, позднебронзового комплекса поселения Жарково-3, Толоконное-1, Цыганкова Сопка-1, -3. В итоге удалось выделить различные в культурном плане традиции, установить направления связей населения поселков и определить внутреннюю хронологию памятников [Папин и др., 2015, 2016а–2016с; Кирюшин и др., 2015].

В настоящее время наблюдается существенный перекоп в изучении памятников андроновской (федоровской) культуры Алтая. Если некрополи не раз становились объектами исследования, то материалы поселений долгое время фактически оставались за рамками научного анализа. В 2016 г. Д.С. Леонтьевой были впервые систематизированы и проанализированы керамические комплексы 11 поселений, содержащих достаточное количество материалов для статистической обработки [Леонтьева, 2016]. Дальнейшая публикация новых результатов исследований поселенческих материалов позволит существенно увеличить источниковый фонд, уточнить вопросы, связанные с относительной хронологией памятников, а также процессами взаимодействия различных групп андроновского населения.

Целью данного исследования является комплексная характеристика андроновской (федоровской) керамики поселения Жарково-3. Представляемые материалы авторы рассматривают в рамках андроновской (федоровской) культуры, что отражает региональную специфику алтайских памятников в системе андроновских урало-сибирских древностей [Кирюшин, 1986]. Данный термин прочно закрепился в научной среде и используется учеными разных центров Барнаула, Новосибирска, Кемерово и Санкт-Петербурга для определения культурно-исторической ситуации, сложившейся в первой половине II тыс. до н.э. на юге Западной Сибири [Молодин, Гришин, 2019, с. 154; Савинов, Бобров, 2018; Поляков, 2020, с. 30].

На данный момент представления о времени существования андроновских памятников на юге Западной Сибири претерпели серьезные изменения, по материалам андроновских могиль-

* Corresponding author.

ников Рублево VIII и Фирсово XIV для Алтая была получена серия радиоуглеродных дат, демонстрирующая суммарный интервал в пределах XX–XVII вв. до н.э. 1σ (XXII–XV вв. до н.э. по 2σ) [Кирюшин, Папин, 2010]. В рамках этой хронологии мы склонны рассматривать андроновский (федоровский) комплекс поселения Жарково-3.

Памятник расположен в центральной Кулунде, на территории Баевского района Алтайского края, недалеко от кладбища ныне не существующего поселка Жарково. Обнаружено поселение осенью 2004 г. А.С. Федоруком [Федорук и др., 2005]. В 2006–2010 гг. объект целенаправленно изучался экспедициями Алтайского госуниверситета и Института археологии и этнографии СО РАН [Кирюшин и др., 2006, 2007, 2008а–2008с, 2009, 2010; Федорук, 2006–2008]. Общая вскрытая площадь на памятнике составила более 1000 м². Раскопом полностью исследованы одно андроновское сооружение [Федорук и др., 2015b], одно жилище и часть сооружения эпохи поздней бронзы, а также часть зольника этого периода (материалы саргаринско-алексеевской и ирменской культур) [Федорук и др., 2015a].

В итоге полевого изучения памятника была сформирована коллекция керамики, насчитывающая 5911 фрагментов сосудов, 1324 из которых орнаментированы. Наиболее крупные из данной серии (285 шт.) были отобраны для последующего исследования. Результаты изучения 211 фрагментов, датируемых эпохой поздней бронзы, были опубликованы нами ранее [Папин и др., 2016b]. Задачей настоящей работы является публикация обнаруженного на памятнике андроновского керамического комплекса.

Методика исследования

Изучение андроновской керамической коллекции проведено по методике, включающей в себя изучение форм, техники орнаментации, орнаментальных схем, а также исходного сырья, формовочных масс и способов конструирования полого тела сосудов¹.

С целью получения достоверной выборки для анализа отбирались все достаточно крупные орнаментированные фрагменты различных зон сосудов (шейки, орнаментированные стенки, придонные части разных сосудов). Таким образом, андроновская коллекция поселения Жарково-3, подвергнутая анализу, составила 74 фрагмента.

В связи с длительным периодом существования памятника для более детального анализа, а также возможности сопоставления полученных результатов была отобрана керамика из различных объектов поселения, выделяющихся как планиграфически, так и стратиграфически: зольник (отдельно верхние (золистые отложения) и нижние слои (погребенная почва)), сооружение № 1, сооружение № 2, объект № 7 сооружения № 2, сооружение № 3. Доля андроновской посуды в этих объектах существенно различалась. В верхних слоях зольника ее доля составила лишь 4,4 %, а в нижних достигла 46,3 %. В заполнении котлована сооружения № 1 ее доля составляла 27,1 % (как и саргаринско-алексеевской). В перекрытом золистыми отложениями (верхние слои зольника) сооружении № 2 половина фрагментов принадлежала андроновской керамике, а в расположенном в его центральной части объекте № 7 (колодец) была встречена только она. В то же время в котловане сооружения № 3 данная посуда составляла лишь 12,5 %.

На первом этапе исследования анализировались формы и орнаментация керамики. Использовалась методика В.Ф. Генинга [1973, с. 115–116]: подсчеты велись по отдельным элементам орнамента, а поверхность сосуда рассматривалась как совокупность отдельных зон, что позволило более детально отразить специфику орнаментации комплекса.

На втором этапе был выполнен технико-технологический анализ серии из 49 образцов от 47 сосудов. Исследования проводились по методике А.А. Бобринского [1978, 1999] с помощью микроскопов «МБС-10» и Stemi-2000-C. Были получены сведения по следующим технологическим ступеням: отбор и подготовка исходного сырья, состав формовочных масс, конструирование емкости (полого тела) сосудов. Все исследуемые образцы дополнительно нагревались в окислительной среде в муфельной печи при температуре 850 °С.

Результаты

Исследование *форм* производилось по крупным фрагментам верхних частей сосудов с сохранившимися типологически значимыми зонами (венчик, шейка, плечики). Таковых в коллекции 45 фрагментов. Их изучение позволило выделить два основных типа: банки (62,2 %, в том

¹ Анализ исходного сырья и формовочных масс проведен Н.Ф. Степановой, анализ способов конструирования полого тела — В.Г. Ломаном.

числе: закрытого подтипа — 44,4 %, открытого подтипа — 17,8 %) и горшки (37,8 %, в том числе: среднепрофилированные — 17,8 %, слабопрофилированные — 20,0 %).

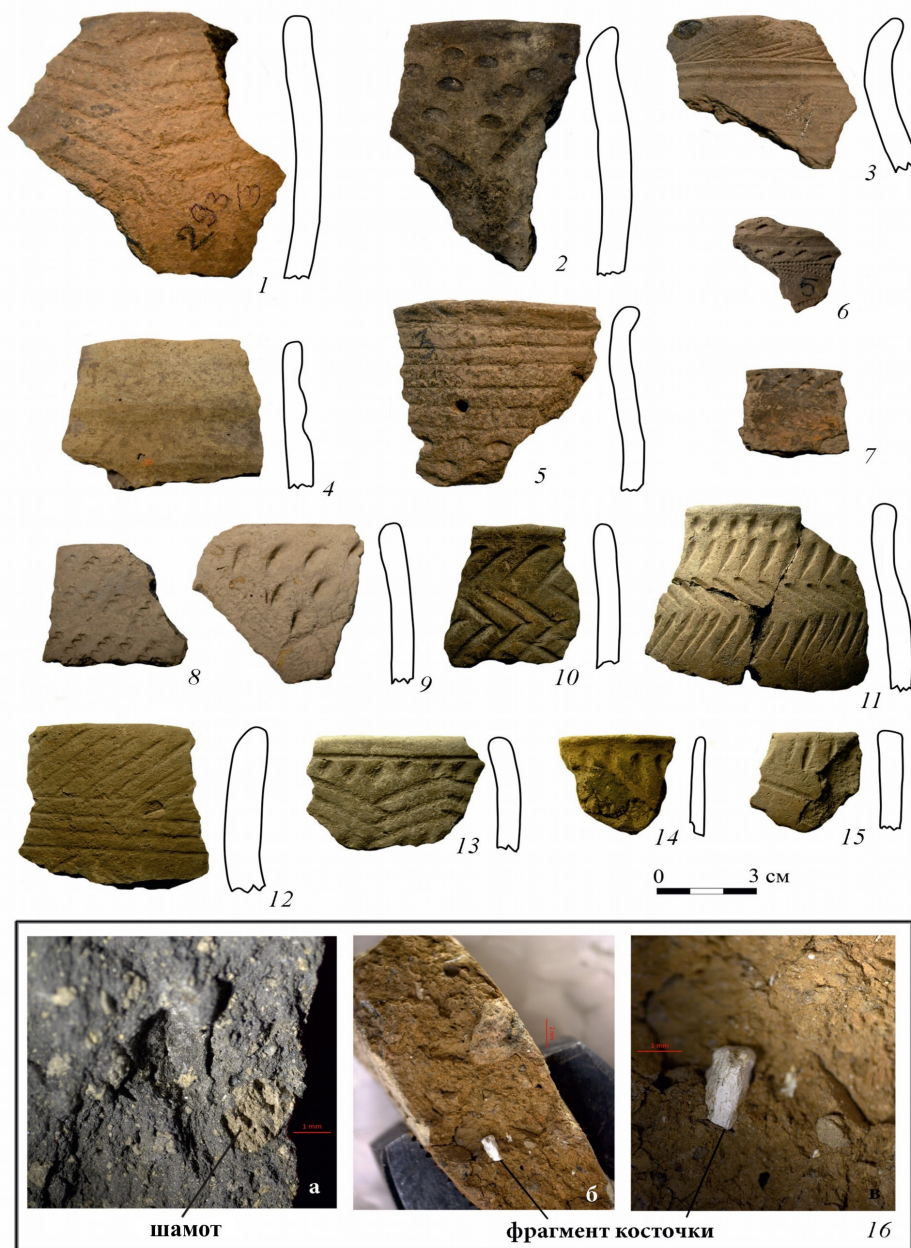

Рис. 1. Андроновская (федоровская) керамика из зольника (1–9), сооружения № 3 (10) и сооружения № 1 (11–15) поселения Жарково-3, микрофотографии образцов андроновской (федоровской) керамики (16).

Fig. 1. Andronovo (fedorovo) ceramics from the ash pan (1–9), buildings No. 3 (10) and buildings No. 1 (11–15) of the Zharkovo-3 settlement, micrographs of samples of Andronovo (Fedorovo) ceramics (16).

Преобладающей техникой орнамента, зафиксированной на исследуемой серии керамики, было штампование (78,0 %), реже встречается прочерчивание (8,0 %), прочерчивание каннелюра (7,0 %), наклады (5,0 %) и шагающий гребенчатый штамп (2,0 %).

В целом в орнаментации изучаемой серии керамики отмечено использование 26 различных мотивов орнамента. Наиболее часто употребляются «вертикальная елочка» (26,0 %) (рис. 1, 1, 10; 2, 3, 4, 12, 17; 3, 3), горизонтальный зигзаг, в том числе из лент (14,0 %) (рис. 1, 13; 2, 3, 5, 8, 10), различные меандровидные фигуры и ряды наклонных треугольников (по 7,0 %) (рис. 1, 3; 2, 1, 2, 7, 15; 3, 1, 2, 7, 8), узкие каннелюры и пояски (по 5,0 %) (рис. 1, 3, 5, 6; 2, 2; 3, 1, 2).

Сопоставление мотивов орнамента и форм сосудов позволяет сделать вывод, что для орнаментации баночных форм (рис. 1, 1, 2, 4, 9–11, 13–15; 2, 1, 3–7, 10, 12, 13, 17) более характерны такие мотивы орнамента, как горизонтальные ряды оттисков штампов (19,0 % всех встреченных на сосудах данного типа мотивов), «вертикальная елочка» (16,7 %), горизонтальный зигзаг (14,3 %), широкие каннелюры (11,9 %). При этом сосуды открытых баночных форм чаще декорировались рядами оттисков штампов (33,3 % всех встреченных на сосудах данного подтипа мотивов), «горизонтальными елочкой» (20,0 %) или зигзагом (13,3 %) либо «вертикальной елочкой» (13,3 %). Единично зафиксированы широкие каннелюры, горизонтальные прочерченные линии, ряды разнообразных треугольников. Для банок закрытых форм наиболее характерны такие мотивы, как «вертикальная елочка» (25,9%), ряды треугольников (22,2 %), горизонтальный зигзаг и широкие каннелюры (по 14,8 %), ряды оттисков штампа (11,1 %) или горизонтальные прочерченные линии (7,4 %). На одном фрагменте присутствует «горизонтальная качалка».

Для орнамента сосудов горшковидных форм (рис. 1, 3, 5, 7, 8, 12; 2, 2, 8, 9, 16; 3, 1, 2, 5–8) наиболее характерны прямые или наклонные треугольники вершинами вверх или вниз (25,7 %), меандровидные фигуры (14,3 %), горизонтальные прочерченные линии или узкие каннелюры (по 11,4 %). Для среднепрофилированных горшков характерны ряды разнообразных треугольников (35,0 %), узкие каннелюры и меандровидный орнамент (по 20,0 %), а также вертикальный зигзаг (10,0 %). Единично встречаются «вертикальная елочка», зигзагообразная лента и ряд оттисков уголка лопаточки. Для слабопрофилированных горшков более типичны горизонтальные прочерченные линии (26,7 %), «вертикальная елочка» (20,0 %), ряды оттисков штампа либо различные треугольники (по 13,3 %). Остальные мотивы встречены единично.

Сопоставление форм сосудов и их орнаментации позволило с достаточной долей уверенности установить формы посуды и для некоторых фрагментов тулов. Так, «ковровый» орнамент соответствует сосудам горшечных форм (рис. 1, 6; 2, 14, 15; 3, 6–8), декор в виде вертикальной или горизонтальной «елочки», широкие каннелюры — сосудам баночного типа.

Сравнительный анализ посуды из различных объектов памятника не выявил существенных различий в формах и орнаментации сосудов.

Технико-технологический анализ керамики позволил установить, что в качестве исходного сырья использовались ожелезненные глины, преимущественно средней ожелезненности (88 %), реже — слабой и сильной (8 и 2 % соответственно). Один сосуд (рис. 1, 1) изготовлен из качественно другой глины — нежелезненной. В ряде случаев из нежелезненного, слабо- и сильножелезненного сырья были изготовлены сосуды, раздробленные на шамот. Преобладают сосуды из среднепластичного сырья (45 %), немного реже встречаются изделия из пластичного (36 %) и реже — из низкопластичного (19 %). Концентрация песка в низко- и среднепластичном сырье колеблется от 1:2 до 1:4. Из естественных примесей в половине образцов зафиксирован бурый железняк, в большинстве сосудов пылевидный песок, реже размеры песчинок достигают 0,5–1,0 мм и лишь изредка присутствуют более крупные частицы. По размерам фракций песка (до 2 мм) выделяется один сосуд (рис. 2, 3). В 32 % изделий встречены единичные обломки раковины или мелкие (до 1 мм диаметром) улитки. Обычно это один небольшой обломок на несколько квадратных сантиметров, но выделяются три образца из сооружения № 2 (рис. 2, 1, 5, 12, 18а, 18б) с более значительным количеством обломков раковин (до 4–5 фрагментов на 1 см²).

Таким образом, можно предположить, что андроновские гончары поселения Жарково-3 использовали несколько источников глин, основное различие которых сводилось к концентрации в них песка. Не характерны для поселения слабо-, сильно- и нежелезненные глины (табл.). Вероятнее всего, наличие единичных обломков раковин в сырье свидетельствует, что часть залежей глин находилась неподалеку от водоемов, возможно, древних.

Анализ состава формовочных масс выявил наличие четырех рецептов: 1) глина + шамот + органика (75 %), 2) глина + шамот (2 %), 3) глина + шамот + дресва + органика (2 %), 4) глина + шамот + органика + кость (21 %) (рис. 1, 16; 2, 18). Органика в рецептах представлена растворами. Основная традиция в выборе минеральных примесей — добавление шамота. Отмечаются различия в размерах и концентрации частиц. Обычно добавляли шамот с размерностью частиц от 0,5 мм до 3 мм, но в 17 % сосудов частицы не превышают 2 мм, в трех сосудах достигают 5–7 мм (рис. 3, 3). Концентрация шамота преимущественно 1:4–5, реже — 1:3–4, в отдельных изделиях — 1:2–3 и 1:5 (рис. 1, 1).

Шамот из одного сосуда нередко различается по ожелезненности, что указывает на использование шамота, изготовленного из разных сосудов. В 28 % образцов зафиксирован сла-

боожелезненный шамот, в 11 % — необычной для памятника неожелезненной глины и только в одном (рис. 2, 6) — из сильноожезленной глины. Нельзя не отметить, что слабо- и нежезненный шамот встречается чаще, чем сосуды из слабо- и нежезненных глин на данном поселении. Из естественных примесей в нескольких образцах в шамоте выявлен песок (рис. 1, 1, 2, 5). В одном случае встречен шамот из среднепластичного сырья. Из искусственных примесей в нескольких фрагментах в шамоте отмечен шамот (рис. 1, 2, 6), в одном — дресва (рис. 1, 8), в трех — кость (рис. 2, 10, 17, 18б, 18в; 3, 5). В одном случае в шамоте зафиксирована кость в большой концентрации (1:3), что в несколько раз превышает концентрацию кости в самом образце (рис. 2, 18в). Данный факт свидетельствует, что кость не добавляли в формовочную массу этого сосуда, а она попала в изделие из шамота.

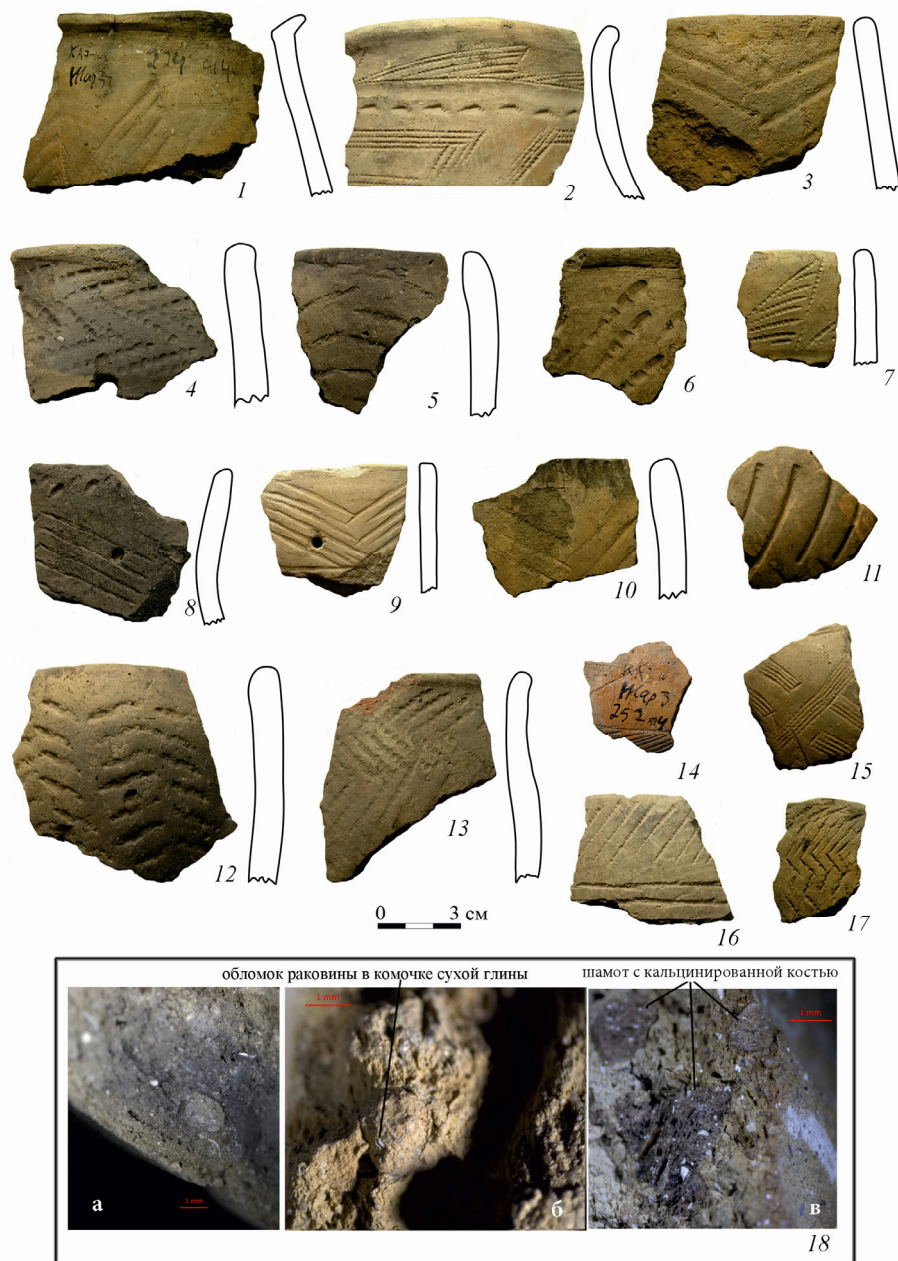

Рис. 2. Андроновская (федоровская) керамика из сооружения № 2 поселения Жарково-3 (1–17), микрофотографии образцов андроновской (федоровской) керамики (18).
Fig. 2. Andronovo (Fedorovo) ceramics from building No. 2 of the settlement of Zharkovo-3 (1–17), micrographs of samples of Andronovo (Fedorovo) ceramics (18).

Керамика андроновской (федоровской) культуры поселения Жарково-3

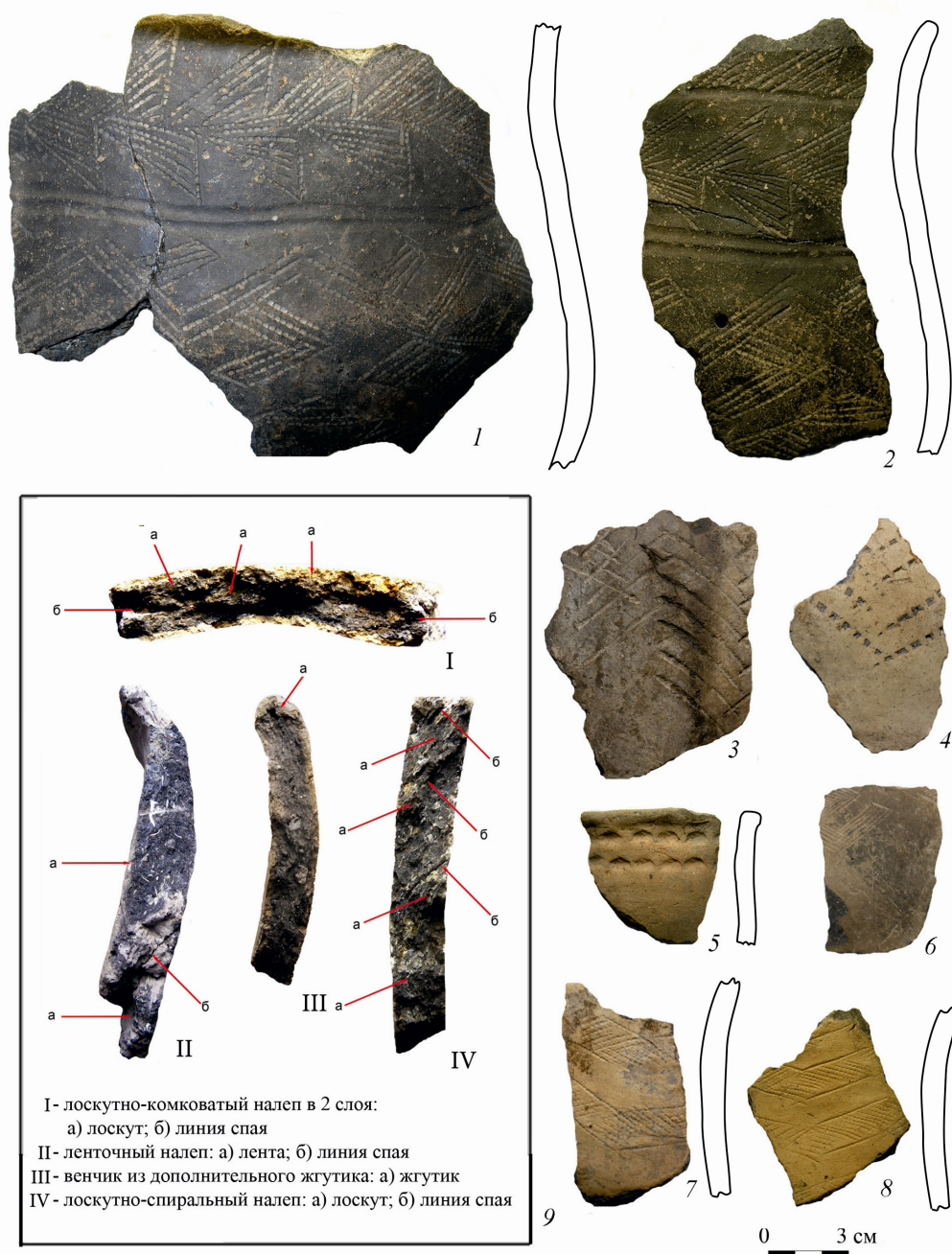

Рис. 3. Андроновская (федоровская) керамика из объекта № 7 сооружения № 2 (1–8) и особенности конструирования сосудов (9) поселения Жарково-3.

Fig. 3. Andronovo (Fedorovo) ceramics from object No. 7 of construction No. 2 (1–8) and the design features of vessels (9) of the Zharkovo-3 settlement.

На поселении преобладает рецепт № 1: глина + шамот + органика. Особого внимания заслуживают рецепты № 3 и 4. Один из них отражает смешение культурных традиций в использовании минеральных примесей, другой фиксирует наличие в формовочной массе дробленой кальцинированной кости. В составе 21 % сосудов встречаются единичные фрагменты кости. Их незначительное количество — одна частичка на несколько квадратных сантиметров может быть связано с тем, что кость не добавлялась в формовочные массы как отдельный компонент, а попадала в изделие с шамотом. С другой стороны, невысокая концентрация кости в формовочных массах может быть связана с тем, что ее добавляли в ритуальных целях. В целом можно говорить об отмирании традиции использования кости в качестве искусственной примеси.

Подобная же ситуация зафиксирована на андроновском могильнике Рублево-VIII [Гутков и др., 2014, с. 317].

Сопоставление результатов технико-технологического анализа керамики из отдельных объектов памятника позволило выявить некоторые особенности. В частности, наибольшее разнообразие сосудов, изготовленных из различного по ожелезненности исходного сырья, наблюдается в зольнике, а наиболее высокий процент изделий из низкопластичного сырья зафиксирован в сооружении № 2. В исходном сырье образцов из зольника раковины не обнаружено. В сооружении № 1 такой обломок отмечен лишь в одном из шести фрагментов (табл.). Поскольку выборка исследованных образцов невелика, пока затруднительно делать выводы, с чем связана данная ситуация: с разной хронологической позицией объектов или с чем-то иным (например, с предпочтением конкретных мастеров).

При соотнесении состава формовочных масс с формами керамики было отмечено, что в исходном сырье сосудов баночных форм чаще встречаются обломки раковины (40 % сосудов этой группы), тогда как в горшках раковина встречена в 18 % случаев. Являются ли данные различия закономерностью, можно будет судить при увеличении выборки анализируемой коллекции. Сравнительный анализ состава формовочных масс с орнаментацией сосудов каких-либо особенностей не выявил.

Исходное сырье и формовочные массы

Raw materials and molding materials

	Экз.	Ожелезненность				Пластичность			Рецепт			
		Сильно ожелезненные, %	Средне ожелезненные, %	Слабо ожелезненные, %	Неожелезненные, %	Пластичные, %	Среднепластичные, %	Низкопластичные, %	Г+ш+о %		Г+ш+д+о, %	Г+ш, %
Всего	47	2	88	8	2	36	45	19	75	21	2	2
Зольник	10	10	50	30	10	50	40	10	90		10	
Сооружение № 1	6		100				100		67	16,5		16,5
Сооружение № 2	24		100			33	38	29	75	25		
Объект № 7 сооружения № 2	6		83	17		50	33	17	50	50		
Сооружение № 3	1		100			100			100			

На предмет *конструирования* удалось изучить фрагменты лишь 11 верхних частей сосудов с венчиками. По ним установлено, что при изготовлении керамики применялся лоскутно-комковатый налеп (рис. 1, 1, 4; 2, 9, 11; 3, 3), в том числе из двух слоев лоскутов (рис. 3, 4, 6; 3, 9: I (фрагмент на рис. 3, 4)). В одном случае встречен также спирально-лоскутный налеп (рис. 3, 2; 3, 9: IV). Зафиксировано изготовление венчика сосуда из отдельного жгутика, наклепленного на верхний край емкости (рис. 2, 2; 3, 9: III). Единично отмечен ленточный способ конструирования (рис. 2, 1; 3, 9: II).

Исследование конструирования полого тела керамики поселения Жарково-3 свидетельствует об устойчивых навыках его изготовления. В связи с небольшой выборкой исследованных сосудов какой-либо взаимосвязи способа конструирования с формой и техникой орнаментации, а также распределения данных сосудов по объектам проследить не удалось. Можно лишь отметить, что сосуд, сконструированный несвойственным андроновскому гончарству ленточным способом, был изготовлен по ведущему на памятнике рецепту — глина + шамот + органика.

Обсуждение результатов

Обобщая результаты исследования андроновской керамической серии поселения Жарково-3, можно выделить культурные традиции, характерные для данного комплекса.

Основную массу керамики составляли сосуды баночной формы (62,2 %). Преобладающей техникой орнаментации является штампование. Для орнаментации банок использовались горизонтальные ряды оттисков штампов, вертикальная елочка, горизонтальный зигзаг, широкие каннелюры. Для декорирования горшков применялись прямые или наклонные треугольники вершинами вверх или вниз, меандровидные фигуры, горизонтальные прочерченные линии или узкие каннелюры.

При отборе исходного сырья гончары поселения Жарково-3 отдавали предпочтение среднежелезненным среднепластичным и пластичным глинам. Керамика изготавливалась по четырем различным рецептам, среди которых ведущим был «глина + шамот + органика». По данному рецепту было изготовлено 75 % исследованных сосудов.

Необходимо также отметить, что в исследуемой коллекции нет двух сосудов, изготовленных из одного замеса. Все сосуды имеют индивидуальные черты, которые проявляются в исходном сырье или формовочных массах: например, могут различаться размерами частиц и концентрацией шамота и т.д. Исходя из полученных данных мы можем говорить, что керамику изготавливало несколько гончаров или групп гончаров. Этим же можно объяснить наличие сосудов, изготовленных из глин, происходящих из нескольких источников. С другой стороны, использование различных источников глин может быть связано с процессом освоения новых ресурсов.

В целом выявленные на отдельных объектах поселения особенности керамики не столь существенны и могли быть связаны с индивидуальными отличиями навыков гончаров поселения. Суммируя полученные результаты анализа морфологии, орнаментации и технологии изготовления сосудов, можно говорить о единообразии всей исследуемой керамической коллекции.

Из особенностей гончарных традиций поселения можно отметить использование шамота средней размерности (до 2 мм), тогда как для андроновской керамики Алтая более характерен крупный шамот [Леонтьева, 2016, с. 14]. Кроме того, в ряде случаев выявлено присутствие шамота, изготовленного из качественно другого, не характерного для рассматриваемой коллекции, сырья — нежелезненных глин, в целом необычных для древнего гончарства Алтая. Возможно, на шамот были использованы привозные горшки, образец которых представляет сосуд № 2 из зольника (рис. 1, 1). Учитывая тот факт, что слабо- и нежелезненный шамот встречается чаще, чем сосуды из слабо- и нежелезненных глин на данном памятнике, можно предположить, что население, основавшее поселение Жарково-3, пришло из мест, где преобладали слабо- и нежелезненные глины.

Сравнение результатов анализа андроновского (федоровского) керамического комплекса поселения Жарково-3 с материалами единокультурных комплексов региона позволяет говорить об их сходстве.

Как отмечают исследователи, в поселенческих комплексах региона большую часть керамики составляли сосуды баночных форм. Преобладала техника «штампование» (63,8 %). Также распространенными были техники «протаскивание», «вдавливания». Реже фиксируются «накопчатая», «резная» техники, «качалка». Наиболее распространенным мотивом являлась «вертикальная» елочка [Леонтьева, 2016, с. 15; Удодов, 1991, с. 75]. Для банок характерными мотивами были ямочные вдавливания, каннелюры, «вертикальная елочка», горизонтальные линии, «горизонтальная елочка». Орнаментация горшков более разнообразна, чаще всего встречаются такие мотивы, как каннелюры, ряды косоугольных треугольников, горизонтальные линии [Леонтьева, 2016, с. 15–16; Грушин и др., 2014, с. 77–79].

На большинстве андроновских памятников региона ведущей, как и на Жарково-3, была традиция использования шамота в качестве минеральной примеси. В то же время практически повсеместно встречается небольшое количество сосудов, при изготовлении которых в формовочную массу добавлялась дресва или кость [Леонтьева, 2016, с. 12–14; Гутков и др., 2014, с. 317]. Исключением являются только памятники предгорной зоны, на которых преобладала смешанная традиция (добавление и дресвы, и шамота) [Леонтьева, 2016, с. 13–14; Савко, Федорук, 2020, с. 91–92]. Шамот в качестве основной добавки к глине отмечается на памятниках Северного Казахстана и лесостепного Притоболья [Ломан, 1993, с. 28; Илюшина, 2015, с. 46], что говорит о близости культурных традиций составления формовочных масс у гончаров Алтая и вышеуказанных регионов распространения культур андроновской культурно-исторической общности.

Присутствие в коллекции единичных сосудов с выраженными особенностями технологии изготовления следует расценивать как примеры импорта, указывающие на связи местного населения с другими андроновскими (федоровскими) общинами. К таким экземплярам относятся, например, сосуды № 2 (рис. 1, 1) из нежелезненной глины, № 4 (рис. 2, 3) с естественной примесью крупнозернистого песка, № 42 (рис. 1, 7) с искусственной добавкой дресвы. Последний образец мог происходить из предгорных районов Алтая, в которых преобладала смешанная традиция добавления минеральных примесей, или Центрального Казахстана, для гончарства которого этот вид минеральной добавки был традиционным [Леонтьева, 2016, с. 13–14; Ломан, 1993, с. 27].

Исследование конструирования полого тела андроновской керамики поселения Жарково-3 свидетельствует об устойчивых навыках его изготовления. Оба способа (лоскутно-комковатый и

спирально-лоскутный), зафиксированные на поселении, были характерны для керамики культур андроновской культурно-исторической общности на всей территории ее распространения [Ломан, 1995, с. 97]. При этом в исследованной серии керамики поселения Жарково-3 преобладает лоскутно-комковатый способ. Единственный выявленный сосуд со спирально-лоскутным полым телом (рис. 3, 1), возможно, был привезен, например, из районов, близких к могильнику Рублево-VIII, на котором данный способ конструирования полого тела существенно преобладал над лоскутно-комковатым [Гутков и др., 2014, с. 314]. Наличие сосуда, изготовленного ленточным способом, говорит о контактах андроновцев поселения Жарково-3 с неустановленным инокультурным населением.

Заключение

Можно констатировать, что андроновское (федоровское) население поселения Жарково-3 достигло определенного единства культурных традиций гончарного производства. Это проявилось как в навыках отбора исходного сырья, составления формовочных масс, конструирования полого тела сосуда, так и в устоявшейся взаимосвязи форм сосудов с их орнаментацией.

Морфология, орнаментация и технология изготовления андроновской керамики поселения Жарково-3 в целом типичны для территории степного и лесостепного Алтая. Полученные данные демонстрируют сходство навыков, существовавших у населения региона, что, в свою очередь, свидетельствует в пользу его однородности.

Выявленные для некоторых сосудов особенности их производства позволяют говорить о наличии контактов жителей поселения Жарково-3 как с андроновским населением сопредельных территорий, так и с представителями иных культур.

Финансирование. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ проект № 20-18-00179 «Миграции и процессы этнокультурного взаимодействия как факторы формирования полиэтнических социумов на территории Большого Алтая в древности и средневековье: междисциплинарный анализ археологических и антропологических материалов».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
- Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1. С. 114–135.
- Грушин С.П., Леонтьева Д.С. Андроновский керамический комплекс с поселения Фирсово-XV в Верхнем Приобье // Известия Алтайского государственного университета. 2014. Т. 1. № 4 (84). С. 74–81. DOI: 10.14258/izvasu(2014)4.1-11
- Гутков А.И., Папин Д.В., Федорук О.А. Культурные особенности андроновской керамики из могильника Рублево VIII // Арии степей Евразии: Эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. С. 311–321.
- Илюшина В.В. Керамика федоровской культуры поселения Щетково 2 в Нижнем Притобье: (Результаты технико-технологического анализа) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 38–47.
- Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В. Некоторые вопросы радиоуглеродной хронологии памятников андроновской культуры Алтая // Археологические изыскания в Западной Сибири: Прошлое, настоящее, будущее: К юбилею проф. Т.Н. Троицкой. Новосибирск, 2010. С. 19–21.
- Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Исследования в Центральной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. XII. Ч. I. С. 358–360.
- Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Исследования поселения Жарково-3 в Центральной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 264–267.
- Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Предварительные итоги исследования поселения эпохи поздней бронзы Жарково-3 // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул: Концепт, 2008а. С. 5–17.
- Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Продолжение исследований на поселении Жарково-3 // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2008b. С. 166–168.
- Кирюшин Ю.Ф., Федорук А.С., Папин Д.В. Предварительные итоги полевого изучения поселения Жарково-3 в Центральной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008с. Т. XIV. С. 169–174.

Керамика андроновской (федоровской) культуры поселения Жарково-3

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Изучение памятников бронзового века Кулундинской степи летом 2009 года // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. XIV. С. 275–280.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Фролов Я.В. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железного века в Алтайском Приобье и степном Алтае // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. XV. С. 206–210.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук О.А. Техно-технологический анализ керамического комплекса поселений Цыганкова Сопка-I, III // Известия Алтайского государственного университета. 2015. Т. 2. № 4 (88). С. 87–91. DOI: 10.14258/izvasu(2015)4.2-15

Ломан В.Г. Андроновское гончарство: общие приемы изготовления сосудов // Культуры древних народов степей Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. Челябинск: ЧелГУ, 1995. Ч. V. Кн. 1. С. 96–100.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. 5: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов позднекротовской (черноозерской), андроновской (федоровской), ирменской и пахомовской культур. 223 с.

Папин Д.В., Ломан В.Г., Степанова Н.Ф., Федорук А.С. Результаты технико-технологического анализа керамического комплекса поселения эпохи поздней бронзы Рублево-VI // Теория и практика археологических исследований. 2015. Вып. 2 (12). С. 115–143.

Папин Д.В., Федорук А.С., Ломан В.Г., Степанова Н.Ф. Керамический комплекс эпохи поздней бронзы поселения Жарково-3 // Теория и практика археологических исследований. 2016а. Вып. 3 (15). С. 102–125.

Папин Д.В., Ломан В.Г., Федорук А.С. Керамический комплекс поселения Фирсово-XVIII: (Техно-технологический аспект) // Известия Алтайского государственного университета. 2016b. № 4 (92). С. 262–267. DOI: 10.14258/izvasu(2016)4-44

Папин Д.В., Степанова Н.Ф., Федорук О.А. Керамика поселения Толоконное-1: (Техно-технологический анализ) // Известия Алтайского государственного университета. 2016с. № 2 (90). С. 236–240. DOI: 10.14258/izvasu(2016)2-42

Савинов Д.Г., Бобров В.В. Эталонный памятник андроновской культуры в Кемеровской области // Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2018. № 19. С. 70–80.

Савко И.А., Федорук О.А. Керамика могильника андроновской (федоровской) культуры Чекановский Лог-2: (Комплексный анализ) // Теория и практика археологических исследований. 2020. Вып. 4 (32). С. 83–94. DOI: 10.14258/tpai(2020)4(32)-06

Удодов В.С. О некоторых особенностях керамического комплекса поселения Переезд // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 74–76.

Федорук А.С. Результаты археологического обследования районов центральной и южной Кулунды в 2005 году // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2005 г. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2006. Вып. 2. С. 80–84.

Федорук А.С. Результаты археологических исследований в Баевском, Михайловском и Усть-Пристанском районах Алтайского края // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2006 г. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2007. Вып. 3. С. 40–43.

Федорук А.С. Работы в Баевском, Михайловском и Усть-Пристанском районах Алтайского края в 2006 году // АО 2006 г. М.: Наука, 2008. С. 120–121.

Федорук А.С., Папин Д.В., Редников А.А. Жилища эпохи поздней бронзы поселения Жарково-3 // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015а. Вып. 3. С. 190–193.

Федорук А.С., Папин Д.В., Редников А.А., Федорук О.А. Сооружение андроновского периода на поселении Жарково-3 // Археология Западной Сибири и Алтая: Опыт междисциплинарных исследований. Барнаул: АЗБУКА, 2015b. С. 284–288.

Федорук А.С., Шамшин А.Б., Иванов Г.Е., Цивцина О.А., Рауткин С.С. Памятники эпохи поздней бронзы Кулунды (по материалам разведки 2004 года) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история) 2004 г. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005. С. 113–116.

ИСТОЧНИКИ

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1986. 35 с.

Леонтьева Д.С. Керамика андроновской культуры степного и лесостепного Алтая (по материалам поселений): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2016. 24 с.

Ломан В.Г. Гончарная технология населения Центрального Казахстана второй половины II-го тысячелетия до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. 31 с.

Поляков А.В. Проблемы хронологии и культурогенеза памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2020. 53 с.

Pottery traditions of the Andronovo (Fedorovo) population of the steppe Altai (based on materials from the settlement of Zharkovo-3)

Zharkovo 3 settlement is located in the south of Western Siberia in the steppe Altai. The site was studied by archaeologists of the Altai State University and they discovered two building horizons: one of the Andronovo time (one house was studied) and the other of the Late Bronze Age (two structures and a soot pit). The paper presents the results of a comprehensive analysis of the Andronovo (Fedorovo) ceramics of the Zharkovo 3 settlement. Fragments of 74 different vessels were used to analyze the ornamentation. The method of V.F. Gening was used. The authors conducted the analysis of shapes and ornamentation of the ancient tableware, and analysis of the technology of its manufacture. It has been established that the collection contains vessels of cap- and pot-shaped forms, the predominant technique of ornamentation of which is stamping. The ornamental compositions mainly consist of four or more different motifs. A series of 49 samples, apparently from 47 vessels, was subjected to technical and technological analysis. The method of study of ceramics, developed by A.A. Bobrinsky and followers of his school within the framework of the historical and cultural approach, was used. The potters of the village preferred medium-plastic clay of medium iron content as the raw material. The main recipe for the paste composition was 'clay + chamotte + organics'. Research into the construction of the pottery has revealed consistent skills in its manufacture. The patchwork-lumpy and spiral-patchwork methods of forming the vessel hollow body, recorded in the settlement, are characteristic of the Andronovo ceramics throughout its distribution area. It can be stated that the Andronovo population, who left the pottery of the Zharkovo 3 settlement, achieved a certain unity of cultural traditions in selection of the raw materials and paste composition. Almost all vessels of the site exhibited the use of the same type of mineral additives — chamotte. Deviations in concentration and dimension of its particles are associated with individual differences in the skills of the potters of the settlement. The presence on the site of individual vessels with pronounced differences in manufacturing technology should be regarded as examples of imports.

Key words: Bronze Age, Altai, ceramics, technology, Andronovo Culture.

REFERENCES

- Bobrinskii A.A. (1978). *The Pottery of Eastern Europe: Sources and methods of study*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Bobrinskii A.A. (1999). Pottery technology as an object of historical and cultural studies. In: A.A. Bobrinskii (Ed.). *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva*. Samara: Izdatel'stvo Samarskogo gosudarstvennogo universiteta, 5–109. (Rus.).
- Fedoruk A.S. (2006). Results of an archaeological survey of areas of central and southern Kulunda in 2005. In: M.A. Demin (Ed.). *Polevye issledovaniya v Verkhnem Priob'e i na Altae. 2005 g. Vyp. 2*. Barnaul: BGPU, 80–84. (Rus.).
- Fedoruk A.S. (2007). Results of archaeological research in the Baevsky, Mikhailovsky and Ust-Pristansky districts of the Altai Territory. In: M.A. Demin (Ed.). *Polevye issledovaniya v Verkhnem Priob'e i na Altae. 2006 g. Vyp. 3*. Barnaul: BGPU, 40–43. (Rus.).
- Fedoruk A.S. (2008). Works in Baevsky, Mikhailovsky and Ust-Pristansky districts of Altai Territory in 2006. *Arkheologicheskie otkrytiya 2006 goda*. Moscow: Nauka, 120–121. (Rus.).
- Fedoruk A.S., Papin D.V., Rednikov A.A. (2015a). Dwellings of the Late Bronze Age of the Zharkovo-3 settlement. In: *Chelovek i Sever: Antropologiya, arkheologiya, ekologiya. Vyp. 3*. Tyumen': IPOS SO RAN, 190–193. (Rus.).
- Fedoruk A.S., Papin D.V., Rednikov A.A., Fedoruk O.A. (2015b). Construction of the Andronovo period at the settlement of Zharkovo-3. In: A.A. Tishkin (Ed.). *Arkheologiya Zapadnoi Sibiri i Altaya: Opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy*. Barnaul: AZBUKA, 284–288. (Rus.).
- Fedoruk A.S., Shamshin A.B., Ivanov G.E., Tsvitsina O.A., Raitkin S.S. (2005). Late Bronze Age sites in Kulunda (based on exploration materials from 2004). In: M.A. Demin (Ed.). *Polevye issledovaniya v Verkhnem Priob'e i na Altae (arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya). 2004 god*. Barnaul: BGPU, 113–116. (Rus.).
- Gening V.F. (1973). The program of statistical processing of ceramics from archaeological excavations. *Sovetskaya arkheologiya*, (1), 114–135. (Rus.).
- Grushin S.P., Leont'eva D.S. (2014). Andronovsky ceramic complex from the settlement of Firsovo-XV in the Upper Priobye. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1(4), 74–81. (Rus.). DOI: 10.14258/izvasu(2014)4.1-11
- Gutkov A.I., Papin D.V., Fedoruk O.A. (2014). Cultural features of Andronovo ceramics from the Rublevo VIII burial ground. In: V.I. Molodin (Ed.). *Arii stepei Evrazii: Epokha bronzy i rannego zheleza v stepyakh Evrazii i na sopredel'nykh territoriyakh*. Barnaul: Alt. gos. un-t, 311–321. (Rus.).
- Ilyushina V.V. (2015). Ceramics of the Fedorov culture of the Shchetkovo 2 settlement in the Lower Tobol region: (results of technical and technological analysis). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 31(4), 38–47. (Rus.).

Керамика андроновской (федоровской) культуры поселения Жарково-3

Kiriushin Iu.F., Papin D.V. (2010). Some questions of radiocarbon chronology of the Andronov culture monuments in Altai. In: *Arkheologicheskie izyskaniya v Zapadnoi Sibiri: Proshloe, nastoyashchee, budushchee: K yubileyu prof. T.N. Troitskoi*. Novosibirsk, 19–21. (Rus.).

Kiriushin Iu.F., Papin D.V., Fedoruk A.S. (2006). Investigations in Central Kulund. In: *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*, XII. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN, 358–360. (Rus.).

Kiriushin Iu.F., Papin D.V., Fedoruk A.S. (2007). Investigations of the Zharkovo-3 settlement in Central Kulunda. In: *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*, XIII. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN, 264–267. (Rus.).

Kiriushin Iu.F., Papin D.V., Fedoruk A.S. (2008a). Preliminary results of the study of the settlement of the Late Bronze Age Zharkovo 3. In: D.V. Papin, A.B. Shamshin (Eds.). *Etnokul'turnye protsessy v Verkhnem Priob'e*. Barnaul: Kontsept, 5–18. (Rus.).

Kiriushin Iu.F., Papin D.V., Fedoruk A.S. (2008b). Continuation of research at the settlement of Zharkovo-3. In: *VII istoricheskie chteniya pamyati M.P. Gryaznova*. Omsk: Izd-vo Omsk. gos. un-ta, 166–168. (Rus.).

Kiriushin Iu.F., Papin D.V., Fedoruk A.S. (2008c). Preliminary results of a field study of the settlement of Zharkovo-3 in Central Kulund. In: *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*, XIV. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN, 169–174. (Rus.).

Kiriushin Iu.F., Papin D.V., Fedoruk A.S. (2009). The study of the Bronze Age monuments of the Kulundinskaya steppe in the summer of 2009. In: *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*, XV. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN, 275–280. (Rus.).

Kiryushin Iu.F., Papin D.V., Fedoruk A.S., Frolov Ya.V. (2010). The study of site of the Bronze and Early Iron Age in the Altai Ob region and Altai steppe. In: *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*, XVI. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN, 206–210. (Rus.).

Kiryushin Yu.F., Papin D.V., Fedoruk O.A. (2015). Technical and technological analysis of the ceramic complex of settlements Tsygankova Sopka-I, III. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2(4), 87–91. (Rus.). DOI: 10.14258/izvasu(2015)4.2-15

Loman V.G. (1995). Andronovo pottery: General techniques for manufacturing vessels. In: *Kul'tury drevnikh narodov stepei Evrazii i fenomen protogorodskoi tsivilizatsii Yuzhnogo Urala. Ch. V. Vol. 1*. Chelyabinsk: ChelGU, 1995, 96–100. (Rus.).

Molodin V.I., Grishin A.E. (2019). *Settlement Sopka-2 on the Omi River. Vol. 5: Cultural-chronological analysis of burial complexes of the Late Krotov (Cherno-Ozero), Andronov (Fedorov), Irmen and Pakhomovsk cultures*. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN. (Rus.).

Papin D.V., Loman V.G., Stepanova N.F., Fedoruk A.S. (2015). Results of technical and technological analysis of the ceramic complex of the Late Bronze Age settlement Rublevo-VI. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, 12(2), 115–143. (Rus.).

Papin D.V., Fedoruk A.S., Loman V.G., Stepanova N.F. (2016a). Ceramic Complex of the Late Bronze Age of the settlement Zharkovo 3. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, 15(3), 102–125. (Rus.).

Papin D.V., Loman V.G., Fedoruk A.S. (2016b). Ceramic complex of the settlement of Firsovo-XVIII: (Technical and technological aspect). *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 92(4), 262–267. (Rus.). DOI: 10.14258/izvasu(2016)4-44

Papin D.V., Stepanova N.F., Fedoruk O.A. (2016c). Ceramics of the settlement Tolokonnoye-1: (Technical and technological analysis). *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 90(2), 236–240. (Rus.). DOI: 10.14258/izvasu(2016)2-42

Savinov D.G., Bobrov V.V. (2018). The reference site of the Andronov culture in the Kemerovo region. *Zapiski Instituta istorii material'noi kul'tury RAN*, (19), 70–80. (Rus.).

Savko I.A., Fedoruk O.A. (2020). Ceramics of the burial ground of the Andronovo (Fedorov) culture Chekanovsky Log-2: (Complex analysis) *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, 32(4), 83–94. (Rus.). DOI: 10.14258/tpai(2020)4(32).-06

Udodov V.S. (1991). On some features of the ceramic complex of the site Pereezd. In: Iu.F. Kiryushin (Ed.). *Problemy khronologii i periodizatsii arkheologicheskikh pamyatnikov Yuzhnoi Sibiri*. Barnaul, 74–76. (Rus.).

Палин Д.В., <https://orcid.org/0000-0002-2010-9092>

Степанова Н.Ф., <https://orcid.org/0000-0003-4017-5641>

Федорук А.С., <https://orcid.org/0000-0002-9825-1822>

Федорук О.А., <https://orcid.org/0000-0002-1861-6781>

Ломан В.Г., <https://orcid.org/0000-0001-6951-0509>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 25.02.2021

Article is published: 28.05.2021

Грушин С.П.^{a,*}, Мерц И.В.^b, Мерц В.К.^b, Илюшина В.В.^c, Фрибус А.В.^{d,e}

^a Алтайский государственный университет, просп. Ленина, 61, Барнаул, 656099

^b Торайгыров университет, ул. Ломова, 64, Павлодар, 140008, Казахстан

^c ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026

^d ИИМК РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186

^e Кемеровский государственный университет, ул. Красная, 6, Кемерово, 650000

E-mail: gsp142@mail.ru (Грушин С.П.); barnaulkz@mail.ru (Мерц И.В.); v_mertz@mail.ru (Мерц В.К.);

vika_tika@mail.ru (Илюшина В.В.); fribus@list.ru (Фрибус А.В.)

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ПЕРИОДА СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ МОГИЛЬНИКА СЕМИЯРКА IV (ВОСТОЧНЫЙ КАЗАХСТАН)

Работа посвящена анализу материалов периода средней бронзы могильника Семиярка IV (Восточный Казахстан). На памятнике исследованы две каменные ограды, содержавшие захоронения людей в деревянной конструкции и в комбинированном каменном ящике-цисте. На основании анализа погребальных конструкций, вещевого комплекса, антропологии, технологии керамического производства устанавливаются культурная специфика, связи и половозрастная принадлежность умерших. Совокупность имеющейся информации, радиоуглеродные исследования позволяют отнести рассматриваемые объекты к андроновской культуре, датировав в пределах рубежа XVIII/XVII — XVII в. до н.э.

Ключевые слова: Восточный Казахстан, период средней бронзы, андроновская культурно-историческая общность, погребальный обряд, миграции, керамика.

Введение

Несмотря на многолетние исследования андроновской культурно-исторической общности, имеются районы, где специфика ее памятников еще не определена. Современное состояние андроноведения требует от исследователей интенсификации изучения проблематики, в первую очередь за счет увеличения роли естественнонаучных методов. Такой подход был осуществлен при изучении могильника Семиярка IV, расположенного на границе верхнего и среднего течения Иртыша. Целью данной работы является определение региональной специфики и хронологии рассматриваемого комплекса, а также особенностей этнокультурного развития населения региона в среднем бронзовом веке.

Могильник Семиярка IV открыт В.К. Мерцем в 1998 г. [Мерц, 2006], а в 2016–2018 гг. совместной экспедицией Алтайского и Павлодарского госуниверситетов¹ на нем были проведены первые исследования. Памятник расположен в 3,7 км к востоку от одноименного села в Бескарагайском районе Восточно-Казахстанской области Казахстана на территории вдающейся в пойму террасы коренного берега Иртыша, к югу от трассы Семиярка — Бескарагай (рис. 1, 1, 2). Среди визуально фиксируемых погребальных сооружений (не менее 40) памятника присутствуют земляные курганы, круглые и квадратные каменные ограды, часть из которых сильно задернованы и повреждены. Последние тянутся от мусульманского кладбища на северо-запад.

Результаты полевых исследований

В результате археологических исследований двух каменных оград (рис. 1, 3, 4) были получены андроновские, саргаринско-алексеевские и тасмолинские материалы. Ритуальный комплекс раннего железного века был ранее введен в научный оборот [Грушин и др., 2019].

Ограда 1 до начала исследования представляла собой круглое сооружение диаметром 7 м, возведенное из крупных каменных блоков, часть из них отсутствовали. Камни были установлены во рву глубиной 0,2 м, за его пределами фиксировался вал — отвал высотой 0,1 м, шириной 0,3 м. В центре ограды находилась округлая западина диаметром 1,5 м, глубиной 0,2 м (рис. 2, 3).

После расчистки внутри конструкции в ее северо-восточном секторе были обнаружены остатки выкладки из мелких «колотых» камней шириной до 0,5 м. Стратиграфические наблюдения показы-

* Corresponding author.

¹ Работы осуществлялись при финансовой поддержке Института-музея семьи Рерихов (г. Санкт-Петербург).

Погребальный комплекс периода средней бронзы могильника Семиярка IV...

вают, что все камни ограды были уложены на древнюю дневную поверхность. В ее центре четко фиксировался грабительский лаз в виде подпрямоугольного пятна черного цвета размером $2,45 \times 1,75$ м, вытянутого с северо-востока на юго-запад. В его заполнении на разных глубинах обнаружены упавшие камни выкладки, три фрагмента сосуда и разрозненные кости человека. В северо-западном секторе могильной ямы, у края грабительского лаза, на глубине 0,78 м от современной поверхности находился ритуальный комплекс тасмолинской культуры VII–V вв. до н.э. (рис. 2, 1) [Грушин и др., 2019, с. 87]. Дальнейшая расчистка показала, что могильная яма имела подпрямоугольную форму, размеры $3,1 \times 2,4$ м и была ориентирована по оси запад — восток с небольшим отклонением к северу. В заполнении встречены разрозненные кости человека, а также нуклеидный скол подтреугольно-ромбовидной формы из кремня зеленого цвета с окатанной поверхностью (рис. 4, 2). Данная порода кремня использовалась в этом регионе населением позднего неолита — энеолита, и, по-видимому, это изделие не связано с андроновским комплексом.

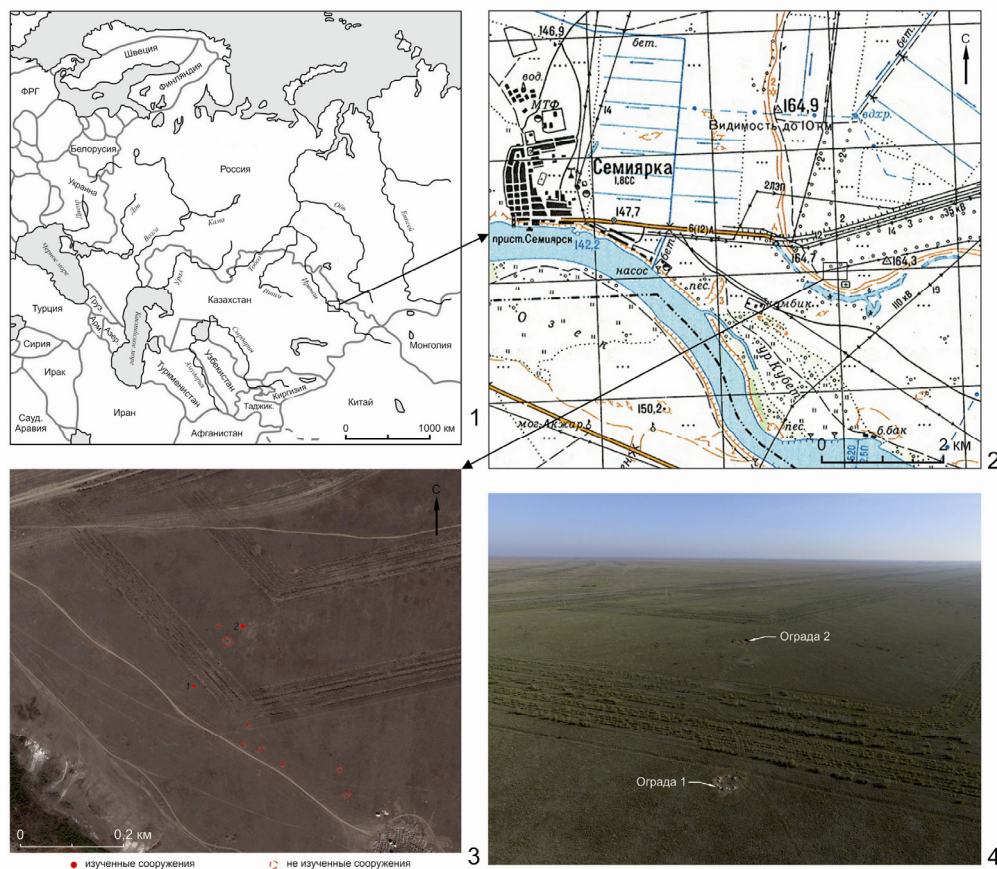

Рис. 1. Расположение могильника Семиярка IV:

1 — на карте Восточной Европы и Западной Сибири; 2 — на карте окрестностей с. Семиярка; 3 — космоснимок территории памятника и расположение объектов эпохи бронзы; 4 — вид изученных объектов с юго-запада.

Fig. 1. The location of the burial ground Semiyarka IV:

1 — on the map of Eastern Europe and Western Siberia; 2 — on the map of the of the of Semiyarka village area; 3 — satellite image of the burial site and the location of the Bronze Age objects; 4 — photo of the studied objects from the southwest.

Погребальная камера зафиксирована на глубине 1,69 м от современной поверхности. Она состояла из деревянной обкладки в виде четырехугольной рамы из бревен в один венец, перекрытой не менее чем четырьмя поперечными бревнами диаметром 0,3–0,4 м. Вследствие проникновения в могилу от центральных частей перекрытия сохранились только лежавшие на стенках рамы края. Внешние размеры рамы составляли $2,7 \times 1,7$ м, внутреннее пространство — $1,9 \times 1,1$ м. У ее южной стенки обнаружено скопление камней средних размеров, под которыми находился раздавленный сосуд баночной формы, установленный на край бревна перекрытия. В северо-западной части могильной ямы у внешней стенки сруба лежали остатки плохо сохранившегося деревянного изделия размером $0,95 \times 0,03$ м (рис. 2, 2, 7). В центре и западной поло-

вине погребальной камеры отмечались разрозненные обломки костей человека. На основании расположения и концентрации костей черепа можно предположить, что погребенный был уложен головой на запад (рис. 2, 2, 6). Обнаруженные фрагменты посткраниального скелета и нижняя челюсть принадлежали взрослой женщине (20–30 лет).

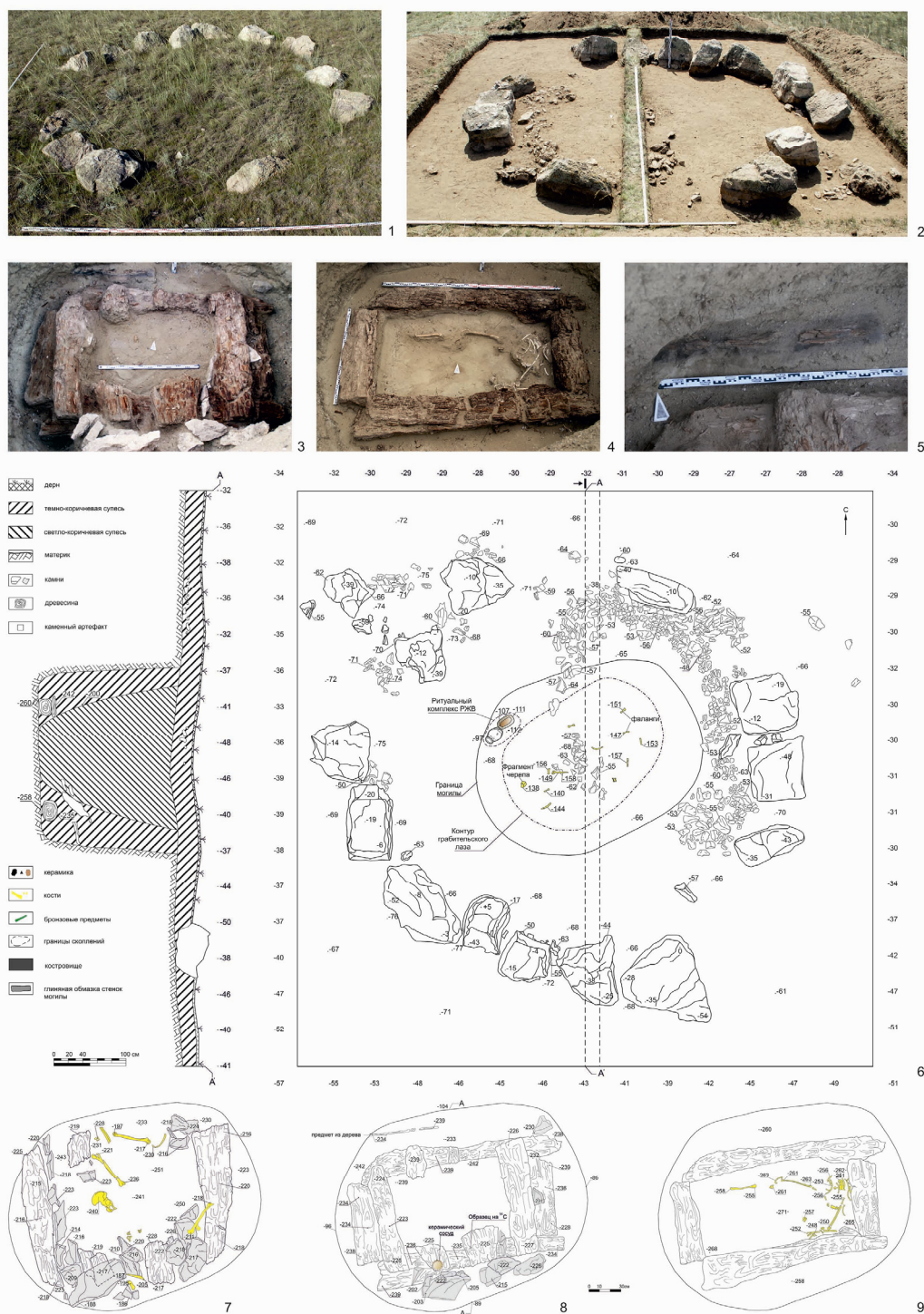

Рис. 2. Ограда 1: 1 — до начала работ; 2 — после расчистки; 3, 4 — погребальная камера; 5 — деревянный предмет; 6, 7 — план и профиль ограды 1 и могилы.
Fig. 2. Burial fence 1: 1 — before the excavations; 2 — after clearing; 3, 4 — burial chamber; 5 — wooden object; 6, 7 — plan of burial fence 1 and grave.

Ограда 2 расположена в 150 м к северо-северо-востоку от ограды 1 (рис. 1, 3, 4). Фиксировалась в виде дугообразного ряда сильно задернованных камней длиной 3 м. После расчистки было установлено, что ограда имела диаметр 9 м, ее северо-восточная половина полностью разрушена поселением позднего бронзового века. Конструкция состояла из крупных каменных глыб, расстояние между которыми было заполнено мелкими камнями, в результате чего ее общая ширина достигала 1,1 м. Стратиграфические наблюдения показывают, что камни ограды были установлены на древнюю дневную поверхность (рис. 3, 1, 3).

С юго-западной стороны от центра ограды находились бессистемно разбросанные мелкие камни (рис. 3, 2, 6). Под ними на глубине 0,91 м были зафиксированы плиты перекрытия погребальной камеры размером 0,7×0,6–1,15×1 м. Дальнейшая расчистка выявила контуры подпрямоугольной могильной ямы размером 2,06×3,37 м, глубиной до 1,1 м. В ней была установлена каменная погребальная камера. Ее верхняя часть, составленная из 3–4 слоев уплощенных камней, образовывала конструкцию наподобие цисты, а нижняя, сооруженная из 8 крупных блоков, — ящик, внешние размеры которого составляли 2,5×1,6 м, внутренние — 2×0,7 м. Первоначально конструкция имела перекрытие, состоящее, по-видимому, из двух массивных плит. Западная плита была частично расколота, в результате чего в средней части склепа образовался проем-лаз, заполненный мелкими камнями, фрагментами костей и керамики (рис. 3, 3).

Все щели между камнями кладки были замазаны глинистым веществом (рис. 3, 5), прослойка которого мощностью до 0,1 м зафиксирована и на дне у восточной стенки камеры. Видимо, оно полностью покрывало дно и было разрушено в результате проникновения. Микроскопический анализ показал, что в качестве обмазки стенок и дна конструкции использовалось нежелезненное глинистое сырье, содержащее значительное количество окатанного и полуокатанного песка бесцветного полупрозрачного (в основном), непрозрачного светло-коричневого, коричневого, темно-коричневого оттенков размером 0,1–0,5 мм (400–450 включений на 1 см²) и от 1,0–3,0 до 7,0–10,0 мм (до 10 включений на 1 см²). В составе обмазки отмечены окатанные железные включения размером до 4,0 мм, предположительно сланцевые (рис. 5, 12).

Судя по концентрации костей и обломков керамики, умерший был ориентирован головой на запад, а в юго-западный угол погребальной камеры помещен сосуд (рис. 3, 7, 8). На костях погребенного зафиксированы окислы зеленого цвета. Обнаруженные в могиле кости человека принадлежали мужчине зрелого возраста (45–55 лет).

Результаты исследования керамики

В ограде 1 найдено 2 сосуда. Сосуд 1 представлен 3 фрагментами стенок, обнаруженных на поверхности и в заполнении могильной ямы. По-видимому, они являются обломками находившегося в погребальной камере горшка, толщина стенок которого составляет 0,8 см (рис. 4, 1). На внутренней стороне фрагментов отмечены следы нагара. От орнаментальной композиции сохранился лишь мотив в виде горизонтального зигзага, нанесенного способом «штампования» гребенчатым инструментом длиной 3,1 см с 14 зубцами, крайние из которых имели подтреугольную форму, а остальные — подквадратную, размер 1,2×2 мм (рис. 4, 1).

Сосуд 2 — баночной формы, с плоским срезом венчика, высотой 9,4 см, диаметр устья составляет 11,9 см, дна — 8,2 см, толщина стенок 0,8–0,9 см. Обнаружен на краю перекрытия погребальной камеры (рис. 4, 3). Изделие орнаментировано гладким штампом: в верхней части — наклонными оттисками, по тулову — 5–6 рядами горизонтального зигзага. Дно без орнамента.

В ограде 2 найден сосуд горшечной формы с округлой формой среза венчика. Его высота составляет 24,6 см, диаметр устья — 26 см, дна — 13 см, толщина стенок — 0,8 см. Верхняя часть шейки украшена рядом косых заштрихованных треугольников, под которыми нанесен ряд подтреугольных наколов. Плечико декорировано рядами каннелюр. На верхней части тулова расположены две ленты многорядного зигзага. Пространство между рядами каннелюр и зигзагом заполнено наколами, образующими треугольные фигуры. Придонная часть украшена рядом заштрихованных равнобедренных треугольников. Орнамент нанесен способами «штампования», «накалывания» (углом гребенчатого штампа), прочерчивания (каннелюры). Для этого использовался инструмент длиной 4,2 см, с 23 зубцами подквадратной формы размером 1,2×1,2 мм (рис. 4, 4).

Анализ декора сосудов, сопровождающих погребенных, проведенный согласно разработанной И.В. Ковтуном классификации андроновской орнаментации, показывает следующее. Банка из ограды 1 относится к типу «инвариантные комбинации — “зигзаг”: 3–4». Как отмечает исследователь, сосуды с подобной орнаментацией преобладают на восточной периферии андроновского ареала в памятниках Среднего Енисея, Ачинско-Мариинской лесостепи, Кузнецкой котловины,

Томского Приобья, Алтая, Барабы, Прииртышья. В меньших количествах они встречаются в лесостепном Притоболье, Сарыарке и Южном Зауралье. Прямые аналогии наблюдаются с сосудом из могильника Заречное I в Кузнецкой котловине [Ковтун, 2016, с. 30, табл. 104.1].

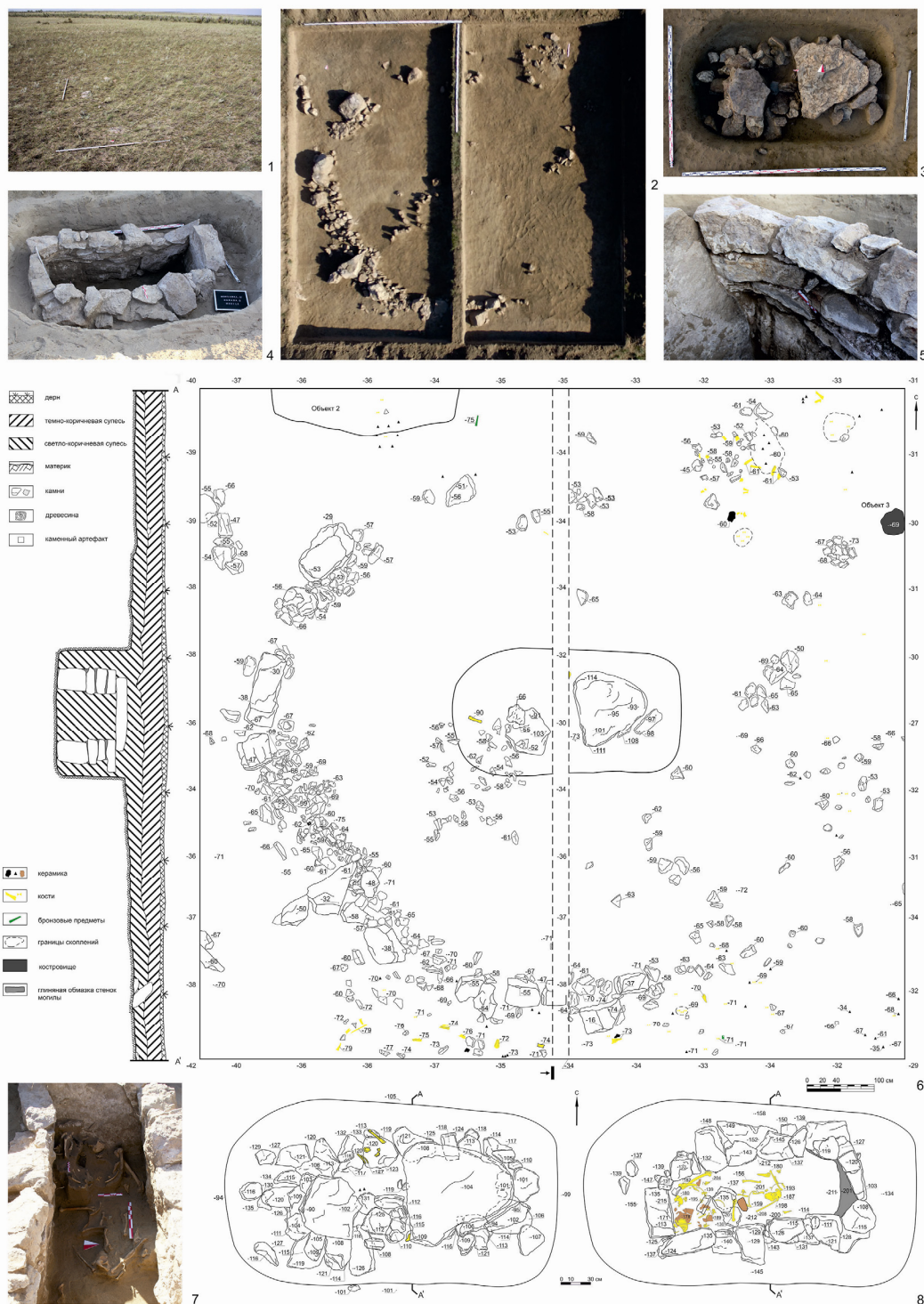

Рис. 3. Ограда 2: 1 — до начала работ; 2 — после расчистки; 3, 4 — погребальная камера; 5 — глиняная обмазка погребальной камеры; 6, 8 — план и профиль ограды 2 и могилы; 7 — вид погребения с востока.
Fig. 3. Burial fence 2: 1 — Before the excavations; 2 — after clearing; 3, 4 — burial chamber; 5 — clay coating of the burial chamber; 6, 8 — plan and section of fence 2 and the grave; 7 — photo of the burial from the east.

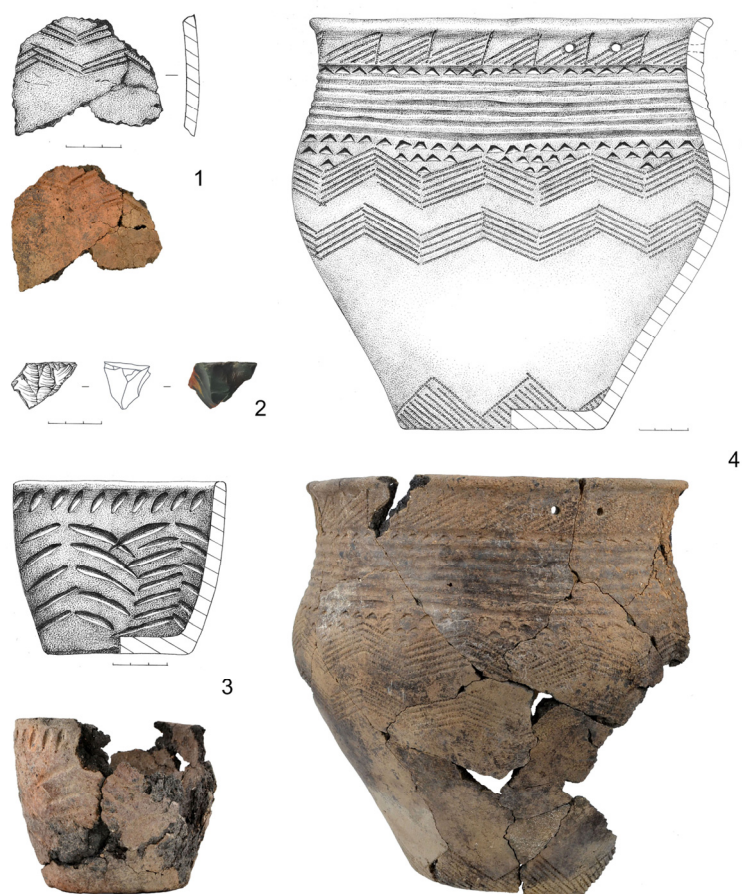

Рис. 4. Погребальный инвентарь:
1–3 — ограда 1; 4 — ограда 2: 1, 3, 4 — керамика; 2 — камень.
Fig. 4. Funeral assemblage:
1–3 — fence 1; 4 — fence 2: 1, 3, 4 — ceramics; 2 — stone.

Обнаруженный в оgrade 2 сосуд относится к типу «инвариантные комбинации — “каннелюр”-“зигзаг”: 1»² [Ковтун, 2016, табл. 243–245]. Композиционно орнамент на сосудах данного типа выдержан в «каноническом» варианте: классический полисюжет, где зона венчика украшена цепочкой треугольников, вторая и третья зоны орнаментированы каннелюрами и зигзаговыми построениями. Согласно И.В. Ковтуну, такая орнаментальная схема более характерна для памятников, расположенных к востоку от Оби — на Среднем Енисее, в Кузнецкой котловине и на Алтае [2016, с. 51, табл. 263]. Иногда она встречается в Южном Зауралье, Сарыарке, лесостепном Притоболье, в Прииртышье и Барабе. Аналогичные найденному сосуду в Семярке IV изделия обнаружены в погр. 1 кургана № 15 могильника Старый Тартас-4 [Молодин и др., 2002, рис. 8, 9, 10].

Технико-технологический анализ керамики Семярки IV, проведенный в рамках историко-культурного подхода по методике А.А. Бобринского [1978, 1999], выявил, что для изготовления сосудов мастерами применялись два вида исходного пластичного сырья (далее — ИПС) — оже-лезненная глина и илистая глина, использовавшиеся в состоянии естественной влажности. Глина в качестве естественных примесей содержит: 1) окатанный полупрозрачный (в основном) и непрозрачный белого, серого, коричневого цвета песок размером в основном 0,1–0,2 мм (20–30 включений на 1 см²), реже — до 0,4–2,5 мм (5–10 включений на 1 см²); 2) остроугольные породные обломки полупрозрачные и непрозрачные розового, светло-серого, белого, бежевого оттенков размером 0,5–3,5 мм (рис. 5, 6). В некоторых случаях поверхности обломков покрыты неоме-ленированной глиной белого цвета, которая отмечена и в виде окатанных комочков размером 0,2–1,0 мм (рис. 5, 1, 2). Нахождение аналогичных частиц в образцах сырья, отобранных в обрыве коренного берега Ир-

² Возможно, к данному типу относятся и обломки сосуда из ограды 1.

тыша в 0,5–0,7 км от места расположения оград 1 и 2³, позволили отнести данные включения к ряду естественных примесей в глине (рис. 5, 3, 4); 3) единичные обломки гематита размером 1,5–2,0 мм и оолы бурого железняка размером до 1,0 мм (рис. 5, 5, 6). По количеству песчаной примеси глина отнесена к слабо запесоченным, засоренным породными обломками.

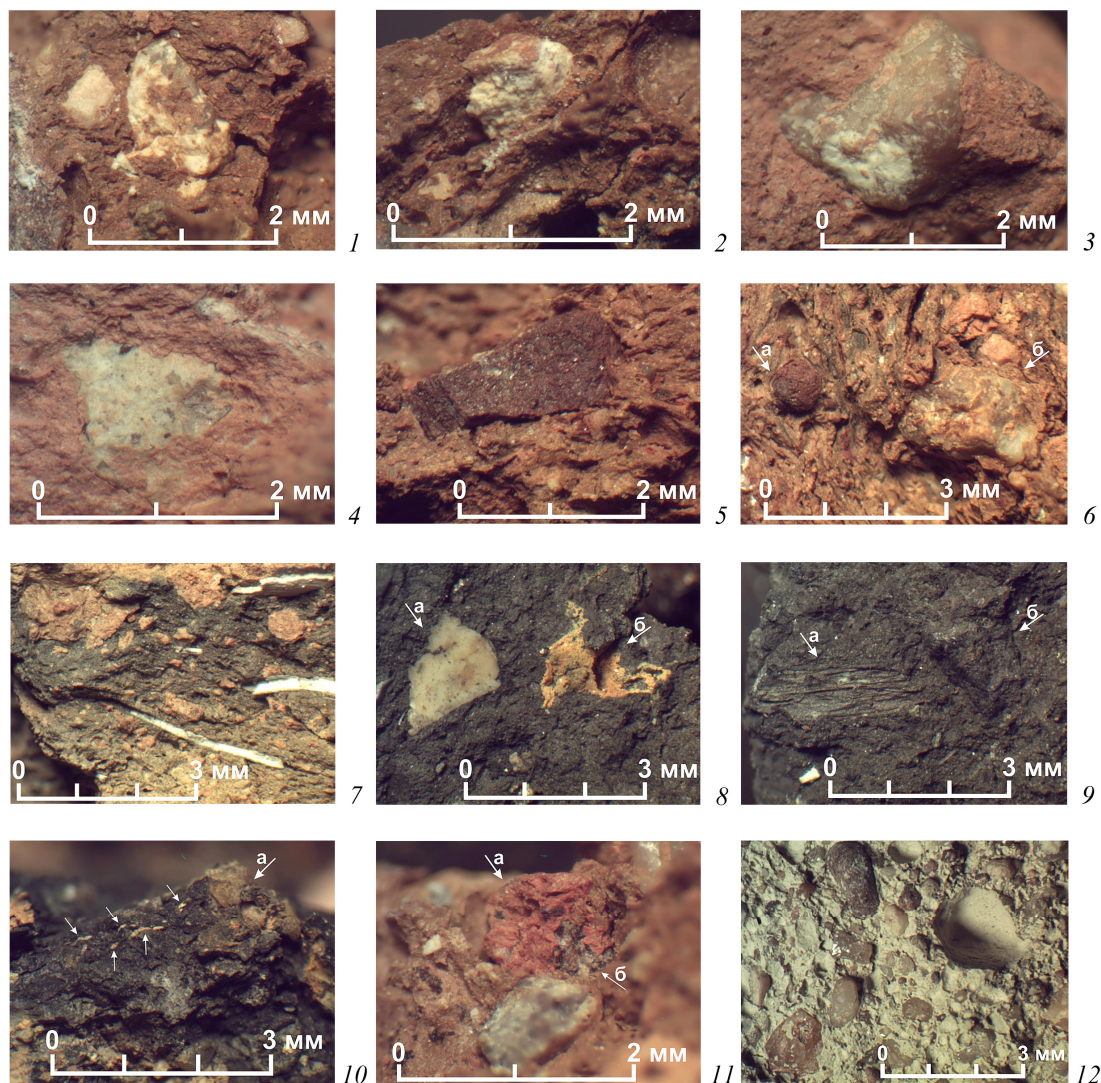

Рис. 5. Микроснимки естественных примесей (1–3, 6–10) и искусственных добавок (7–11) в сырье и формовочных массах сосудов могильника Семярка IV, примесей в эталонном образце сырья (3, 4), состав сырья обмазки погребальной камеры (12):

1 — породные обломки, покрытые нежелезистой глиной; 2 — включение нежелезистой глины; 3 — породный обломок, покрытый нежелезистой глиной; 4 — включение нежелезистой глины; 5 — обломок гематита; 6 — оолитовый бурый железняк (а) и включение породного обломка (б); 7 — включения раковин речных моллюсков и шамота; 8 — включение раковины (а), следы органического раствора (б); 9 — отпечаток растения (а), включение шамота (б); 10 — включение шамота (а) с остатками раковины; 11 — включение шамота (а), содержащего гранитно-гнейсовую дресву (б).

Fig. 5. Microphotographs of natural admixtures (1–3, 6–10) and artificial components (7–11) in raw materials and molding masses of vessels of the burial ground Semiyarka IV, admixtures in a reference sample of raw materials (3, 4), composition of the raw materials of the coating burial chamber (12):

1 — fragments of rock covered with non-iron clay; 2 — the inclusion of non-iron clay; 3 — a fragment of rock covered with non-iron clay; 4 — the inclusion of non-iron clay; 5 — a fragment of hematite; 6 — oolitic brown iron ore (a) and inclusion of rock fragments (b); 7 — inclusions of shells of river mollusks and chamotte; 8 — inclusion of the shell (a), traces of organic solution (b); 9 — vegetation print (a), inclusion of chamotte (b); 10 — inclusion of chamotte (a) with prints of shells; 11 — inclusion of chamotte (a) containing crushed granite-gneiss (b).

³ Отбор образцов глин осуществлен И.В. Мерцем.

Погребальный комплекс периода средней бронзы могильника Семярка IV...

Илистая глина в качестве естественных примесей содержит: 1) окатанный полупрозрачный песок размером 0,2–0,5 мм (10–15 включений на 1 см²), единично — до 1,2–3,5 мм; 2) остроугольные полупрозрачные породные обломки размером 0,4–2,0 мм (1–2 включения на 1 см²); 3) единичный обломок гематита размером 1,0 мм; 4) пылевидные листочки слюды; 5) фрагменты и целые включения раковин речных моллюсков размером в основном 0,5 мм, реже — 1,5–5,0 мм (до 10 включений на 1 см²) (рис. 5, 7, 8); 6) отпечатки от обрывков растений без следов деформации размером от менее 0,5 до 3,0 мм (рис. 5, 9). Илистая глина отнесена к разряду слабо запесоченных.

Выявлено, что природная глина использовалась для изготовления изделий из ограда 1, а илистая глина — для сосуда из ограда 2. Сопоставление сырья сосудов и обмазки каменной кладки и дна конструкции в ограде 2 выявило их различие.

При составлении формовочных масс (далее — ФМ) в качестве минеральной примеси гончары использовали шамот, размер включений которого составляет 2,0–2,5 мм, редко — 4,0 мм, добавлявшийся в концентрации 1:5 и 1:6 (рис. 5, 7, 9–11). В качестве органических примесей применялись навоз жвачных животных, выжимка из него и органический раствор, фиксирующий по присутствию аморфных пустот или удлинённых трещин размером 1,0–5,0 мм, поверхности которых покрыты крупитчатым налетом рыжего цвета (рис. 5, 8).

На основании сочетания видов сырья с выявленными искусственными компонентами по изученному материалу выделено 3 рецепта ФМ: «глина + шамот + навоз»; «глина + шамот + выжимка из навоза»; «илистая глина + шамот + органический раствор».

Технологический анализ шамота показал, что для изготовления вышедших из употребления сосудов использовались ожелезненные глины и илистые глины, на что указывает наличие в некоторых включениях шамота отпечатков мелких обломков раковины (рис. 5, 10). Отметим, что шамот из илистой глины выявлен в изломах сосуда из заполнения могилы ограды 1. Во втором сосуде из данной ограды, а также в изделии из ограды 2 зафиксирован шамот из глин. В качестве искусственных примесей в составе шамота выявлен шамот, единично — включения гранитно-гнейсовой (?) дресвы (сосуды, происходящие из ограды 1) (рис. 5, 11).

Способы конструирования начинов, полога тела и формообразования сосудов установить не удалось ввиду того, что изучались только фрагменты изделий. Можно отметить лишь, что по их изломам выявлено применение в качестве «строительных элементов» лоскутов. Обработка поверхностей сосудов осуществлялась путем заглаживания и лощения. Изделия, происходящие из ограды 1, заглаживались пальцами, а сосуд из ограды 2 — галькой. Следы лощения зафиксированы на внешних поверхностях двух изделий из заполнения могил оград 1 и 2. Обжиг сосудов проводился в кострище или очаге в условиях смешанной окислительно-восстановительной среды с непродолжительным действием температур каления (650 °С и выше), на что указывает ширина осветленных слоев, примыкающих к внешним стенкам сосудов, составляющая 0,5–1,0 мм, а также коричневая с темно-серыми или серыми пятнами окрашенность внешних и внутренних поверхностей изделий.

Результаты радиоуглеродного датирования

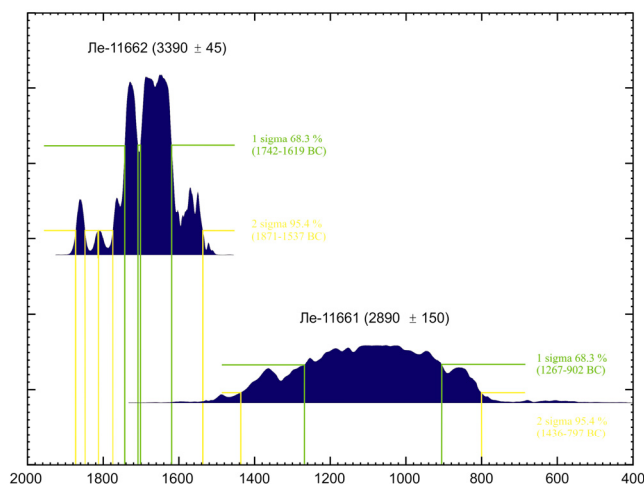

Рис. 6. Радиоуглеродные даты могильника Семярка IV.
Fig. 6. Radiocarbon dates of the burial ground Semiyarka IV.

С целью определения времени функционирования могильника Семиярка IV в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН жидкостко-сцинтилляционным методом были получены две ^{14}C даты. Первая, 3390 ± 45 л.н. (Ле-11662), полученная по образцу дерева, определяет возраст ограда 1 по 1 δ (68,3 %) в рамках 1742–1619 гг. до н.э., а по 2 δ (95,4%) — 1871–1537 гг. до н.э.⁴ Вторая дата, 2890 ± 150 л.н. (Ле-11661), по ребрам человека из склепа ограда 2, датирует его по 1 δ (68,2 %) 1267–902 гг. до н.э., а по 2 δ (95,4 %) — 1436–797 гг. до н.э. (рис. 6).

Обсуждение результатов исследования

В результате исследований оград могильника Семиярка IV были получены новые данные об особенностях погребальных конструкций, о гончарном производстве, а также времени существования андроновского населения на границе Верхнего и Среднего Прииртышья. Оба объекта являются однотипными сооружениями, что позволяет рассматривать их в рамках одного культурного явления. Топография могильника Семиярка IV типична для андроновских некрополей Верхнего Прииртышья, где они устраивались на вдающемся в пойму коренном берегу. В планиграфии некрополь близок к могильникам Меновное IX–X, Зевакино, Канай [Ткачева, Ткачев, 2008, с. 198].

Надмогильные конструкции проявляют наибольшее сходство с сооружениями могильника Меновное IX (ограды № 3, 4, 6) и X (ограда № 5) [Ткачева, Ткачев, 2008, с. 206–313, 231]. Более далекие параллели наблюдаются среди конструкций могильника Сухое Озеро I (курганы 7, 10) на Енисее, где подобная архитектура достаточно редкое явление [Максименков, 1978, с. 55].

Особенностью могильника Семиярка IV выступает вариация погребальных конструкций, представленных деревянным срубом и комбинированным каменным склепом. Из выделенных В.Н. Мыльниковым видов внутримогильных сооружений, существовавших в эпоху средней и поздней бронзы на территории Урала и Западной Сибири, деревянная конструкция в ограде 1 близка к «бревенчатой домовине» и относится к типу обкладки в виде четырехугольной рамы из бревен с перекрытием [Мыльников, 2008, с. 57].

Ближайшими андроновскими захоронениями в подобных сооружениях являются погребение в с. Черное (Павлодарская обл.)⁵, и в могильнике Зевакино [Арсланова, 1973, с. 161]. На территории лесостепного Алтая подобные конструкции обнаружены в могильниках Рублево VIII, Фирсово XIV, Кытманово [Кирюшин и др., 2015, с. 41; Уманский и др., 2007, с. 23], в Присалаирье — на Танае 12 и в позднебронзовых Танай 7, Журавлево-4 [Мыльников, 2008, с. 57–59, рис. 86, 2]. В Минусинской котловине и Мариинско-Ачинской лесостепи погребения в рамах в один венец известны в 42 (15 %) могилах некрополей Большое Пичугино, Ярки, Орак, Каменка, Ланин Лог, Сухое Озеро и Новая Черная. Встречаются случаи (Сухое Озеро, курган 430, могила 1 и 2), когда в пределах одной ограды находились захоронения в цисте и в срубе [Максименков, 1978, с. 58, табл. 4, рис. 8, табл. XXIII].

Идентичные сооружения обнаруженной комбинированной конструкции в ограде 2 Семиярки IV в регионе известны только в могильнике Меновное X [Ткачева, Ткачев, 2008, с. 233]. В остальных случаях они представлены цистами, у которых одна из стенок сооружена из сплошной плиты: Сигнал-I (могила 3); Сарыколь 2 (курган 12); Усть-Буконь (курган 9); Беткудук, группа II, ограда 3 и 5 — могила 3; Белокаменка, северная ограда, могилы 1 и 2 [Грушин, Леонтьева, 2019, с. 162; Черников, 1960, с. 16–17; Ермолаева, 2012, с. 23–25, 43]. По конструкции прямые, но территориально удаленные аналогии наблюдаются на могильнике Косоголь-3 (могила 30) на севере Минусинской впадины [Иванчук, Михайлов, 2011, с. 32]. В целом количество подобных конструкций там невелико, встречается в 39 случаях (14 %) [Максименков, 1978, с. 58].

Строительной особенностью погребальной камеры в ограде 2 Семиярки IV является использовавшийся в качестве скрепляющего каменные плиты раствор глины. Подобная традиция имела место в андроновских памятниках на территории Центрального Казахстана — в могильниках Акшитау, Бель-Асар, а также в бегазинских погребальных комплексах [Маргулан и др., 1966, с. 73, 172; Оразбаев, 1959, с. 64].

Анализ сосудов, происходящих из оград 1 и 2 Семиярки IV, показал, что, несмотря на достаточно широкую распространенность керамики с подобной орнаментацией, она в целом тяготеет к восточной периферии андроновского мира. Изучение технологии изготовления сосудов выявило неоднородность гончарных традиций у населения, оставившего памятник, на уровне

⁴ Полученные ^{14}C -даты откалиброваны с помощью программы CALIB 8.2 [Stuiver et al., 2020] и калибровочной кривой IntCal 20 [Reimer et al., 2021].

⁵ Неопубликованные материалы В.К. Мерца.

субстратных навыков труда. По всей вероятности, существовали две группы гончаров, владевших разными представлениями о сырье, необходимом для производства сосудов. Одни отбирали природные глины, другие — илестые глины. Судя по составу шамота, данные традиции были устойчивыми. Немаловажным является факт наличия шамота из илестой глины в составе формовочной массы сосуда из ограды 1, изготовленного из природной глины, и, наоборот, присутствие в сосуде из илестой глины ограды 2 шамота из природной глины. Вероятно, зафиксированные различия в представлениях об ИПС могли быть обусловлены смешением разных групп населения. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что сосуды, изготовленные из природных глин, были поставлены в могилу женщины, а изделие из илестой глины сопровождало мужчину. Эти факты позволяют предположить, что традиции отбора различных видов сырья могли существовать у представителей разных родов древнего общества (по женской и мужской линиям родства).

Анализ состава формовочных масс изученных сосудов и состава шамота показал традиционность навыков использования шамота и органических компонентов в среде изучаемого населения. В то же время исходя из анализа состава шамота в сосудах из ограды 1 можно предположить, что на более раннем этапе существования данного населения или отдельной его составляющей группы имелись навыки использования в качестве минеральной примеси гранитно-гнейсовой (?) дресвы, что может указывать на центральноказахстанское происхождение этой популяции.

Сложным вопросом является датирование погребений могильника Семиярка IV. Это связано в целом с неоднозначностью критериев определения внутренней периодизации и неразработанностью радиоуглеродной шкалы андроновских памятников юга Западной Сибири и Казахстана. Полученные результаты демонстрируют хронологический интервал, охватывающий свыше 1000 лет, что противоречит имеющимся представлениям о существовании андроновских памятников региона [Молодин и др., 2014, с. 145; Мерц, Святко, 2016, с. 134]. Наиболее корректной представляется первая дата, определяющая возраст ограды 1 по 2б в рамках XIX–XVI в. до н.э., а по 1б — второй половиной XVIII — началом XVII в. до н.э. Датировать андроновские комплексы Прииртышья ранее XVIII в. до н.э. невозможно, поскольку здесь в это время проживало елунинское и близкое к нему население. Полное изменение этнокультурной ситуации в регионе происходит в XVIII в. до н.э. в связи с приходом «андроновцев» [Мерц, Святко, 2016, с. 134; Мерц, 2017, с. 17, 20; Доумани-Дюпюй и др., 2020, с. 74]. Прямое сходство материалов Семиярки IV с минусинскими памятниками указывает на их хронологическую близость. На основании серии AMS-дат время существования «андроновцев» там определяется XVII–XV вв. до н.э. [Поляков, 2019, с. 171]. Следовательно, нижняя граница сооружения ограды 1 может определяться рубежом XVIII–XVII, а верхняя — появлением саргары-алексеевских комплексов в XV в. до н.э. [Мерц, 2006, с. 76; Доумани-Дюпюй и др., 2020, с. 80].

Вторая дата отражает реалии позднего бронзового века — раннесакского времени. Единая культурная принадлежность и общая схожесть оград 1 и 2 не позволяет допустить возможность значительного хронологического разрыва между ними. Полученный результат может быть следствием «загрязнения» образца при проникновении в склеп ограды 2 в период функционирования поселения позднего бронзового века. Дата по 1б указывает на интервал в рамках второй трети XIII — начала X в. до н.э. Однако полученный позднебронзовый комплекс, представленный в том числе посудой, близкой к черкаскульской, датируемой концом XVII — первой половиной XIII в. до н.э. [Молодин и др., 2014, с. 142], демонстрирует достаточно ранний в пределах эпохи возраст. В связи с этим можно предположить, что проникновение в склеп ограды 2 произошло в конце эпохи поздней бронзы. В целом большой доверительный интервал даты Ле-11661 заставляет исключить ее из анализа и датировать ограду 2 рубежом XVIII/XVII — XVII в. до н.э.

Заключение

Совокупность полученных данных позволяет сделать вывод, что расположенный на границе верхнего и нижнего течения Иртыша андроновский могильник Семиярка IV отличается синкретизмом, проявляющимся в двух компонентах. Первый, «центрально-казахстанский», представлен в архитектуре и керамике. В архитектуре это традиции сооружения каменных оград и комбинированных каменных склепов, скрепленных глиняным раствором. В керамике это выявленные в шамоте, входящем в состав формовочных масс, включения гранитно-гнейсовой (?) дресвы — примеси, традиционной у групп населения Центрального Казахстана [Кузнецова, Тепловодская, 1994, с. 111–163; Бейсенов, Ломан, 2009, с. 34–36, 61–62; 2019, с. 346–354]. Кроме

того, как указывает И.В. Ковтун, происхождение сосудов, украшенных «инвариантными комбинациями — “каннелюр”-“зигзаг”», связано с Сарыаркой [2016, с. 51–52]. Второй компонент, «сибирский», выражается в традиции сооружения деревянных склепов, а также в керамическом комплексе, орнаментальные схемы которого характерны именно для зоны к востоку от Оби. Это подтверждается сопоставлением полученных сведений о технологии изготовления сосудов могильника с андроновской керамикой из сопредельных регионов. Наибольшее сходство фиксируется с традициями гончарного производства, существовавшими у групп андроновского населения степного и лесостепного Алтая, где в материалах поселений Большой Лог-I, Манжуха 2, Фирсово-XV, Переезд, Советский Путь-I, могильника Рублево VIII выявлено использование древним населением двух видов ИПС — глин (в основном) и илистых глин, к которым чаще всего добавлялись шамот и органика, при этом зафиксировано применение кварцевой и гранитно-гнейсовой дресвы [Гутков и др., 2014, с. 311–320; Леонтьева, 2016; Леонтьева, Рахимжанова, 2016]. Данные комплексы всеми исследователями относятся к андроновской культуре.

Авторы придерживаются мнения, высказанного О.Н. Корочковой, о том, что за памятниками «восточной периферии» андроновской историко-культурной общности необходимо оставить название «андоновская» культура [Корочкова, 2004, с. 207]. Сходство материалов исследованных андроновских объектов на некрополе Семиярка IV и памятников Верхнего Приобья позволяет наметить западную границу «восточной периферии» по Прииртышью, а синкретизм в погребальной обрядности рассматривать как результат взаимодействия различных групп андроновского населения.

Данные факты заставляют поставить вопрос о корректировке имеющейся периодизационной схемы развития андроновского населения Верхнего Прииртышья, поскольку она не учитывает субрегиональных различий. Учитывая конструктивную близость сооружений могильника Семиярка IV с восточными памятниками, в том числе с енисейскими комплексами, можно предположить, что их происхождение связано с Прииртышьем. Промежуточными точками продвижения «андоновцев» на северо-восток стали могильники Сигнал-I и Косоголь-3. Время этой миграции приходится на XVII в. до н.э. В пользу этого говорят и наблюдения И.В. Ковтуна, датирующего комплексы с сосудами, украшенными «инвариантными комбинациями — “каннелюр”-“зигзаг”» этим же временем [Ковтун, 2016, с. 51–52]. Рассмотренные материалы могильника Семиярка IV значительно усложняют картину развития андроновского населения в Верхнем Прииртышье. Дальнейшие исследования позволят уточнить особенности этих процессов.

Благодарности. Авторы выражают благодарность с.н.с. сектора физической антропологии ТюмНЦ СО РАН к.и.н. К.Н. Солодовникову за палеоантропологические определения материалов могильника Семиярка IV.

Финансирование. Работа выполнена при частичной финансовой поддержке программы МОН РК № AP08855976 «Эпоха раннего металла Северо-Восточных районов Центрального Казахстана» (Мерц И.В., Мерц В.К.); в рамках госзадания: проект № 121041600045-8 (Илюшина В.В.); по программе ФНИ ГАН по теме госзадания № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н.э. — I тыс. н.э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии» (Фрибус А.В.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арсланова Ф.Х. Памятники андроновской культуры из Восточного Казахстана // СА. 1973. № 4. С. 160–168.
- Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы: «Инжу-Маржан» полиграфия. 2009. 264 с.
- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
- Грушин С.П., Леонтьева Д.С. Особенности погребального обряда андроновского населения в контактной зоне Северо-Западного Алтая (по материалам могильника Сигнал-I) // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 64. С. 156–167.
- Грушин С.П., Леонтьева Д.С., Ситников С.М. Андроновская керамика поселения Советский Путь-I в Рудном Алтае // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 5. С. 1–10. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2017\)5-33](https://doi.org/10.14258/izvasu(2017)5-33)
- Грушин С.П., Мерц И.В., Мерц В.К., Фрибус А.В. Ритуальный приклад раннего железного века из могильника Семиярка-IV (Восточный Казахстан) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2019. Вып. 1 (25). С. 86–98. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2019\)1\(25\).-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2019)1(25).-08)

Погребальный комплекс периода средней бронзы могильника Семиярка IV...

- Гутков А.И., Папин Д.В., Федорук О.А. Культурные особенности андроновской керамики из могильника Рублево VIII // Арии степей Евразии: Эпоха бронзы и раннего железного века в степях Евразии и на сопредельных территориях: Сб. памяти Е.Е. Кузьминой. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2014. С. 311–320.
- Доумани Дюпой П.Н., Жунисханов А.С., Буллион Э., Рахманкулов Е.Ж., Киясбек Г.К., Ташманбетова Ж.Х., Исин А.И., Меркл Э., Гумирова О. Археологические исследования памятника Кокен (Восточный Казахстан): предварительные результаты // Маргулановские чтения — 2020: Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 15–17 апреля 2020 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. Т. 2. С. 68–81.
- Ермолаева А.С. Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы — раннее железо). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2012. 238 с.
- Иванчук В.В., Михайлов Ю.И. Каменные гробницы андроновского могильника «Косоголь-3» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 3 (47). С. 26–34.
- Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук О.А. Андроновская культура на Алтае (по материалам погребальных комплексов): Учеб. пособие. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2015. 108 с.
- Ковтун И.В. Андроновский орнамент: (Морфология и мифология). Казань: Отечество, 2016. 547 с.
- Корочкова О.Н. К обсуждению термина «Андроновская общность» // Проблемы первобытной археологии Евразии: К 75-летию А.А. Формозова. М.: Изд-во ИА РАН, 2004. С. 202–211.
- Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. Алматы: Гылым, 1994. 207 с.
- Леонтьева Д.С., Рахимжанова С.Ж. Андроновская керамика поселения Большой Лог-I на юге Западной Сибири // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 31–40.
- Ломан В.Г. Результаты технико-технологического анализа керамики могильника Талдинский-1 (Центральный Казахстан) // Oriental Studies. 2019. № 3. С. 346–354. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-346-354
- Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978. 192 с.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 435 с.
- Мерц В.К. Археологические работы в Бескарагае // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006. С. 73–82.
- Мерц И.В., Святко С.В. Радиоуглеродная хронология памятников раннего бронзового века Северо-Восточного и Восточного Казахстана: Первый опыт // Теория и практика археологических исследований. 2016. № 1 (13). С. 126–150. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2016\)1\(13\).-09](https://doi.org/10.14258/tpai(2016)1(13).-09)
- Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В. Могильник Старый Тартас-4: (Новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (11). 2002. С. 48–62.
- Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и Юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 136–167.
- Мыльников В.П. Деревообработка в эпоху палеометалла (Северная и Центральная Азия). Новосибирск: Издательство ИАЭТ СО РАН, 2008. 364 с.
- Оразбаев А.М. Памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР, Алма-Ата, 1959. Т. 7: Археология. С. 59–74.
- Поляков А.В. Радиоуглеродные даты памятников андроновской (федоровской) культуры на Среднем Енисее // Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2019. № 20. С. 163–173. DOI: 10.31600/2310-6557-2019-20-163-173
- Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск: Наука, 2008. 304 с.
- Уманский А.П., Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово). Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2007. 132 с.
- Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. № 88. 272 с.

ИСТОЧНИКИ

- Леонтьева Д.С. Керамика андроновской культуры степного и лесостепного Алтая (по материалам поселений): Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2016. 287 с.
- Мерц И.В. Культура населения Восточного Казахстана в эпоху ранней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2017. 26 с.
- Reimer P.J. et al. 2020. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kB) // Radiocarbon. 2020. 62. DOI: 10.1017/RDC.2020.41
- Stuiver M., Reimer P.J. and Reimer R.W., CALIB 8.2. [WWW program]. 2021. URL: <http://calib.org/calib/>

Grushin S.P.^a, Merts I.V.^b, Merts V.K.^b, Ilyushina V.V.^c, Fribus A.V.^{d, e}

^a Altai State University, prosp. Lenina, 61, Barnaul, 656099, Russian Federation

^b Toraighyrov university, st. Lomov, 64, Pavlodar, 140008, Kazakhstan

^c Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygin st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation

^d Institute for the History of Material Culture RAS
Dvortsovaya nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russian Federation

^e Kemerovo State University, Krasnaya st., 6, Kemerovo, 650000, Russian Federation

E-mail: gsp142@mail.ru (Grushin S.P.); barnaulkz@mail.ru (Merts I.V.); v_mertz@mail.ru (Merts V.K.); vika_tika@mail.ru (Ilyushina V.V.); fribus@list.ru (Fribus A.V.)

Semiyarka IV burial complex of the Middle Bronze Age (Eastern Kazakhstan)

The paper is aimed at the analysis of the Middle Bronze Age materials from the Semiyarka IV burial ground in East Kazakhstan. In 2016–2018, two stone fences on the site were investigated by a joint expedition of the Altai and Pavlodar State Universities. The two fences contained human burials, inhumed in a wooden structure and in a composite stone cist box. The purpose of this work is to determine regional features and chronology of the Semiyarka IV funerary complex, as well as details of the ethnocultural development of the local population in the Middle Bronze Age. The research methodology includes analyses of the planigraphy and stratigraphy, comparative and typological study of the artifacts, anthropological investigation, examination of the pottery manufacturing technology, and radiocarbon dating. The technical and technological analysis of the pottery production was carried out using the method of A.A. Bobrinsky. Radiocarbon dates from wood and human bone samples were obtained by the liquid scintillation method in the archaeological technology laboratory of the Institute for the History of the Material Culture of the Russian Academy of Sciences. The dates were then calibrated using CALIB 8.2 program and IntCal 20 calibration curve. The body of collected data allows us to conclude that the Andronovo burial ground of Semiyarka IV is distinguished by its syncretism which is manifested in two different cultural components. The first component, 'Central Kazakhstan', is represented by the architectural traditions of building stone fences and graves cemented with a clay mortar, as well as by the presence of chamotte in the pottery containing additives traditional for the population of Central Kazakhstan. The second component, 'Siberian', is represented by the tradition of building wooden crypts, and in the ceramics complex, by some peculiar ornamental patterns typical of the eastern Ob River valley. The site is dated to the turn of the 18th/17th–16th c. BC. The architectural similarities of the Semiyarka IV burial ground structures with the Yenisei sites suggest that their origin is associated with the Irtysh River region. The migration period of the mobile Andronovo communities to the northeast is dated to the 17th c. BC.

Key words: East Kazakhstan, Middle Bronze Age, Andronovo cultural and historical community, funeral rite, migrations, ceramics.

REFERENCES

- Arslanova F.Kh. (1973). Monuments of Andronovo culture from East Kazakhstan. *Sovetskaya arkheologiya*, (4), 160–168. (Rus.).
- Beisenov A.Z., Loman V.G. (2009). *Ancient settlements of Central Kazakhstan*. Almaty: "Inzhu-Marzhan" poligrafii. (Rus.).
- Bobrinskii A.A. (1978). *The Pottery of Eastern Europe: Sources and methods of study*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Bobrinskii A.A. (1999). Pottery technology as an object of historical and cultural studies. In: A.A. Bobrinskii (Ed.). *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva*. Samara: Izdatel'stvo Samarskogo gosudarstvennogo universiteta, 5–109. (Rus.).
- Chernikov S.S. (1960). *East Kazakhstan in the Bronze Age. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, (88). (Rus.).
- Doumani Diupiui P.N., Zhuniskhanov A.S., Bullion E., Rakhmankulov E.Zh., Kiiasbek G.K., Tashmanbetova Zh.Kh., Isin A.I., Merkl E., Gumirova O. (2020). Excavations at the bronze age archaeological complex of Koken (East Kazakhstan): Preliminary results. In: B.A. Baitanaev (Ed.). *Margulanovskie chteniia — 2020: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Velikaia Step" v svete arkheologicheskikh i mezhdisciplinarnykh issledovaniï" (g. Almaty, 15–17 apreliia 2020 g.)*. T. 2. Almaty: Institut arkheologii im. A.Kh. Margulana, 68–81. (Rus.).
- Ermolaeva A.S. (2012). *Sites of the foothill zone of the Kazakh Altai (Bronze Age — Early Iron)*. Almaty: Institut arkheologii im. A.Kh. Margulana. (Rus.).
- Grushin S.P., Leont'eva D.S. (2020). Distinctive features of Andronovo population burial ceremony within the contact zone of North-West Altai (Signal-I burial complex data). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. History*, 64, 156–167. (Rus.). DOI: 10.17223/19988613/64/22
- Grushin S.P., Leont'eva D.S., Sitnikov S.M. (2017). Andronovo ceramics of the Soviet Way-I settlement in the Rudny Altai. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, (5), 1–10. (Rus.). [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2017\)5-33](https://doi.org/10.14258/izvasu(2017)5-33)
- Grushin S.P., Merts I.V., Merts V.K., Fribus A.V. (2019). Early Iron Age ritual object from Semiyarka IV burial ground (Eastern Kazakhstan). *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniï*, (1), 86–98. (Rus.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2019\)1\(25\).-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2019)1(25).-08)

- Gutkov A.I., Papin D.V., Fedoruk O.A. (2014). Cultural features of the Andronovo ceramics from the burial ground Rublevo VIII. In: *Arii stepei Evrazii: Epokha bronzy i rannego zheleznogo veka v stepiakh Evrazii i na sopredel'nykh territoriakh: Sbornik pamiati E.E. Kuz'minai*. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 311–320. (Rus.).
- Ivanchuk V.V., Mikhailov Iu.I. (2011). Stone tombs of Andronovo cemetery «Kosogol-3». *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, (47), 26–34. (Rus.).
- Kiriushin Iu.F., Papin D.V., Fedoruk O.A. (2015). *Andronovo culture in the Altai (based on the materials of burial complexes): A textbook*. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta. (Rus.).
- Korochkova O.N. (2004). To the discussion of the term "Andronov community". In: *Problems of primitive archaeology of Eurasia: To the 75th anniversary of A.A. Formozov*. Moscow: Izdatel'stvo IA RAN. (Rus.).
- Kovtun I.V. (2016). *Andronovo ornamentation: (Morphology and mythology)*. Kazan: Otechestvo. (Rus.).
- Kuznetsova E.F., Teplovodskaya T.M. (1994). *Ancient metallurgy and pottery production of Central Kazakhstan*. Almaty: Gylm. (Rus.).
- Leont'eva D.S., Rakhimzhanova S.Zh. (2016). Andronovo ceramics of Bol'shoi Log-I settlement on South of West Siberia. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, (2), 31–40. (Rus.).
- Loman V.G. (2019). Ceramics from Taldinsky-1 Burial Site (Central Kazakhstan): Results of Technical and Technological Analysis. *Oriental Studies*, (3), 346–354. (Rus.). <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-43-3-346-354>
- Maksimov G.A. (1978). *Andronovo culture on the Yenisei*. Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Margulan A.Kh., Akishev K.A., Kadyrbaev M.K., Orazbaev A.M. (1966). *Ancient culture of Central Kazakhstan*. Alma-Ata: Nauka. (Rus.).
- Merts V.K. (2006). Archaeological works in Beskaragay. In: *Altai v sisteme metallurgicheskikh provintsii bronzovogo veka*. Barnaul, 73–82. (Rus.).
- Merts I.V., Sviatko S.V. (2016). First radiocarbon chronology of the Early Bronze Age sites in North-Eastern Kazakhstan: First experience. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniï*, (1), 126–150. (Rus.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2016\)1\(13\).-09](https://doi.org/10.14258/tpai(2016)1(13).-09)
- Molodin V.I., Novikov A.V., Zhemerikin R.V. (2002). The burial ground Stary Tartas-4: (New materials on the Andronovo historical and cultural community). *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, (11), 48–62. (Rus.).
- Molodin V.I., Epimakhov A.V., Marchenko Zh.V. (2014). Radiocarbon chronology of the South Urals and the South of the Western Siberia cultures (2000–2013-years investigations): Principles and approaches, achievements and problems. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriia, filologiya*, (3), 136–167. (Rus.).
- Myl'nikov V.P. (2008). *The woodworking in the Paleometallic Epoch (North and Central Asia)*. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN. (Rus.).
- Orazbaev A.M. (1959). The Bronze Age sites of Central Kazakhstan. In: K.A. Akishev (Ed.). *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii im. Ch.Ch. Valikhanova AN Kazakhskoi SSR*, 7. Alma-Ata, 59–74. (Rus.).
- Poliakov A.V. (2019). Radiocarbon dates from the Andronov (Fyodorovo) culture sites on the Middle Yenisei. *Zapiski Instituta istorii materialnoi kultury RAS*, (20), 163–173. (Rus.). DOI: 10.31600/2310-6557-2019-20-163-173
- Tkacheva N.A., Tkachev A.A. (2008). *The Bronze Age of the Upper Irtysh Region*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Umanskii A.P., Kiriushin Iu.F., Grushin S.P. (2007). *Funeral rite of the population of the Andronovo culture of Pri-chumyshye (based on the materials of the Kytmanovo cemetery)*. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta. (Rus.).

Грушин С.П., <https://orcid.org/0000-0002-5404-6632>
 Мерц И.В., <https://orcid.org/0000-0001-9066-9629>
 Мерц В.К., <https://orcid.org/0000-0003-3163-1609>
 Илюшина В.В., <https://orcid.org/0000-0003-1517-0101>
 Фрибус А.В., <https://orcid.org/0000-0003-3208-0319>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 25.02.2021

Article is published: 28.05.2021

Зах В.А.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: viczakh@mail.ru

КУРИЛЬНИЦЫ И БЛЮДА-АЛТАРИКИ САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Рассматриваются изделия, называемые курильницами, распространенные у кочевников Приуралья и Западной Сибири и, вероятно, связанные с ритуальными действиями, при которых воскуряются определенные вещества. Эти предметы представляют собой небольшие каменные или глиняные чаще всего цилиндрические емкости, иногда с отверстиями в стенках, а также многообразные другие формы, в том числе с поддонами и перегородками. Они присутствуют в материалах многих культур Евразии и широко известны в сарматских памятниках IV–III вв. до н.э. Приуралья, а за Уралом — в саргатской культуре. Однозначного мнения об их применении нет. Но встречаются захоронения, в которых сохранились курильницы вместе с другими, на наш взгляд, сочетающимися с ними предметами: плоскодонными сосудами, в некоторых случаях — каменными подставками, что позволяет «собрать» весь «инструмент», предположительно использовавшийся в процессе обряда. В плоскодонную банку с тлеющими углями, помещенную на каменную подставку, устанавливалась емкость, в которую бросались вещества для воскурения, в том числе, вероятно, обладающие галлюциногенными свойствами. Предметы и такого рода действия с ними напоминают детали описанного Геродотом обряда ритуального очищения после погребения у скифов.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, саргатская культура, поселения, погребения, плоскодонный сосуд, курильница, блюда-алтарики, ритуальные обряды.*

Введение

Не часто бывает, что рассказчик не только сообщает о современных ему исторически значимых событиях, но и описывает быт, обряды и верования народов, о которых не осталось почти никаких источников, кроме археологических. Как бы критически ни относились исследователи к «Истории» Геродота [Кисель, 2007, с. 69], благодаря ему до нас дошли удивительно подробно переданные детали некоторых ритуалов у скифов. Среди них интересен обряд ритуального очищения. «Совершив погребение, скифы очищаются таким способом: вымыв и умастив головы, они проделывают с телом следующее. Поставив три жерди, наклоненные одна к другой, они натягивают вокруг них шерстяные покрывала. Сдвинув покрывала как можно плотнее, они кидают в чан, поставленный в середине жердей и покрывал, раскаленные докрасна камни... взяв зерна... конопли, подлезая под покрывала и затем бросают зерна на раскаленные [на огне] камни. Насыпанное зерно курится и выделяет столько пара, что никакая эллинская парильня не сможет это превзойти. Скифы же, наслаждаясь парильней, вопят. Это у них вместо мытья...» [Доватур и др., 1982, с. 129].

На территории обитания скифов в Северном Причерноморье атрибутов, связанных с этим обрядом, не найдено, хотя изделия, называемые курильницами, широко известны в древнем мире. Такого рода подвесные изделия и приспособления на подставках и треножниках появились в Трое, Тиринфе, а затем отмечены у греков Боспора, Херсонеса и скифов [Дашевская, 1980]. Скифские курильницы, представляющие собой сосудики на подставках, поддонах, с плоскими днищами и отверстиями на тулове, встречаются с погребенными и являются античными фимиатериями [Там же]. Но на более широких степных и лесостепных пространствах в IV–III вв. до н.э. в среде кочевников получили распространение каменные и керамические курильницы-алтарики и курильницы из керамики, напоминающие небольшие круглодонные и плоскодонные сосудики. Исходя из этого В.А. Кисель делает вывод, что ритуал, описанный в «Истории», должен датироваться не позднее начала V в. до н.э. и существовал только у населения азиатских степей, поэтому Геродот не мог быть его очевидцем, а «использовал фрагмент письменного труда, автор которого лично побывал у азиатских кочевников» [2007, с. 70]. Подтверждением бытования обряда, связанного с воскурением, однако, на наш взгляд, имеющего иной смысл, являются находки курильниц в памятниках савромато-сарматского населения Приуралья и саргатских комплексах лесостепной части Тоболо-Иртышья.

В настоящей статье мы попытаемся обобщить сведения о цилиндрических курильницах и блюдах-алтариках из памятников лесостепной саргатской культуры IV–II вв. до н.э. (включая и

находки из памятников, относимых к гороховской и/или баитовской культурам) и предлагаем версию их применения.

Материалы исследования

Среди всего разнообразия сосудов-полипов (название предложено Г.Ф. Коробковой и О.Г. Шапошниковой) [2005, с. 55] курильницы встречаются достаточно редко. Находки самых ранних рассматриваемых изделий в Восточной Европе связаны с ямно-катакомбным, а на территории восточнее Урала — с афанасьевско-окуневским миром культур. Начиная с этого периода в Евразии, в частности в Сибири, наряду с сосудами, выходящими за рамки стереотипов афанасьевской и окуневской культур и называемыми разными исследователями «курильницами», «вазочками», «жаровнями», «светильниками» и т.д. [Фрибус, 2014], присутствуют изделия, форма и, вероятно, функциональное назначение которых не менялись на протяжении длительного времени. Имеются в виду небольшие цилиндрической и слегка конусовидной формы глиняные емкости, на ранних этапах — иногда с небольшими ручками, поддоном и отверстиями в стенке. В Минусинской котловине и на Алтае такие изделия происходят из захоронений афанасьевской и окуневской культур [Вадецкая, 1986], известны они на поселениях Чепкуль 5, 20 коптяковской культуры в Притоболье [Зах, 2012] и в погребениях могильника Тасты-Бутак [Андроновская культура, 1966]. В этом плане представляют интерес каменные и глиняные блюда-алтарики из разных могильников Западной Сибири, а также своеобразные глиняные изделия небольших объемов из Красногорского городища на Исети [Матвеев, Аношко, 2009], относящегося к переходному времени от бронзы к раннему железу, поселения Ордынское 9, могильника Быстровка 1 большереченской (каменной) культуры в Приобье [Троицкая, Бородовский, 1994], поселений иткульской культуры предгорий Урала [Бельтикова, 1977], в частности Зотинского 3 городища [Борзунов, 2018, рис. 3, 19], Иртышского 1 городища [Археология Южного Урала, 2016, рис. 31, 25, 26], и восточного варианта иткульской культуры (см., напр.: [Зими́на, Зах, 2009, рис. 24, 4, 17].

Основным материалом исследования послужил инвентарь (курильницы и блюда-алтарики) из погребальных и поселенческих комплексов саргатской культуры, расположенных в лесостепной части Западной Сибири от предгорий Урала до среднего течения Оми в Барабе и от слияния Тобола и Иртыша до границы со степью (рис. 1). Основной ареал культуры находился в северной и центральной части лесостепи, по долинам и междуречьям Оми, Иртыша, Ишима, Тобола и Исети. К сожалению, в процессе освоения русским населением лесостепной части Западной Сибири в XVII–XVIII вв. около 80 % саргатских погребальных комплексов было ограблено «бугровщиками» или позднее уничтожено расправкой [Матвеев, Маслякова, 1991; Матвеева, 1993, с. 144]. Ограблению подверглись и захоронения, содержащие рассматриваемые предметы, поэтому не всегда возможно определить местоположение изделия и пол погребенного. Сохранилось лишь незначительное количество неразграбленных захоронений с сосудишками-курильницами и блюдами-алтариками, находящимися *in situ*.

Сосудишки-курильницы. Небольшие плоскостонные цилиндрической, чашевидной формы сосудишки, сделанные из камня, или глиняные со значительной примесью талька, с одним или несколькими отверстиями в стенках и иногда от одного до четырех сосцевидными выступами на внутренней поверхности дна. Как правило, внешняя поверхность курильниц орнаментирована резным зигзагом или треугольниками. Широко распространены в комплексах прохоровской культуры. По типологии М.Г. Мошковой изделия относятся к IV типу [1963], а по К.Ф. Смирнову — к I типу сарматских курильниц [1973, рис. 1], датируются III–II и IV–II вв. до н.э. соответственно.

В Притоболье, как отмечает Н.П. Матвеева, в середине 1990-х г. было известно 7 курильниц, найденных на Рафайловском городище и в погребениях 3 курганных могильников. Выделены четыре типа изделий, датируемых III–II вв. до н.э. [Матвеева, 1993, с. 114, табл. 36]. Первые три типа близки между собой, за исключением некоторых различий в форме, наличия или отсутствия сосцевидных выступов на внутренней поверхности дна. Курильница типа 4 кардинально отличается от предыдущих, представляет собой изделие в виде вазы с поддоном, изготовлена из заталькованного глиняного теста, верхняя часть курильницы разграничена перегородками [Матвеев, Матвеева, 1991, с. 124].

Все остальные курильницы, кроме упомянутой выше, относятся к одному из трех выделенных типов. Предмет из кургана 7 Тютринского могильника найден в южной части кургана у кострища вместе с обломками саргатских сосудов и камушками с отверстиями [Матвеев, Матвеева, 1991, с. 123, рис. 5, 13]. Курильница отличается от основной массы аналогичных изделий, изготовлена из талька, с округлым дном, без орнамента и отверстия в стенке.

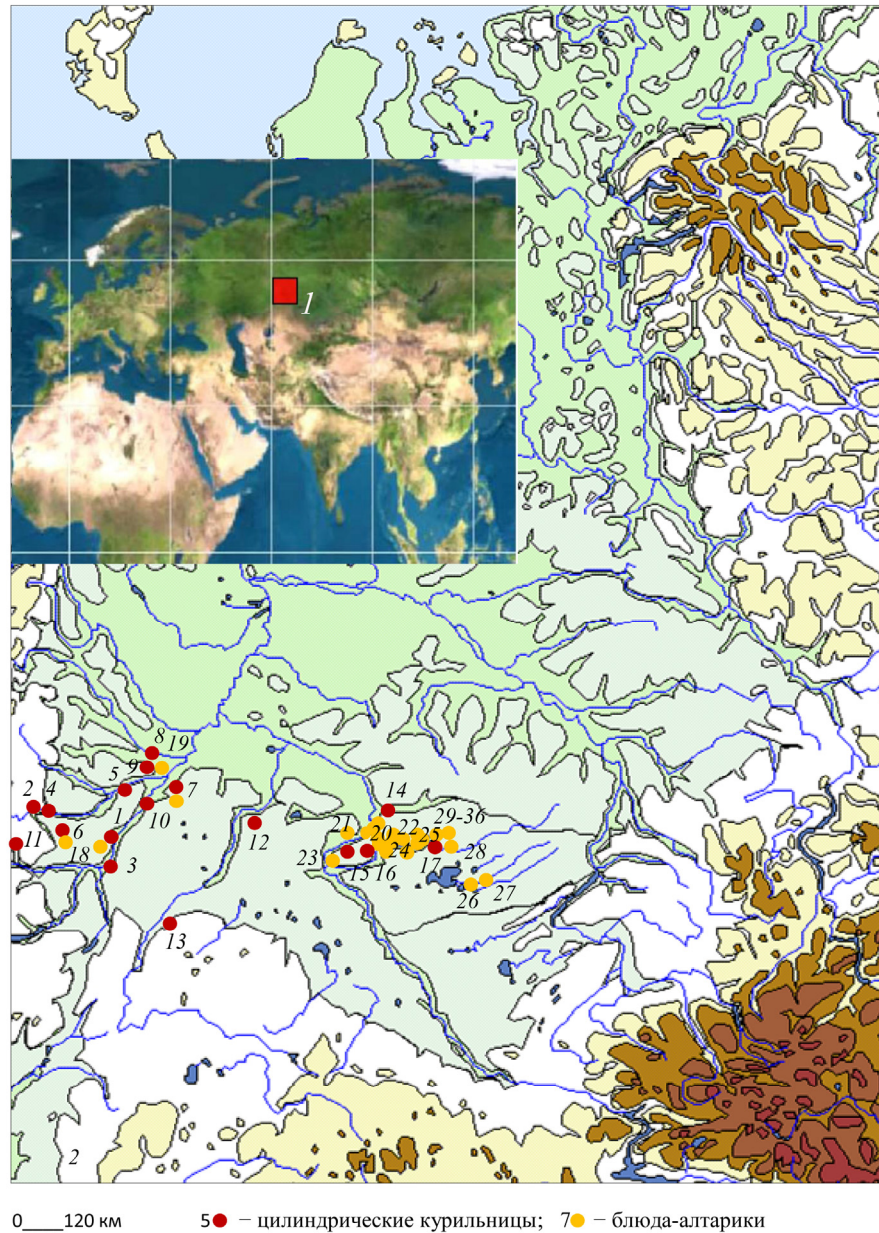

Рис. 1. Распространение цилиндрических курительниц и блюд-алтариков саргатской культуры на территории Евразии (1), Западной Сибири (2):

1 — Тютринский могильник; 2 — Прыговский 2 могильник; 3 — могильник Шикаевка; 4 — Шадринский могильник; 5 — могильник Красногорский Борок; 6 — Рафайловское городище; 7 — могильник Улановка; 8 — Мысовские курганы; 9 — могильник Чепкул 9; 10 — Старо-Лыбаевский 4 могильник; 11 — Большеказакбаевский 2 могильник; 12 — Узловское поселение; 13 — могильники Степного Приишимья; 14 — городище Саратово; 15 — Розановское городище; 16 — Исаковка 3; 17 — могильник Марково 1; 18 — Савиновский могильник; 19 — поселение Дуванское 2; 20 — могильник Богдановка 3; 21 — могильник Карташово 2; 22 — могильник Калачевка 1; 23 — могильник Стрижево 1; 24 — могильник Красноярка 10; 25 — могильник Старый Сад; 26 — могильник Здвинск 1; 27 — могильник Здвинск 2; 28 — могильник Бергуль 1; 29–36 — могильники Абрамово 4, Сопка 2, Преображенка 3, Венгерово 7, Новочекино 2, Мышайлы; поселение Марково 5.

Fig. 1. Distribution of cylindrical incense burners and altar dishes of the Sargatka Culture in Eurasia (1), Western Siberia (2): 1 — Tyutrin'sky burial ground; 2 — Prygovskiy 2 burial ground; 3 — burial ground Shikaevka; 4 — Shadrinsky burial ground; 5 — Krasnogorsky Borok burial ground; 6 — Rafailovskoe settlement; 7 — Ulanovka burial ground; 8 — Mysovskie kurgans; 9 — burial ground Chepkul 9; 10 — Staro-Lybaevsky 4 burial ground; 11 — Bolshhekazakbaevsky 2 burial ground; 12 — Uzlovskoe settlement; 13 — burial grounds of the Steppe Ishim basin; 14 — the settlement of Saratovo; 15 — Rozanovskoe settlement; 16 — Isakovka 3; 17 — burial ground Markovo 1; 18 — Savinovsky burial ground; 19 — settlement Duvanskoe 2; 20 — burial ground Bogdanovka 3; 21 — burial ground Kartashovo 2; 22 — burial ground Kalachevka 1; 23 — burial ground Strizhevo 1; 24 — burial ground Krasnoyarka 10; 25 — burial ground Staryi Sad; 26 — burial ground Zdvinsk 1; 27 — burial ground Zdvinsk 2; 28 — burial ground Bergul 1; 29–36 — burial grounds Abramovo 4, Sopka 2, Preobrazhenka 3, Vengerovo 7, Novochechino 2, Myshailly; settlement Markovo 5.

Курильницы и блюда-алтарики саргатской культуры

Курильница из кургана 10 (погр. 3) Тютринского могильника находилась у правого колена погребенного, вероятно женщины, верхняя часть костяка которой была растащена грызунами [Матвеев, Матвеева, 1991, с. 130]. Изделие изготовлено из заталькованного глиняного теста и орнаментировано треугольниками вершинами вниз (рис. 2, 1). В этом же захоронении находились глиняные сосуды, железные изделия, обломок бронзового зеркала, золотая серьга, а также «небольшой сосудик баночной формы с наклепными ручками, имеющими сквозные вертикальные отверстия» [Там же, рис. 8, 30].

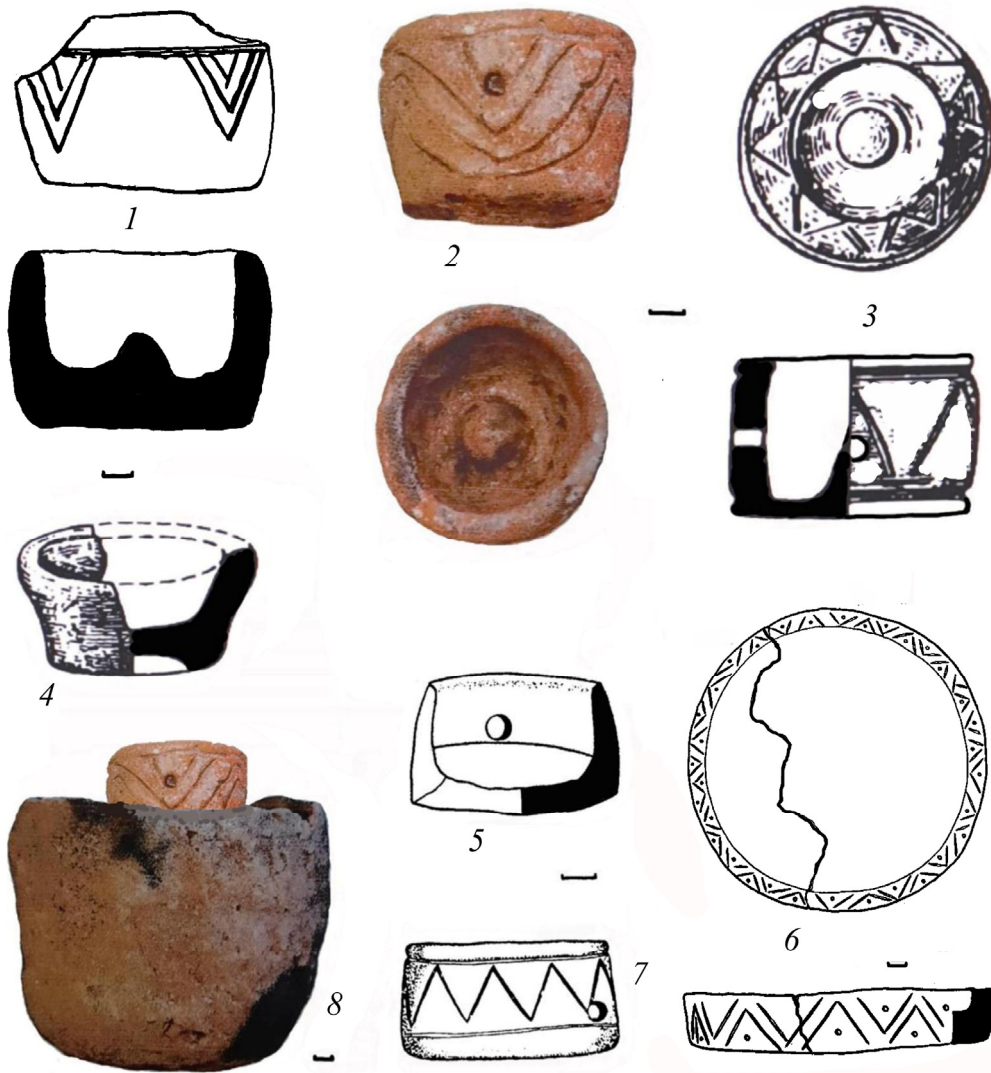

Рис. 2. Цилиндрические курильницы и блюдо-алтарики саргатской культуры:

- 1 — Тютринский могильник; 2 — могильник Улановка; 3 — Розановское городище; 4 — городище Саратово;
5 — Рафайловское городище; 6 — Савиновский могильник; 7 — могильник Красногорский Борок;
8 — использование курильниц (помещение в плоскодонные сосуды с углями): 1–8 — глина.

Fig. 2. Cylindrical incense burners and an altar dish of the Sargatka Culture:

- 1 — Tyutrin'sky burial ground; 2 — Ulanovka burial ground; 3 — Rozanovskoe settlement; 4 — the city of Saratovo;
5 — Rafailovskoe settlement; 6 — Savinovskiy burial ground; 7 — burial ground Krasnogorskiy Borok;
8 — using incense burners (placing in flat-bottomed vessels with coals): 1–8 — clay.

Из Прыговского 2 могильника происходят два экземпляра курильниц. Одно изделие найдено в ограбленном погребении 2, ориентированном с северо-востока на юго-запад [Корякова и др., 2010, с. 65]. В нем была захоронена женщина 30–40 лет, с останками которой наряду с сосудами и другими вещами обнаружена курильница, изготовленная из глины с примесью талька (рис. 3, 3). Вторая курильница, по данным В.Ф. Генинга, происходит «из распаханных курганов к

западу от д. Прыгово на р. Исети» [1962, с. 99]. Представляла собой обломок глиняного с примесью талька изделия диаметром 7 см, с сосцевидным выступом на дне и орнаментом в виде крестов, выполненных гребенчатым штампом, с двумя сквозными отверстиями в стенке (рис. 3, 5).

Рис. 3. Цилиндрические курильницы саргатской культуры:

1 — Шадринский могильник; 2 — могильник Шикаевка; 3, 5 — Прыговский 2 могильник; 4 — Узловское поселение; 6 — место находки не известно; 7 — Мысовские курганы; 8, 9 — могильник Марково 1: 1, 2, 7 — камень, остальное — глина.

Fig. 3. Cylindrical incense burners of the Sargatka Culture:

1 — Shadrinsky burial ground; 2 — Shikayevka burial ground; 3, 5 — Prygovsky 2 burial ground; 4 — Uzlovskoe settlement; 6 — the place of the find is not known; 7 — Mysovskie kurgans; 8, 9 — Markovo burial ground 1: 1, 2, 7 — stone, the rest is clay.

Курильницы из Шикаевского могильника обнаружены в погребении женщины с ритуальным головным убором и в захоронении, расположенном рядом. Изделие плоскодонной формы из талька с диаметром по дну 9,5 см, по верхнему краю — 9 см, высотой 7 см (рис. 3, 2). Находилось в 30 см выше скопления углей, в неограбленной могиле, у ног погребенной женщины, поставлено вверх дном на глиняном заполнении могилы [Потемкина, 2005, с. 116]. Вторая курильница, из глины, с углями на дне, была найдена в разграбленном погребении недалеко от основного [Там же, с. 117].

Курильница из кургана 3 Шадринского курганного могильника — усеченно-конической формы, с диаметром по дну более 11 см, по верхнему краю — 10,5 см, высотой около 7 см, с толщиной стенок 0,7–0,8 см, вырезана из куса талька. Происходит из разграбленного захоронения [Генинг, 1962, с. 93]. Внутри на дне изделия отмечаются четыре сосцевидных выступа высотой до 3,5 см, сбоку на стенке изделия проделано отверстие. Курильница украшена прорезным орнаментом в виде елочек, треугольников и косых лесенок (рис. 3, 1).

Две каменные курильницы обнаружены в погребении 1 кургана 2 Большеказакбаевского 2 могильника, вместе с ними находился различный инвентарь, в том числе золотые бляшки [Пантелева, 2012, табл. 2].

В могильнике Красногорский Борок в ограбленном погребении 1 кургана 2 с разрозненными костями ребенка и мужчины в ногах последнего *in situ* найдены сосуд, орнаментированный фестонами, и курильница с прочерченным зигзагом и двумя отверстиями (рис. 2, 7), оба предмета из затализованного глиняного теста [Матвеева, 1993, с. 46, рис. 24, 24].

На Рафайловском городище найден обломок каменной курильницы с отверстием в стенке (рис. 2, 5) [Матвеева, 1993, с. 75, рис. 37, 25].

Глиняная курильница обнаружена внутри разбитого сосуда в разграбленном погребении 4 кургана 31 Старо-Лыбаевского 4 могильника. Захоронение практически полностью ограблено, найдены отдельные кости 40-летнего мужчины и взрослой женщины. Скорее всего, сосуд с курильницей находился в ногах у погребенных [Матвеева, 2001, с. 105, рис. 8, 10, 12].

Каменная курильница конической формы, с отверстиями и орнаментом в виде двух резных зигзагов, была обнаружена под Тюменью на территории Мысовских курганов (рис. 3, 7). Место находки еще одной курильницы — глиняной, украшенной тремя рядами резного зигзага, хранящейся в фондах Тюменского областного краеведческого музея, неизвестно (рис. 3, 6).

В начале 2000-х г. у г. Ялуторовска А.В. Матвеевым было исследовано два кургана могильника Улановка [Матвеев, 2015], где под насыпью кургана 4 в погребении 1 обнаружены кости черепа, бронзовый браслет, два круглодонных слегка профилированных сосуда. Еще один сосуд, плоскодонной формы, в котором находилась курильница (рис. 2, 2, 8), стоял в ногах погребенной женщины возрастом около 40–50 лет. На межмогильном пространстве обнаружено каменное блюдо-алтарик [Там же, с. 32, рис. 4; 6, 1].

В системе Андреевских озер в кургане 7 могильника Чепкуль 9 было исследовано непотревоженное погребение 11, расположенное в яме подпрямоугольной формы, примыкавшей к рову. От костей погребенного остался лишь тлен (рис. 4, 1, 6). С погребенным найдены серьги из серебра (?) с подвесками в виде небольших овальной формы лепестков (рис. 4, 2, 3), пряслице (имитация?), возможно, нож, низки бус, обломок бронзового зеркала (рис. 4, 4). В ногах стояли два сосуда, круглодонной и баночной форм, без орнамента, внутри баночного обнаружена глиняная курильница, с примесью талька в тесте и отверстием в стенке, орнаментированная прочерченными треугольниками. Рядом с этими предметами у самой стенки могилы стояла каменная плита (рис. 4, 5, 7). Плохая сохранность костей и зубов не позволила определить пол и возраст погребенного, хотя по обряду и инвентарю можно предположить, что это была женщина [Зах, 2009b]. Отметим, что нахождение курильниц внутри плоскодонных баночных сосудов, помещенных в ноги погребенных, достоверно зафиксировано в трех могильниках Притобоя: Старо-Лыбаевском 4, Улановка и Чепкуль 9. Необходимо отметить еще одну находку — в погребении 1 кургана 20 Ипкульского курганного могильника: плоскодонный сосуд, внутри которого помещалась небольшая глиняная емкость, определенная автором как керамическое пряслице [Чикунова, 2017, рис. 8, Г, Д]. Плоскодонный сосуд вместе с емкостью обнаружен у лицевых костей погребенной женщины 25–35 лет, с противоположной стороны черепа находилось глиняное блюдо [Там же, рис. 8, Б]. Примечательно, что в кургане 20 встречена посуда, близкая саргатской [Там же, с. 105].

В исследованных курганных могильниках у с. Абатское в Нижнем Приишимье ритуальных предметов, в частности курильниц, не обнаружено [Мошкова, Генинг, 1977; Матвеева, 1994]. С лесостепных территорий происходит лишь одно изделие «цилиндрической формы с сосцевидным выступом на внутренней поверхности дна и орнаментом в виде косоугольной решетки по внешней поверхности стенки и четырьмя круглыми парными отверстиями в стенках» (рис. 3, 4), найденное в слое Узловского поселения [Стоянов, 1969, с. 87]. В захоронениях могильников Степного Приишмья обнаружено пять глиняных курильниц баночной формы с отверстием в тулове [Хабдуллина, 1994, с. 62], у изделия из погребения 1 на поселении Борки 2 внутри на дне отмечается сосцевидный выступ [Там же, табл. 21, 5].

Восточнее, в частности в лесном Прииртышье, известны две курильницы цилиндрической формы: одна найдена на Розановском городище (рис. 2, 3), обломок второй, с небольшим поддоном, обнаружен на городище Саратово (рис. 2, 4). Оба изделия изготовлены из глины. Обломки глиняной курильницы были найдены недалеко от фрагментов плоскодонного сосуда в разрушенной центральной части насыпи кургана 3 могильника Исаковка 3 [Погодин, Труфанов, 1991, с. 120, рис. 9, 3, 8].

В Барабе обнаружены две глиняные курильницы, происходящие из погребения 1 кургана 5 и погребения 1 кургана 7 могильника Марково 1 [Полосьмак, 1987, с. 72, 78]. Первая представлена небольшой чашечкой с тремя сосцевидными выступами на внутренней части дна и тремя

отверстиями в стенках (рис. 3, 9), вторая — плоскодонной формы, с отверстием в стенке и орнаментом в виде прочерченного зигзага (рис. 3, 8). Обе находились в захоронениях вместе с блюдами-алтариками, одна — с левой стороны несколько выше тазовых костей погребенного, вторая — у головы, на блюде-алтарике.

Рис. 4. Материалы погребения с курильницей могильника Чепкуль 9:

1, 6 — план и вид погребения 11; 2, 3 — серебряные серьги; 4 — обломок бронзового зеркала; 5 — курильница;
7 — набор предметов: каменная плитка, плоскодонный сосуд с курильницей внутри, круглодонный сосуд.

Fig. 4. Materials of the burial with an incense burner at the Chepkul cemetery 9:

1, 6 — plan and view of burial 11; 2, 3 — silver earrings; 4 — fragment of a bronze mirror; 5 — incense burner;
7 — a set of objects: stone tile, flat-bottomed vessel with an incense burner inside, round-bottomed vessel.

Блюда-алтарики. Круглые, овальные или подпрямоугольной формы изделия, выполненные из камня и глины, на ножках и без них. Круглые блюда-алтарики подразделяются на плоскодонные с бортиком и округлодонные без бортика. Многие изделия орнаментированы резным зигзагом, сеткой, вдавлениями. Находят аналогии в саргатских комплексах IV–II вв. до н.э. [Полосьмак, 1987, с. 87].

В Притоболье на Савиновском могильнике в погребении 1 кургана 1 обнаружено орнаментированное блюдо-алтарик круглой формы (рис. 2, 6) [Матвеева, 1993, с. 14, рис. 4, 16]. На Рафайловском городище наряду с разнообразными предметами, связанными с хозяйственной деятельностью населения, найдено каменное блюдо подчетыреугольной формы на ножках, а на поселении Дуванское 2 — глиняное округлой формы также на ножках. Они близки сакским, савроматским и саргатским изделиям из Прииртышья [Матвеева, 1993, с. 77]. Глиняное блюдо-алтарик с бортиком, ор-

Курильницы и блюда-алтарики саргатской культуры

наментированное треугольниками, заполненными насечками, обнаружено в грабительской яме кургана 3 Гилевского 2 курганного могильника [Матвеева и др., 2018, рис. 4, 6].

В Прииртышье к предметам культа отнесены присутствующие в курганах могильников Богдановка 3 и Карташово 2 каменные курильницы-жертвенники на двух и четырех ножках V — IV—III вв. до н.э. [Могильников, 1985; Корякова, 1988, с. 83]. Каменное блюдо-алтарик овальной формы на четырех ножках и глиняное круглое происходят из погребений кургана могильника Красноярка 10 (рис. 5, 4) [Трофимов, 2017]. Блюда-алтарики из глины найдены в захоронениях курганов Калачевка и Стрижово [Могильников, 1973], изделие круглой формы происходит из погребения 2 кургана 2 могильника Исаковка 3 [Погодин, Труфанов, 1991, с. 120, рис. 9, 5].

В захоронениях могильников Старый Сад, Здвинск 1, 2 и кургане 1 могильника Бергуль обнаружены 4 каменных блюда-алтарика [Полосьмак, 1987, с. 86], 11 таких же изделий — в погребениях могильников Марково 1, Абрамово 4, Сопка 2, Преображенка 3 и др. и на поселении Марково 5 (рис. 5, 1–3, 5–7) [Там же, с. 87]. В основном блюда-алтарики обнаружены в женских погребениях вместе с пряслицами, как правило, помещались у головы или слева у бедра погребенного. Местонахождение цилиндрических курильниц и блюд-алтариков указано в таблице.

Основные находки цилиндрических курильниц и блюд-алтариков на территории саргатской культуры

The main finds of cylindrical incense burners and altarik dishes on the territory of Sargatka Culture

Местонахождение (№ памятника на рис. 1)	Кол-во	Материал	Примечание
Цилиндрические курильницы			
1. Тютринский могильник, кург. 7; 10, п. 3	2	Тальк; глина	Притоболье
2. Прыговский 2 могильник	2	Затальк. глина	
3. Шикаевка, кург. 4, п. 1 и 2	2	Тальк, глина	
4. Шадринский могильник кург. 3	1	Тальк	
5. Красногорский Борок, кург. 2, п. 1	1	Затальк. глина	
6. Рафайловское городище	1	Камень (тальк?)	
7. Улановка, кург. 4, п. 1	1	Затальк. глина	
8. Мысовские курганы	1	Камень	
9. Чепкуль 9, кург. 7, п. 11	1	Затальк. глина	
10. Старо-Лыбаевский 4, кург. 31, п. 4	1	Затальк. глина	
11. Большеказакбаевский 2, кург. 2, п. 1	2	Камень	
12. Узловское поселение	1	Затальк. глина	Приишимье
13. Могильники Степного Приишимья	5	Глина	
14. Городище Саратово	1	Глина	Прииртышье
15. Розановское городище	1	Глина	
16. Исаковка 3, кург. 3, насыпь	1	Глина	
17. Марково 1, кург. 3 и 7	2	Затальк. глина	Бараба
Место не установлено	1	Затальк. глина	Притоболье
Итого	27		
Каменные и глиняные блюда-алтарики			
7. Улановка кург. 4, межмог. прост-во	1	Камень	Притоболье
18. Савиновский могильник кург. 1, п. 1	1	Глина	
6. Рафайловское городище	1	Камень	
19. Поселение Дуванское 2	1	Глина	
20. Могильник Богдановка 3	1	Камень	Прииртышье
21. могильник Карташово 2	1	Камень	
22. Могильник Калачевка 1, кург. 1, п. 6	1	Глина	
23. Стрижево, кург. 2, п. 3	1	Глина	
24. Могильник Красноярка 10	2	Камень, глина	
16. Исаковка 3, кург. 2, погр. 2	1	Глина	
25. Старый Сад, кург. 3	1	Камень	Бараба
26. Здвинск 1, кург. 1, п. 6	1	Камень	
27. Здвинск 2, кург. 1, п. 1	1	Камень	
28. Бергуль 1, кург. 1, п. 1	1	Камень	
29–36. Марково 1, кург. 3, п. 1, кург. 7, п. 1; Абрамово 4, кург. 18, п. 1, кург. 29, п. 2, кург. 32, п. 1; Сопка 1, кург. 25, п. 23; Преображенка 3, кург. 58, насыпь; Венгерово 7, кург. 2, п. 7; Мышайлы, кург. 5, п. 1; поселение Марково 5, Новочекино 2, кург. 5, насыпь	11	Глина	Бараба
Итого	26		
ВСЕГО	53		

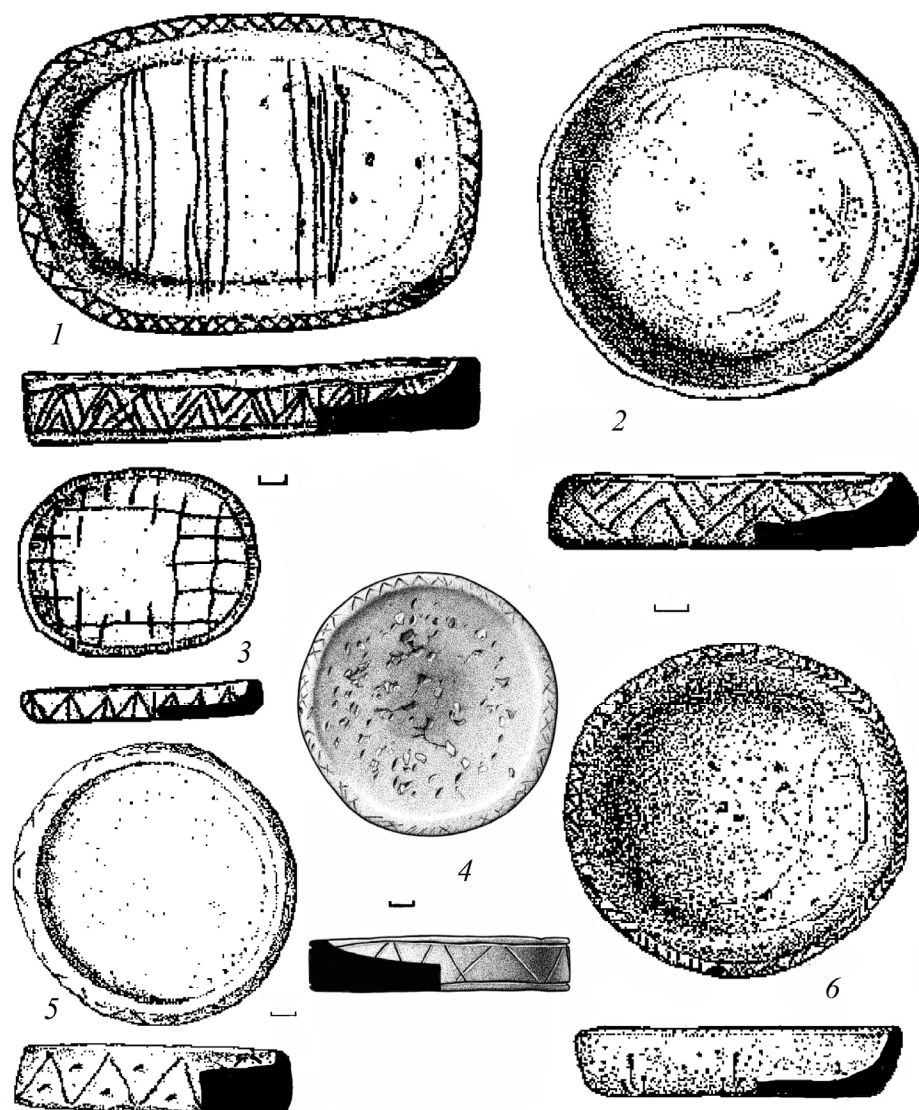

Рис. 5. Блюда-алтарики из могильников саргатской культуры:
 1, 3 — Абрамово 4; 2 — Преображенка 3; 4 — Красноярка 10; 5 — Венгерово 7; 6 — Сопка 2: 1–6 — глина.
 Fig. 5. Dishes-altars from the burial grounds of the Sargatka Culture:
 1, 3 — Abramovo 4; 2 — Preobrazhenka 3; 4 — Krasnoyarka 10; 5 — Vengerovo 7; 6 — Sopka 2: 1–6 — clay.

Обсуждение и результаты

В пределах ареала саргатской культуры от Зауралья до Барабы включительно встречается, как мы видим, в основном два типа рассматриваемых предметов — цилиндрические курильницы и блюда-алтарики (табл.). Курильница из заталькованной глины на поддоне, с верхней частью, разграниченной перегородками, из погребения 2 кургана 7 Тютринского могильника, аналогичная сарматским изделиям Поволжья и Приуралья и родственного населения Средней Азии (VIII тип) [Смирнов, 1973] и типу курильниц катакомбной, афанасьевской и окуневской культур [Егоров, 1970; Вадецкая, 1986], скорее всего, имела другое предназначение, чем рассмотренные выше типы.

Основное количество цилиндрических курильниц обнаружено в западной части саргатского ареала, единичные находки происходят из Приишимья, Прииртышья и Барабы. Восточнее аналогичные изделия неизвестны, но определенное сходство с этим типом имеют экземпляры с низкими стенками, иногда с отверстиями и одним выступом на внутренней части дна или без него, присутствующие в материалах большереченской культуры: на поселении Ордынское 9, могильниках Милованово 2, Новый Шарап 2 и Быстровка 1 [Троицкая, Бородавский, 1994, табл. III, 9; XXVI, 16; XXIX, 14; XXXVII, 12–14]. Близкий «прообраз» этих изделий обнаружен в слое пере-

ходного времени от бронзы к раннему железу Красногорского городища [Матвеев, Аношко, 2009, рис. 19, 14]. Подобны цилиндрическим сосудикам-курильницам так называемые необычные ритуальные сосуды [Вадецкая, 1986, рис. 25–30], встреченные в ранних комплексах на Енисее и Алтае. Просматривается сходство сосудиков-курильниц с плоскодонными раннекаменнобронзовыми курильницами Предкавказья [Панасюк, 2010, рис. 7, 4], а также орнаментированными и неорнаментированными сосудами из могильника Тасты-Бутак 1 [Андроновская культура, 1966, табл. XXX, 2–5]. Очевидно, обряды, связанные с воскурением (и соответствующий инструментарий), появляются в глубокой древности.

Наиболее полные аналоги цилиндрические курильницы находят в I типе изделий прохоровской культуры IV–II вв. до н.э. Сарматские курильницы также имеют отверстия и прорезной орнамент в виде волнистых линий или зигзагов [Смирнов, 1973, с. 167].

Второй тип, представленный каменными или глиняными блюдами-алтариками на ножках или с плоским или округлым дном (25 экз.), в основном встречается в восточной части саргатского ареала. Наиболее близкие им аналоги, правда в основном каменные, с плоским и округлым дном, найдены на территории Приобья в материалах поселений и могильников большереченской культуры (см., напр.: [Троицкая, Бородавский, 1994, табл. III, 8; XIII, 11–13; XXXVI, 11–13]). Каменные столики, блюда и чашечки встречаются практически на всей территории евразийского пояса степей от Тувы на востоке до Днестра на западе и от Памира на юге до Прикамья и Зауралья на севере, центром ареала является Южное Приуралье [Зуев, 1996]. Глиняные блюда-алтарики, как нам представляется, имеют прототипы в материалах досаргатских комплексов эпохи раннего железа Нижнего Приобья и Приишимья (см., напр.: [Зиминова, Зах, 2009, рис. 24, 4, 17; Зах, 2009а, рис. 5, 1; Илюшина и др., 2019, рис. 6, 1]).

Сосудики-курильницы и блюда-алтарики могли быть атрибутами обрядов, подобных описанному Геродотом в «Скифском логосе», но, видимо, далеко не столь масштабных. В ритуале очищения по Геродоту участвует большое количество людей и используются предметы соответствующих размеров (чан, камни). Вероятно, при этом применялись объемные бронзовые котлы или керамические сосуды.

Курильницы и блюда-алтарики, обнаруженные в саргатских захоронениях, могли использоваться в обрядовых действиях, скорее всего, индивидуального характера. Можно предположить, что после смерти человека изделия, связанные с обрядом, ставились в его могилу, так как, вероятно, являлись его собственностью. Вместе с тем нельзя исключать, что небольшие каменные «переносные алтари», каменные жертвенники, блюда-алтарики, служившие для определенных обрядов, возможно, связанных с огнем, в большей степени представляли собой, вместе с «галькой или палочкой-растиральником, ножом и костяной ложечкой», предметы туалетного набора [Зуев, 1996, с. 59]. По В.Ю. Зуеву, каменные столики, блюда и плоские камни выполняли функцию терочников для приготовления косметики, «которая и при жизни погребенных, и после их смерти могла, безусловно, иметь ритуальное назначение» [Там же, с. 64]. Возможно также, рассматриваемые предметы выступали в качестве светильников.

Из находок, сделанных на территории Притоболья, в полной мере с проведением обрядовых действий, связанных с огнем, сжиганием определенных веществ и воскурением, можно ассоциировать лишь цилиндрические сосудики-курильницы. Об этом можно судить по аналогичным изделиям с сопредельных территорий: на дне таких предметов встречаются «сажа, угольки, обгоревшие зерна злаков, зола от сгоревших трав, кусочки смолы или черный слой смолистого вещества в виде каких-то темных жирных пятен. ...Иногда источник огня помещался в другом, более крупном сосуде того же типа» [Смирнов, 1973, с. 167]. Сохранившиеся детали очень важны для реконструкции приспособления и в целом процесса с использованием цилиндрических курильниц. Несмотря на то что большое количество саргатских погребений, в которых обнаружены рассматриваемые изделия, ограблено, все же есть единичные захоронения, в которых в ненарушенном виде присутствовали связанные с ритуальным обрядом атрибуты. Среди них баночные сосуды, которые мы рассматриваем как емкости, в которые помещались угли, а на них ставилась курильница с веществом, которое требовалось воскурить. Плоскодонные баночные сосуды в комплексах раннего железного века немногочисленны и, как правило, помещались в ногах погребенных. Вероятно, по разным причинам плоскодонные сосуды редко встречаются с курильницами, но в погребении 1 кургана 2 Большеказакбаевского 2 могильника, с разным инвентарем, в том числе золотыми бляшками, находились две каменные курильницы [Пантелеева, 2012, табл. 2]. С плоскодонными сосудами-банками, обнаруженными в Мурзинском I мо-

гильнике, кург. 8 (В.А. Булдашов считал их банками-«курильницами», мы же считаем, что это не курильницы, а сосуды, в которые загружался уголь) [2001, с. 470], Гаевском I могильнике, кург. 3, погр. 1 [Культура зауральских скотоводов..., 1997] и других комплексах, собственно курильницы не обнаружены. Необходимо отметить, что плоскодонный сосуд из Гаевского могильника в ограбленном захоронении стоял *in situ* в яме, в юго-западном углу могилы, на кучке углей.

Наиболее информативными являются материалы погребения 11, кургана 7 могильника Чепкуль 9. У ног погребенного находились каменная плитка, плоскодонный неорнаментированный сосуд с курильницей внутри и саргатский круглодонный сосуд (рис. 4). Нахождение в плоскодонных сосудах курильниц в могильниках Улановка, Старо-Лыбаевском 4, а также тот факт, что часто и в разграбленных могилах наряду с цилиндрическими курильницами встречаются целые или в обломках плоскодонные сосуды, свидетельствуют, на наш взгляд, об устойчивом сочетании предметов (плоскодонный сосуд, каменная или керамическая курильница с выступами на дне и отверстиями в стенках), позволяющем реконструировать «инструмент», применявшийся в обряде. Последний мы склонны рассматривать в связи с известной информацией об обрядах прорицания и общения с богами в скифской и эллинской религиозных культурах с отдельными элементами шаманизма. Так, по мифам, в древности в Дельфах в храме Аполлона находилось прорицалище, с отверстием, откуда источались испарения, действующие на животных и человека. Главной фигурой обряда была пифия: перед предсказанием она жевала листья лавра, пила воду из священного источника, затем вдыхала пары, исходящие из расщелины. При этом она испускала невнятное бормотание и дикие крики, которые истолковывались жрецами как воля Аполлона. Позднее пифию стали окуривать дымом одурманивающих растений, которые оказывали похожее воздействие. По утверждению Геродота, с Аполлоном связано и путешествие поклонявшегося ему Аристея, уроженца Проконнеса, достигшего исседонян [Bolton, 1962].

Не исключено, что схожие обряды существовали в саргатском обществе. Можно предположить, как это происходило. Лица (женщина, иногда мужчина) — исполнители обряда в небольшом закрытом пространстве ставили на каменную подставку плоскодонный сосуд, заполненный углями, в который помещалась курильница. В нее бросались вещества, в том числе, вероятно, выделяющие при нагревании и тлении галлюциногены. Во время действия или после проведения обряда увиденное в трансе определенным образом трактовалось. Основной составной частью приспособления была курильница — цилиндрической или конической формы емкость, изготовленная из заталькованной глины или из талька, как правило, со сквозными отверстиями в стенке, способствующими поступлению воздуха внутрь изделия, иногда с сосцевидными выступами на внутренней поверхности дна, увеличивающими площадь поверхности, соприкасавшейся с действующим веществом. Важно обратить внимание на размеры курильниц. Они имели незначительный объем, и потому их использование на открытых пространствах, вне относительно компактных помещений, видится неэффективным и нерациональным, как и при скоплении массы людей, если (предположительно) их нужно было ввести в транс. Поэтому, по нашему мнению, цилиндрические курильницы являлись, скорее всего, предметами, с которыми манипулировала особая, малочисленная категория членов общества (о чем может свидетельствовать и сравнительно небольшое количество рассматриваемых предметов).

Список применявшихся галлюциногенов мог быть достаточно представительным. В Сибири к таким растениям относятся, например, багульник (*Ledum palustre*, *Ledum hypoleucum*), можжевельник (*Juniperas macropocla*), полынь (*Artemisia absinthium*), чабрец (*Thymus serpyllum* L.), дурман, белена, красавка, красный мухомор (*Amanita muscaria*) и др. При их сжигании образуется дым. Так, длительное вдыхание дыма от листьев и веток горного можжевельника (артыша) может вызвать опьянение, общее возбуждение, галлюцинации, бред и даже транс [Диксон, 2005]. Наиболее распространенным галлюциногеном является красный мухомор (семейство *Amanitaceae*, род *Amanita*, вид *muscaria*) с ярко окрашенной шляпкой — от оранжевой у молодого гриба до красной у зрелого — с белыми хлопьеобразными выпуклыми крапинками. Галлюциногеном, происходящим из сопредельных областей, является конопля (*Cannabis indica*), содержащая много наркотических веществ. М. Элиаде замечает, что в языках финно-угорской группы слово «мухомор» созвучно иранскому «*bangha*» (конопля), но означает «гриб», иногда — «опьянение», «пьянство». Исходя из этого и текстов гимнов с упоминанием экстаза, вызванного действием грибов, М. Элиаде делает вывод об иранском влиянии на финно-угорский шаманизм [1998].

С мухомором некоторые исследователи связывают сомну — напиток бессмертия богов, вызывающий состояние экстаза и приоткрывающий тайну божественной силы [Бонгард-Левин,

Грантовский, 1983, с. 115, 120]. Вероятно, наряду с семенами конопли (эффект от которых описывается Геродотом) мухомор как стимулятор использовался в религиозной практике многих народов севера Европы и Сибири, в культуре которых есть элементы шаманизма.

Применение различных веществ, сжигавшихся в курильницах культур с сопредельных саргатской территорий, документируется остатками в них сажи, угольков, обгоревших зерен, кусочков смолы или слоя смолистого вещества в виде темных жирных пятен [Смирнов, 1973, с. 167]. В саргатских комплексах такие находки единичны. Известна смесь, находившаяся в бронзовом сосуде из погребения могильника Исаковка 1, образцы которой изучены методом газовой хроматографии с масс-спектрометрией. Установлено, что эта смесь состояла из эфирных масел, смол и парафинов, выделенных из различных растений. Авторами исследования сделан вывод, что состав образцов «может быть характерен для ароматической смеси, благовония или фимиама», а также засвидетельствовано отсутствие каннабиноидов и никотина [Домрачева и др., 2020, с. 127–130]. Материальных доказательств ритуального потребления каннабиса немного, и они спорны. Известен случай нахождения в пазырыкском кургане 2 металлического сосуда с камнями с термическим воздействием и обугленной дикой коноплей [Rudenko, 1970]. Подтвержден факт «курения» каннабиса результатом фитохимического анализа содержимого деревянных жаровен с камнями, обнаруженных в погребениях могильника Джирзанкал на территории Восточного Памира [Ren et al., 2019]. Однако, как показано выше, список растений, содержащих вещества, обладающие галлюциногенными свойствами, не ограничивается коноплей. Несомненно, по возможности необходимо шире применять современные методы (например, лазерная спектроскопия) и методики для изучения содержимого и нагаров на сосудах, в том числе курильницах и блюдах-алтариках.

В саргатской культуре курильницы, как правило, сопровождают захоронения женщин, о чем свидетельствуют как антропологические данные, так и сопутствующий инвентарь, причем, судя по погребениям в курганах у д. Шикаевки, Тютрино, в Большеказакбаевском 2 могильнике и захоронению могильника Чепкуль 9 — вероятно, состоятельных. Кто были эти женщины: жрицы-прорицательницы или шаманки, сказать сложно. Ясно только, что они были связаны с обрядом, составной частью которого являлись воскурения, возможно и наркотических веществ. Н.П. Матвеева считает, что «говорить о специализации отправления культов и сосредоточении управления ими одной категорией лиц — “жрецами” или “жрицами” по материалам саргатской культуры нет оснований» [1996, с. 83]. Мы же полагаем, что нахождение в немногочисленных захоронениях курильниц, а иногда и других, «логически» сочетающихся с ними атрибутов как раз может свидетельствовать о выделении в обществе лиц, выполнявших специфические функции при совершении соответствующих обрядов.

Мы безусловно согласны с тем, что следует говорить о локальных различиях в культовых материалах (в западной части саргатского ареала распространены в основном каменные и глиняные курильницы, в восточной — глиняные блюда-алтарики), связанных, на наш взгляд, с особенностями процесса формирования культуры. Отсюда правомерен вопрос, равнозначны ли курильницы и блюда-алтарики в своем применении. Если цилиндрические курильницы можно интерпретировать как инструмент для отправления обряда, в основе которого лежит сжигание, вероятно, веществ, содержащих благовония и/или галлюциногены, то каменные столики, блюда и плитки, по мнению В.Ю. Зуева, использовались для приготовления косметики [1996, с. 64]. Однако присутствие на востоке ареала саргатской культуры среди глиняных блюд-алтариков единичных экземпляров цилиндрических курильниц все же, вероятно, не исключает проведения схожих обрядов с применением и первых, и вторых изделий. На наш взгляд, курильницы цилиндрической формы и блюда-алтарики близки по функции. Отсутствие у последних высоких стенок (вместо них наличествуют бортики) компенсируется большими размерами собственно блюда. Объем использовавшегося вещества в обоих типах изделий, видимо, был примерно равным, а поддержание горения в блюдах-алтариках не требовало дополнительных приспособлений, как в случае цилиндрических курильниц. Трудно представить, что в одной части ареала культуры обряд проводился, а в другой нет; логичнее предположить, что в силу наследования различающихся культур, разных культурных связей на востоке и западе ареала применялись одинаковые по сути, но разные по форме предметы.

Западные саргатские области ближе к савроматским и сарматским территориям, где получили распространение цилиндрические курильницы. Процессы проникновения населения (а вместе с ним, вероятно и возможно, отдельных категорий вещей, в частности курильниц) прослеживаются и на антропологическом материале; так, А.Н. Багашев отмечает, что «строение

черепов из ранних могильников саргатской общности весьма сходно с типом савроматских серий» [2000, с. 249]. Восточные области ареала соприкасались с территорией распространения комплексов каменной культуры (бийского этапа большереченской культуры) с блюдами-алтариками из камня (напр.: [Завитухина, 1968; Грязнов, 1956; Троицкая, Бородовский, 1994]). По форме последние близки к саргатским из Барабы — также округлые и подчетырехугольной с закругленными углами формы, но изготовлялись из различных пород камня.

Заключение

Каким образом Геродот получил сведения об отдельных моментах обряда ритуального очищения у скифов: наблюдал непосредственно или узнал из какого-то письменного источника VII–VI вв. до н.э., посвященного кочевникам, возможно исседонам, — неизвестно. Важным представляется, что действие, подобное описанному им (правда, не столь грандиозное и имеющее, видимо, иной смысл), может документироваться ныне набором предметов из некрополей и поселений раннего железного века: курильницы, плоскодонные сосуды, каменные подставки и блюда-алтарики. Судя по всему, они использовались для сжигания и воскурения определенных веществ у населения скифских культур — как минимум в савроматском, сарматском и саргатском обществах. Этот обряд практиковался носителями сарматской и саргатской (по крайней мере, в западной части ареала) культур и осуществлялся, скорее всего, особыми, избранными лицами, после смерти которых весь их инструментарий помещался в захоронении как сопроводительный инвентарь. Если некоторые исследователи трактовали эти изделия как фимиатерии, связанные с воскурением богам, обрядами ритуального очищения, то нам представляется, что они могли быть и атрибутами обрядов с применением галлюциногенных веществ, отправлявшихся с целью прорицания, предсказаний, для общения с богами и духами в обществах ранних скотоводов и металлургов и ранних кочевников, расселившихся в азиатской лесостепи и степи.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию № 121041600045-8, проект «Западная Сибирь в контексте Евразийских связей: человек, природа, социум».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андроновская культура.* САИ. ВЗ-2. Вып. 1: Памятники западных районов / Отв. ред. М.П. Грязнов; Сост. В.С. Сорокин. М.; Л., 1966. 65 с.
- Археология Южного Урала. Лес, лесостепь: (Проблемы культурогенеза).* Сер. Этногенез уральских народов. Челябинск: Рифей, 2016. 586 с.
- Бельтикова Г.В.* Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1977. С. 119–133.
- Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А.* От Скифии до Индии. Древние арии: Мифы и история. М.: Мысль, 1983. 206 с.
- Борзунов В.А.* Зотинское III городище — укрепленный центр зауральских металлургов начала железного века: Инвентарь и остеологический комплекс // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 2. С. 69–79.
- Булдашов В.А.* Могильник эпохи раннего железа Мурзино 1 // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск: ИА РАН: МагнГУ, 2001. С. 468–516.
- Вадецкая Э.Б.* Сибирские курильницы // КСИА. 1986. Вып. 185. С. 50–59.
- Генинг В.Ф.* Курганы у гор. Шадринска // ВАУ. Свердловск: УрГУ, 1962. Вып. 4. С. 89–104.
- Генинг В.Ф., Мошкова М.Г.* Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири // МИА. М., 1977. № 133. С. 87–118.
- Грязнов М.П.* История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. 1956. № 48.
- Дашевская О.Д.* О скифских курильницах // СА. 1980. № 1. С. 18–29.
- Диксон О.* Мистерии мухомора: Применение галлюциногенного гриба в шаманской практике. М.: ВЕЛИГОР, 2005. 94 с.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории Геродота». М.: Наука, 1982. 456 с.
- Домрачев Д.В., Хорькова А.Н., Данилов Д.А., Киселева Д.В.* Анализ археологической растительной смеси с применением хроматографических методов // Геоархеология и археологическая минералогия. Миасс: ИМин ЮУ ФНЦ МиГ УрО РАН, 2020. Т. 7. С. 127–130.
- Егоров В.Г.* Классификация курильниц катакомбной культуры // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970. С. 156–163.
- Завитухина М.П.* Ордынские курганы V–IV вв. до н.э. // АСГЭ. Л., 1968. Вып. 10. С. 28–34.

Курильницы и блюда-алтарики саргатской культуры

Зах В.А. Городище Ласточкино Гнездо 1 в Нижнем Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009а. № 11. С. 67–80.

Зах В.А. Комплексы кургана 7 могильника Чепкуль 9 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009б. № 9. С. 4–21.

Зах В.А. Коптяковская культура в Нижнем Притоболье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2012. № 2 (17). С. 29–40.

Зими́на О.Ю., Зах В.А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.

Зуев В.Ю. Научный миф о «савроматских жрицах» // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: Материалы международной конференции. СПб., 1996. С. 54–68.

Илюшина В.В., Зах В.А., Еньшин Д.Н., Тигеева Е.В., Кисагулов А.В. Комплекс укрепленного поселения Марай 4 начала раннего железного века лесостепного Приишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 3. С. 29–47.

Кисель В.А. Рассказ Геродота и ритуальные сосуды древних кочевников // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (31). 2007. С. 69–79.

Коробкова Г.Ф., Шапошникова О.Г. Поселение Михайловка — эталонный памятник древнеямной культуры: (Экология, жилища, орудия труда, системы жизнеобеспечения, производственная структура). СПб.: Европейский дом, 2005. 316 с.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири: (Саргатская культура). Свердловск: УрГУ, 1988. 240 с.

Корякова Л.Н., Шарапова С.В., Ковригин А.А. Прыговский 2 могильник: кочевники и лесостепь // УИВ. Екатеринбург, 2010. № 2 (27). С. 62–71.

Культура зауральских скотоводов на рубеже эр: (Гаевский могильник саргатской общности: Антропологическое исследование) / Л.Н. Корякова, В.А. Булдашев, А.А. Ковригин, П.А. Косинцев, П. Курто, Г.И. Махонина, Д.И. Ражев, Ж.-П. Потро, С.В. Шарапова. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1997. 180 с.

Матвеев А.В. Раскопки курганного могильника Улановка // АВ ORIGINE: Археолого-этнографический сборник. Тюмень: ТюмГУ, 2015. Вып. 7. С. 26–36.

Матвеев А.В., Аношко О.М. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень: Тюменский дом печати, 2009. 416 с.

Матвеев А.В., Маслякова Н.Н. Известия о «бугровании» в Западной Сибири и проблема происхождения Сибирской коллекции Петра I // Проблемы изучения саргатской культуры. Омск: ОмГУ, 1991. С. 37–41.

Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Тютринский могильник // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень: ТюмГУ, 1991. С. 25–46.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 175 с.

Матвеева Н.П. Следы отправления культов в погребальных памятниках саргатской культуры // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: Материалы международной конференции. СПб., 1996. С. 81–83.

Матвеева Н.П. Старо-Лыбаевский 4 курганный могильник (по раскопкам 1999 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. № 3. С. 98–113.

Матвеева Н.П., Зеленков А.С., Рябогина Н.Е., Третьяков Е.А. Гилевский 2 курганный могильник // АВ ORIGINE: Археолого-этнографический сборник. Тюмень: ТюмГУ, 2018. Вып. 10. С. 44–72.

Могильников В.А. К характеристике культуры лесостепного Прииртышья в VII–VI вв. до н.э. // КСИА. 1985. Вып. 184. С. 3–7.

Могильников В.А. Калачевка — памятник позднего этапа саргатской культуры // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 239–247.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. 1963. Д1-10.

Панасюк Н.В. Раннекатакомбные курильницы степного Предкавказья // РА. 2010. № 2. С. 25–38.

Пантелеева С.Е. Погребальная керамика гороховской культуры: вариативность как маркер социальных границ // Вестник НГУ. Сер. История, Филология. 2012. Т. 11. Вып. 3: Археология и этнография. С. 180–193.

Погодин Л.И., Труфанов А.Я. Могильник саргатской культуры Исаковка 3 // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск, ОмГУ, 1991. С. 98–127.

Потемкина Т.М. Головной убор саргатской жрицы (по материалам Шикаевского кургана) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Вып. 1. С. 112–120.

Смирнов К.Ф. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973. С. 166–179.

Стоянов В.Е. Узловское поселение // ВАУ. Свердловск: УрГУ, 1969. Вып. 8. С. 65–88.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большебереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.

Трофимов Ю.В. Каменный жертвенник и керамическая курильница // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2017. № 3 (15). С. 134–137.

Фрибус А.В. Курильницы в структуре погребального обряда культур эпохи палеометалла степной Евразии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3-2. С. 48–52.

- Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Ракурс, 1994. 170 с.
 Чукунова И.Ю. Ипкульский курганный могильник: (Результаты раскопок 2010–2011 гг.) // AB ORIGINE: Археолого-этнографический сборник. Тюмень: ТюмГУ, 2017. Вып. 9. С. 79–110.
 Элиаде М. Шаманизм: Архаические техники экстаза. Киев: София, 2000. 480 с.
 Bolton J.D.P. *Aristeas of Proconnesus*. Oxford, 1962.
 Ren M., Tang Z., Wu X., Spengler R., Jiang H., Yang Y., Boivin N. The origins of cannabis smoking: Chemical residue evidence from the first millennium BC in the Pamirs // *Sci. Adv.* 2019. 5. eaaw1391. 12 June 2019.
 Rudenko S.I. *Frozen Tombs of Siberia — The Pazyryk Burials of Iron Age Horsemen*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1970.

Zakh V.A.

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
 Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
 E-mail: viczakh@mail.ru

Incense burners and altar dishes of the Sargatka Culture

The paper concerns the so-called incense burners and small altar dishes found in the burial complexes of the Sargatka Culture in the forest-steppe region of the Western Siberia, as well as in the burials of the Cis-Urals nomads of the 4th–2nd c. BC, which were used for burning and incensing of various substances. Compilation of materials allows forming a clearer view on the possible function of these objects, which is debatable amongst the researchers. The incense burners are small cylindrical stone or pottery vessels with considerable amount of talcum in the pottery clay. The altar dishes represent round, oval or subrectangular objects made of stone and clay with or without legs. The cylinder-shaped incense burners and altar dishes are, apparently, similar in function to each other. The absence of a high rim on the latter is compensated by a large area of the dish itself. The volume of the incensed substance would be nearly the same in both types of the burners, while sustaining burning on the altar-dishes would not require special means, such as wall penetrations alike those in the cylindrical incense burners. Few preserved burials contain incense burners alongside other, in our opinion related, objects — flat-bottom vessels, sometimes with stone bases, which allows reconstruction of the implement in its assembled form and suggestion of a method of its application. The main item was an incense burner — a container of a cylindrical or conical shape, usually with through-holes in the wall to allow air intake inside the ware, sometimes having nipple-shaped protrusions on the inner surface of the bottom increasing the surface area of contact with the incense substance. The incense burner would have been placed in a flat-bottom jar filled with smoldering embers and installed on a fire-resistant base. The studied objects and their handling resemble the ceremonial described by Herodotus as a ritual purification amongst the Scythians. However, in our opinion, it cannot be ruled out that they could have been used in the rituals involving hallucinogenic substances, performed with the aim of prophesizing, divination, to communicate with gods and spirits, which were practised by people of the Sarmatian and Sargatian (at least in the western part of the area) Cultures and administered, most likely, by special, elected persons. When those persons die, the implements would be placed into their burials as a grave goods.

Key words: Western Siberia, Sargatka Culture, settlements, burials, flat-bottomed vessel, incense burner, altar dishes, ritual ceremonies.

REFERENCES

- Bel'tikova G.V. (1977). Itkul' settlements. *Arkheologicheskiye issledovaniya na Urale i v Zapadnoy Sibiri*. Sverdlovsk: Izd-vo UrGU, 119–133. (Rus.).
 Bolton J.D.P. (1962). *Aristeas of Proconnesus*. Oxford.
 Bongard-Levin G.M., Grantovskii E.A. (1983). *From Scythia to India. Ancient Arians: Myths and History*. Moscow: Mysl'. (Rus.).
 Borzunov V.A. (2018). Zotinskoe III fortified settlement — a fortified center of the Trans-Ural metallurgists of the Early Iron Age: Inventory and an osteological complex. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 41 (2). 69–79. (Rus.).
 Botalov S.G. (Ed.) (2016). *Archeology of the South Urals. Forest, forest-steppe: (Problems of cultural genesis). Seriya "Etnogenez ural'skikh narodov"*. Cheliabinsk: Rifei. (Rus.).
 Buldashov V.A. (2001). Burial ground of the Early Iron Age Murzino 1. In: *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. Moscow; Magnitogorsk: IA RAN: MagnGU, 468–516. (Rus.).
 Chikunova I.Iu. (2017). Ipkul burial mound: (Excavation results 2010–2011). *AB ORIGINE: Arkheologo-etnograficheskii sbornik*, (9). Tiumen': TiumGU, 79–110.
 Dashevskaja O.D. (1980). About Scythian incense burners. *Sovetskaja arkheologiya*, (1), 18–29. (Rus.).
 Dikson O. (2005). *Mysteries of the fly agaric: The use of a hallucinogenic mushroom in shamanic practice*. Moscow: VELIGOR. (Rus.).
 Domrachev D.V., Khor'kova A.N., Danilov D.A., Kiseleva D.V. (2020). Analysis of archaeological plant mixture using chromatographic methods. In: *Geoarkheologiya i arkheologicheskaja mineralogiya*, 7. Miass: IMin IuU FNTs MiG UrO RAN, 127–130. (Rus.).

Курильницы и блюда-алтарики саргатской культуры

- Dovatur A.I., Kallistov D.P., Shishova I.A. (1982). *The peoples of our country in the "History" of Herodotus*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Egorov V.G. (1970). Classification of incense burners of the Catacomb culture. In: *Statistiko-kombinatornye metody v arkheologii*. Moscow, 156–163. (Rus.).
- Eliade M. (2000). *Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy*. Kiev: Sofiia. (Rus.).
- Fribus A.V. (2014). Incense burners in the structure of the burial rite of cultures of the Paleometallic era of steppe Eurasia. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universitet*, (3-2), 48–52. (Rus.).
- Gening V.F. (1962). Mounds near the mountains. Shadrinsk. *Voprosy arkheologii Urala*, (4), 89–104. (Rus.).
- Gening V.F., Moshkova M.G. (1977). Abatskoe burial mounds and their place among the forest-steppe cultures of the Trans-Urals and Western Siberia. *Materialy i issledovaniia po arkheologii*, (133), 87–118. (Rus.).
- Griaznov M.P. (1956). The history of the ancient tribes of the Upper Ob by excavations near the village: Bolshaya Rechka. *Materialy i issledovaniia po arkheologii*, (48). (Rus.).
- Griaznov M.P., Sorokin V.S. (Eds.) (1966). *Andronovo culture*, V3-2 (1). (Rus.).
- Iliushina V.V., Zakh V.A., En'shin D.N., Tigeeva E.V., Kisagulov A.V. (2019). The complex of the fortified settlement Marai 4 of the Early Iron Age of the forest-steppe Ishim River basin. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 29–47. (Rus.).
- Khabdulina M.K. (1994). *Steppe Ishimye in the Early Iron Age*. Almaty: Rakurs. 170. (Rus.).
- Kisel' V.A. (2007). The story of Herodotus and the ritual vessels of the ancient nomads. *Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia*, 31(3), 69–79. (Rus.).
- Koriakova L.N. (1988). *Early Iron Age of Trans-Urals and Western Siberia (Sargatka Culture)*. Sverdlovsk: UrGU. (Rus.).
- Koriakova L.N. (Ed.) (1997). *The culture of the Trans-Ural herders at the turn of the era: (Gaevsky burial ground of the Sargatka community: An anthropological study)*. Ekaterinburg: Izd-vo "Ekaterinburg". (Rus.).
- Koriakova L.N., Sharapova S.V., Kovrigin A.A. (2010). Prygovsky 2 burial ground: Nomads and forest-steppe. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 27(2), 62–71. (Rus.).
- Korobkova G.F., Shaposhnikova O.G. (2005). *The settlement of Mikhailovka is a reference monument of the ancient pit culture (ecology, dwellings, tools, life support systems, production structure)*. St. Petersburg: Evropeiskii dom. (Rus.).
- Matveev A.V. (2015). Excavation of the Ulanovka burial mound. *AB ORIGINE: Arkheologo-etnograficheskii sbornik*, (7), 26–36. (Rus.).
- Matveev A.V., Anoshko O.M. (2009). *Trans-Urals after the Andronovites: Barkhatovo Culture*. Tiumen': Tiumenskii dom pečhati. (Rus.).
- Matveev A.V., Masliakova N.N. (1991). News of the "bug" in Western Siberia and the problem of the origin of the Siberian collection of Peter I. In: *Problemy izucheniia sargatskoi kul'tury*. Omsk: OmGU, 37–41. (Rus.).
- Matveev A.V., Matveeva N.P. (1991). Tyutrin'sky burial ground. In: *Istochniki etnokul'turnoi istorii Zapadnoi Sibiri*. Tiumen': TiumGU, 25–46. (Rus.).
- Matveeva N.P. (1993). *Sargatka Culture in the Middle Tobol*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Matveeva N.P. (1994). *Early Iron Age of the Ishim River region*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Matveeva N.P. (1996). Traces of worship in the burial monuments of the Sargatka Culture. In: *Zhrechestvo i shamanizm v skifskuiu epokhu: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii*. St. Petersburg, 81–83.
- Matveeva N.P. (2001). Staro-Lybaevsky 4th burial mound (according to excavations in 1999). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 98–113. (Rus.).
- Matveeva N.P., Zelenkov A.S., Riabogina N.E., Tret'akov E.A. (2018). Gilevsky 2 burial mound. *AB ORIGINE: Arkheologo-etnograficheskii sbornik*, (10), 44–72. (Rus.).
- Ren M., Tang Z., Wu X., Spengler R., Jiang H., Yang Y., Boivin N. (2019, 12 June) The origins of cannabis smoking: Chemical residue evidence from the first millennium BC in the Pamirs. *Science Adv.*, 5(eaaw1391).
- Mogil'nikov V.A. (1985). To the characterization of the culture of the Irtysh forest-steppe region in the 7th–6th centuries BC. *KSIA*, (184), 3–7. (Rus.).
- Mogil'nikov V.A. (1973). Kalachevka — a monument of the late stage of the Sargat culture. *Problemy arheologii Urala i Sibiri*. Moscow: Nauka, 239–247. (Rus.).
- Moshkova M.G. (1963). Monuments of Prokhorovka culture. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*, (DI-10). (Rus.).
- Panasiuk N.V. (2010). Early Catacomb Centers of the Steppe Ciscaucasia. *Rossiiskaia arkheologiya*, (2), 25–38. (Rus.).
- Panteleeva S.E. (2012). Burial ceramics of the Gorokhov culture: Variability as a marker of social boundaries. *Vestnik NGU. Seriya Istoriia, filologiya*, 11(3), 180–193. (Rus.).
- Pogodin L.I., Trufanov A.Ia. (1991). Burial ground of Sargat culture Isakovka 3. In: *Drevnie pogrebeniia Ob'-Irtysh'ia*. Omsk: OmGU, 98–127. (Rus.).
- Potemkina T.M. (2005). Headdress of the Sargat priestess (based on the materials of the Shikayevsky mound). *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*. Vyp. 1. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 112–120. (Rus.).
- Rudenko S.I. (1970). *Frozen Tombs of Siberia — The Pazyryk Burials of Iron Age Horsemen*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.

3ax B.A.

- Smirnov K.F. (1973). Incense burners and toilet vessels of Asian Sarmatia. In: *Kavkaz i Vostochnaia Evropa v drevnosti*. Moscow: Nauka, 166–179. (Rus.).
- Stoianov V.E. (1969). Uzlovskoe settlement. *Voprosy arkheologii Urala*, (8), 65–88. (Rus.).
- Trofimov Iu.V. (2017). Stone altar and ceramic censer. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Istoricheskie nauki*, 15 (3), 134–137. (Rus.).
- Troitskaia T.N., Borodovskii A.P. (1994). *Bolsherechenskaya culture of the forest-steppe Ob region*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Vadetskaia E.B. (1986). Siberian incense burners. *KSIA*, (185), 50–59. (Rus.).
- Zakh V.A. (2009a). Settlement Lastochkino Gnezdo 1 in the Lower Ishim basin. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (11), 67–80. (Rus.).
- Zakh V.A. (2009b). Complexes of mound 7 of the Chepkul burial ground 9. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (9), 4–21. (Rus.).
- Zakh V.A. (2012). Koptiyaki Culture in the Lower Tobol region. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 17 (2), 29–40. (Rus.).
- Zavitukhina M.P. (1968). Ordynka burial mounds of 5th–4th centuries BC. *ASGE*, (10), 28–34. (Rus.).
- Zimina O.Iu., Zakh V.A. (2009). *Lower Tobol basin at the turn of the Bronze and Iron Ages*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Zuev V.Iu. (1996). The scientific myth about the “Savromat priestesses”. In: *Zhrechestvo i shamanizm v skifskuiu epokhu: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii*. St. Petersburg, 54–68. (Rus.).

3ax B.A., <https://orcid.org/0000-0002-3635-5933>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 25.02.2021

Article is published: 28.05.2021

Татауров С.Ф., Тихонов С.С. *

ИАЭТ СО РАН, просп. К. Маркса, 15/1, Омск, 644024
E-mail: semchi957@gmail.com (Тихонов С.С.); tatsf2008@rambler.ru (Татауров С.Ф.)

«ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИЕ» АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАСКОПОК ГОРОДА ТАРЫ

Статья посвящена изучению археологических материалов XVII–XVIII вв., полученных при раскопках Тарской крепости (Омская область), происходящих с территории Речи Посполитой. Они были привезены на земли Московского царства, а затем и в Сибирь служилыми людьми, попавшими в плен или перешедшими на сторону русских в ходе русско-польских (русско-литовских) войн конца XVI — первой половины XVII в. В Сибири они имели особый статус и назывались «литва», «поляки», «немцы» и т.п. В XVIII в. они были ассимилированы. Западные импортные вещи стали попадать в Сибирь чаще всего с купцами. В XIX в. в Сибири вновь появляются поляки, но уже этнические, сосланные за участие в восстаниях.

Ключевые слова: археология Западной Сибири, русские крепости, этнос, торговля, «литва», русские.

Введение

С 2007 г. омские ученые и сотрудничающие с ними археологи и историки из других научных центров Российской Федерации под общим руководством С.Ф. Татаурова исследуют раскопками исторический центр г. Тары (Омская обл.). Город был основан князем Андреем Васильевичем Елецким по наказу царя Федора Ивановича в 1594 г. как опорная крепость в войне с ханом Кучумом. Работы ведутся на месте расположения Тарской крепости и окружающего ее острога.

В ходе археологических исследований в 2007–2020 гг. были получены материалы, которые позволяют воссоздать многие моменты истории города, неизвестные или очень фрагментарно отмеченные в исторических документах. Прежде всего это планиграфия города XVII–XVIII вв. — жилые и хозяйственные объекты, храмовые комплексы, мостовые, оборонительные сооружения. Культурный слой, достигающий 4,5 м, предельно насыщен предметами из органических и неорганических материалов: многочисленные предметы из кожи (обувь и ее детали, поясные ремни, ножны), фарфоровая и стеклянная посуда китайского, западноевропейского и русского производства, большая коллекция изделий из железа — кухонные и засапожные ножи, удила, псаили, стремена. В Таре найдены глиняные и деревянные детские игрушки. В культурном слое были найдены и редкие предметы: бронзовая чернильница, кожаный чехол от путевого компаса, рукавицы для соколиной охоты, ольстры (седельные кобуры для огнестрельного оружия). Все это позволяет считать Тару первоклассным комплексом для изучения материальной и духовной культуры русских первопроходцев.

Многие материалы опубликованы в отечественных [Глушкова и др., 2016; Осипов и др., 2017] и иностранных изданиях [Osipow et al., 2017; Glushkova et al., 2015; Tataurow, Tichonow, 2018], в том числе монографически [Татауров и др., 2019].

Проблема

Изначально мы воспринимали Тару как русскую крепость, населенную русскими людьми, происходящими из разных мест Московского царства, преимущественно его севера. При этом часть населения составляли выходцы из Великого княжества Литовского и Речи Посполитой — попавшие в плен или перешедшие на сторону русских в ходе русско-литовских/польских войн. В Западной Сибири их называли «литва», «литвины», «немцы», «поляки», «черкасы», «литовский список», «иноземцы». В нашей работе мы их будем называть «литва», по официальному названию в списках того времени. В Таре практически с момента основания могли существовать как минимум две группы населения, возможно отличающиеся отдельными элементами материальной культуры. Однако если материалы русских Московского царства диагностировались уверенно, то для выделения предметов «западного» происхождения необходимо было проводить специальные исследовательские процедуры.

* Corresponding author.

В связи с этим возникла необходимость выявить в археологических материалах лесостепной и южно-таежной частей Сибири ряд предметов «западного» происхождения и изучить процесс их попадания сюда. «Литвины» могли оставить след не только в Таре, поэтому целесообразно было предпринять поиск таких материалов по всей Западной Сибири.

Обсуждение

Толчком к разработке этой темы послужили находки трех *перстней*, которые вряд ли были продукцией массового производства, поскольку на их щитках отчетливо видны дворянские гербы. Мы полагаем, что перстни были, скорее всего, утеряны владельцами, принадлежащими к «литве». В нашем распоряжении имеются следующие находки.

Серебряный перстень со щитком из янтаря, на котором изображен рыцарский герб (рис. 1, 1), был найден в острожной части города. Сам перстень изготовлен из не очень качественного серебра, поэтому верхний слой металла оказался сильно поврежден. По краю щитка на нем был орнамент в виде двух переплетенных линий. Вставка представляла собой выпуклое изображение (отливку?) из янтаря, со сложной композицией. В центре в верхней части вставки расположен щит — прямоугольный в основании и овальный в верхней части. На основании по центру находится сферическая выпуклость, вторая, меньших размеров, — на верхней части щита. На поле щита в нижней части изображены два перекрещивающихся меча. В верхней части имеется сложная фигура в виде шестиконечного креста. Щит поддерживают несколько антропоморфных фигур со стилизованными под моллюсков (?) туловищами и головами. Ниже щита по центру вставки находится центральная фигура, в которой полусфера на щите изображает голову, ниже торс, от которого отходят «руки» на которых держится все основание. Из нижней, отделенной линией, части торса выходят три ноги, стилизованные под лапы водоплавающих птиц с двумя или тремя перепонками. По сторонам от лап находятся две латинские буквы — «L» и «W»; по всей вероятности, это инициалы владельца перстня.

Рис. 1. Перстни из Тары.
Fig. 1. Rings from Tara.

Второй перстень (рис. 1, 2) был найден при обследовании Княжьей башни сильно поврежденным — он был разрублен пополам, возможно при отражении штурма города 1634 г. Анализ металла показал, что серебра в нем очень мало; основу его составляет олово. На щитке перстня в центре внутри круга в обрамлении листьев в верхней части расположена латинская буква «W». Снаружи круга также завитки. В верхней части щитка находится корона; по ее тулье идет орнамент в виде пяти крупных жемчужин, сверху четыре ответвления с жемчужинами на окончаниях. Выше короны — маленький четырехглавый крестик. Снизу корона опирается на стилизованную фигуру головы быка с длинными прямыми рогами. По обеим сторонам от головы изображены булавы с шипастыми шарами на концах. По краю щитка идет орнамент в виде мелких жемчужин.

Третий перстень (рис. 1, 3–5) найден в острожной части крепости. Он был изготовлен из желтого металла (бронза с большим содержанием меди?) и покрыт эмалью в виде чередующихся полос желтого, белого и коричневого цвета, визуально воспринимающихся как разноцветные прямоугольники и ромбы с точками в центре. Эмаль в нижней части перстня стерлась. На щитке перстня имеется восьмиугольная вставка темно-розового цвета — гемма-инталья (углубленная). На ней в верхней части изображен всадник, а в нижней — испанский щит (прямоугольный с округлым основанием) с подобным же изображением всадника. Щит обрамлен стилизованными фигурами (перья?). В центре щита между всадником и щитом находится гербовая фигура «круг» или «шар». Подобные вставки изготавливали из сердолика, красного халцедона, а в позднее время — из стекла. Такие изображения однозначно трактуются как «погоня» или «литовская погоня». Их помещали на гербе Великого княжества Литовского или на гербах семейств, ведущих родословную от Великого князя Литовского Гедимина.

В ходе изучения литературы стало ясно, что предметы, потенциально соотносимые с Речью Посполитой и входившими тогда в ее состав западнорусскими землями, встречаются в материалах сибирских археологических памятников.

Монеты. Выделим их в первую очередь, так как монеты относятся к информативным источникам о государстве, правителях и т.д. В XVII в. их могли принести только владельцы, поскольку такие монеты в Западной Сибири не ходили. Одна из них найдена В.И. Молодиным на могильнике Кыштовка II (Кыштовский р-н Новосибирской обл.), другая — на Козюлинском могильнике (Томский р-н Томской обл.) Л.М. Плетневой. Эти монеты по публикациям были определены нумизматом О.А. Милищенко как полтораки Сигизмунда III Ваза и датируются временем не ранее 1614 года (кыштовский) и 1624 годом — козюлинский [2005, с. 40–41].

О.А. Милищенко при осмотре берегов рек Оми и Иртыша в черте г. Омска нашел в устье Оми серию монет польских королей. Это полтораки 1619, 1621, 1622 гг., поддельный полторак 1622 г., шостак 1627 г. короля Сигизмунда III Ваза, тымпф 1659 г. короля Яна II Казимир Ваза и, наконец, шостак 166(?) г. короля Яна Собесского [Милищенко, Кравцева, 2016]. Обратим внимание на то, что большинство монет отчеканены в первой четверти XVII в. или близко к этой дате. Основываясь на многочисленных находках монет, прежде всего русских, на этом небольшом участке в устье Оми, О.А. Милищенко подтверждает широко известное мнение о начале освоения этой территории русскими и «литвой» из гарнизонов Тары или Тобольска вскоре после основания Тарской крепости [2011, с. 38–43]. Причинами пребывания русских здесь могла быть стоянка дощаников с солью, шедших из Ямыша [Цветкова, 1994, с. 10], или рыболовный промысел тарчан на устье Оми. Именно в этом месте тарские воеводы князь Юрий Шаховский и Михаил Кайсаров предлагали построить острог, что было разрешено указом 31 августа 1628 г. [Цветкова, 1994, с. 10]. Но изменившаяся политическая обстановка в степи не позволила это сделать.

Ставрографические материалы. Мы исходим из того, что нательный крест был неотчуждаем (за исключением братания), должен был соответствовать конфессиональному канону, а в Прииртышье в XVII в. других католиков, кроме литвы или их потомков, не было. При изучении комплекса XVIII в. Изюк I (Большереченский р-н Омской обл.) Л.В. Татаурова в одной из детских могил нашла крест, на одной стороне которого было распятие, а на другой изображена Дева Мария с Младенцем Христом [Татаурова, 2012, с. 161]. Его она по аналогии с материалами из Иркутска определила как католический [Татаурова, 2016, с. 31]. В данном случае из «литвы» мог происходить один из родителей младенца, кто-то из родственников или крестный.

В Тарском краеведческом музее есть католические кресты из случайных находок в городе, но в материалах раскопок пока подобных предметов не встречено. Исключение составляет находка С.Ф. Татауровым в 1997 г. похожего на католический серебряного нательного креста на татарских юртах Бергамацких (ныне поселение Бергамак III в Муромцевском районе Омской области) [Татауров, Татаурова, 1999, с. 103, рис. 19, 19, с. 118]. Но анализ этого предмета пока не проведен.

Следующие предметы можно однозначно отнести к вещам «западного» происхождения, которые в XVII в., вероятнее всего, перемещались вместе с владельцами, а позже их могли привозить купцы. Соотнесение их с литвой требует отдельного изучения.

Кожаный футляр для коробочки корабельного компаса. Редкий предмет, ранее известный в Сибири по материалам Мангазеи. Найден в Таре в слое XVII в. На лицевой стороне предмета оттиснут растительный орнамент рамках, образованных косым крестом: геральдическая лилия, служившая эмблемой многих западноевропейских городов [Осипов и др., 2017, с. 118, рис. 6].

Оружие. Предметы вооружения литвы (латы, шишаки и пищали), известные по письменным источникам [Цветкова, 1994, с. 20], пока не найдены. Но не обнаружено и боевое оружие стрельцов, казаков, татар и т.д., поскольку такие находки на сибирских памятниках редки. Исключение составляют две ольстры — седельные чехлы для огнестрельного оружия: одна целая, другая во фрагментах. Использовались в войсках Московского государства в XVII в. [Осипов и др., 2017, с. 118, рис. 7]. Кроме них найден берестяной чехол для боевого топорика, носившийся на поясе.

Ткани. Еще один блок находок, потенциально связанный с польско-литовским населением города Тары. К сожалению, идентифицировать найденные в процессе раскопок фрагменты тканей на настоящий момент возможно только на уровне «в целом европейские» или нет. Мы можем только констатировать, что ткани мануфактурного производства в XVII — первой половине XVIII в. поступали в Тару из европейской части государства [Глушкова и др., 2016, с. 100, рис. 3; с. 96; Glushkova et al., 2015, p. 34, fig. 5]. Но наличие европейских тканей в коллекциях XVII в. ставит вопрос, кто эту одежду и обувь носил, так как фрагменты относятся к одежде (сорочки и платья (?)) и обуви (вставки в задники и канты в туфлях и башмаках). Для времени, когда европейская мода или служебные платья стали распространяться в России, еще далеко, поэтому, вероятнее всего, эти ткани относятся к костюмам литвы.

Обувь. Мы смогли определить, что в материалах раскопок Тары есть «европейские» модели или детали в виде клейм на подошвах, указывающие на связь с европейскими территориями. Но связывать их с Польшей пока преждевременно [Осипов и др., 2017, с. 116, рис. 4; с. 117].

Стекланные изделия. Фрагменты штофов венецианского стекла, украшенных коричневыми и желтыми вертикальными и горизонтальными полосами [Татауров С.Ф., 2016, с. 52; Татауров и др., 2019, с. 373, рис. 5]. Могли попасть в Тару вместе с владельцами, поскольку являлись престижными вещами.

Печка. В 2017 г. в острожной части города в небольшой избе первой половины XVII в. зафиксирована небольшая печь из кирпича-плинфы с трубой и плитой. При изучении русских памятников в Сибири определенным стереотипом считается использование глинобитных печей, топящихся «по-черному». Кирпич стал использоваться только в XVIII в. в связи с храмовым строительством, например в г. Таре — со строительством Спасской церкви в конце первой трети века. В данном случае мы имеем дело с серьезным новаторством в бытовых условиях простой избы. Причем больше подобных печей при раскопках города в слоях этого времени мы не нашли. По всей вероятности, проживавшие в Таре «литвины» не захотели жить с печью по-черному и построили печь по своим образцам. Изба сгорела при пожаре и больше не восстанавливалась.

Это основные категории предметов, потенциально соотносимые с литвой.

Интерпретация

Теоретически возможны два пути попадания в Тару вещей западнорусского, литовского и польского происхождения. Во-первых, вещи попадали в Тару вместе с их владельцами. В наказе об основании города Тары 1594 г. было сказано: «...в росписе... что послано с князем Ондреем Васильевичем... оставить зимовать... (в городе)... конных 100 человек литвы и казаков Тобольских. Да Тюменских литвы и казаков оставить 40 человек...» [Миллер, 1999, с. 352]. И.Е. Фишер среди отправленного в Тару отряда отметил поляков, проживавших когда-то в «Коронных землях» (которых попадало в Сибирь значительно меньше, чем «литвинов»), и собственно «литвинов», жителей Великого княжества Литовского, соединенных унией в Речи Посполитой [1774, с. 180]. Но практически во всех последующих документах — как из Москвы, так и в отписках тарских воевод, посвященных противостоянию с ханом Кучумом, указываются служилые люди «литва». То есть в Сибири первые поляки и литовцы воспринимались как одна этническая группа, попавшая на русские земли в ходе Ливонской войны 1558–1583 гг.

В Сибири поляки и литовцы участвовали в основании и других городов — Тюмени, Тобольска, Березова, Сургута. Попадая в Сибирь, они, как правило, здесь и оседали, становясь служилыми людьми и участниками самых трудных походов и экспедиций. Соответственно их жалованье было выше, чем у пеших казаков и стрельцов. Некоторые из них достигали высокого положения — детей боярских, а некоторые сохраняли свой прежний статус, как, например, ротмистры Павел Хмелевский и Павел Качинский [Пузанов, 2010, с. 59]. Дети сибирские таких служилых людей поступали на службу на места отцов. Так продолжалось весь XVII век. Однако некоторые «поляки» жить в Сибири не хотели. Например, «поляки», участвовавшие в экспедиции за солью на Ямышевское озеро в 1621 г., пытались бежать к казакам на р. Яик, а Павлин Фролов убежал из караула к кочевникам-ойратам в 1628 г. [Пузанов, 2010, с. 59–60].

В Сибирь попадала литва из числа оказавшихся на службе у русского царя после пленения или перешедших на сторону русских во время русско-польских войн. Войн было несколько — Ли-

вонская 1558–1583 гг., Русско-Польская 1609–1618 гг., Смоленская 1632–1634 гг., Русско-польская 1654–1667 гг. Обратим внимание на корреляцию датировок монет и войн. Причины войн известны — велась борьба за владение землями западных русских княжеств, не вошедших после монголо-татарского нашествия в состав Московской Руси. Для обоснования права владения этими землями они были включены в титулатуру государей. Так, Иван IV Грозный именовался «Божиею милостию государь всея Руси...», с добавлением в титул слов «Государь Ливонския земли» (или «Государь Лифляндский»), «Великий князь Смоленский и Полоцкий», хотя владел ими только «по обычаю». Короля Стефана именовали «Божией милостью король Польский и Великий князь Литовский, князь Русский, Прусский, Жемонстский, Мазовецкий...» и т.д. [Древняя Российская вивлиофика..., 1789, ч. XII, с. 169].

Есть основания предполагать, что категория служилых людей, которую называли «литва», была особой. Они отличались от стрельцов и казаков тем, что имели «латы, шишаки и пищали», а в иерархии по окладным, денежным, хлебным книгам их всегда записывали после начальствующего состава: детей боярских, атаманов, сотников [Цветкова, 1994, с. 19]. По мнению Н.Н. Оглоблина, литовцы «спланивались в дружную общину и сообща отстаивали интересы своего мира: связующими элементами... были... высшая степень культурности... и разные невзгоды сибирской жизни, более чувствительные для иноземцев» [1895, с. 7]. В начале XVIII в. эта категория служилых людей в документах практически не упоминается, что связано с их ассимиляцией.

Второй путь попадания польских вещей в Сибирь — торговля. За короткое время Тара стала одной из важнейших русских крепостей в Сибири, через которую шла торговля с Китаем и Бухарским ханством. Из крепости воеводы регулярно посылали отряды на юг в казахские степи к озеру Ямыш за солью, на юго-восток в Барабинские степи за данью, на восток для строительства новых городов и присоединения земель. В Тару приезжали послы из Джунгарского ханства, Большой и Малой Бухарии. Через Тару русские посольства и торговые караваны уходили в Китай. «Царский двор намерен был размножить и украсить Тару город перед всеми другими в Сибири и сделать его оградой против степных народов...» [Чулков, 1785, с. 85].

После присоединения Сибири русские цари получили доступ к мехам, пользовавшимся гигантским спросом как в русском царстве, так и в европейских государствах. Дешевые в Сибири, меха соболя, горностая, чернобурых лисиц, куниц, бобров, причем лучшего качества, становились буквально золотыми на европейских рынках. Причем мехов было столько, что они не уместились в кладовых Сибирского гостиного двора в Москве [Чулков, 1785, с. 100]. Поэтому торговля в Сибири процветала. Европейские товары поступали по двум дорогам из Москвы через Верхотурье и далее в Сибирь. Польские купцы до Сибири не доходили. Крайний восточный пункт, где было зафиксировано их присутствие, — Макарьевская ярмарка близ Нижнего Новгорода на Волге [Там же, с. 103]. В Московское царство польские товары попадали через Ригу, с 1581 по 1621 г. принадлежавшую Речи Посполитой [Чулков, 1786, с. 18]. Король Стефан даровал этому городу торговые привилегии [Там же, с. 21–22], подтвержденные всеми последующими государями. Через этот порт в Русское царство поступали белые вина из Испании и Франции, люнебургская соль, сельдь, хмель, пряности, сахар, кофе, сыр, шведское железо и сталь, стекло и изделия из него, предметы из железа, олова и свинца, медь, табак, тканые товары, овощи [Там же, с. 19]. Многие товары таких наименований зафиксированы в Сибири.

С окончанием русско-польских войн приток «литовцев» в Сибирь практически прекратился. С ними прервался и ввоз западнорусских и польско-литовских (а потенциально и западноевропейских предметов) в Западную Сибирь. Прибывшая сюда «литва» была ассимилирована.

В XVIII в. основными «иноземцами» в Сибири стали немцы, а способом попадания западных вещей — торговля.

В XIX в. начинают ссылать этнических поляков — участников восстаний в Царстве Польском. Так, после подавления январского восстания 1863–1864 гг. в Сибирь было сослано 22 000 его участников [Леончик, 2008, с. 50]. В Тарском Прииртышье появились поселения с компактным проживанием поляков — Хлебно, Минск-Дворянский (Поляки), Гриневичи и др. В них сформировались католические общины, которые стали строить костелы и часовни. В самой Таре католический костел был построен в 1911 г. и представлял собой обычный пятистенный дом, его в 1910 г. купил ксендз Пшемьцкий. На следующий год часть помещений здания была приспособлена для каплицы. Кроме того, пара комнат была отведена для ксендза, а остальные отданы в наем католической семье, которая должна была ухаживать за каплицей, следить за порядком. Недвижимость стоила 3500 руб., из чего оплачено 1000 руб., остальное подлежало выплате под 8 % годовых.

вых [Majdowski, 2001]. Костел просуществовал сравнительно недолго и в 1923 г. был закрыт. Изучение подобных поселений — дело этноархеологии. С.Ф. Татауровым и Л.В. Татауровой были обследованы несколько деревень с польским населением, но больших работ пока не проводилось.

В 1937 г. советской властью было репрессировано несколько тысяч поляков, в первую очередь римско-католических священников. После этих событий «поляки растворились в общей массе сибиряков, записываясь в документах русскими, украинцами и белорусами» [Леончик, 2008, с. 52], и «польский след» в Таре и окрестностях практически исчез. В 1980-х гг. в Сибири стали создаваться польские культурные центры, но это уже совсем другая история.

Кроме археологических прослеживаются иные свидетельства пребывания польского населения в Сибири. Мы можем наблюдать их в повседневной жизни обитателей современной Тары. Часто тарчане, ругаясь по какому-либо поводу, употребляют выражения «язви тебя» или «курва», и не догадываясь, что так говорили поляки на улицах Тары четыре столетия назад. На занавесках и полотенцах, вышитых тарчанками, можно увидеть «польские» мотивы: солнце, петухов и, конечно, цветы.

Заключение

Археологические материалы и письменные источники свидетельствуют о присутствии в Тарской крепости группы населения, которую сибиряки называли «литва». Очевидно, что она пребывала и в других сибирских крепостях и, возможно, в сельских местностях. Литва занимала особое место среди служилых людей и по статусу находилась сразу за начальствующим составом. Это следует из записей в денежных, хлебных и прочих книгах и ссылок на хорошее вооружение литвы. Возможно, она представляла особый анклав, отличавшийся от русских более высоким достатком, уровнем культуры, происхождением. Возможно, бухарцы [Тихонов, 2018] и сибирские татары также образовывали анклав. В этом случае можно проводить аналогии с западноевропейскими городами, где среди основного населения, христиан, а в Испании до Реконкисты — и мусульман имелись иноэтничные и иноверческие группы.

Предметы, маркирующие присутствие литвы в Западной Сибири, зачастую похожи на русские, и их необходимо уметь отличать, что требует разработки методологии и процедуры выделения иноэтничных комплексов в однородной культурной среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Глушкова Т.Н., Сенюрина Ю.А., Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Тканые, вязаные и плетеные изделия XVII–XVIII веков из Тарской крепости // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44. № 3. С. 93–100.
- Древняя Российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российской касающихся, изданная Николаем Новиковым. Изд. второе. Ч. XII. М.: Тип. компании типографской, 1789. 479 с.
- Леончик С.В. Римско-католические приходы в Тарском Прииртышье в конце XIX — начале XX вв. // Проблемы изучения русско-польских культурных контактов в Тарском Прииртышье XIX–XX веков: Материалы междисциплинар. науч. семинара. Омск: Сфера, 2008. С. 50–53.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Вост. лит., 1999. Т. 1. 630 с.
- Милищенко О.А. Монеты и жетоны как датирующий инвентарь позднесредневековых поселений и могильников (на примере бассейна реки Тары). Омск: Изд-во ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2005. 148 с.
- Милищенко О.А. Неизвестные, но не забытые первые русские землепроходцы в устье реки Оми // История в подробностях. 2011. № 1 (7). С. 38–43.
- Милищенко О.А., Кравцева Н.А. Памятники нумизматики дописывают историю Омска: К 300-летию г. Омска // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2016. № 2 (5), апрель — июнь. URL: <http://e-journal.omgau.ru/index.php/vyp-rus/2106-rus/2-5-rus>
- Осипов Д.О., Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Черная М.П. Коллекция кожаных изделий из Тары (по материалам раскопок 2012–2014 годов) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45. № 1. С. 112–120.
- Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского Приказа (1592–1768). Ч. 1: Документы воеводского управления. М.: Университет. тип., Страстной бульвар, 1895. 424 с.
- Пузанов В.Д. Служилые люди города Тобольска // Северный регион: Наука, образование, культура. 2010. № 1. С. 55–68.
- Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Татаурова Л.В., Тихонов С.С. Археологическая летопись земли Тарской. Омск: Издатель-Полиграфист, 2019. 412 с.
- Татауров С.Ф., Татаурова Л.В. Раскопки поселения Бергамак III в Муромцевском районе Омской области летом 1997 года // Новое в археологии Среднего Прииртышья. Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. С. 101–119.
- Татауров Ф.С. Западноевропейское стекло XVII века в Тарской крепости (по материалам археологических исследований) // Материалы VIII регион. науч.-практ. конф. «Вагановские чтения», посвященной 85-летию со дня основания Тарского бюро краеведения. Омск: Амфора, 2016. С. 51–54.

«Польско-литовские» археологические материалы из раскопок города Тары

Татаурова Л.В. Характеристика ставрографических материалов комплекса Изюк-I // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Омск, 2012. Т. 12. С. 158–162.

Татаурова Л.В. Нателные кресты как конфессиональный маркер (по археологическим материалам русского комплекса Изюк-I) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 2. С. 28–32.

Тихонов С.С. Великая и Малая Бухария и русские города Западной Сибири в XVII–XVIII веках // Средневековые тюрко-татарские государства. 2018. № 10. С. 92–100.

Фишер И.Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания этой земли российским оружием, сочиненная на немецком языке и в собрании академическом читанная членом Санкт-Петербургской академии наук и профессором древностей и истории, также членом исторического Геттингского собрания Иоганном-Эбергардом Фишером. СПб.: Император. Академия наук, 1774. 631 с.

Цветкова Г. Город на речке Аркарке // Тарская мозаика: (История края в очерках и документах 1594–1917). Омск: Омск. кн. изд-во, 1994. С. 6–45.

Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древнейших времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия. М.: Университет. тип., у Н. Новикова, 1785. Т. III, кн. I. 684 с.

Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древнейших времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия. М.: Университет. тип., у Н. Новикова. 1786. Т. V, кн. I. 674 с.

Glushkova Tamara N., Tataurov Sergey S., Tikhonov Sergey S. Textile of the XVII–XVIII centuries from the excavations of Tara fortress (Western Siberia, Russia // Archaeological Textiles Newsletter: (Review). 2015. № 57. P. 31–38.

Majdowski A. Kościół katolicki w Cesarstwie rosyjskim. Syberia. Daleki Wschód. Azja Środkowa. Warszawa: Wydawnictwo NERITON, 2001. S. 157–158.

Ospow D.O., Tataurov S.F., Tichonow S.S., Czornaja M.P. Kolekcja wyrobów skórzanych z Tary (na materiałach wykopalisk z lat 2012–2014) // Rocznik Muzeum Wsi Mazowieckiej w Sierpcu Sierpcu. 2017. T. VIII. P. 103–123.

Tataurov S.F., Tichonow S.S. «Польский след» в материалах з wykopalisk archeologicznych w mieście Tara // Rocznik Muzeum Wsi Mazowieckiej w Sierpcu. 2018. T. IX. P. 54–60.

Tataurov S.F., Tikhonov S.S.

Omsk laboratory of archaeology, ethnography, and museology of Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch RAS, K. Marx av, 15/1, Omsk, 644024, Russian Federation
E-mail: tatsf2008@rambler.ru (Tataurov S.F.); semchi957@gmail.com (Tikhonov S.S.)

‘Polish-Lithuanian’ archaeological materials from the excavations of the town of Tara

In this article, the authors analyse materials from the excavations of the Tara fortress (Omsk Region, Western Siberia), founded in 1594 by Prince Andrei Yeletsky and functioned as the main outpost of the Russians in the Middle Irtysh region to counter Khan Kuchum, the Kuchumovichs, and then the newly-arrived population from Dzungaria and Kazakhstan, until construction of the Omsk fortress in 1716. The aim of this research is to identify amongst the finds the articles of Polish-Lithuanian origin, in outward appearance similar to Russian ones. Having studied the collections formed during the excavations of the fortress in 2007–2020, the authors came to the conclusion that such items are definitely represented by the signet rings with nobility coats of arms, coins, and baptismal crosses made according to the Catholic canon. Potentially, Polish-Lithuanian origin could be assigned to some types of fabrics and leather goods, such as a travel compass case with images of French fleur-de-lis, some types of shoes, and handgun holsters. The presence of Venetian glass ware and plinth bricks in the layers of the 17th c., according to the authors, is also associated with the arrival in Tara of the population that had previously resided in the territory of the Polish-Lithuanian Commonwealth or on the western borders of Muscovy. The owners of these items ended up in Tara (and in Western Siberia) because they were taken prisoners or sided with the Russians during the Russian-Polish wars. Over time, they formed a special category of service people called ‘Lithuania’. This is evidenced by numerous written sources. The basis for this conclusion is given by particular characteristics of Tara's trade relations established, primarily, with China, Lesser and Greater Bukharia, and the Uzbek Khanate, i.e., with the south in the 17th c., from where Chinese porcelain, silk and cotton fabrics, and some types of smoking pipes came to Tara. At that time, weapons, bread, coarse fabrics, money for salaries of the servicemen of the Siberian garrisons, and cheap beads were imported to Tara from the west through Kazan, Kungur, and Lozva. In the 18th c., the main trade of the Russians began to concentrate in Troitskosavsk (Kyakhta since 1934) on the border with Mongolia, from where tea, silk, and porcelain were exported, whereas a flow of Russian-made goods, as well as European wines, sugar, some species of nuts, and spices, was established through Kazan into Siberia. Instead of ‘Lithuania’, Germans started coming to Siberia. In the 19th c., Poles reappeared en masse in Western Siberia. However, those were no longer residents of Lithuania and Western Russian principalities, but ethnic Poles exiled to Siberia for participation in anti-Russian uprisings.

Key words: archeology of Western Siberia, Russian fortresses, ethnos, trade, “Lithuania”, Russians.

REFERENCES

- Chulkov M.D. (1785). *Historical description of Russian commerce at all ports and borders from ancient times to the present and all the predominant legalizations of the sovereign Emperor Peter the Great and the now happily reigning empress Empress Catherine the Great*. V. III, b. I. Moscow: Universitetskaia tipografiia, u N. Novikova. (Rus.).
- Chulkov M.D. (1786). *Historical description of Russian commerce at all ports and borders from ancient times to the present and all the predominant legalizations of the sovereign Emperor Peter the Great and the now happily reigning empress Empress Catherine the Great*. V. V, b. I. Moscow: Universitetskaia tipografiia, u N. Novikova. (Rus.).
- Fisher I.E. (1774). *Siberian history from the discovery of Siberia to the conquest of this land by Russian weapons, composed in German and in the academic collection read by a member of the St. Petersburg Academy of Sciences and professor of antiquities and history, also a member of the historical Götting collection, Johann-Eberhard Fischer*. St. Petersburg: Imperatorskaia Akademiia nauk. (Rus.).
- Glushkova T.N., Seniurina Iu.A., Tataurov S.F., Tikhonov S.S. (2016). Woven, knitted and braided products of the 17th–18th centuries from the Tara Fortress. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, 44(3), 93–100. (Rus.).
- Glushkova Tamara N., Tataurov Sergey S., Tikhonov Sergey S. (2015). Textile of the XVII–XVIII centuries from the excavations of Tara fortress (Western Siberia, Russia). *Archaeological Textiles Newsletter: (Review)*, (57), 31–38.
- Leonchik S.V. (2008). Roman Catholic parishes in the Tara's Irtysh region at the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries. In: M.P. Samsonova (Ed.). *Problemy izucheniia russko-pol'skikh kul'turnykh kontaktov v Tarskom Priirtysh'e XIX–XX vekov: Materialy mezhdistsiplinarnogo nauchnogo seminara*. Omsk: Sfera', 50–53. (Rus.).
- Majdowski A. (2001). Kościół katolicki w Cesarstwie rosyjskim. Syberia. *Daleki Wschód. Azja Środkowa*. Warszawa: Wydawnictwo NERITON, 157–158.
- Miller G.F. (1999). *History of Siberia*. Vol. 1. Moscow: Vostochnaia literatura. (Rus.).
- Milishchenko O.A. (2005). *Coins and tokens as dating inventory of late medieval settlements and burial grounds (on the example of the Tara river basin)*. Omsk: Izd-vo FGOU VPO OmGAU. (Rus.).
- Milishchenko O.A. (2011). Unknown, but not forgotten, the first Russian explorers at the mouth of the Om River. *Istoriia v podrobnostiakh*, 7(1), 38–43. (Rus.).
- Milishchenko O.A., Kravtseva N.A. (2016). Sites of numismatics finish the history of Omsk: To the 300th anniversary of Omsk. *Elektronnyi nauchno-metodicheskii zhurnal Omskogo GAU*, 5(2), april' — iun'. (Rus.). Retrieved from: <http://e-journal.omgau.ru/index.php/vyp-rus/2106-rus/2-5-rus>
- Ogloblin N.N. (1895). *Collection of columns and books of the Siberian Order (1592–1768). Part 1: Documents of the provincial administration*. Moscow: Universitetskaia tipografiia, Strastnoi bul'var. (Rus.).
- Osipov D.O., Tataurov S.F., Tikhonov S.S., Chernaia M.P. (2017). Collection of leather goods from Tara (based on materials from excavations 2012–2014). *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, 45(1), 112–120. (Rus.).
- Osipov D.O., Tataurov S.F., Tikhonov S.S., Czornaja M.P. (2017). Kolekcja wyrobów skórzanych z Tary (na materiałach wykopalisk z lat 2012–2014). *Rocznik Muzeum Wsi Mazowieckiej w Sierpcu*, VIII, 103–123.
- Puzanov V.D. (2010). War service people of the town of Tobolsk. *Severnyi region: Nauka, obrazovanie, kul'tura*, (1), 55–68. (Rus.).
- Tataurov F.S. (2016). Glass of 17th century from Western European in the Tara fortress (based on archaeological research). *Materialy VIII regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Vaganovskie chteniia", posviashchennoi 85-letiiu so dnia osnovaniia Tarskogo biuro kraevedeniia*. Omsk: Amfora, 51–54. (Rus.).
- Tataurov S.F., Tataurov F.S., Tataurova L.V., Tikhonov S.S. (2019). *Archaeological chronicle of the land of Tara*. Omsk: Izdatel'-Poligrafist. (Rus.).
- Tataurov S.F., Tataurova L.V. (1999). Excavation of the Bergamak III settlement in the Muromtsevsky district of the Omsk region in the summer of 1997. In: S. Tikhonov (Ed.). *Novoe v arkheologii Srednego Priirtysh'ia*. Omsk: Omsk. gos. un-t, 101–119. (Rus.).
- Tataurov S.F., Tikhonov S.S. (2018). "Polski ślad" w materiałach z wykopalisk archeologicznych w mieście Tara. *Rocznik Muzeum Wsi Mazowieckiej w Sierpcu*, IX, 54–60.
- Tataurova L.V. (2012). Characteristics of stavrographic materials from the Izyuk-I complex In: N. Tomilov, S. Tikhonov (Eds.). *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: Problemy kul'tury i sotsiuma*, 12. 158–162. (Rus.).
- Tataurova L.V. (2016). Pectoral crosses as a confessional marker (based on archaeological materials from the Russian complex Izyuk-I). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 23, (2), 28–32. (Rus.).
- Tikhonov S.S. (2018). Great and Small Bukharia and the Russian towns of Western Siberia in the 17th–18th centuries. *Srednevekovye tiurko-tatarskie gosudarstva*, (10), 92–100. (Rus.).
- Tsvetkova G. (1994). Town on the river Arkarka. In: L. Ogorodnikova (Ed.). *Tarskaia mozaika (istoriia kraia v ocherkakh i dokumentakh 1594–1917)*. Omsk: Omskoe knizhnoe izdatel'stvo, 6–45. (Rus.).

Татауров С.Ф., <https://orcid.org/0000-0001-6824-7294>

Тихонов С.С., <https://orcid.org/0000-0001-6909-0727>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 25.02.2021

Article is published: 28.05.2021

Кулаков В.И.

Институт археологии РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036
E-mail: drkulakov@mail.ru

СУДАВЫ НА САМБИИ В XIII–XIV вв.

Цель работы — на основании данных археологии и письменных источников выяснить факт присутствия представителей самого восточного племени из общности западных балтов — судинов/ятвягов на Самбии. В научный оборот вводятся как материалы старых немецких раскопок, так и результаты новейших археологических исследований на территории Зеленоградского района Калининградской области. В «Судавском углу» (лат. “Campius Sudowitarum”), в северо-западной части полуострова Самбия, погребальные памятники орденского времени отсутствуют. В краеведческих рукописях XVI–XVII вв. содержатся данные о западнобалтском населении Западной Самбии без фактического указания на его племенную принадлежность. Правда, и авторы польских письменных источников орденского времени не разделяют судинов и пруссов. Одиночные захоронения мужчин-воинов и женщин с признаками судавской погребальной обрядности отмечаются на прусских могильниках Северной Самбии. Антропологические материалы этот вывод подтверждают. В восточной части прусского племенного ареала, судя по датировке могильников освоенной пруссами в предорденское время, среди комплексов XIV в. встречены два погребения с наконечниками копий, которые можно предположительно связать с носителями судавских традиций. Малая представленность судавских погребений на прусских могильниках свидетельствует в пользу того, что орденские власти могли внедрять одиночных представителей судавской аристократии, перешедшей на сторону завоевателей, для укрепления орденской власти в местных волостях-ролса. Эти судавы, используя языковую и культурную близость с сембами, обладали военной властью (наличие в погребениях наконечников копий при массовом отсутствии оружия в прусских общинных захоронениях) и могли собирать подати в пользу Ордена (присутствие западноевропейской сумки-кошеля в погр. Ve-161). Кажущееся противоестественным присутствие балтских воинов на службе Тевтонскому ордену документируется декором пряжки из погр. Ve-161, на которой соседствуют герб Ордена и стилизованное изображение мифического спутника бога Перкуно — священного козла, объекта прусских жертвоприношений, представленного здесь как символ местных духовных традиций.

Ключевые слова: юго-восточная Балтия, судавы, ятвяги, орденское время.

Введение

В западнобалтской этнокультурной среде для эпохи средневековья известны племена пруссов, скальвов, ламатов, куршей, судавов, границы ареалов которых определены прежде всего по распространению погребальных памятников, обладающих для каждого племени конкретным набором признаков (рис. 1).

На пороге орденской агрессии в земли юго-восточной Балтии погребения пруссов характеризовались, в частности, ростом количества трупоположений, пришедших на смену двухъярусным трупосождениям с захоронением коня в придонной части могилы [Кулаков, 2003, с. 37]. С финала эпохи викингов в ареале судавов, известных в древнерусских летописях под именем «ятвяги»¹, расположенном к востоку от Мазурского Поозерья, распространяется обряд трупосождения, перекрытого каменно-земляной курганной насыпью. В XI в. курганы у ятвягов сменяются каменными могилами [Седов, 1987, с. 414] (фактически — жалники).

Материалы и методика

В 1876 г. кенигсбергский художник и археолог Иоганнес Хейдек раскопал в 2 км к западу от Cranz/Зеленоградск, в уроч. Kunterstrauch, курган А с уплощенной вершиной, насыпь которого была сложена из камней. Под насыпью были обнаружены два трупоположения (мужчина-воин и женщина, ориентированные головами на восток) в обложенных камнями могилах [Кулаков, Казаченко, 2008, с. 92]. Данная форма обрядности, типологизированная А.В. Квятковской как вар. 2А, принадлежит судавам/ятвягам XII–XIII вв. [1998, с. 61]. У левого плеча костяка обнаружен наконечник

¹ Происхождение этого этнонима до сих пор неясно. По одной из гипотез, оно связано с социальной спецификой полиэтнического населения Сувалкии и верховьев р. Неман [Кибинь, 2008, с. 129].

копья, характерного для ятвяжских древностей вар. IIБ [Там же, с. 109]. Инвентарь, включавший орденские брактеаты (рис. 2) и пряжку типа Heindel 240, датирует курган началом XIV в.

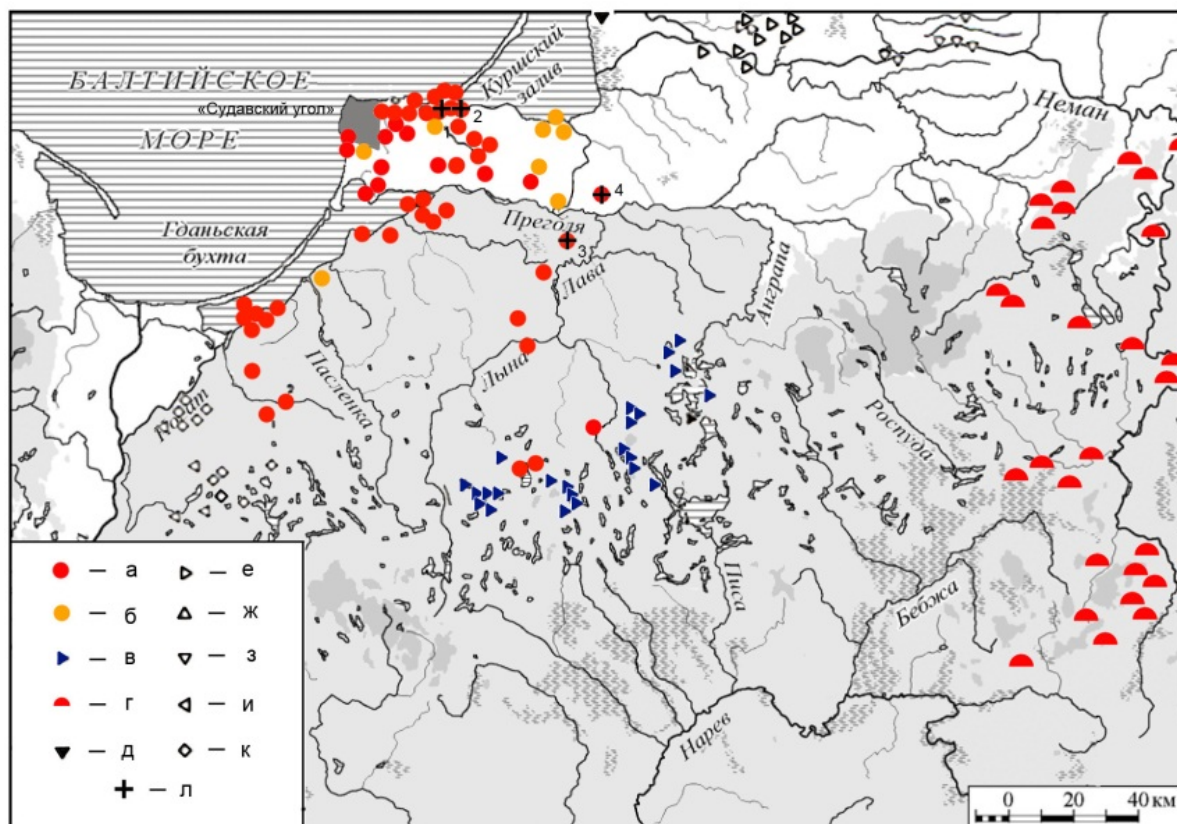

Рис. 1. Погребальные памятники юго-восточной Балтии в предорденское время:

а — грунтовые могильники пруссов, существовавшие не менее трех веков; б — грунтовые могильники пруссов V–XIII вв.; в — могильники мазурской культурной группы VI–VII вв.; г — каменно-земляные курганные могильники; д — грунтовые могильники куршей; е — грунтовые могильники скальвов; ж — грунтовые могильники жемайтов; з — грунтовые могильники аукштайтов; и — курганные могильники поморских славян; к — грунтовые могильники поморских славян [Седов, 1987, карта 48; Кулаков, 2003, рис. 27]; л — труположения с оружием (с добавлениями автора).

Могильники, на которых обнаружены ятвяжские труположения: 1 — Kunterstrauch, 2 — Kl. Kaup; 3 — Zohren/Суворово; 4 — Alt-Wehlau/Прудовка.

Fig. 1. Burial monuments of the southeastern Baltic in the pre-Order time:

а — ground burial grounds of the Prussians that existed for at least three centuries; б — ground burial grounds of the Prussians of the 5th–13th centuries; в — burial grounds of the Mazurian cultural group of the 6th–7th centuries; г — stone and earthen burial mounds; д — ground burial grounds of the Curonians; е — underground burial grounds of Scalv; ж — burial grounds of the Samogites; з — ground burial grounds of Aukštaites; и — burial mounds of the Pomorian Slavs; к — ground burial grounds of the Pomorian Slavs [Sedov, 1987; map 48; Kulakov, 2003, fig. 27]; л — corpses with weapons (with additions by the author). The cemeteries where the Yatvyazh corpses were found: 1 — Kunterstrauch, 2 — Kl. Kaup; 3 — Zohren/Suvorovo; 4 — Alt-Wehlau/Prudovka.

Семь лет назад я посчитал этот комплекс свидетельством переселения части судабов в раннеорденское время на Самбию [Кулаков, 2013, с. 143, 144]. Кроме этого, в погребальных древностях Янтарного берега XIII–XIV вв. имеются еще несколько погребений, сходных по своим признакам с ятвяжским захоронением в уроч. Kunterstrauch. Правда, свидетельства относительно курганных насыпей, возведенных над этими могилами, отсутствуют. При этом для ятвягов левобережья р. Неман характерны именно грунтовые труположения, отнесенные А.В. Квятковской к виду II, типу 2, вар. В [1998, с. 62]. К ним в Калининградской области относятся:

— Kl. Kaup, погр. K46 — перекрытое камнями труположение с северной ориентировкой (рис. 3), практически полная аналогия мужской могиле в ятвяжском кург. А могильника в уроч. Kunterstrauch [Кулаков, 2013, с. 140]. Среди инвентаря — детали мечевой гарнитуры (сам клинок отсутствует) и пряжка (подгруппа застёжек с рамкой «геральдической» формы, тип Heindel 240, в западнославянских древностях датируется концом XII — началом XIII вв. (рис. 4) [Кулаков, 2017, с. 152].

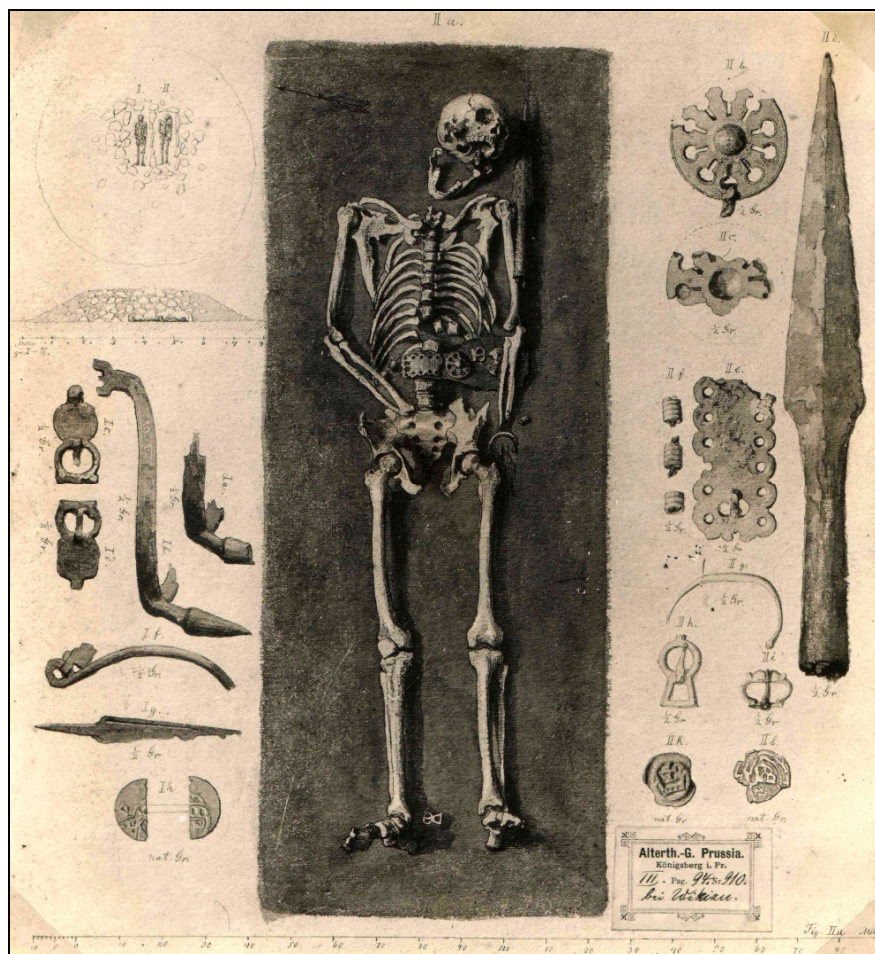

Рис. 2. План захоронения в кург. А Kunterstrauch/Клинцовка [Кулаков, 2013, рис. 13].
Fig. 2. Plan of burial in mound. A Kunterstrauch/Klintsovka [Kulakov, 2013, fig. 13].

Даже череп погребенного на могильнике Kl. Каур был, как и в кург. А, сдвинут в сторону, что позволяет предполагать наличие в древности некоей подушки, подложенной под головы покойных. Погребение K46 было впущено в краевую зону неолитического кург. 1. К западу от этого комплекса было обнаружено еще одно трупоположение — Kl. Каур, погр. K52a (частично разрушено позднейшим конским захоронением погр. K52b): женский костяк с северной ориентировкой, у височных долей черепа (точнее — его обломков) обнаружены два сделанных из тордированных железных дров височные кольца. К ним относились найденные здесь же три бусины из тщательно полированного янтаря [Кулаков, 2016, с. 196]. Кольца были однобусинные (третье кольцо, очевидно, в погр. K52a не сохранилось), застегивались на петлю и крючок. Первоначально аналогии этому женскому захоронению я пытался найти в куршском племенном ареале [Кулаков, 2016, с. 198]. Теперь выяснилось, что по два однобусинных височных кольца (правда, бронзовые) типа 9 в раннем средневековье носили ятвяжские женщины [Квятковская, 1998, с. 74]. Очевидно, данью местной прусской специфике явился материал, из которого были изготовлены бусины к упомянутым кольцам, — янтарь. Таких бусин в раннесредневековых древностях юго-восточной Балтии более не было обнаружено.

— Zohren/Суворова, погр. Zo-127 — мужское трупоположение с северной ориентировкой (рис. 5).

У правого бока скелета — наконечник копья (тип Квятковская 9) острием к ногам покойного и круговой горшок с линейным орнаментом [Кулаков, 1990a, табл. X, 20]. Примечательно, что данное погр. Zo-127 находится вне системы рядов, отмечавших на прусских раннесредневековых могильниках принадлежность погребенных к одному поколению членов определенного рода или семьи [Кулаков, 1990b, рис. 3, с. 15].

— Alt-Wehlau, погр. Ve-161 — трупоположение с западной ориентировкой (рис. 6, 2).

Archaeological plan of the burial site of a woman from the 18th century. The plan shows the skeleton of the deceased, oriented horizontally. The skull is at the top right, with the jawbone (46-1) pointing upwards. The ribcage and pelvis are visible. The skeleton is surrounded by various artifacts and features, including a large oval-shaped object (possibly a stone or a large bone) to the left of the ribcage, and a smaller oval-shaped object (possibly a stone or a large bone) to the right of the pelvis. The plan is labeled with numerous numbers in red and black, indicating specific features and artifacts. The plan is oriented with a north arrow pointing upwards. The plan is labeled with '13' at the top left and '14' at the bottom right. The plan is titled 'профиль сев. борта зап. гробницы' (profile of the north side of the west grave) at the top and 'профиль юж. борта зап. гробницы' (profile of the south side of the west grave) at the bottom.

У левого бока скелета найден направленный острием вниз наконечник копья (тип Квятковская 9). Выше тазовых костей на костяке обнаружены остатки поясного набора с сумкой-кошелем. На железной, покрытой серебром пряжке, однотипной с пряжкой из погр. Ve-131 данного могильника, изображен черный крест на белом геральдическом поле и стилизованная фигура козла — спутника балтского бога Перкуно (рис. 6, 1), что уникально для поясов населения

Балтии орденского времени. Сумка не находит аналогий в аутентичном прусском материале и, очевидно, является импортом из Западной Европы [Кулаков, 2017, с. 153].

Примечательно, что в погребениях указанного прусского могильника (кстати, рядом с ним в XIV в. была возведена капелла/кирха) практически никогда не совпадали находки мечей и наконечников копий.

Рис. 4. Инвентарь погр. K46 грунтового могильника Kl. Kaup [Кулаков, 2013, рис. 12].

Слева — находки, сделанные в слое над погр. K46 (происходят из разрушенных комплексов), справа — находки, обнаруженные со скелетом.

Fig. 4. Inventory of burial K46 ground burial ground Kl. Kaup [Kulakov, 2013, fig. 12]. On the left — finds made in the layer above burial no. K46 (come from destroyed complexes), on the right — the finds found with the skeleton.

Приведенные в статье комплексы объединяет обряд трупоположения и наличие копий сбоку от скелета воина. Погребение в кург. А в уроч. Kunterstrauch и погр. K46 могильника Kl/Kaup весьма близки по положению костяков. Если встречен прочий инвентарь, он характеризуется обилием компонентов и их богатством. В двух могилах присутствуют брактеаты кенигсбергского чекана, в одном погребении — сумка-кошель, правда без содержимого. Обе могилы сопровождаются женскими захоронениями. Все эти комплексы имеют северную ориентировку. Если ятвяжская принадлежность погребенных в указанных могилах воинов достаточно определенная, то погр. Zo-127 могильника Zohren/Суворова и погр. Ve-161 могильника Alt-Wehlau/Прудовка приводятся в виде аналогий ятвяжским воинским могилам лишь по наличию в них наконечников копий. В прусских погребениях XIV в. такие находки весьма редки.

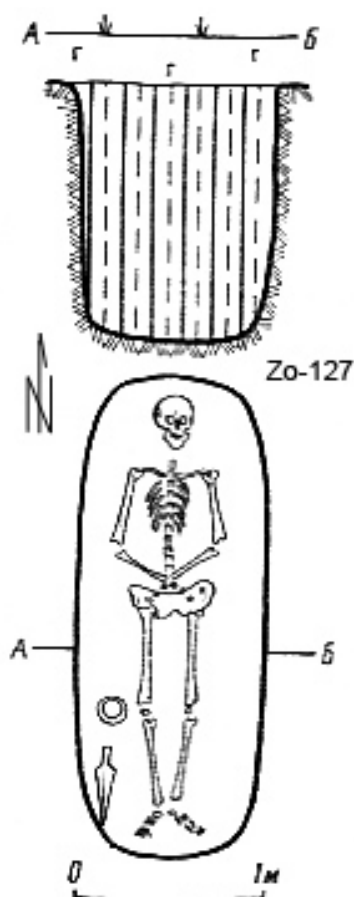

Рис. 5. План погр. Zo-127 могильника Zohpen/Суворово [Кулаков, 1990а, рис. 11,4].

Fig. 5. Plan of burial Zo-127 at Zohpen/Suvorovo [Kulakov, 1990a, fig. 11.4].

Рис. 6. Погр. Ve-161 могильника Alt-Wehlau/Прудовка: 1 — реконструкция пояса и сумки; 2 — план и сечение погр. Ve-161 [Кулаков, 2017, рис. 3, 4].

Fig. 6. Burial Ve-161 of the Alt-Wehlau/Prudovka burial ground: 1 — reconstruction of the belt and bag; 2 — plan and section of burial Ve-161 [Kulakov, 2017, fig. 3, 4].

Представленные в статье материалы, свидетельствующие о присутствии судавского этнокультурного элемента в раннеорденской Самбии, находят подтверждение в данных письменных источников. Несколько лет назад они были собраны калининградским историком А.С. Новиковым и опубликованы в малотиражном краеведческом издании при поддержке Деснинской экспедиции ИА РАН. В конце XIII — начале XIV в. из покоренной Орденом Судавии (последняя из западнобалтских земель, оккупированная крестоносцами²) группы судавов/ятвягов переселялись в Kumehnen, Stkunio, Sudau, Campayn [Mannhardt, 1936, S. 185; Новиков, 2009, с. 22, 24]. Калининградский историк считает, что такое переселение было организовано Орденом для восполнения убыли населения Самбии в результате военных действий, для создания опоры власти Ордена ввиду «чужеродности» судавов относительно местных пруссов и для противодействия литовским набегам на Самбию по Куршской косе [Новиков, 2009, с. 24]. В письменных источниках позднего средневековья и начала эпохи Реформацией фигурирует термин «Судавский угол», относившийся к северо-западной оконечности полуострова Самбия, занятой судавами-переселенцами [Там же, с. 24]. Названные выше пункты, где упоминаются переселенцы в раннеорденское время, в эту территорию не входили. Как показывает картирование прусских грунтовых могильников на Самбии, этот «угол» погребальных памятников (кроме эпохи бронзы) не содержит (рис. 1). Приведенные в статье пункты находок ятвяжских погребений и близких к ним комплексов (на рис. 1 помечены крестами)

² В нарушение положения «Золотой буллы» от 26 марта 1226 г. императора Фридриха II, в которой Тевтонскому ордену предполагалось покорять *лишь* пруссов.

расположены или в Северной Самбии, или в бассейне р. Pregel/Преголя, в ее нижнем течении. Таким образом, стоит полагать следующее:

1. Существование «Судавского угла» (лат. “Campus Sudowitarum”) в северо-западной части полуострова Самбия погребальными памятниками археологии не подтверждается. В краеведческих рукописях XVI–XVII вв. содержатся данные о западнобалтском населении Западной Самбии без фактического указания на его племенную принадлежность [Mannhardt, 1936, S. 185–197]. Правда, и авторы польских письменных источников орденового времени не разделяют судинов и пруссов [Новиков, 2005, с. 22].

2. Одиночные захоронения мужчин-воинов и женщин (останки членов одной семьи?) с признаками судавской погребальной обрядности встречены на прусских могильниках Северной Самбии. Антропологические данные этот вывод подтверждают [Кулаков, 2013, с. 144]. В восточной части прусского племенного ареала, судя по датировке могильников (на рис. 1 — желтые значки) освоенной прусами в предорденское время, среди комплексов XIV в. встречены два погребения с наконечниками копий, которые можно предположительно связать с носителями судавских традиций.

3. Одиночная представленность судавских погребений на прусских могильниках свидетельствует в пользу версии о том, что орденовые власти уже в XIII в. (после завоевания Судавии в 1283 г.?) могли внедрять одиночных представителей судавской аристократии, перешедшей на сторону завоевателей, для укрепления орденовой власти в местных волостях-ролса. Эти судавы, используя языковую и культурную близость с сембами и обладая военной властью (наличие в погребениях наконечников копий при массовом отсутствии оружия в прусских общинных захоронениях), могли собирать подати в пользу Ордена (присутствие западноевропейской сумки-кошеля в погр. Ve-161). На могильниках куршей, например, ввиду массового присутствия оружия в могилах XIV в., такие комплексы выявить не удалось [Biermann et al., 2011, S. 279]. Судьбы прусских нобилей, перешедших на службу Ордена в Самбии, сложились иначе: они были связаны преимущественно с несением воинской службы на стороне крестоносцев [Денисов, 2018, с. 44].

4. Кажущееся противоестественным присутствие балтских воинов на службе Тевтонского Ордена документируется декором пряжки из погр. Ve-161, на которой соседствуют герб Ордена и стилизованное изображение мифического спутника Бога Перкуно — священного козла, объекта прусских жертвоприношений [Кулаков, Валуев, 1999, с. 84], представленного здесь как символ местных духовных традиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Денисов С.А. Прусские нобили на службе у Тевтонского Ордена в XIII–XIV вв. // Гуманитарные и юридические исследования. Ставрополь: Северокавказский федеральный университет, 2018. Вып. 1. С. 37–47.
- Квятковская А. Ятвяжские могильники Беларуси (к. XI–XVII вв.), Vilnius: Diemedžio leidykla, 1998, 327 с.
- Кибинь А.С. Ятвяги в X–XI вв.: «Балтское племя» или «береговое братство»? // Петербургские славянские и балканские исследования. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2008. № 2 (4). С. 117–132.
- Кулаков В.И. Древности пруссов VI–XIII вв. САИ. М.: Наука, 1990а. Вып. Г1-9. 167 с.
- Кулаков В.И. Хронология пруссов VI–XIII вв. (по материалам могильника Суворово) // Istorija. Vilnius: Mokslas, 1990b. Т. 31. С. 3–19.
- Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 г. М.: Индрик, 2003. 364 с.
- Кулаков В.И. Малый Кауп: Две формы обрядности // Pruthenia. Olsztyn, 2013. Т. VIII. С. 127–147.
- Кулаков В.И. Пруссы эпохи викингов: Жизнь и быт общины Каупа. М.: Книжный мир, 2016. 350 с.
- Кулаков В.И. Прусские пояса орденового времени // Genesis: Исторические исследования. М., 2017. № 1. С. 147–158.
- Кулаков В.И., Валуев А.А. Тевтонский крест и Бог Перкуно // Наука в России. М.: Наука, 1999. № 6. С. 80–85.
- Кулаков В.И., Казаченко Ж.Ю. Кунтерштраух — забытый памятник прусской археологии // КСИА. М.: Наука, 2008. Вып. 222. С. 91–98.
- Новиков А.С. Балты юго-восточной Прибалтики XII–XIII вв. глазами их соседей: (К проблеме этнокультурных стереотипов) // Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей. Калининград: ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта», 2005. С. 20–25.
- Новиков А. «Судавский угол» // Надровия. Черняховск, 2009. № 6. С. 22–27.
- Седов В.В. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1987. 510 с.
- Biermann F., Hergeligi C., Voigt G., Bentz M., Blum O. Das Gräberfeld des 13. bis 15. Jahrhunderts von Stangenwalde bei Rossitten auf der Kurischen Nehrung — Auswertung der Materiellen im Berliner Bestand des Preussia-Sammlung (ehemals Königsberg/Ostpreussen) // Acta Praehistorica et Archaeologica. Berlin, 2011. Bd. 43. S. 215–352.
- Mannhardt W. Letto-Preussische Götterlehre. Riga: Lettisch-Literarischen Gesellschaft, 1936. 673 S.
- Volkaitė-Kulikauskienė R. Senovės lietuvių drabužiai ir papuošalai (I–XVI a.). Vilnius: Mintis, 1997.

Sudovians in Sambia in the 13th–14th centuries

The aim of the proposed work is to ascertain, based on archeological data and written sources, the presence of individuals of the easternmost tribe from the community of the Western Balts — Sudins/Yotvingians. Both scientific data from old German excavations and the latest archaeological research in the Zelenogradsk district of the Kaliningrad region are introduced into the scientific discourse. There are no funeral monuments of the Teutonic Order in the territory of the 'Sudovian corner' (Lat. Campus Sudowitarum) in the northwestern part of the Sambia peninsula. Ethnographic data on this part of the Amber Coast, provided by the local history manuscripts of the 16th–17th c., include data on the West Baltic population of Western Sambia without actual confirmation of its tribal affiliation. In fact, authors of Polish written sources of the Order time do not draw distinction between the Sudins and Prussians either. Individual burials of male warriors and women with features characteristic of the Sudovian funeral rituals were found at the Prussian burial grounds of the Northern Sambia. Anthropological data confirm this conclusion. In the eastern part of the Prussian tribal area, occupied by the Prussians in the pre-Order times, according to the dating of the burial grounds, two burials with spearheads were encountered amongst the complexes of the 14th c., which can be tentatively associated with bearers of the Sudovian traditions. The low representation of the Sudovian burials at Prussian burial grounds attests to the fact that the Order authorities could have appointed individual representatives of the Sudovian aristocracy, who sided with the conquerors, in order to strengthen the Order in the local polcas (volosts). Using the linguistic and cultural closeness with the Semibians, these Sudins possessed military power (presence of spearheads in the burials, with the common absence of weapons in the Prussian community graves) and could have been collecting taxes on behalf of the Order (the presence of a Western European moneybag in burial Ve-161). The seemingly unnatural presence of the Baltic warriors in the service of the Teutonic Order is symbolized by the decoration of the buckle from burial Ve-161, which bears the coat of arms of the Order and a stylized image of the mythical companion of God Perkuno — the sacred goat, an object of the Prussian sacrifices, presented here as a symbol of the native spiritual traditions.

Key words: southeastern Baltic, Sudavians, Yatvyag, Order time.

REFERENCES

- Biermann F., Hergeligi C., Voigt G., Bentz M., Blum O. (2011). Das Gräberfeld des 13. bis 15. Jahrhunderts von Stangenwalde bei Rossitten auf der Kurischen Nehrung — Auswertung der Materiellen im Berliner Bestand des Preussisch-Sammlung (ehemals Königsberg/Ostpreussen). *Acta Praehistorica et Archaeologica*, 43, 215–352.
- Mannhardt W. (1936). *Letto-Preussische Götterlehre*. Riga: Lettisch-Literarischen Gesellschaft.
- Volkaite-Kulikauskienė R. (1997). *Senovės lietuvių drabužiai ir papuošalai (I–XVI a.)*. Vilnius: Mintis.
- Denisov S.A. (2018). Prussian nobles in the service of the Teutonic Order in the XIII–XIV centuries. *Humanitarian and legal studies*, 1, 37–47. (Rus.).
- Kvyatkovskaya A. (1998). *Yatvyazh burial grounds of Belarus (late XI — XVII centuries)*. Vilnius: Diemedžio leidykla. (Rus.).
- Kibin A.S. (2008). Yotvyag in the X–XI centuries: “The Baltic tribe” or “coastal brotherhood”? *Petersburg Slavic and Balkan studies*, 4(2), 117–132. (Rus.).
- Kulakov V.I. (1990a). Antiquities of the Prussians of the 6th–13th centuries. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*, (G1-9), (Rus.).
- Kulakov V.I. (1990b). Chronology of the Prussians of the 6th–13th centuries (based on the materials of the Suvorovo burial ground). *Istorija*, 31, 3–19. (Rus.).
- Kulakov V.I. (2003). *The history of Prussia until 1283*. Moscow: Indrik. (Rus.).
- Kulakov V.I. (2013). Small Kaup: Two forms of ritual. *Pruthenia*, VIII, 127–147. (Rus.).
- Kulakov V.I. (2016). *Prussians of the Viking Age: Life and Way of Life of the Kaup Community*. Moscow: Book World. (Rus.).
- Kulakov V.I. (2017). Prussian belts of the order time. *Genesis: Historical research*, (1), 147–158. (Rus.).
- Kulakov V.I., Valuev A.A. (1999). The Teutonic Cross and God Perkuno. *Science in Russia*, (6), 80–85. (Rus.).
- Kulakov V.I., Kazachenko Zh.Yu. (2008). Kunterstrauch — a forgotten monument of Prussian archeology. *KSIA*, (222), 91–98. (Rus.).
- Novikov A.S. (2005). The Baltics of the southeastern Baltic XII–XIII centuries through the eyes of their neighbors: (To the problem of ethnocultural stereotypes). *Retrospective: World History through the Eyes of Young Researchers Publishing House*. Kaliningrad: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Baltic Federal University named after Immanuel Kant”, 20–25. (Rus.).
- Novikov A. (2009). “Sudavsky corner”. *Nadroviya*, (6), 22–27. (Rus.).
- Sedov V.V. (1987). *Finno-Ugric peoples and Balts in the Middle Ages. Archeology of the USSR*. Moscow: Science. (Rus.).

Кулаков В.И., <https://orcid.org/0000-0001-7482-5070>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 25.02.2021

Article is published: 28.05.2021

ЭТНОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-53-2-9>

Истомина Ю.А.

Омский государственный историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская»
ул. Советов, 29, р.п. Большеречье, Омская область, 646670
E-mail: lebedevajulia1994@yandex.ru

ОРНАМЕНТ ТАРСКИХ И БАРАБИНСКИХ ТАТАР: АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Исследование посвящено анализу орнаментального искусства тюркоязычного населения Омского Прииртышья и Барабинской лесостепи. Привлечение комплекса археологических и этнографических источников и составление таблиц позволили раскрыть сложную картину формирования татарского орнамента, выделить элементы, которые легли в его основу, новации в орнаменте, а также выявить сходство и различие между двумя группами сибирских татар.

Ключевые слова: Западная Сибирь, сибирские татары, XVII–XX вв., анализ, орнамент, элемент, композиция.

Введение

Барабинские и тарские татары представляют собой локальные группы сибирских татар, проживающие на территории Новосибирской и Омской областей, в своем историческом прошлом достаточно интенсивно контактировавшие между собой.

На настоящий момент значимой проблемой является выделение традиционной базы орнаментального искусства барабинских и тарских татар. Ее решение позволило бы затронуть вопросы их формирования и этнокультурных связей. Исследования, посвященные данной тематике, основывались главным образом на этнографических материалах. Однако орнаментальные традиции сложились ранее чем в XIX–XX вв., что мы и попытались проследить, привлекая материалы археологических памятников.

Комплексные историко-этнографические экспедиции начали проводиться Томским государственным университетом (1969–1973 гг.) и Омским государственным университетом (1975–1993 гг.) под руководством Н.А. Томилова. Они были направлены на изучение орнамента, а итоги исследований были подведены в научных статьях и монографиях [Томилов, 1973а, 1973б, 1976, 1978, 1980, 1981, 1987, 1992, 1993]. В них мы находим описание культуры сибирских татар в целом, орнаментального и декоративно-прикладного творчества. Н.А. Томилов постарался проследить эволюцию форм и видов одежды и обуви, показать орнаменты, выполненные в конце XIX — начале XX в. группами тюркоязычного населения Западной Сибири — татарами, эуштинцами, чатами и калмыками. Исходя из характеристики основных мотивов орнамента, приемов нанесения на различные материалы был сформулирован вывод о поэтапном формировании декоративного искусства барабинских и тарских татар под влиянием мигрирующих в Западную Сибирь народов — бухарцев, казахов, мишарей, узбеков, русских и пришлых казанских татар.

В 1974 г. с поездки к тарским татарам в с. Большие Мурлы и соседние селения Большереченского района Омской области для изучения хозяйства, культуры и быта начал исследования сибирских татар В.Б. Богомолов. Результаты полевых исследований 1970-х гг. были подробно освещены в статьях [Богомолов, 1977, 1978а, 1978б, 1979, 1987; Богомолов, Соболев, 1981; Богомолов, Томилов, 1973]. В частности, показаны контакты с этническими группами, которые оказали наибольшее влияние на искусство тарских татар. В статье об орнаменте барабинских татар омский этнограф отразил многообразие технических приемов и орнаментальных мотивов, изменяющихся в зависимости от материала, из которого изготовлено изделие, впервые предпринял попытку структурировать типы орнамента. Было выделено 10 типов, объединенных в три комплекса, каждый из которых связан с определенными материалами, техническими приемами, мотивами и несет информацию о различных периодах этнической истории [Богомолов, 1979, с. 206]. Эта структуризация позволила исследователю выявить общие признаки орнамента барабинских

татар, основные мотивы, сделать вывод о времени складывания преобладающих орнаментальных комплексов и проследить этногенетические связи исходя из анализа этих комплексов.

Ф.М. Буреева, ученица Н.А. Томилова, в 2001 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Орнамент тарских татар конца XIX–XX вв. (к проблеме этнокультурной истории)». В 2011 г. вышла в свет обобщающая работа, которая содержит материалы диссертации [Буреева, 2011]. В ней впервые рассмотрено искусство коренного тюркоязычного населения Тарского Прииртышья, к которому были отнесены предметы домашнего обихода, ювелирные украшения, одежда, оружие, снаряжение, оформление архитектурного интерьера и фасада.

Различные аспекты искусства тарских татар освещены в ряде статей [Буреева, 2005, 2006, 2008, 2009а, 2009б]. В одной из них [Буреева, 2006] выполнен анализ орнаментированных полотенец. С привлечением этнографических материалов сделана попытка реконструировать орнаментальный комплекс коренного тюркоязычного населения Тарского Прииртышья конца XIX — начала XX в. Исследователь рассмотрела композиционный и технический декор тарских полотенец, показала его соответствие узорам изделий русского и поволжско-татарского населения [Там же, с. 57]. Работы Ф.М. Буреевой (как и многих других авторов), за исключением одной статьи [Буреева, 2009б], построены главным образом на этнографическом материале.

Первые археолого-этнографические исследования орнамента сибирских татар проведены в 1980-е гг.: были предприняты попытки сопоставления декора керамических сосудов позднесредневековой Барабы с этнографическим материалом [Молодин и др., 1990]. Средневековые памятники коренных жителей Барабы (барабинских татар, южных хантов и селькупов) характеризуются большим количеством предметов, но их распределение в комплексах, которые можно увязать с конкретными этническими группами, неравномерно. В ходе анализа керамического материала авторы выделили 44 элемента орнамента и выявили характерные черты оформления различных частей сосуда. Количественное сравнение элементов орнамента на разных частях сосуда позволило проследить сходство и различие между наиболее изученными памятниками, ведущие элементы орнамента.

Сведения об орнаменте встречаются в отдельных публикациях: например, в статье С.Ф. Татаурова и С.С. Тихонова о могильнике Бергамак II говорится об орнаментации керамики, украшений и оружия [1996]. В монографии «Нижнетарский археологический микрорайон» [2001] раздел Л.В. Татауровой посвящен керамическому комплексу позднего средневековья — нового времени. Большая часть татарской посуды происходит с поселения Бергамак III и могильника Бергамак II XVII–XVIII вв., оставленных группой тарских татар [Там же]. Определенный вклад в изучение вопросов о керамике татар внесли А.В. Матвеев и С.Ф. Татауров. Ими проведена дискуссия о правомерности использования термина «татарская керамика». На основании анализа материалов многочисленных комплексов XIV–XVI вв. Среднего Прииртышья, Приишимья, Притоболья, Притомья и Барабы был сделан вывод о схожести орнаментальных мотивов керамики этих комплексов [Матвеев, Татауров, 2013, с. 233].

Несмотря на то что по орнаментам коренных народов Сибири была создана обширная фактическая база для исследований, многие материалы до сих пор остаются не введенными в научный оборот. Речь идет о коллекциях археологических памятников Омского Прииртышья и Барабинской лесостепи, представленных керамикой и украшениями, этнографическими источниками барабинских и тарских татар. Исследователи, работавшие с археологическим материалом, не приводили практически никаких данных по этноидентификации археологических комплексов. Определенный сдвиг в этом направлении сделан только Л.В. Татауровой [Нижнетарский археологический микрорайон, 2001]. Нерешенный вопрос об этнической принадлежности археологических памятников и коллекций значительно затрудняет выделение татарских компонентов орнамента. Возможным это представляется только при анализе и сопоставлении комплекса археологических и этнографических источников. Вопрос о формировании орнамента барабинских и тарских татар до сих пор остается открытым, так как материалы XVII–XVIII вв. (т.е. археологические) затронуты мало. С конца XX в., в силу проведения раскопок, такая возможность появилась.

Методы

Для выявления характерных черт орнаментики, которая бытует в пределах крупных этнических объединений, обнаруживая при этом значительные этнические и этногрупповые вариации, наиболее приемлемым представляется системный подход, ориентированный на раскрытие целостности объекта и на упорядочение связей, обеспечивающих эту целостность. Этническая специфика в орнаментальном искусстве рассмотрена с учетом характера связи между признаками.

При обработке материалов использовался сравнительно-исторический метод, который предполагает выяснение внутренних процессов в развитии орнамента; определение в нем изменений, происходящих под воздействием внешних факторов; изучение распространения орнамента конкретного вида и отдельных мотивов; сравнительное изучение орнаментов тюркоязычных народов, проживающих на сопредельных территориях. Объединить множество, части и синтезировать целое позволяет метод систематизации. В нашем исследовании в качестве целого предстает процесс развития орнаментальных традиций, каждому этапу которого соответствуют определенные этнокультурные взаимосвязи. Возможности предлагаемого методического инструментария помогают обеспечить необходимую глубину проработки основных аспектов поставленных целей и задач.

Цель данного исследования состоит в выделении орнаментальных элементов, формировании ядра орнамента у барабинских и тарских татар и рассмотрении судьбы этих элементов.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- 1) выделить наиболее древние элементы, которые легли в основу татарского орнамента;
- 2) проследить новации в орнаменте и их источник;
- 3) проанализировать различия в орнаменте барабинских и тарских татар.

Источники

Были использованы два вида источников:

1. *Археологические*: материалы памятников XVII–XVIII вв. Они представлены орнаментированными керамической посудой и украшениями с памятников Омского Прииртышья и Барабинской лесостепи, которые хранятся в МАЭ ОмГУ им. Ф.М. Достоевского и Новосибирском государственном краеведческом музее. Материалы получены в результате экспедиций омских и новосибирских ученых. Для исследования мы выделили базовые памятники: Черталы I (Б.В. Мельников), Бергамак III (С.Ф. Татауров), Надеждинка VII (С.Ф. Татауров), Большой Чуланкуль I (В.И. Соболев), Чиняиха (В.И. Соболев), Абрамово IV (М.А. Чемякина).

2. *Этнографические* материалы, которые датируются главным образом концом XIX — XX в. Незначительное число музейных экспонатов относится к концу XVIII — третьей четверти XIX в. Сведения по материальной и культурной истории барабинских и тарских татар были собраны экспедициями под руководством этнографов Н.А. Томилова, В.Б. Богомолова, С.Н. Корусенко и др. Материалы хранятся в МАЭ ОмГУ.

Экспедиционные источники дополнены *музейными коллекциями*. Мы использовали коллекции Новосибирского государственного краеведческого музея, где представлены орнаментированные предметы барабинских татар, и предметы из Большереченского историко-этнографического музея, принадлежащие тарским татарам.

Все орнаментированные предметы условно можно разделить на *следующие группы* по половозрастному и видовому критерию:

Группа 1 — мужские и женские головные уборы. Мужские головные уборы барабинских и тарских татар представлены тюбетейками (3-23, 3-12, ОФ-20998/4 из Новосибирской области и 2-14, 1-29 из Большереченского района Омской области). В эту же группу мы включаем мужскую тюбетейку, хранящуюся в Большереченском историко-этнографическом музее. Женские головные уборы включают в себя семь предметов. Они представлены несколькими видами: калфак, сарауц, платок и шаль. В нашем распоряжении есть два калфака (2-1 и 2-2), сарауц 1-84 тарских татарок из МАЭ ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, два головных убора «калфак» и платок тарских татарок из Большереченского историко-этнографического музея, а также женская шаль 17644/81 барабинских татарок из фонда одежды Новосибирского государственного краеведческого музея.

Группа 2 — наиболее многочисленная — мужская и женская одежда. Три женских платья, камзол и нагрудник тарских татар из Большереченского историко-этнографического музея. Большим разнообразием отличается одежда барабинских татар: безрукавка «камзол» 19-29 из МАЭ ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, экземпляры из Новосибирского государственного краеведческого музея: женская крытая шуба ОФ-10990, жилет-камзол из бархата ОФ 19550/10, атласный женский камзол ОФ 20503-5, женская нательная рубашка ОФ 20503-7, женский костюм барабинских татарок.

Две следующие группы — детская одежда и обувь — немногочисленны. В МАЭ ОмГУ им. Ф.М. Достоевского хранится детская рубашка 13-18, происходящая из Тарского района Омской области. Необходимо принять во внимание тот факт, что детской одежды в фондах музеев оседает

мало, она редко сохраняется в семьях информаторов. Обувь тарских и барабинских татар представлена двумя парами женских сапог из Большереченского района Омской области, женскими сапогами ОФ 17458-1,2 кустарного производства, сапогами ОФ 20998-3 и ОФ 20998-11 фабричного производства, хранящимися в Новосибирском государственном краеведческом музее.

Последняя группа — украшения. У барабинских татар они представлены бляшкой (3-6), браслетом (3-2), серьгами (3-4, 3-5, 3-32, 3-7), кольцами (3-10, 3-11), у тарских татар — браслетом (1-88), серьгами (2-55), пуговицей (1-90) и наконсницей (1-87). Эта группа дополнена бусами ОФ 17428/2 из Новосибирского государственного краеведческого музея.

Изученные нами этнографические и археологические коллекции обладают определенным сходством: в элементах, мотивах и композиции, в зональности орнамента. Поэтому важным является выделение наиболее устойчивых, традиционных элементов, которые могут быть соотнесены с барабинскими и тарскими татарами, а также определение их изначальной принадлежности орнаментальному комплексу или же заимствования у народов, имевших тесный контакт с этими группами.

Результаты

Первоначально мы выделили элементы особо для каждого комплекса предметов тарских и барабинских татар: археологического и этнографического — и на основе этого составили общие таблицы, которые помогли проследить сходство и различие орнамента этих групп (табл. 1, 2). На предметах из этнографических коллекций нами выделены 23 элемента. Часть элементов представлена в одинаковом количестве у барабинских и тарских татар. Это свидетельствует о том, что они были привнесены в их орнаментальное творчество в ходе прямых контактов и заимствований друг у друга или у других народов. В данную группу (табл. 1, эл. 1, 4–5, 8, 15, 18, 21) мы включили линии (каннелюры), прямоугольники, завитки, изображения цветов, ромбы, кресты и овалы. Общие элементы в основном представлены мотивами геометрического характера.

Орнаментальное искусство барабинских татар отличается использованием волнистых линий (34,7 %), роговидных элементов (17,3 %). Для их орнаментики больше характерен геометризм. Он представлен не только простыми фигурами (круги), но и шестиугольниками, элементами вроде «песочных часов», линий с петлями (табл. 1, эл. 9–10, 12, 16). Эти три элемента не встречаются у тарских татар. Растительные мотивы не были сильно распространены у барабинцев, что подтверждается данными таблицы:

- листья и стебли — по 13,1 % (табл. 1, эл. 6–7);
- бутоны цветов — 4,3 % (табл. 1, эл. 11);
- лианы — 13,1% (табл. 1, эл. 14);
- лепестки цветов — 4,3% (табл. 1, эл. 20).

Рогообразные мотивы, часто встречающиеся в искусстве тюркских и монгольских народов, выполнены на коже, войлоке, ткани и имеют место в резьбе по дереву у барабинских татар (табл. 1, эл. 19). У барабинских татар простые геометрические фигуры в виде треугольников, зигзагов, крестов, ромбов и кругов входили в состав сложных орнаментальных узоров в виде бордюров или розеток. Орнамент тарских татар отличается от барабинского. Для него характерно большее использование растительных мотивов. Цветки в орнаменте тарских татар составляют 47,6 %, листья — 28,5 %, стебли — 33,3 %, бутоны, лианы и лепестки цветов — по 23,8 % (табл. 1, эл. 5–7, 11, 14, 20). Цветочные узоры из названных мотивов характерны для орнаментации узорных ичигов, полотенец, скатертей, покрывал, головных уборов тарских татар. Чаще, чем у барабинцев, у тарских татар встречаются зигзагообразные линии, вертикальные прямые линии (табл. 1, эл. 2–3, 13). Выделяются прямолинейные мотивы в виде квадратов и сердец (табл. 1, эл. 22). Украшение тюбетеек и обуви розетками, волнистыми линиями и сердечками аналогично декору мужских головных уборов народов Средней Азии. Однако волнистые линии на тюбетейках являются чертой, отличающей тюрко-татарские головные уборы от среднеазиатских. Отметим, что 6 элементов из 23 встречаются только у одной из этнических групп сибирских татар: это песочные часы, шестиугольники, линии с петлями у барабинцев (табл. 1, эл. 9, 12, 16) и сердца, космогонические мотивы, вертикальные линии — у тарских татар (табл. 1, эл. 13, 22–23). Значительное сходство орнаментальных элементов у барабинских и тарских татар можно объяснить тем, что в XIX–XX вв. наблюдалось увеличение культурной однородности у всех групп сибирских татар. Это происходило в результате контактов с соседними коренными народами Сибири и Северного Казахстана, существенным возрастанием объема

Орнамент тарских и барабинских татар: археолого-этнографический анализ

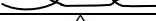

взаимоотношений в Западной Сибири татар с русскими и другими народами в результате переселения в Сибирь из европейской части Российской империи.

Таблица 1

Элементы орнамента барабинских и тарских татар (по этнографическим материалам), %

Table 1

Elements of ornament of Baraba and Tara Tatars (on ethnographic materials), %

№ элемента	Элемент	Барабинские татары	Тарские татары
1		60,8	57,1
2		8,6	23,8
3		34,7	19,1
4		13,1	9,5
5		34,7	47,6
6		13,1	28,5
7		13,1	33,3
8		13,1	14,2
9		8,6	0
10		17,3	4,7
11		4,3	23,8
12		4,3	0
13		0	9,5
14		13,1	23,8
15		4,3	14,2
16		4,3	0
17		4,3	14,2
18		4,3	4,7
19		17,3	9,5
20		4,3	23,8
21		4,3	9,5
22		0	14,2
23		0	4,7

Отличия наблюдаются в орнаменте тарских и барабинских татар и в археологическое время (XVII–XVIII вв.). В результате описания и анализа керамики и украшений мы выделили 40 элементов орнамента (табл. 2). Данные таблицы показывают разнообразие декора у тарских татар по сравнению с барабинцами, хотя керамическая посуда и украшения обеих этнических групп в основном всегда были орнаментированы. Изделия без орнамента встречаются в единичных случаях.

Наибольшей представительностью отличаются элементы орнамента, характеризующие керамический комплекс посуды татарского типа Надеждинки VII, Бергамака III, Черталы I (памятников, этнически соотносимых с тарскими татарами): это овальные оттиски, вертикальные оттиски, выполненные гребенчатым штампом, наклонные оттиски, выполненные гладким и гребенчатым штампом, «елочка», выполненная гребенчатым штампом, и «уточка» (табл. 2, эл. 6, 12, 15–16, 19–20, 22). Птички (или «уточки») в керамике в более позднее время могли изображаться на деревянных наличниках. В целом они характерны для мира ислама и выполняли охранительные функции. Овальные (или семечковидные) вдавления (табл. 2, эл. 6) — один из наиболее часто встречаемых (26,8 %) элементов на поселении Бергамак III, реже (10,9 и 6,5 %) дополняет орнаментацию сосудов на Черталах I и городище Надеждинка VII. Этот элемент встречается в археологических материалах, но с течением времени, видимо, был утерян и в этнографических материалах не фиксируется.

Элементы орнамента барабинских и тарских татар (по археологическим материалам), %

Table 2

Elements of ornament of Baraba and Tara Tatars (on archaeological materials), %

№ элемента	Элемент	Бергамак III	Надеждинка VII	Черталы I	Большой Чуланкуль I	Абрамово IV	Чиняиха
1		2,7	0	7,2	26,3	20	14,7
2		30,3	41,1	47,2	38,3	13,3	29,4
3		2,7	0,5	16,3	7,5	0	0
4		7,5	1,2	1,8	31,5	0	0
5		0,7	4,2	7,2	26,7	13,3	8,8
6		26,8	6,5	10,9	23,2	6,6	2,9
7		0,7	4,2	0	0	0	0
8		4,1	8,3	34,5	0	0	0
9		11	17,3	12,7	11,6	53,3	0
10		1,4	0,5	0	6,1	0	5,8
11		2,1	0	0	0	0	2,9
12		1,4	8,9	7,2	7,5	6,6	17,6
13		2,7	3,6	3,6	5,4	13,3	0
14		0	5,3	3,6	5,4	0	0
15		11,7	22	27,2	16,4	0	29,4
16		8,9	5,9	12,7	3,4	0	8,8
17		1,4	2,9	3,6	8,9	13,3	0
18		4,8	2,4	0	1,4	6,6	0
19		24,8	4,7	7,2	0	0	17,6
20		12,4	2,4	3,6	14,4	0	0
21		0,7	1,7	0	0	0	0
22		6,2	4,7	0	9,5	0	0
23		0	2,9	0	0	0	0
24		0,7	11	0	2,1	0	0
25		0	4,7	3,6	2,1	0	0
26		4,1	2,9	3,6	0	0	0
27		0	2,4	1,8	0	0	0
28		0	1,7	0	0	0	0
29		1,4	0	1,8	0	6,6	0
30		3,4	0	0	0	0	0
31		1,4	1,7	0	0	0	0
32		0,7	0	1,8	0	0	0
33		0,7	0	0	0	0	0
34		0,7	0	0	0	0	0
35		0,7	0	1,8	0	0	0
36		0	0	1,8	0	0	0
37		2,1	0	1,8	0	0	0
38		0	0	0	2,1	0	0
39		0	0	0	2,1	0	0
40		0	0	0	5,4	0	0

Многие элементы археологического комплекса в силу каких-либо причин утрачены в орнаментальном творчестве тарских татар в последней четверти XVIII — XX в. (не прослеживаются на предметах, собранных в ходе этнографических экспедиций). К ним относятся:

Вертикальные оттиски гребенчатого штампа (табл. 2, эл. 12) распространены на Надеждинке VII — 8,9 %, Бергамаке III — 1,4 %, Черталах I — 7,2 %.

Наклонные оттиски гребенчатого штампа (табл. 2, эл. 15) присутствуют на Бергамаке III — 11,7 %, Надеждинке VII — 22 %, Черталах I — 27,2 %.

В количественном плане реже отмечены такие элементы, как наклонные оттиски гладкого штампа (табл. 2, эл. 16): 5,9 % на Надеждинке VII, 8,9 % на Бергамаке III, 12,7 % на Черталах I.

«Елочка», выполненная гребенчатым штампом (табл. 2, эл. 19), часто применялась для орнаментации посуды: Бергамак III — 24,8 %, Надеждинка VII — 4,7 %, Черталы I — 7,2 %.

«Елочка» (горизонтальная и вертикальная), выполненная гладким орнаментом (табл. 2, эл. 20–21), составляет на Бергамаке III 13,1 %, на Надеждинке VII — 4,1 % и на Черталах I — 3,6 %.

Элементы в виде «елочки» и контурных линий отличаются архаичностью (табл. 2, эл. 9, 19–21). Эти орнаментальные мотивы находят аналогии в материалах потчевашской, саргатской и других археологических культур. Они характерны для предметов из дерева (например, прялок) и соотносятся с народами угорской группы. Наклонные и прямые оттиски, выполненные гребенчатым и гладким штампом, находят аналогии в декоре берестяных изделий (туесов), на которые переносились наклонные и прямые швы [Богомолов, 1987; Богомолов, Мельников, 1997].

«Жемчужины» (табл. 2, эл. 8) встречаются только на керамике и украшениях тарских татар, у них они распространены довольно часто: на Бергамаке III — 4,1 %, на Надеждинке VII — 8,3 %, на Черталах I — 34,5 %, но в этнографически обозреваемое время использование элемента практически сошло на нет. Из 39 элементов орнамента 13 встречаются примерно одинаковое количество раз на керамике и украшениях, соотносимых с тарскими и барабинскими татарами. Это различного рода линии, геометрические фигуры (табл. 2, эл. 2, 4–5, 8–10, 13–14, 17–18, 24, 26–32, 35–36, 39). К ним относятся ямки (круги), вдавления овальной формы, каннелюры, горизонтальные прямоугольные оттиски, вертикальные оттиски, волнистые, зигзагообразные, пунктирные линии, кресты, ромбы, овалы, «елочка», выполненная гладким штампом.

В количественном соотношении наиболее репрезентативными являются:

— ямки или круги (табл. 2, эл. 2): 30,3 % на Бергамаке III, 41,1 % на Надеждинке VII, 47,2 % на Черталах I, 38,3 % на Большом Чуланкуле I, 29,4 % на городище Чиняиха, 13,3 % на Абрамово IV.

— каннелюры (табл. 2, эл. 9) — составляют на Бергамаке III 11 %, на Надеждинке VII — 17,3 %, на Черталах I — 12,7 %, на Большом Чуланкуле I — 11,6 %, на Абрамово IV — 53,3 %.

Зигзагообразные линии (табл. 2, эл. 17) отличаются вариантами оформления на различных предметах: на керамике они могут быть выполнены с помощью гребенчатого штампа или в виде пунктирных линий. На Бергамаке III зигзаги составляют 1,4 %, на Надеждинке VII — 2,9 %, на Черталах I — 3,6 %, на Большом Чуланкуле I — 8,9 %, на Абрамово IV — 13,3 %.

Овальные вдавления (табл. 2, эл. 6) составляют 26,8 % на Бергамаке III, 6,5 % — на Надеждинке VII, 10,9 % — на Черталах I, 23,2 % — на Большом Чуланкуле I, 6,6 % — на Абрамово IV и 2,9 % — на Чиняихе.

Следующий ряд элементов (табл. 2, эл. 13, 14, 18, 31) присутствуют на небольшом количестве изделий тарских и барабинских татар. Однако следует принимать во внимание распространенность этих мотивов в орнаментальном творчестве многих народов сопредельных территорий. К ним относятся:

— вертикальные насечки (табл. 2, эл. 13) — на Бергамаке III 2,7 %, Надеждинке VII — 3,6 %, Черталах I — 3,6 %, Большом Чуланкуле I — 5,4 %, Абрамово IV — 13,3 %.

— волнистые линии (табл. 2, эл. 14) — 5,3 % на Надеждинке VII, 3,6 % — на Черталах I, 5,4 % — на Большом Чуланкуле I. Этот элемент часто применялся для украшения изделий в XIX–XX вв.: волнистые линии могли выполняться в виде пунктира.

— кресты (табл. 2, эл. 18) — органично вписываются в орнаментальные композиции как керамических сосудов XVII–XVIII вв. (4,8 % на Бергамаке III и 2,4 % на Надеждинке VII), так и ювелирных изделий и пряслиц (1,4 % на Большом Чуланкуле I и 6,6 % на Абрамово IV).

Для орнамента и декора барабинских и тарских татар XVII–XVIII вв. характерны разные традиции. Барабинцы чаще наносили на венчик, шейку, плечико и стенки сосудов косые насечки, ямочные, треугольные, аморфные, каплевидные, овальные вдавления, насечки, образующие горизонтальную «елочку». Они использовали гребенчатый и гладкий штампы, с помощью которых выполняли «елочку».

ку», прямые и наклонные горизонтальные или вертикальные пояски, прямопоставленные насечки. Отличительной чертой орнаментики барабинцев является использование фигурного штампа, с помощью которого создавались треугольные, овальные, круглые, аморфные и каплевидные вдавления. Керамический комплекс позволяет установить связь предков татар Барабы с угорским и тюркским миром.

Керамический материал с памятников тарских татар отличается разнообразием оформления и насыщенностью орнаментации (выделено 33 элемента). Характерной чертой является использование гребенчатого и гладкого штампов. Они применялись для создания узоров из «елочки», прямых и наклонных горизонтальных или вертикальных поясков. Аналогичными в данных комплексах являются такие мотивы, как ямки (округлые и полукруглые) и «жемчужины» (нанесенные чаще всего на шейку), «уточки», «змейки», овальные вдавления.

Некоторые мотивы различны, другие, наоборот, сходны или полностью совпадают. Это сходство возникает по ряду причин: в одних случаях оно обнаруживается в пределах родственных по языку народов, в других — у народов, проживающих в соседстве друг с другом.

Отличающиеся многообразием форм цветки встречаются на ювелирных изделиях поселения Бермак III (1,4 %) и на браслете из Черталов I. Более распространенными они становятся в орнаменте барабинских и тарских татар в XIX–XX вв. Так же обстоит с элементами, представляющими собой стебли, листья, лепестки цветков (табл. 1, эл. 6–7, 20).

Ромбические узоры украшают поверхность керамических сосудов, женских и мужских головных уборов, детской одежды. Данный мотив дополняет декор других изделий из ткани, в частности полотенца из Новосибирского государственного краеведческого музея. При тканье ромбические мотивы образуют бордюр с горизонтальным ритмом и подразделяются на широкие основные и узкие окаймляющие. Аналогичные узоры в виде ромбов присутствуют в русской орнаментике, но здесь они приобретают несколько иной характер. Вышитый набором геометрический орнамент на русских полотенцах редко бывает самостоятельным и обычно полосами сопровождает основной сюжетный или растительный узор [Рындина, 1995, с. 499].

Геометрические орнаменты могут быть связаны с доандроновской и андроновской традициями. В основе узоров андроновцев лежит зигзаг. В Прииртышье черты традиций андроновидных культур прослеживаются в обско-угорской орнаментике. Здесь они отличаются устойчивостью, выступая основными узорами в вышивке южных хантов, послуживших одним из компонентов в формировании этноса барабинских татар [Там же, с. 378]. Зигзаги присутствуют в орнаментальных композициях на мужских тюбетейках, женских сарауцах, подвесках и браслетах. На керамических сосудах зигзаги образуют композиции с ямками и другими элементами, заполняющими их поверхность.

Наибольшее сходство в орнаментальном искусстве барабинские и тарские татары имеют с казанскими татарами, декору которых свойственна букетная композиция. Отличительной особенностью изделий барабинских, тарских и казанских татар выступает окаймляющий бордюр, образованный швом «козлик» (у тарских татар ярким примером выступает орнамент на детской рубашке). Он выполняет в этом случае двойную функцию — декоративную и практическую.

Рассмотрев элементы, следует обратиться к зональности орнамента и некоторым композициям, обладающим соответствием в этнографических и археологических коллекциях барабинских и тарских татар. Их керамические сосуды, одежда и отчасти украшения характеризуются не только сходными декоративными мотивами и стандартами оформления, но и разделением поверхности на самостоятельные орнаментальные зоны. Зональность проявляется и в том, что для каждой части сосуда или одежды характерно преобладание тех или иных элементов. Есть варианты, когда предметы декорированы полностью, и такие, в которых орнаментом украшены лишь отдельные части (венчик сосуда и верх тюбетейки, воротник рубашки). В последнем случае показательным является украшение тесьмой камзолов и кафтанов по воротнику и подолу, сходная традиция прослеживается в орнаментации венчиков керамических сосудов.

Сочетание различных элементов помогает дополнить представления об орнаментальном творчестве барабинских и тарских татар. Одной из базовых композиций выступает сочетание каннелюр и ямок или каннелюр и «жемчужин» на сосудах с памятников Надеждинка VII и Бермак III, сочетание каннелюр и бисера на мужских тюбетейках татар, а также каннелюр и пуговиц на камзолах.

Многие орнаментальные композиции керамических сосудов в несколько измененном виде впоследствии были перенесены в декор головных уборов, одежды и украшений. Сходные орнаментальные композиции из мотивов растительного характера были встречены нами на мужской тюбетейке барабинских татар и браслете из Черталов I. Они представляют собой сочетания различных видов цветков, соединенных друг с другом лианами или другими цветами меньшего размера.

Интересен декор детской рубашки тарских татар и фрагментов керамики из городища Надеждинка VII. В обоих случаях ряд ромбов (на керамике ромбы разделены линиями на четыре части, а на рубашке в одном ромбе располагается другой) ограничен сверху и снизу линиями или другими элементами.

На основании вышеизложенного можно согласиться с Ф.М. Буреевой и выделить несколько этапов в развитии орнаментики. Это такие этапы, как: существование простейших геометрических мотивов — прямая и наклонная линии, «елочка», ромб, уголок, крест, прямоугольники и квадраты; появление усложненных ромбов; распространение криволинейных геометрических мотивов — бегущая волна, волнистая линия с завитками, сердечки, пальметты, рогообразные мотивы; распространение растительных мотивов, привнесенных переселенцами из Средней Азии и татарами Поволжья; появление орнито-, антропо- и зооморфных изображений, восьмиконечных розеток, шабечных ромбов, надписей, ряда геометрических фигур под влиянием культуры русского населения.

В результате сравнения орнамента и декора двух групп сибирских татар нами было прослежено значительное сходство (оно проявляется как в археологически обозреваемое время, так и в XIX–XX вв.). Этнокультурные, социальные, семейно-брачные отношения, постоянные политические и военные действия, переселения на территорию друг друга определяли заимствование культурных черт.

В то же время культура барабинских и тарских татар имела отличия, которые были обусловлены их этнокультурными контактами. У тарских татар это проявляется в большем использовании гребенчатого штампа. Их посуда отличалась разнообразием композиций элементов. Керамика барабинских татар, наоборот, украшалась в основном вдавлениями, фигурный штамп они использовали чаще, чем гладкий и гребенчатый.

В этнографически обозреваемое время орнаментальное искусство барабинских татар отличается использованием волнистых линий, роговидных элементов. Их орнаментике больше присущ геометризм (простые фигуры и сложные элементы). Для орнамента тарских татар, наоборот, характерно использование растительных мотивов. Узоры растительного происхождения использовались в вышивке на одежде. Чаще, чем у барабинцев, встречаются зигзагообразные линии, вертикальные прямые линии. Выделяются прямолинейные мотивы в виде квадратов и сердечек.

В целом рассмотренный орнаментальный комплекс барабинских и тарских татар раскрывает весьма сложную картину этногенеза народа и формирования его орнамента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Богомолов В.Б. Новые материалы по орнаменту тарских татар // Материалы III отчетной научно-методической конференции Омского государственного университета. Омск, 1977. С. 189–190.

Богомолов В.Б. Орнамент барабинских татар // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978а. С. 123–136.

Богомолов В.Б. Орнамент тарских татар // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1978b. С. 159–171.

Богомолов В.Б. Орнамент барабинских татар как исторический источник // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: ОмГУ, 1979. С. 205–212.

Богомолов В.Б. Изделия из бересты барабинских татар // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. С. 113–136.

Богомолов В.Б., Мельников Б.В. Изделия из бересты у населения XVII–XVIII вв. бассейна р. Тары // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 1997. Т. 2. С. 58–67.

Богомолов В.Б., Соболев В.И. Орнамент в этнографо-археологическом комплексе барабинских татар // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1981. С. 129–132.

Богомолов В.Б., Томилов Н.А. К проблеме этногенеза и этнокультурных связей сибирских татар (по материалам орнаментов томских и барабинских татар) // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1973. С. 129–131.

Буреева Ф.М. Образы и символы древних и традиционных культур Сибири в современном творчестве // Архаика и современное искусство. Голоса территорий: Материалы открытой дискус. каф. Омск: Наука, 2005. С. 13–17.

Буреева Ф.М. Орнаментированное полотенце тарских татар из собрания Омского государственного историко-краеведческого музея // Труды по археологии и этнографии ОГИК музея. Омск: Изд-во ОГИК музея, 2006. С. 54–58.

Буреева Ф.М. Орнаментированные полотнища тарских татар из коллекции Омского государственного историко-краеведческого музея // Декабрьские диалоги. Омск: Наука, 2008. Вып. 11. С. 137–140.

Буреева Ф.М. Ковроделие тарских татар // Декабрьские диалоги. Омск: Наука: Изд-во ОмГПУ, 2009а. Вып. 12. С. 67–72.

Буреева Ф.М. Орнамент тарских татар: К проблеме археолого-этнографических сопоставлений // Сборник научных трудов Омского музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля. Омск: Наука: Изд-во ОмГПУ, 2009b. С. 49–54.

Буреева Ф.М. Орнамент тарских татар конца XIX — XX веков: К проблеме этнокультурной истории. Омск: Омскбланкиздат, 2011. 144 с.

Матвеев А.В., Татауров С.Ф. «Татарская керамика» Западной Сибири: Проблема соотношения керамической традиции с конкретным этнокультурным образованием // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск: Рифей, 2013. С. 229–239.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.Н. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 262 с.

Нижнетарский археологический микрорайон / В.И. Матющенко (отв. ред.). Новосибирск: Наука, 2001. 252 с.

Рындина О.М. Орнамент // Очерки культуругенеза народов Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. Т. 3. 639 с.

Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Могильник Бергамак II // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума: Культура тарских татар. Новосибирск: Наука, 1996. Т. 1. С. 58–83.

Томилов Н.А. Изучение этногенеза сибирских татар в советской литературе: (К вопросу об угорском и самодийском компонентах) // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973а. С. 132–134.

Томилов Н.А. О некоторых этногенетических и историко-культурных связях барабинских татар (по данным материальной культуры) // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск: Изд-во ТГУ, 1973б. С. 171–174.

Томилов Н.А. О тюркском компоненте в составе сибирских татар // Языки и топонимия. Томск, 1976. С. 134–138.

Томилов Н.А. Новые материалы к этногенезу и этнокультурной истории сибирских татар // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1978. С. 88–95.

Томилов Н.А. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья. Томск: Изд-во ТГУ, 1980. 201 с.

Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX вв. Томск: Изд-во ТГУ, 1981. 274 с.

Томилов Н.А. Проблемы реконструкции этнической истории населения юга Западной Сибири. Омск, 1987. 80 с.

Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI — начала XX в. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1992. 271 с.

Томилов Н.А. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). Томск: Изд-во ТГУ, 1993. 222 с.

Istomina Yu.A.

Omsk State Historical and Cultural Museum-Reserve "Starina Sibirskaya"
Sovetov st., 29, Omsk region, Bolsherechye, 646670, Russian Federation
E-mail: lebedevajulia1994@yandex.ru

The ornament of Tara and Baraba Tatars: archeological and ethnographic analysis

The article concerns the ornament of the Turkic-speaking population of Western Siberia, namely, the Baraba and Tara Tatars. They represent local groups of Siberian Tatars and live in the territory of modern Novosibirsk and Omsk Regions. The issue of the development of the ornament of the Baraba and Tara Tatars is still open, as the materials of the 17th–18th centuries have yet been little touched upon. Since the end of the 20th century, due to the excavations, such opportunity has presented itself. The objective of this study is to identify ornamental elements, to form a core of the ornament for the Baraba and Tara Tatars, and to consider what became of these elements. Two types of sources were used in the study: archaeological and ethnographic. The archaeological materials are represented by the ornamented ceramics and decorations from the monuments of the Omsk Irtysh and Barabinsk forest-steppe of the 17th–18th centuries. The ethnographic materials date mainly to the end of the 19th–20th centuries and include headdresses, clothes, shoes, and jewelry. We identified elements separately for each complex of objects of the Tara and Baraba Tatars, viz., archaeological and ethnographic, and, based on this, general tables were composed. The objective of the compilation was to identify similar ornamental base, which made it possible to identify common elements inherent to the Baraba and Tara Tatars, and elements specific to only one group. As a result, significant similarity in the elements, motifs, zonality, and composition were observed. This similarity appears within the archaeologically recorded time and in the 19th–20th centuries. Ethnocultural, social, family-marital relations, political and military actions, and migration to each other's territory were determining assimilation of the cultural traits. Meanwhile, the cultures of the Baraba and Tara Tatars had differences, which were due to their ethnocultural contacts. In the case of the Tara Tatars, this is manifested in a wider use of combed stamps. Their crockery featured a variety of compositions of the elements. Ceramics of the Baraba Tatars, on the contrary, was decorated with impressions and figured stamps. In the 19th–20th centuries, the ornament of the Baraba Tatars is distinguished by the use of wavy lines and corniform elements. Their ornamentation is characterized by geometrization (simple figures and complex elements). The ornament of the Tara Tatars is characterized by the use of floral motifs.

Key words: Western Siberia, Siberian Tatars, XVII–XX centuries, analysis, ornament, element, composition.

REFERENCES

- Bogomolov V.B. (1977). New materials on the ornament of Tara Tatars. In: *Materialy III otchetnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii Omskogo gosudarstvennogo universiteta*. Omsk, 189–190. (Rus.).
- Bogomolov V.B. (1978a). Ornament of the Baraba Tatars. In: *Etnografiia narodov Altaia i Zapadnoi Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, 123–136. (Rus.).
- Bogomolov V.B. (1978b). Ornament of Tara Tatars. In: *Etnokul'turnye iavleniia v Zapadnoi Sibiri*, Tomsk: Izdatel'stvo TGU. 159–171 (Rus.).
- Bogomolov V.B. (1979). Ornament of the Baraba Tatars as a historical source. In: *Etnogenez i etnicheskaia istoriia tiurkoiazыchnykh narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii*. Omsk: OmGU, 205–212. (Rus.).
- Bogomolov V.B. (1987). Products from the birch bark of the Baraba Tatars. In: *Problemy proiskhozhdeniia i etnicheskoi istorii tiurkskikh narodov Sibiri*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 113–136. (Rus.).
- Bogomolov V.B., Mel'nikov B.V. (1997). Products from birch bark in the population of XVII–XVIII centuries basin of the Tara River. In: *Etnografo-arkheologicheskie kompleksy: Problemy kul'tury i sotsiuma*. T. 2. Novosibirsk: Nauka, 58–67. (Rus.).
- Bogomolov V.B., Sobolev V.I. (1981). Ornament in the ethnographic and archeological complex of the Baraba Tatars. In: *Metodologicheskie aspekty arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii v Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 129–132. (Rus.).
- Bogomolov V.B., N.A. Tomilov. (1973). To the problem of ethnogenesis and ethno-cultural relations of Siberian Tatars (on the materials of ornaments of Tomsk and Baraba Tatars). In: *Problemy etnogeneza narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Novosibirsk: Nauka, 129–131. (Rus.).
- Bureeva F.M. (2005). The imagery and symbols of ancient and traditional Siberian cultures in contemporary art. In: *Arkhaika i sovremennoe iskusstvo. Golosa territorii: materialy otkrytoi diskus. kaf.* Omsk: Nauka, 13–17. (Rus.).
- Bureeva F.M. (2006). Ornamented towel of the Tara Tatars from the collection of the Omsk State Museum of Local History. In: *Trudy po arkheologii i etnografii OGIK muzeia*. Omsk: Izd-vo OGIK muzeia, 54–58. (Rus.).
- Bureeva F.M. (2008). Ornamented canvases of Tara Tatars from the collection of the Omsk State Historical and Local Lore Museum. *Dekabr'skie dialogi*, (11), 137–140. (Rus.).
- Bureeva F.M. (2009a). Carpet-making of Tara Tatars. *Dekabr'skie dialogi*, (12), 67–72. (Rus.).
- Bureeva F.M. (2009b). Ornament of Tara Tatars: to the problem of archeological and ethnographic comparisons. In: *Sbornik nauchnykh trudov Omskogo muzeia izobrazitel'nykh iskusstv im. M.A. Vrubelia*. Omsk: Nauka: Izd-vo OmGPU, 49–54. (Rus.).
- Bureeva F.M. (2011). *Ornament of Tara Tatars of the end of XIX — XX centuries: To the problem of ethnocultural history*. Omsk: Omskblankizdat. (Rus.).
- Matiushchenko V.I. (Ed.). (2001). *Nizhnetarskiy archeological district*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Matveev A.V., Tataurov S.F. (2013). "Tatar ceramics" of Western Siberia: The problem of correlation of the ceramic tradition with the specific ethnocultural education. In: *Etnicheskie vzaimodeistviia na luzhnom Urale*. Cheliabinsk: Rifei, 229–239. (Rus.).
- Molodin V.I., Sobolev V.I., Solov'ev A.N. (1990). *The Baraba in the late Middle Ages*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Ryndina O.M. (1995). Ornament. In: *Essays on cultural genesis of Western Siberian peoples*. Tomsk: Izd-vo TGU. (Rus.).
- Tataurov S.F., Tikhonov S.S. (1996). Burial Ground Bergamak II. In: *Etnografo-arkheologicheskie kompleksy: Problemy kul'tury i sotsiuma: Kul'tura tarskikh tatar*. T. 1. Novosibirsk: Nauka, 58–83. (Rus.).
- Tomilov N.A. (1973a). Study of the ethnogenesis of Siberian Tatars in the Soviet literature (to the question of the Ugric and Samoyed components). In: *Problemy etnogeneza narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Novosibirsk, 132–134. (Rus.).
- Tomilov N.A. (1973b). About some ethnogenetic and historical-cultural relations of Baraba Tatars (according to material culture data). In: *Proiskhozhdenie aborigenov Sibiri i ikh iazykov*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 171–174. (Rus.).
- Tomilov N.A. (1976). About the Turkic component of the Siberian Tatars. In: *Iazyki i toponimiia*. Tomsk, 134–138. (Rus.).
- Tomilov N.A. (1978). New materials for ethnogenesis and ethnocultural history of Siberian Tatars. In: *Etnokul'turnaia istoriia naseleniia Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: Izd-vo TGU, 88–95. (Rus.).
- Tomilov N.A. (1980). *Ethnography of the Turkic-speaking population of the Tomsk Ob basin*. Tomsk: Izd-vo TGU. (Rus.).
- Tomilov N.A. (1981). *Turkic-speaking population of West Siberian Plain at the end of XVI — first quarter of XIX centuries*. Tomsk: Izd-vo TGU. (Rus.).
- Tomilov N.A. (1987). *Problems of reconstruction of the ethnic history of the population of the south of Western Siberia*. Omsk. (Rus.).
- Tomilov N.A. (1992). *Ethnic history of the Turkic-speaking population of the West Siberian Plain in the late 16th — early 20th centuries*. Novosibirsk: Izd-vo Novosibirskogo universiteta. (Rus.).
- Tomilov N.A. (1993). *Problems of Ethnic History (from Western Siberia)*. Tomsk: Izd-vo TGU. (Rus.).

Истомина Ю.А., <https://orcid.org/0000-0002-0525-6537>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 25.02.2021

Article is published: 28.05.2021

Березницкий С.В.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034
E-mail: svbereznitsky@yandex.ru

САКРАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ПРОМЫСЛОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КОРЕННЫХ НАРОДОВ АМУРО-САХАЛИНСКОГО РЕГИОНА

Результаты промысла коренных народов Нижнего Амура и Сахалина зависят от объема рациональных знаний о животных, от качества промыслового оборудования и транспорта. Однако в традиционных и современных промысловых технологиях используются иррациональные, сакральные, магические компоненты: транспортным средствам придают свойства живых существ, с помощью амулетов и табу люди стараются уменьшить степень зависимости от случайности и увеличить объем добычи. Вера и ритуалы выступают в качестве сакральных компонентов промысловых технологий.

Ключевые слова: Дальний Восток России, Нижний Амур и Сахалин, коренные народы, тунгусо-маньчжурские и нивхи, промысловые технологии, верования и ритуалы, сакральные компоненты.

Деятельностный подход как механизм для понимания сущности технологии достижения лучших жизненных условий посредством сакральных компонентов

В древнегреческой философии было разработано учение о технэ как искусстве создания вещей, подобно природе [Аристотель, 1983, с. 176]. Впоследствии этот термин приобрел более широкое значение — процесса человеческой деятельности по восприятию мира, мастерства, ремесла, хитрости, коварства, связанных с колдовством, но способных улучшать природу для человеческих нужд [Грант, 1986, с. 153–155; Шадевальд, 1989, с. 97, 101; Горохов, 1997, с. 3, 9; 2011, с. 110–112; Зайцев и др., 2007, с. 12]. В научный оборот термин «технология» впервые ввел в 1772 г. немецкий ученый И.Ф. Бекман, который читал одноименный курс лекций в Геттингенском университете. Под технологией Бекман подразумевал самостоятельную науку о ремесле, о переработке естественных предметов. В 1777 г. Бекман изложил свою концепцию в работе «Введение в технологию» [Beckmann, 1777; Горохов, 2009, с. 141, 149, 343–344; Он же, 2011, с. 114; Горохов, Розов, 1998, с. 25–26]. Способствовал распространению в мировой науке термина «технология» и французский ученый А. Эспинас, автор книги «Происхождение технологий» (1890 г.). Он анализировал мировоззренческие изменения, произошедшие в эллинистической культуре VII–V вв. до н.э. В этот период человек перешел от поклонения богам к воздействию на них с целью извлечения пользы для себя и общества, искусство стало отделяться от техники, бывшей тогда полностью религиозной, традиционной и местной. Весь этот период характеризуется физико-теологической технологией [Эспинас, 1925, с. 137, 145, 166; Горохов, 2009, с. 164; 2011, с. 118]. Термин «физика» использовался в своем первоначальном значении и производился от слова «природа». Эспинас подчеркивал, что ни одно изобретение не рождается в пустоте, так как человек может лишь усовершенствовать свой способ действия посредством видоизменения средств, которыми уже обладал. С помощью технологии можно анализировать и описывать не только ремесла в данный момент в конкретном обществе, но также генезис, эволюцию техники и изобретений всего человечества. На следующем этапе своего развития техника становится утилитарной, искусственной, светской и сознательной [Эспинас, 1925, с. 137, 145, 166; Горохов, 2009, с. 325–326].

При решении проблемы о сущности понятия «технология» наиболее конструктивным считается деятельностный подход, в основе которого лежит сложное причинно-следственное соотношение цели и средства [Горохов, 2011, с. 120]. В частности, испанский философ Х. Ортега-и-Гассет обращал особое внимание на то, что технические действия, техника преобразуют природу с целью удовлетворения потребностей человека. В результате возникает особое явление, вещь, культурный институт, которые до сих пор отсутствовали в жизни. Возникает посредник между человеком и миром в виде сверхприроды. Технические действия основаны на представлениях и ведут к сокращению роли случая в системе жизнедеятельности человека, ускоряют процесс адаптации к окружающей природе, удовлетворения необходимых материальных и ду-

ховных потребностей [Ортега-и-Гассет, 1997, с. 169–171, 175, 179, 180]. Другими словами, ритуал перед техническим производством орудия или транспорта, промысловой одежды и обуви, ловушки совершается для того, чтобы улучшить качества этих вещей для получения и подтверждения гарантии наилучшего результата их использования или благополучного промысла. Этот ожидаемый результат и являются частью сверхприроды, в культуре коренных народов он называется охотничьим фартом.

Рациональная картина мира основана на логическом знании, конструировании модели представлений о различных объектах, предметах и явлениях [Русаков, 2003, с. 34–36; Герт, 1995, с. 159–170]. Однако эти воззрения о мире включают в себя иррациональные факторы развития знаний в виде гегелевских начал разумности, религиозных представлений, верований о сверхъестественном [Гегель, 1974, с. 415–416; Панкратова, 2013, с. 54]. В архаической культуре инструменты, различные приспособления и механизмы осмысливались и воспринимались на основе анимистической картины мира. Древние охотники и собиратели верили, что орудия труда, оружие, наскальные рисунки, культовая скульптура, магические изображения, маски являются вместилищем духов, помогающих или препятствующих деятельности человека. Поэтому процесс их изготовления и использования предполагает механизм воздействия на эти сверхъестественные существа в виде умиловительных, охранительных и других обрядов и жертвоприношений. В противном случае произведенные вещи будут плохо работать или даже вредить людям. Таким образом, верования и ритуалы являются важными компонентами архаической технологии, сущность которой во многом сакральна [Горохов, 1997, с. 9].

Сакральное, как сложный мировоззренческий институт, философское и этнокультурное явление, имеет в разных дискурсах свои особенности и специфическую смысловую нагрузку. В настоящей статье категория «сакральное» рассматривается как синкретическое единство понятий «священное» и «запретное». З. Фрейд в работе «Тотем и табу» ввел в научный оборот зафиксированное английским морским капитаном Д. Куком понятие запретного, но дал ему объяснение лишь с точки зрения своей знаменитой концепции психоанализа [Фрейд, 1923, с. 32]. Полинезийское «табу» соотносится с древнеримским «sacer», с его амбивалентным пониманием объекта или явления как священного и запретного [Дюркгейм, 2018, с. 498, 500–503; Рэдклифф-Браун, 2001, с. 159, 163; Элиаде, 1994, с. 16–17; Забияко, 2007, с. 440–441]. Обращение с явлениями и объектами этого ряда требует предварительного соблюдения культов, верований и ритуалов, которые отличаются от религиозных и моральных понятий. Подобный механизм прекрасно анализировал А. Геннеп при разработке концепции обрядов перехода [1999, с. 17]. Он показал, что изменения влияют на конкретного человека и на все сообщество, которое вынуждено прибегать к охранительным ритуалам и запретам для смягчения вредных последствий ментальных изменений.

При выявлении сакральных компонентов в промысловых технологиях большое значение имеет их осмысление, связанное с амбивалентностью разрешенного и запрещенного в культуре. Так как, с одной стороны, общество было заинтересовано в воспитании охотников и морских зверобоев, рыболовов, собирателей, которые смогут обеспечить продуктами промысла не только себя и свои семьи, но и постаревших сородичей, больных и неимущих. Для этого необходимо владеть комплексом знаний о повадках промысловых животных и путях их миграций, об особенностях ландшафта, о тропах через горные перевалы и бродах через реки, о технологии изготовления и использования промыслового оборудования. С другой стороны, сакральное отношение к окружающему миру, кормящему ландшафту требует разумного ограничения объемов добычи, ибо за излишнее всевидящие духи-хозяева строго накажут виновного охотника или даже его род.

В системе жизнеобеспечения аборигенов Амура и Сахалина наиболее важными были промысловые ритуалы, которые включали в себя жертвоприношения духам для получения удачи в таежной охоте, для добычи конкретного животного, перед началом морского зверобойного промысла, для успеха в морском и речном рыболовстве, угощения таежных мифических великанов и карликов, священных скал и других объектов. Эти ритуалы были схожи у всех народов региона, но существовали различия у разных территориальных групп одного этноса, сходство отдельных обрядов у народов, принадлежащих к разным языковым семьям. Мировоззренческий и культовый комплекс коренных народов соответствовал хозяйственно-культурному типу собирателей, рыболовов, охотников, морских зверобоев и оленеводов [Березницкий, 1998a, с. 118–124; 1998b, с. 23–30; Он же. Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1, оп. 2, д. 434, с. 11–16, 22–26, 51–52, 73–105].

Можно выделить несколько основных аспектов промысловых технологий амурских этносов, включающих в себя сакральные компоненты.

Ритуалы, связанные с технологией изготовления деревянной лодки

С.В. Иванов описал изображения «глаз» на лодках коренных народов Амура [1935, с. 6–76, 84]. Технология прорисовки «глаз» в передней части лодки оживляла и оживотворяла ее, делала живым, зрячим существом, которое помогало человеку находить добычу при промысле, предупреждало об опасности при плохих метеорологических условиях, о мелях, порогах и т.п. В то же время европейские исследователи делали для себя открытия, восхищаясь знаниями физики, биомеханики коренных народов Сибири и Дальнего Востока. Так, руководитель Тунгусской экспедиции 1927–1928 гг. Б.А. Куфтин с удивлением обнаружил простоту и надежность технологии управления длинными долблеными лодками при передвижении с помощью шестов по бурным горным рекам. Сам он, в отличие от своих проводников орочей, часто терял чувство ориентации в пространстве из-за воздействующих на его зрение и сознание проносившихся мимо стремительных потоков воды. Кроме того, центр тяжести человеческого тела можно было изменять только вдоль продольной оси лодки. Даже незначительный наклон Куфтина в сторону одного из бортов привел к тому, что лодка перевернулась [Куфтин. Архив МАЭ РАН. Ф. 12, оп. 1, д. 52, с. 36 об.–37 об., 40–40 об.]. Следующее ментальное отличие исследователя и информанта-ороча заключалось в том, что первый винил физику, вернее, свою неуклюжесть, а второй, после долгих размышлений о причине случившегося, пришел к твердому убеждению, что это была месть духов, за то что они ехали демонтировать культовое святилище, купленное для московского музея. Этот случай как раз и был нарушением сакрального равновесия между миром людей и миром шаманских духов. Ороч был уверен в неминуемости последующего наказания, для отвращения которого он решил совершить жертвоприношение.

Коренные народы были убеждены в том, что лодку нужно изготавливать только из «живого» дерева [Штернберг, 1933, с. 50; Арсеньев. Архив ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева, оп. 1, д. 11, с. 11, 15, 21]. Охотники и рыбаки никогда не делали лодки из деревьев, принесенных рекой, так как знали, что они уже принадлежат духу-хозяину воды. Лишь изготовленная из «живого» ствола лодка с сохраненной душой могла обеспечить спокойное плавание и удачу человеку на промысле. Зафиксированы два основных варианта этого ритуала: нивхи оставляли на пеньке свежесрубленного дерева стружки, которые возвращали растению душу и жизнь [Таксами, 1977, с. 99]. Удэгейцы отрезали от срубленного дерева ветку с листьями, которая символизировала ее душу, и с заклинаниями втыкали в пень. По твердому убеждению удэгейцев, из этой ветки обязательно вырастет новое дерево и тайга не пострадает, люди же получают большое количество прекрасного строительного «живого» материала. Подобный ритуал был зафиксирован в 2002 г. в культуре бикинских удэгейцев [Березницкий. Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1, оп. 2, д. 522, с. 22, 3–110]. Для постройки долбленной *оморочки* были привлечены трое охотников, которые удачно добыли по лицензии изюбря, завялили его мясо у костра, дым которого отгонял мух, но к условленному трехдневному сроку не успели окончательно сделать долбленку. Ночью одному из мастеров приснился «вещий» сон о том, как он по странной причине, скорее всего по собственной глупости, променял отличное, мощное ружье на плохой дробовик. В результате он не смог убить сказочное животное, которое было одновременно похоже на коня и снежного барана. Этим сновидением охотник и объяснил, почему они втроем, постоянно работая с утра до вечера, не смогли сделать лодку. Тем более что они были вооружены бензопилой. Однако несмотря на неудачу все трое уверяли участников экспедиции, что их предки успешно справлялись с такой задачей в одиночку.

Современные нанайцы перед строительством лодки из бересты угостили несколькими каплями спиртного духов-хозяев огня, реки, данной местности и попросили у них удачи в предстоящем деле. Хотя при этом же подчеркнули, что ритуал делается на всякий случай, для подстраховки, потому что все они принадлежали к древнему роду, славящемуся своими мастерами лодочниками. Сакральная часть состояла в том, что духов нельзя тревожить, особенно кровавым жертвоприношением (домашняя птица, свинья), если люди могут справиться сами. Но угостить этих же духов нужно обязательно. После удачного изготовления мастера обожгли борта и днище лодки берестяным факелом и лишь затем спустили ее на воду. Ритуал обжигания основан на сакральном веровании, что поверхность рабочей, промысловой лодки не должна быть «чистой», а обязательно должна носить следы человеческой деятельности как результат использования в реальной жизни, в промыслах. Необожженная лодка, нарта, лыжи (или их модели) предназначались для иного мира, душе умершего человека и укладывались на его могилу, чтобы этот сородич мог и в загробном мире пользоваться надежным транспортом и добывать

себе пропитание [Березницкий. Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1, оп. 2, д. 585, с. 537, 595, 602, 615, 686–688, 692–693, 712, 724, 787–789, 799].

Верования о животных-предках, связанные с технологией изготовления нарт, охотой на медведя

Отдельными территориальными группами орочей, уйльта, удэгейцев морские млекопитающие: киты, косатки, дельфины — считаются священными животными, сверхъестественными предками, зооморфными образами духа-хозяина моря. Орочи и удэгейцы, жившие в бассейне р. Ботчи на побережье Татарского пролива, никогда не прикасались к тушам этих животных, выброшенных морем на берег, так как боялись, что впоследствии шторм перевернет лодку. Однако орочи Императорской (ныне Советской) Гавани использовали ребра и челюсти китообразных для изготовления из них прочных и долговечных полозьев нарт [Арсеньев, 1949, с. 100–101]. Лиманские нивхи активно охотились на дельфинов и употребляли в пищу их мясо и жир [Куфтин. Архив МАЭ РАН. Ф. 12, оп. 1, д. 41, с. 4].

Можно отметить особенности, связанные с различными причинами пищевых запретов. В частности, удэгейцы не употребляли в пищу мясо косатки из-за того, что считали ее священным предком, морским человеком, а мясо кита — из-за неприятного запаха. По верованиям удэгейцев, косатка — это хозяин моря, который может ходить по суше, опираясь при этом на змею как на посох. Белое брюхо косатки испускает яркий свет в темноте, она может кричать, как человек, и помогает людям промысливать нерпу [Арсеньев. Архив ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева, оп. 1, д. 4, с. 783, 857; д. 11, с. 22; д. 27, с. 244; д. 28, с. 125]. Некоторые естественные признаки морского животного в воззрениях людей со временем перерастали в сверхъестественные. Сахалинские нивхи считали косатку помощницей хозяина моря, который бросает в воду рыбью икру, превращающуюся в морскую, озерную и речную рыбу, а косатка гонит ее в сети человека, что добавляло особенностей в промысловые технологии.

Духовная культура коренных народов Амуро-Сахалинского региона наполнена мифами и преданиями о происхождении человека от медведя и тигра. Нередким в них является сюжет об инцесте брата с сестрой, от этой связи и происходят впоследствии люди, чаще всего представители рода рассказчика. Одно из таких преданий, «Сказание о происхождении удэхэ», записал В.К. Арсеньев [Архив ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева, оп. 1, д. 27, с. 219–222]. В нем говорится, как сестра обманом заставила родного брата жениться на ней и родила от этого брака девочку и мальчика. Брат, узнав о таком коварстве сестры, решил убить ее и детей. Однако, еще надеясь на чудо, он решает дать сестре последний шанс и обращается с заклинанием к своему копыю, настороженному им на лыжной колее, по которой должна была проехать обманщица и нарушительница древних обычаев: «Копье мое! Если моя сестра действительно меня обманула, пусть она на лыжах наткнется на копьё, а если она не моя сестра, то пусть благополучно спустится под откос». Его сестра-жена сердцем наткнулась на точно установленное охотником копьё. Детей он зацепил за сухожилия деревянными крючками, так как они стали табуированными из-за инцеста и к ним нельзя было прикасаться руками, и бросил в тайге. Девочку подобрал и вырастил медведь, который нашел ей мужа и научил людей технологии охоты на медведей, правильным приемам разделки и поедания мяса. Брошенного в тайге мальчика нашла и выкормила тигрица, от нее он воспринял запрет охотиться на тигров [Там же].

Промысловые запреты и их связь с технологиями

По традиционным верованиям народов Амурского региона, инструменты тоже имеют душу, поэтому на рукоятках орудий запрещалось делать надрезы, чтобы не повредить вместилище жизненной субстанции [Арсеньев. Архив ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева, оп. 1, д. 27, с. 258; д. 28, с. 85]. Исключением были шаманские атрибуты: на копьё, рукоятке ножа, колотушке для бубна, на посохах шаманов вырезали или наклеивали аппликации из рыбьей кожи — фигурки змей, лис, волков, лягушек, ящериц, лап и голов медведя, копыт лося [Куфтин. Архив МАЭ РАН. Ф. 12, оп. 1, д. 49, с. 4–7]. В традиционной культуре нередко роль колотушки выполняла высушенная заячья или лисья лапка.

Многие традиционные запреты основаны на магических верованиях — подобное может вызвать подобное. Поэтому женщины амурских и сахалинских охотников и рыбаков прекращали шить и вышивать перед уходом мужей на промысел, чтобы не «зашить» им глаза. В традиционной культуре орочи и удэгейцы объясняли свою боязнь утопленников не страхом перед возможной смертью, а тем, что речная рыба, как один из основных источников пищи, поедает утопленников; по поводу морской рыбы (кеты и горбуши) опасений не возникало [Арсеньев. Архив

ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева, оп. 1, д. 11, с. 28]. Нивхи проводили магический ритуал избияния рыбы, нерпы, которых считали виновными в гибели сородичей, и лишь после примирения с этими жителями водной стихии приступали к промыслу и ловили рыбу для пропитания [Смоляк, 2002, с. 217].

Дальневосточные эвенки главным в верхнем и среднем мире считают доброе существо антропоморфного вида с седой бородой, в нижнем мире — злое, страшное, лохматое, черное существо, которое, несмотря на запрет, может проникать в средний и подводный миры. В силу этого верования некоторые старики-эвенки никогда не ловили и не ели налимов и щук, считая их «чертовыми» рыбами.

Нарушение технологии при обработке промысловых животных влекло негативные последствия не только для охотника, но и для его семьи и рода. Например, нанайцы верили, что если охотник при разделке спалит шерсть на животном или перья на птице, то у его жены родятся дети с кривыми ногами [Смоляк, 1976, с. 140]. Различные запреты, которые касались родов, роженицы и младенца, распространялись на ее семью и промысловые технологии. Считалось, что если при разделке животного муж порежет себе палец, то и его будущий ребенок родится без пальца, если сломает кость животного, то могут поломаться кости и у младенца или он может родиться калекой либо психически неполноценным, каких в традиционной культуре убивали [Пилсудский, 1910, с. 22–49]. В традиционном обществе мужу беременной на последних неделях срока запрещалось точить нож, чтобы роженица не изошла кровью. Имелись отличия запретов на промысловую технологию в культуре разных нижеамурских этносов. Так, в охотничьем обществе нанайцев, нивхов и ульчей перед родами было запрещено использовать ловушки давящего типа, устанавливать сети, привязывая их к жердям, чтобы не усложнить роды [Гаер, 1991, с. 46]. Хунгарийские орочи, наоборот, ловили зверей ловушками, а из ружей не стреляли, чтобы выстрелами не напугать роженицу.

Сахалинские нивхи сохранили верование о хозяине моря в образе морской коровы, стоящей на задних конечностях, с рогом на лбу и струящимся из груди молоком. Для того чтобы это существо не мешало промыслу морских зверобоев и не распугивало своим оглушительным ревом тюленей, нивхи угощали его борщевиком, горохом и фасолью. Возможно, представление об этом специфическом хозяине возникло на основе первоначального знакомства нивхов с парходами и их гудками: информанты вспоминали, что родители запрещали им в детстве передразнивать гудки парходов.

В настоящее время у информантов сохранились верования о древнем ритуале кровной мести своему сверхъестественному предку медведю. По обычаям архаического общества член социума (как реального, так и осмысляемого на основе мифологических представлений), убивший своего сородича или даже нанесший ему физическое увечье, материальный или моральный ущерб, в целом нарушивший священные нормы социальных отношений с кровным родственником, обязательно наказывался. Это правило соблюдалось и в отношении некоторых видов сакральных животных. Так, в начале 2000-х гг. в охотничьем обществе бикинских удэгейцев произошла трагедия: в тайге медведь убил и частично съел охотника. Родственники погибшего решили отомстить медведю-людоеду, который нарушил таежный закон и убил человека. Медведя выследили, застрелили из карабина и разрубили тушу на части. Мясо в пищу не употребляли, так как считалось, что медведь съел часть души загрызенного им человека. Если попробуешь даже маленький кусочек мяса или жира виновного зверя, то сам превратишься в людоеда. Нанайцы в настоящее время почитают родовое копье, которым их предки добывали медведей, на основании верований о том, что это орудие, соприкасавшееся с кровью священных зверей, обладает магической охранительной силой и защищает сородичей [Березницкий. Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1, оп. 2, д. 450, с. 167].

Магические компоненты, влияющие на уровень промыслового мастерства

Удэгейцы и орочи верили, что амулеты, изготовленные из костей животных и подвешенные над детскими колыбелями, могут передать ребенку часть качеств конкретных животных, например охотничьи навыки. Считалось, когда мальчик вырастет, то сможет добывать зверей, кости которых висели над его колыбелью. Магическая сила, заключенная в костях рыси, сделает его пальцы цепкими, кости соболя придадут ему качества проворного охотника, кости выдры — ловкого рыбака, кости барсука научат находить себе пропитание. Когти рыси нашивали на одежду детей, чтобы они стали хорошими мастерами: девочки — вышивальщицами, мальчики — резчиками по кости и дереву [Арсеньев. Архив ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева, оп. 1, д. 10, с. 10, 193; д. 27, с. 252–253, 257]. В традиционной культуре удэгейцы перерезали пуповину родившегося

ребенка обожженной на огне стрелой на выдру или соболя и перевязывали конопляными нитками. После проведения этого ритуала стрелу настораживали в самостреле, и она всегда попадала в зверя [Арсеньев. Архив ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева, оп. 1, д. 27, с. 259–260, 265]. В данном случае помогала сакральная природа священного очага. Дальневосточные эвенки прежде совершали такой ритуал: новорожденному мальчику дарили необходимые в охотничьем быту предметы — ружье, курительную трубку, лыжи. Нож дарили с магическим заклинанием: «пусть этот нож всегда мясо найдет, на охоте пусть в крови будет».

Сахалинские нивхи и в наши дни совершают магический ритуал чистки устьев рек для обеспечения лучшего хода нерестовой рыбы. Весной, перед первым выходом в море на промысел, зверобои совершают ритуал чистки моря, чтобы хозяин моря дал удачу. Самый меткий охотник опускал с носа лодки две большие кисточки из ольховых стружек и процеживал ими, «чистил» морскую воду. Периодически он поднимал кисточки в воздух и стряхивал с них не только водоросли, но и все плохое, что может помешать промыслу.

Современные удэгейцы прекрасно осведомлены о том, что результат соболиного промысла зависит от мастерства охотника, от технологии подготовки капканов (например, проварки их в настоящее хвоя для удаления человеческого запаха), установки, выбора места и приманки, знания биологии и повадок зверька, точного расчета длины его прыжка и т.п. Однако, кроме всего этого, охотники проводят магический ритуал, который должен обеспечить удачный промысел. Для этого тушку соболя после снятия с нее шкурки выгибают «колесом» и ударяют несколько раз острием или тыльной стороной ножа по позвоночнику. При этом приговаривают заклинание, желая, чтобы у соболя заболела спина, он не бегал и не прятался от охотника по тайге, а торопился для отдыха в свою норку, где уже предварительно установлен капкан с приманкой.

Нивхские морские зверобои изготавливали деревянную дубинку из родового растения для пробивания черепа добытой нерпы. У сахалинских нивхов из п. Катангли сохранилось верование о происхождении их от определенной породы дерева (березы и лиственницы). В черепе проделывали отверстие для того, чтобы достать мозг. После его съедения в череп засовывали стружки из ольхи, черемухи, ягоды. Пустой череп оставлять нельзя, иначе у детей будет болеть голова. Другими словами, голова станет «пустой». Череп нерпы заворачивали в стружки и надевали на кол, который стоял в воде в трех-четыре метра от берега. Со временем череп нерпы падал в воду, и таким образом душа нерпы, бессмертная субстанция, возвращалась к своему морскому духу-хозяину.

У всех коренных народов Амуро-Сахалинского региона очень высоко ценились отрезки шелковой и парчовой ткани, китайская и маньчжурская одежда с вышитыми изображениями драконов. Такие образцы берегли, вывешивали на стены, наподобие флагов, при проведении медвежьих праздников, использовали в качестве свадебной и погребальной одежды [Мельникова, 1999, с. 225–231; 2003, с. 28–32; 2005, с. 197]. Однако у удэгейцев имеется предание о преимуществе родной одежды по сравнению с китайской. Однажды жила сверхъестественная красавица с золотыми зубами и волосами. Она объявила, что выйдет замуж только за такого парня, который сможет подняться к ней на неприступную скалу, которую охраняли три ветра. Герой в обтягивающей все тело, удобной промысловой одежде из рыбьей кожи смог победить в этом испытании [Березницкий. Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1, оп. 2, д. 434, с. 62]. Ловкость прыгающих на несколько метров вверх через водопады и пороги нерестящихся лососей магическим образом передавалась герою этого предания.

В духовной культуре коренных народов региона важное место занимают верования и ритуалы, связанные с мифическими человекоподобными существами, таежными и горными великанами с острой головой, покрытыми шерстью или берестой, которые приносят людям охотничью удачу [Арсеньев, 1949, с. 25–26, 130, 336; Цинциус, 1977, с. 177; Березницкий. Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1, оп. 2, д. 364, с. 225; 1998а]. По мнению негидальцев, нивхов, орочей, ульчей, талисман охотничьей удачи, в виде собрания шерсти, когтей промысловых животных, великан может держать в своей кошонке или в специальной шерстяной сумочке, висящей между ног. Для получения промыслового фарта нужно похитить этот талисман, забрать силой в схватке с великаном, заполучить хитростью или посредством заключения брака с великаном женского пола и наследования этого сакрального имущества. Тумнинские орочи вырезали скульптуру великана с острой головой из бересты, дерева и угощали [Арсеньев. Архив ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева, оп. 1, д. 6, с. 77; д. 10, с. 219]. Нанайцы угощали таежного великана и его изображение перед рыбным промыслом, чтобы заручиться его поддержкой.

Магическая составляющая технологии разделки реальных и мифических животных

У всех народов Амура до настоящего времени сохраняется особый технологический прием при разделке осетровых, который заключается в предварительном удалении шипов, для получения дальнейшей удачи в рыбной ловле. Кальминский нивх Н.Д. Вайзгун рассказал о связи села Кальма в низовьях Амура, местных нивхов с китом. Название села происходит от слова «калм», что означает «китенок». По легенде, однажды сюда приплыл китенок. Охотники убили его и приступили к разделке. Кальминские нивхи взяли себе мозг и язык, и с тех пор они считаются самыми умными и остроумными из всех нивхов. Нивхские охотники из бывшего стойбища Вайда взяли себе сердце китенка и стали самыми мужественными из всего нивхского народа. А добытый китенок превратился в сопку, под которой и расположено современное село [Березницкий. Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1, оп. 2, д. 450, с. 90]. Имеются подобные предания, связанные с магическими частями сверхъестественной птицы, покрытой железными перьями. При снятии шкурки с пушных зверьков охотники внимательно наблюдают за особенностью строения этих животных, количеством шерстинок, оставшихся на подбородке или хвосте. Все эти приметы связываются с получением будущей удачи.

Заключение

Таким образом, и в наши дни можно фиксировать в культуре коренных народов Амуро-Сахалинского региона немало сюжетов, подтверждающих наличие сакральных компонентов в их системе промысловых технологий. Несмотря на имеющееся современное охотничье и рыболовное оборудование, лодки с мощными моторами, снегоходы, металлические капканы, дизельные электрогенераторы, надежные системы связи, огнестрельное автоматическое оружие, люди не отказываются от помощи сверхъестественных сил, от магической защиты амулетов для получения промысловой удачи в технологиях изготовления транспортных охотничьих средств, орудий добычи морских и сухопутных животных, ловушек. Верования и ритуалы выступают как мировоззренческие, иррациональные, сакральные компоненты промысловых технологий. Коренные народы Амура и Сахалина испытали влияние лишь внешней, обрядовой стороны христианства. Их мировоззрение продолжает основываться на представлениях о живой природе, наполненной сверхъестественными существами, активно влияющими на жизнь отдельного человека и общества, на верованиях, связанных с версиями происхождения людей от священных животных, скал и деревьев, явлений природы. Привлеченный конкретный этнографический материал логически ложится в выбранную выше теоретическую схему деятельностного подхода в сфере сущности промысловой технологии: охотники придают особое качество изготавливаемым образцам промыслового снаряжения для получения удачи, обеспечения богатой добычи, необходимой для выживания этноса, система жизнедеятельности которого во многих аспектах функционирует в рамках первого хозяйственно-культурного типа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аристотель*. Никомахова этика // Аристотель. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 53–294.
- Арсеньев В.К.* Сквозь тайгу. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1949. 404 с.
- Березницкий С.В.* Природные культовые объекты коренных народов Нижнего Амура // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 1998а. № 3. С. 118–125.
- Березницкий С.В.* Путем взаимовлияния: Промысловые культы амурских народов и их этнокультурные контакты // Россия и АТР. Владивосток, 1998b. № 4. С. 23–30.
- Гаер Е.А.* Традиционная бытовая обрядность нанайцев в конце XIX — начале XX в. М.: Мысль, 1991. 128 с.
- Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1974. Т. 1: Наука логики. 452 с.
- Геннеп А. ван.* Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с.
- Герт Б.* Рациональное и иррациональное в поведении человека // Мораль и рациональность. М., 1995. С. 159–179.
- Горохов В.Г.* Общие основания философии техники // Философия техники: История и современность. М.: Ин-т философии, 1997. С. 3–10.
- Горохов В.Г.* Техника и культура: Возникновение философии техники и теории технического творчества в России и Германии в конце XIX — начале XX столетия. М.: Логос. 2009. 376 с.
- Горохов В.Г.* Понятие «технология» в философии техники и особенность социально-гуманитарных технологий // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. 28. № 2. С. 110–123.
- Горохов В.Г., Розов В.М.* Введение в философию техники. М.: ИНФРА-М, 1998. 224 с.

- Грант Д.П. Философия, культура, технология: Перспективы на будущее // Социальные проблемы современной техники. М.: Прогресс, 1986. С. 153–162.
- Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: Тотемическая система в Австралии. М.: Дело, 2018. 736 с.
- Забияко А. П. Сакральное // Культурология XX век: Энциклопедия. М., 2007. Т. 2. С. 440–441.
- Зайцев Г.Н., Федюкин В.К., Атрощенко С.А. История техники и технологий. СПб.: Политехника. 2007. 416 с.
- Иванов С.В. Орнамента, религиозные представления и обряды, связанные с амурской лодкой // СЭ. 1935. № 4–5. С. 62–84.
- Мельникова Т.В. Хото олин — «купленные в Сань-Сине» // Российское Приамурье: История и современность: Материалы науч. семинара. Хабаровск: ХККМ, 1999. С. 225–231.
- Мельникова Т.В. Нанайский погребальный костюм (конец XIX — начало XX века) // Дальний Восток России: Основные аспекты исторического развития во второй половине XIX — начале XX века: (Вторые Крушановские чтения, 2001). Владивосток: Дальнаука, 2003. С. 28–32.
- Мельникова Т.В. Традиционная одежда нанайцев (XIX–XX вв.). Хабаровск, 2005. 240 с.
- Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике // Избранные труды: Пер. с исп. / Сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. М.: Весь Мир, 1997. С. 164–232.
- Панкратова О.А. Рациональное и иррациональное как взаимодополняющие компоненты познания // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 52–55.
- Пилсудский Б.О. Роды, беременность, выкидыши, близнецы, уроды, бесплодие и плодовитость у туземцев о. Сахалина // Живая старина. СПб., 1910. Вып. 1–2. С. 22–49.
- Русаков М.В. Проблема рационального и иррационального в современной философии // Вестник Российского философского общества. 2003. № 1. С. 33–36.
- Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе: Очерки и лекции. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 304 с.
- Смоляк А.В. Представления нанайцев о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.). Л.: Наука, 1976. С. 129–161.
- Смоляк А.В. Элементы верований и культов нивхов и орочей, связанные с погребением утонувших и близнецов // Расы и народы. М.: Наука, 2002. Вып. 28. С. 214–226.
- Таксами Ч.М. Система культов у нивхов // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.). Л.: Наука, 1977. Т. 33. С. 90–116.
- Фрейд З. Тотем и табу: Психология первобытной культуры и религии / Пер. с нем. М.В. Вульфа. М.: Пг.: ГИЗ, 1923. 186 с.
- Цинциус В.И. Воззрения негидальцев, связанные с охотничьим промыслом // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX века. Л.: МАЭ РАН, 1971. Т. 27. С. 170–201.
- Шадевальд В. Понятия «природа» и «техника» у греков // Философия техники в ФРГ / Пер., составл. и предисл. Ц.Г. Арзаканяна и В.Г. Горохова. М.: Прогресс, 1989. С. 90–103.
- Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933. 740 с.
- Элладе М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.
- Эспинас А. Идеология и техника // Э. Капп, Г. Кунов, Л. Нуаре, А. Эспинас. Роль орудий в развитии человека. Л.: Прибой, 1925. С. 130–168.

ИСТОЧНИКИ

- Арсеньев В.К. Путевой дневник. 1907 // Архив Приморского центра Русского географического общества-Общества изучения Амурского края. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 6.
- Арсеньев В.К. Путевой дневник. 1908–1909а // Архив Приморского центра Русского географического общества-Общества изучения Амурского края. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 4.
- Арсеньев В.К. Путевой дневник. 1908–1909б // Архив Приморского центра Русского географического общества-Общества изучения Амурского края. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 10.
- Арсеньев В.К. Путевой дневник. 1908–1909в // Архив Приморского центра Русского географического общества-Общества изучения Амурского края. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 11.
- Арсеньев В.К. Путевой дневник. 1914–1925 // Архив Приморского центра Русского географического общества-Общества изучения Амурского края. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 27.
- Арсеньев В.К. Путевой дневник. 1914, 1917, 1926, 1927 // Архив Приморского центра Русского географического общества-Общества изучения Амурского края. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 28.
- Березницкий С.В. Социально-экономическое и культурное развитие народов Нижнего Амура (нанайцев, негидальцев, ульчей, орочей) // Архив Института истории, археологии, этнографии ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 364. Владивосток, 1992.
- Березницкий С.В. Духовная и материальная культура иманских и бикинских удэгейцев // Архив Института истории, археологии, этнографии ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 434. Владивосток, 2000.
- Березницкий С.В. Материалы по культуре народов Восточной и Северо-восточной Азии // Архив Института истории, археологии, этнографии ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 450. Владивосток, 2002.

Березницкий С.В. Материалы по культуре бикинских и хорских удэгейцев // Архив Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 522. Владивосток, 2003.

Березницкий С.В. Материалы по культуре хоккайских айнов, амгуньских негидальцев и эвенков, горинских нанайцев // Архив Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 585. Владивосток, 2006.

Куфтин Б.А. Краткий эпизодический дневник Тунгусской экспедиции Антропологического института I Московского Государственного Университета и Центрального Музея Народоведения летом 1927 года. 1927а // Архив МАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 52.

Куфтин Б.А. О шаманизме орочей. Побережье Татарского пролива. 1927б // Архив МАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 49.

Куфтин Б.А. О материальной культуре, шаманизме гилияков. Побережье Охотского моря, Татарского пролива, о. Сахалин // Архив МАЭ РАН. 1927–1928 г. Ф. 12. Оп. 1. Д. 41.

Beckmann J. Anleitung zur Technologie, oder zur Kenntniß der Handwerke, Fabriken und Manufacturen, vornehmlich derer, die mit der Landwirthschaft, Polizey und Cameralwissenſchaft in nächſter Verbindung ſtehn. Nebſt Beyträgen zur Kunſtgeſchichte. Von Johann Beckmann ordentlichem Profefſor der Oekonomie in Göttingen. Mit einer Kupfertafel. Göttingen, im Verlag der Wittve Vandenhoeck. 1777. 486 S.

Bereznitsky S.V.

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(the Kunstcamera) of the RAS
Universitetskaya nab., 3, St. Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: svbereznitsky@yandex.ru

Sacred components of hunting and fishing technologies of the indigenous peoples of the Amur-Sakhalin Region

The article, by means of the comparative-historical method, critical analysis of scholarly concepts, and use of ethnographic materials, deals with the study of the complex of beliefs and rituals of indigenous peoples of the Russian Far East (Nanais, Negidals, Nivkhs, Orochs, Udeges, Uilta, Ulchs, and Evenks) as a sacred component of their traditional and modern hunting and fishing technologies. The term 'technology' originates from the Ancient Greek philosophy by the development of the doctrine of 'technē' as an art by which things are made. Technology is based on notion and supersedes the role of the chance in human life and activities, which expedites the process of adaptation to the nature. The ritual preceding production of a tool or a vehicle is performed to improve quality of the item to ensure its more productive use in hunting and fishing. In the culture of indigenous peoples of the Russian Far East, there are known examples of invocation of magic, cults, beliefs, and rituals to secure hunter's luck in fabrication of hunter carriers, tools for hunting marine and terrestrial animals, and traps. Beliefs and rituals serve as the sacred components of the hunting and fishing technologies, which have the utmost importance for sustainable life of the indigenous population. The main conclusion is that, in spite of some differences in the economy, degree of settlement and mobility, and the level of influence of nonethnic cultures, undoubtedly, the results of hunting, fishing, off-shore seal catching, deer breeding, and foraging depend on personal experience, rational knowledge of the qualities of plants, weather signs, and migration times and habits of animals, and on the quality of the trade equipment, transport, clothes and footwear. However, these aspects are not sufficient and the hunters resort to the sacral components of the hunting and fishing technologies — transport means are 'enlivened', by magic means they are imparted with the qualities of living beings — people or animals. With the help of amulets, the hunters strengthen their trade qualities — agility, perception-reaction time, and intuition. Prohibitions are observed, which are aimed at decreasing dependence on chance and increasing hunting productivity. The rational technologies, aimed at the survivance of the ethnos, are complemented by the sacred components, so that people cling to the help of supernatural powers.

Key words: indigenous peoples, Lower Amur and Sakhalin, hunting and fishing technologies, beliefs and rituals.

REFERENCES

- Aristotel' (1983). Nikomakhov's ethics. *Aristotel'.* T. 4. Moscow: Mysl', 53–294. (Rus.).
Arsen'ev V.K. (1949). *Through the taiga*. Moscow: Gos. izd-vo geogr. lit-ry. (Rus.).
Bereznitsky S.V. (1998a). Natural cult objects of the indigenous peoples of the Lower Amur. *Vestnik DVO RAN*, (3), 118–125. (Rus.).
Bereznitsky S.V. (1998b). By mutual influence: Commercial cults of the Amur peoples and their ethno-cultural contacts. *Rossiia i ATR*, (4), 23–30. (Rus.).
Diurkgeim E. (2018). *Elementary forms of religious life: The totemic system in Australia*. Moscow: Delo. (Rus.).
Eliade M. (1994). *Sacred and worldly*. Moscow: Izd-vo MGU. (Rus.).

- Espinas A. (1925). Ideologiya i Tekhnika. In: Kapp E., Kunov G., Nuare L., Espinas A. *Rol' orudii v razvitií cheloveka*. Leningrad: Priboi, 130–168. (Rus.).
- Freid Z. (1923). *Totem and taboo: The Psychology of primitive culture and religion*. Moscow ; Petrograd: GlZ. (Rus.).
- Gaer E.A. (1991). *Traditional household rites of the Nanai people in the late XIX — early XX century*. Moscow: Mysl'. (Rus.).
- Gegel' G.V.F. (1974). *Encyclopedia of philosophical sciences. Vol. 1*. Moscow: Mysl'. (Rus.).
- Gennep A. van. (1999). *Rites of passage: Systematic study of rites*. Moscow: Izdatel'skaia firma "Vostochnaia literatura" RAN. (Rus.).
- Gert B. (1995). Rational and irrational in human behavior. In: *Moral' i ratsional'nost'*. Moscow, 159–179. (Rus.).
- Gorokhov V.G. (1997). General foundations of the philosophy of technology. In: *Filosofii tekhniki: Istoriia i sovremennost'*. Moscow: In-t filosofii, 3–10. (Rus.).
- Gorokhov V.G. (2009). *Technique and culture: the emergence of the philosophy of technology and the theory of technical creativity in Russia and Germany in the late XIX — early XX century*. Moscow: Logos. (Rus.).
- Gorokhov V.G. (2011). The concept of «technology» in the philosophy of technology and the peculiarity of social and humanitarian technologies. In: *Epistemologiya i filosofiya nauki*, (2), 110–123. (Rus.).
- Gorokhov V.G., Rozov V.M. (1998). *Introduction to the philosophy of technology*. Moscow: INFRA-M. (Rus.).
- Grant D.P. (1986). Philosophy, culture, technology: Prospects for the future. In: P.S. Gurevich (Comp.). *Sotsial'nye problemy sovremennoi tekhniki*. Moscow: Progress, 153–162. (Rus.).
- Ivanov S.V. (1935). Ornamentation, religious representations and rituals associated with the Amur boat. *Sovetskaia etnografiia*, (4–5), 62–84. (Rus.).
- Mel'nikova T.V. (1999). Hoto olini — "bought in San-Sin". In: *Rossiiskoe Priamur'e: Istoriia i sovremennost': Materialy nauch. seminarov*. Khabarovsk, 225231. (Rus.).
- Mel'nikova T.V. (2003). Nanai funeral costume (late XIX — early XX century). In: L.I. Galliamova (Ed.). *Dal'nii Vostok Rossii: Osnovnye aspekty istoricheskogo razvitiia vo vtoroi polovine XIX — nachale XX veka (Vtorye Krushanovskie chteniia, 2001)*. Vladivostok: Dal'nauka, 28–32. (Rus.).
- Mel'nikova T.V. (2005). *Traditional clothing of the Nanai people (XIX–XX centuries)*. Khabarovsk. (Rus.).
- Ortega-i-Gasset X. (1997). Reflections on the art. In: A.M. Rutkevicha (Ed.). *Izbrannye trudy*. Moscow: Ves' Mir, 164–232. (Rus.).
- Pankratova O.A. (2013). Rational and irrational as complementary components of knowledge. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, (11), 52–55. (Rus.).
- Pilsudskii B.O. (1910). Childbirth, pregnancy, miscarriages, twins, deformities, infertility and fertility in the natives of o. Sakhalin. In: *Zhivaia starina*, (1–2), 22–49. (Rus.).
- Redcliff-Braun A.R. (2001). *Structure and function in primitive society: Essays and lectures*. Moscow: Izdatel'skaia firma "Vostochnaia literatura" RAN. (Rus.).
- Rusakov M.V. (2003). The Problem of rational and irrational in modern philosophy. *Vestnik Rossiiskogo filosofskogo obshchestva*, (1), 33–36. (Rus.).
- Shadeval'd V. (1989). The concept of "nature" and "technology" in the Greeks. In: *Filosofiya tekhniki v FRG*. Moscow: Progress, 90–103. (Rus.).
- Shternberg L.Ia. (1933). *The Gilyak, Orochi, golds, Negidal, Ainu. Articles and materials*. Khabarovsk: Dal'giz. (Rus.).
- Smoliak A.V. (1976). Representations of the Nanai people about the world. In: I.S. Vdovin (Ed.). *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniiakh narodov Sibiri i Severa (vtoraia polovina XIX — nachalo XX v.)*. Leningrad: Nauka, 129–161. (Rus.).
- Smoliak A.V. (2002). Elements of beliefs and cults of the Nivkhs and Oroches associated with the burial of the drowned and the twins. In: Z.P. Sokolova, D.A. Funk (Eds.). *Rasy i narody*, (28). Moscow: Nauka, 214–226. (Rus.).
- Taksami Ch.M. (1977). System of cults in the Nivkhs. In: *Pamiatniki kul'tury narodov Sibiri i Severa (vtoraia polovina XIX — nachalo XX v.)*, (33). Leningrad: Nauka, 90–116. (Rus.).
- Tsintsius V.I. (1971). Views of Negidals associated with hunting. In: L.P. Potapov (Ed.). *Religioznye predstavleniia i obriady narodov Sibiri v XIX — nachale XX veka*, (27), 170–201. (Rus.).
- Zabiako A.P. (2007). Sacred. In: *Kul'turologiia XX vek: Entsiklopediia. T. 2*. Moscow, 440–441. (Rus.).
- Zaitsev G.N., Fediukin V.K., Atroshchenko S.A. (2007). *History of engineering and technology*. St. Petersburg: Politekhnik. (Rus.).

Березницкий С.Б., <https://orcid.org/0000-0001-6235-5542>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 25.02.2021

Article is published: 28.05.2021

Яптик Е.С.

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Ленинский проспект, 32а, Москва, 119334
E-mail: lizaveta67@rambler.ru

НОМО TECHNICUS MOBILIS НА ЯМАЛЕ

На основе полевых материалов автора описано выстроенное автохтонными народами Ямала (Западная Сибирь) новое мобильное пространство. Техника позволила оленеводам и рыбакам доминировать над созданным пространством с применением традиционных навыков и моделей поведения. В то же время олень, всегда являвшийся основным транспортным животным и главным мерилом их богатства, трансформировался в средство технической модернизации хозяйства. Также показано, с чем сталкиваются арктические кочевники на стадии превращения в человека технического мобильного.

Ключевые слова: Ямал (Западная Сибирь), ненцы, оленеводство, мобильность, выживание, снегоход, «Буран», транспорт.

Введение

Сегодня как кочевые, так и оседлые аборигены Ямала успешно освоили снегоходы, интенсифицировав свою пространственную и социальную мобильность. Цель данной статьи — выяснить, как новая инфраструктура и новые технические средства влияют на социальные институты коренных жителей полуострова Ямал после сокращения территорий их традиционного проживания в связи с добычей нефтегазовых ресурсов, строительством трубопроводов и дорог. В статье будут даны ответы на следующие вопросы: как новые виды транспорта повлияли на общую мобильность и предпринимательскую активность коренных жителей арктической зоны; произошло ли превращение снегоходов из категории престижного потребления в категорию предметов жизнеобеспечения; как аборигены, следуя традиционным этическим и правовым нормам, приспособливают технику под свои нужды; являются ли снегоходы конкурентами оленям и находится ли под угрозой существование всего северного оленеводства.

Мобильность кочевых народов вызывалась желанием избежать конфликтов с другими группами или стремлением уйти от налогообложения в виде ясака [Истомин, 2015, с. 18], а также желанием контролировать территорию, занятую оседлым населением [Хазанов, 2002, с. 30]. Для ненцев же было важно следовать за оленем, поддерживать сеть торгово-обменных контактов с соседями, контролировать пространство [Головнев, 2004, с. 41; 2009, с. 44].

По времени (начало 2000-х гг.) совпало несколько событий. Начавшееся строительство железной дороги «Обская — Бованенково» привело к сокращению оленьих пастбищ. Распад оленеводческих совхозов, являвшихся основными работодателями для оленеводов и кочующих охотников, оставил людей без стабильного заработка. Это подтолкнуло к наращиванию количества частных оленей, из-за чего стали истощаться ягельные пастбища, что в свою очередь привело к понижению качества самого оленя: по словам кочевников олени «обмельчали, стали слабыми», а это препятствует мобильности оленеводов. Все это стимулировало кочевников к поиску альтернативных источников передвижения, в том числе к освоению снегоходов, ставших сегодня неотъемлемой частью культуры и быта оленеводов.

Статья написана на основании полевых материалов, собранных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа. Неоднократные «продолжительные совместные перемещения» [Давыдов, 2019, с. 192] по зимним автодорогам по маршруту Яр-Сале — Панаевск — Салемал — Аксарка — Салехард способствовали сбору материала методом включенного наблюдения. Также были проанализированы информационные источники из сети Интернет и других средств массовой информации. Методологическую основу исследования составили научные публикации о традиционных и новых технологиях выживания и мобильности арктических кочевников [Головнев, 2004, 2009; Головнев и др., 2014, 2018], о традициях и инновациях в культуре ненцев [Адаев, 2018; Харючи, 2001], о взаимодействии кочевников с внешним миром [Хазанов, 2002], о современных эквивалентах обмена, возникших у оленеводов Ямала с внедрением новых технологий [Арзютов, 2017], о «снегоходной» революции оленеводов [Pelto, 1987; Истомин, 2015].

Снегоходы, внедряясь в быт ямальских оленеводов в качестве транспортных средств, используемых в тундровом бездорожье, оказали существенное влияние на их жизнь. Коренной переворот в какой-либо области жизни, называемый революцией, произошел и в экономике оленеводов Ямала, привнеся изменения в социальную структуру. Произошла перестройка экономических отношений отдельных домохозяйств, установились новые коммуникационные каналы между самими оленеводами и с окружающим миром.

Снегоход — еся хабт

Так называемая снегоходная революция, провозглашенная П. Пелто [Pelto, 1973], на Ямале началась в 1990-е гг. Максим Ларивич Сэрпива из Ярсалинской тундры считает себя первым ямальским ненцем, купившим сразу два снегохода за 5 тонн рыбы [ПМА, 2020]. За рыбу же приобретали их и состоятельные рыбаки, а затем уже органы власти начали раздавать такую технику в качестве призов на днях оленеводов. Так «бураны»¹ начали входить в жизнь коренных народов Арктики. А людей, которые ездят на снегоходах, стали называть «буранистами». На мой вопрос о роли снегоходов в жизни оленеводов Д.О. Хороля, возглавлявший Союз оленеводов России, ответил «Буран — это еся хабт» (еся — железо, хабт — кастрированный бык). «Бураны» сейчас стоят уже в одном ряду с оленем — главным богатством оленевода [Мартынова, 2014]. Да и обращение с ним, по тонкому замечанию Д.В. Арзютова [2017, с. 318], требует тех же правил. «Когда выезжают, то первая остановка должна быть короткой. Олень должен пописать. Если этого не сделать, то олени могут начать болеть. Поразительно, но движение по зимней тундре на снегоходе требует ровно такого же разделения времени на «попрыски», правда связанные уже с остыванием двигателя». Снегоход прежде всего был принят северными кочевниками за его скоростные качества и выносливость. Оленевод совершает объезд стада на снегоходе — «так быстрее и проворнее» [Головнев и др., 2018, с. 176]. Многие оленеводы отмечают: «Я за снегоходы в тундре. С ними человек мобильнее, что ли. И далеко с ним проехать можно» [ПМА, с. Яр-Сале, 2018]. Коми-ижемские оленеводы также оценили преимущества снегохода перед оленем в скорости, превышающей оленью упряжку в три раза [Истомин, 2015, с. 22].

Если в 2006–2007 гг. около 70 % кочевых ненцев имели снегоход [Попков, Тюгашев, 2007, с. 86], то сегодня эта картина изменилась существенно. Снегоходы появились во всех оленеводческих стойбищах. У состоятельных семей их по 2 и более: отечественный «Буран» для ежедневных работ, другой — более дорогой «Yamaha» или «Рысь», эксплуатируемый в дальних поездках: от стойбища в поселок или из поселка в Салехард, когда расстояния исчисляются сотнями километров. Престижность потребления снегоходов определяется уже не столько их наличием, сколько маркой производителя и количеством снегоходов у одной семьи. Статусность «бураниста» и в том, насколько часто он обновляет технику: удачно перепродает старый снегоход и покупает новый. Многие оленеводы предпочитают отечественные снегоходы — «его удобно обслуживать» [ПМА, с. Яр-Сале, 2019]. Они научились сами их ремонтировать, связывая веревками, подпирая палками, называя это «подшаманиванием». Неприхотливость в эксплуатации, возможность «достать» запчасти — вот те критерии, по которым большинство оленеводов Ямала отдают предпочтение отечественному «Бурану».

Но не заменит ли снегоход оленя, что приведет к полному исчезновению ямальского оленеводства как «экологической ниши» [Южаков, 2006, с. 28] культуры ненцев? Таким вопросом часто озадачиваются ученые, приводя примеры, когда в результате техногенного воздействия трансформировалась оленеводческая отрасль, а где-то исчезла совсем [Клоков, 2003; Кадук, 2017, с. 169; Поворознюк, 2011, с. 151–159]. Авторы, конечно, не связывают напрямую существенное сокращение или исчезновение оленеводческой отрасли только с появлением в хозяйствах снегоходов, но нельзя и отрицать, что транспортное оленеводство пострадало значительно из-за замены оленей на снегоходы. На полуострове Ямал, где развито крупнотадное оленеводство и олень — не только транспортное средство, ситуация несколько иная. Хотя «олeneвод охотно расстается с сотней оленей ради приобретения снегохода», как заметила Г.П. Харючи [2001, с. 74], стремления к наращиванию стада он не теряет. Главной валютой при обретении снегохода все же является оленепродукция: мясо или рога. Значительная доля оленьего стада идет на приобретение современной техники и бензина, преобразуя, согласно А.В. Головневу, «традиционное натуральное ненецкое оленеводство в товарное» [Головнев и др., 2018, с. 160].

¹ Так оленеводы называют все снегоходы по аналогии с транспортным средством, выпущенным в Советском Союзе в 1971 г. на базе двигателя «Иж-Юпитер-3».

Каждый оленевод сегодня изначально планирует долю в стаде, которая будет потрачена на приобретение техники и бензина. Получается, что снегоходы, которые стали заменой оленей при дальних поездках, как более выносливые и быстроходные, стимулируют оленеводов не к сокращению стад, а к их наращиванию.

Homo technicus mobilis

Снегоходная техника повлияла и на восприятие кочевниками пространства, и на навыки ориентирования. Автор был свидетелем, когда водитель снегохода заблудился, выезжая из поселка в сторону чума. Он понадеялся на след своего же снегохода, который из-за начавшейся снежной пурги замело, и вместо одного часа добирался до чума двенадцать часов. Он знал, что чум находится в 20 километрах, но не уточнил географическое название места, на что его пассажирка высказала: «Раньше каждое место имя имело, сегодня — только километры знают» [ПМА, 2020]. Новые правила ориентирования, отмеряемые километрами, количеством бензина в баке, вытесняют традиционные знания, когда люди ориентировались по названиям рек и холмов, тренировали зрительную память, пройденное расстояние отмеряли попрысками и состоянием оленя.

Снегоходы потребовали и новых навыков в их освоении. Большинство тундровых «буранистов» ездят без водительских прав и технической регистрации. Регистрация требует сдачи экзаменов, знания правил дорожного движения и прохождения техосмотров. Органы технадзора, конечно, знают о неучтенной технике, но стараются не «замечать» этого. Для предотвращения транспортных происшествий незарегистрированным «буранистам» запрещен въезд на территорию населенных пунктов. Нередко органы ГИБДД используют ситуацию для «сбора» штрафов, подкарауливая тундровиков у заправочных станций. Чаще аборигены тундры, приезжая в поселок, оставляют снегоходы во дворах у родственников, знакомых, живущих на окраине. И поэтому, когда кочевым оленеводам предлагают квартиры, они предпочитают покупать жилье на периферии поселений, чтобы можно было «припарковаться», не привлекая к себе внимания органов правопорядка.

Все чаще среди причин смерти коренные жители называют дорожно-транспортное происшествие. Эти смерти не фиксируются как ДТП, так как случаи происходят в бездорожной тундре: кого-то задавило техникой, кто-то совершил суицид при помощи снегохода. Участились случаи, когда вызывают МЧС для спасения замерзающих буранистов. Нерадивые путешественники должным образом не готовятся к дальней поездке: не осматривают технику, не запасаются топливом, не берут продукты или одеваются легко, надеясь на быстрый приезд до пункта назначения. В декабре 2018 г. умерла пожилая женщина от переохлаждения, одевшись в ягушку², стеганную овчиной. Известен случай, когда погиб трехгодовалый ребенок от голода в 20 км от поселка, потому что семья на снегоходе попала в трехдневную снежную бурю. И, конечно, такие случаи приводят к разговорам: «на оленях-то раньше было удобно, он никогда не сдохнет, топлива не надо. А сейчас — кончился бензин, направление ветра поменялось, звезд не видно — и пропал. Олень свои следы знает — домой приведет» [ПМА, с. Яр-Сале, 2019]. Как оказалось, освоение снегохода подразумевает не только его техническую эксплуатацию, но и определенную модель поведения, соответствующий ход мыслей. Олень, уступающий технике в скорости, выносливости, все же был адаптирован к арктическим условиям многовековым опытом тундровых кочевников. Опыта же в эксплуатации снегоходов у ямальских ненцев не так много, и отсюда происходят печальные события. Кочевник *homo mobilis* [Головнев, 2009, с. 5] должен практически и психологически трансформироваться в *homo technicus mobilis*, научившись соблюдать правила технической безопасности и грамотно приняв новые правила выживания.

Говоря о технике, нельзя не сказать о бензине, который стал разменной валютой для коренных жителей Арктики. Доставка бензина — это сложная экономическая сеть, связывающая коренных жителей тундры, поселка, факторий, вахтовых поселков. Бензин стал равноправным эквивалентом обмена среди оленеводов и рыбаков наряду с оленем и рыбой [Арзютов, 2017, с. 323]. Из-за этого участились случаи спекуляции бензином в межсезонье. В интернете появляются статьи о том, что в северных факториях Ямала стоимость литра бензина доходит до 300 рублей, и обменивается он исключительно на олени рога [Гробман, 2019]. Кроме этого, к «буранам» необходимы GPS-навигаторы, масло и запчасти.

² Ягушка — двухслойная женская распашная одежда из оленьих шкур.

Верно замечено К.Б. Клоковым [2003], известным специалистом по оленеводству, что распространение снегоходов и другого механического транспорта у таежных оленеводов резко уменьшило потребность в домашних транспортных оленях в связи с заменой одного вида транспорта другим. Ямальские же оленеводы пока демонстрируют обратное. Снегоходы, став в один ряд с оленем, заменили его преимущественно в дальних путешествиях, увеличив общую мобильность жителей арктических тундр.

Занятость в новой мобильности

Появление новых видов транспорта способствовало экономической активности населения. В результате снегоходной революции появились новые сферы деятельности, одна из которых — изготовление нарт для снегоходов. В сети Интернет, в частности в Ямальском районе, нередки объявления о продаже этих нарт-коробов. Их изготовлением славятся жители поселка Сюнай-Сале, в котором все мужчины ранее были рыбаками. Чукчи-олeneводы называют сани для снегоходов «русской» нартой, ненцы — «буран' хан» (буранная нарта), включив этот вид нарты в систему своего жизнеобеспечения. А.В. Головнев, описывая «нартовое разнообразие» у современных ненцев, сани-короб ставит в один ряд с традиционными *вандако* (грузовая нарта) и *сябу* (нарта для половых досок и женской обуви) [Головнев и др., 2018, с. 193, 199].

Реализация самих снегоходов и запчастей к ним — еще одна сфера деятельности предпринимателей. Коммерсанты вместе с товарами первой необходимости завозят запчасти на фактории, а во время «пантовой кампании» — непосредственно в чумы. Даже в небольшом северном поселке Сеяха с населением около 2000 человек имеется 5 точек по продаже запчастей, что говорит о востребованности и доходности такого бизнеса.

В связи с увеличением спроса на новые виды транспорта ненцы осваивают профессии, связанные с сервисным обслуживанием этой техники. Высококласный специалист по ремонту снегоходов ценится в среде буранистов. Как показывает практика, чтобы стать востребованным на этом рынке, не обязательно иметь специальное образование. Эти люди имеют определенный статус в обществе и ценятся как узкие специалисты. Их мастерство — не только гарантированный доход, но и уважение окружающих, возможность подняться не только самим, но и поднять престиж своей семьи. Есть услуга по доставке нового снегохода из Салехарда в поселок. Официальный дилер за доставку делает наценку в размере 10 % от стоимости техники, наем человека обходится раза в два дешевле.

Рыночные отношения, в которые оказались активно вовлечены коренные жители, открыли новые возможности для их самореализации. Перепродажа по завышенной цене заранее запасенного бензина в осеннее межсезонье является одним из источников дохода поселковых аборигенов. Но не всегда он перепродается. Его можно подарить родственникам из тундры или обменять на мясо, рыбу и другие товары. Популярным становится извоз пассажиров и грузов на снегоходах до стойбища и обратно. Рассчитываются кто деньгами, а кто и мясом оленя. Цена зависит от наличия родственных связей между пассажиром и таксистом. Иногда соглашаются везти и за бензин, но при этом таксиста без подарков из чума не отправят: могут мяса, рыбы дать. Кто-то взамен оказывает услуги по пошиву традиционной меховой одежды.

Тягу к кочевью не отнять даже у аборигенов не первого поколения, живущих в поселках. Поэтому услуги извозчиков для них понятны и приемлемы. Они хорошо ориентируются на местности, могут вычислить направление ветра и предугадать погоду. Извоз — это движение, то же касание, но в несколько ином пространстве. Ремонт техники, перепродажа бензина, изготовление саней — для коренных народов способ адаптации к сложившейся ситуации, поиск новых форм жизнеобеспечения после перехода на оседлость. Новые транспортные средства увеличивают предпринимательскую активность аборигенов, открывают для них новые, нетрадиционные профессии. Времена, когда ненцы и ханты воспринимались только как оленеводы, рыбаки и собиратели, стали далеким прошлым. Вместе с тем новые виды техники создали смежные сферы занятости, в которых аборигены могут использовать традиционные знания по ориентированию, реализовать свою любовь к перемещениям, имеют возможность выбрать транспорт, не расставаясь при этом с мобильным образом жизни.

Снегоходы: мнения «за» и «против»

Взгляды на использование снегоходной техники зависят не только от возраста информантов, но и, по замечанию А. Терехиной и А. Волковицкого, от места их жительства [2018, с. 198]. Как тундровая, так и поселковая молодежь понимает, что техника создает дополнительную на-

грузку «на кошелек», однако ценят ее за мобильность и грузоподъемность. Связанные с ней изменения в экономической модели хозяйства воспринимают как естественную современную тенденцию. Тундровые жители среднего возраста видят в «буранах» заменителей оленей: «Сейчас в тундре без бурана нельзя. Земля-то, сама видишь, ягеля нет. Олени стали слабые. Они не пробегут 100–200 километров. А буран пробежит» [ПМА, муж. 51 год, жен. 42 года, 2018]. Выносливость снегохода определяется тем, что он не знает усталости. Но еще тем, что он может перевозить значительный объем грузов. В ненецкие грузовые нарты можно поместить только около 100 килограммов зимой, а летом — и того меньше. В сани снегохода можно погрузить если не весь чум, то хотя бы его половину: шесты, нюки, стол, постельные принадлежности, которые обычно помещают в 4 и более нарт (рис. 1). «Бураны» служат не только для объезда многокилометровых пастбищ, они стали чаще использоваться при кочевании для переноса чумов с места на место.

Рис. 1. Аргиш, ведомый снегоходом, с. Яр-Сале. Фото Е. Яптик, апрель 2020 г.
Fig. 2. Snowmobile caravan, v. Yar-Sale. Photo by E. Yaptik, April 2020.

Оседлые, более образованные ненцы старше 50 лет высказываются иначе. К примеру, предприниматель, который в силу специфики своей деятельности должен бы быть заинтересован в востребованности снегоходов, говорит: «То, что на буранах ездят, — это ненормально. Они сами себя загоняют в кабалу. Деньги бензин съедает. Снегоход их проматывает. У них потом денег даже на еду не бывает. Они скоро в туалет на снегоходе ездить будут. Оленей уже не запрягают, быки ослабленные. Их не тренируют. Они даже каслают на снегоходе» [ПМА, с. Яр-Сале, 2019]. Известный на Ямале политик Х.М. Езынги в одном из интервью сетует на то, как оленеводы гонят стада с пастбищ на снегоходах, нарушая пищеварительный цикл оленя: «Сейчас оленеводы оленей снегоходом (*мерета ханхана*³) собирают. Стадо мчится в сторону чума. От оленя, который не переварил как следует съеденную пищу, будет толк?» [Окотэтто, 2020]. Этими информантами снегоход воспринимается как непосредственная причина слабости оленей. Подобное же было замечено А. Кадуком среди оленеводов-эвенков, овладевших снегоходами и переставших заниматься тренировкой рабочих оленей: упряжных и ездовых учавов (эвенк.) [Кадук, 2017, с. 167]. Постепенная потеря навыков ведет как к физической слабости животных, не приученных к нагрузкам, так и к утрате традиционных знаний. Поселковым аборигенам кажется, что безработные оленеводы, приобретая снегоходы, обрекают свои семьи на нищенство.

Старшее поколение, воспитанное на легендах об Илебямпэртя⁴, воспринимающее оленя как данное свыше существо для жизнеобеспечения ненцев, смиряется с «предательством» оленя, молча подчиняясь новым обстоятельствам. Так, пенсионерка 78 лет, перешедшая на

³ *Мерета хан* — быстрая нарта

⁴ *Илебямпэртя* — верховное божество, дарующее оленей и добычу.

оседлость год назад, говорит: «Я конечно думаю про себя-то: оленидохнут. Люди забыли про оленей, вот они и болеют. Бог же видит. Но молодежь ездит на буранах. Не я же езжу. Им удобно» [ПМА, с. Яр-Сале, 2018].

Снегоходы, став массовым явлением, существенно изменили жизнь оленеводов. Характерна история тундровика Я. Яптик (54 года), которого долго уговаривали сыновья приобрести «буран», но он считал, что «оленный человек не должен ездить на машине» и поэтому еще 5 лет назад он единственный приезжал в Яр-Сале на оленях и вынужден был ставить упряжку на окраине. Он приезжал только на сутки, за которые должен был оформить документы, закупить продукты, нанести визиты родственникам. Ночью ему приходилось спать на нарте или периодически выскакивать из дома, чтобы проведать оленей. Часто упряжка запутывалась, пугаясь шума большого поселка. Да и собаки, отвыкшие от оленей, облаивали их. Поселковые подростки из хулиганских побуждений могли упряжь повредить. «Раньше мне не надо было далеко ездить: подъедешь со стадом, купишь продукты на год и живешь в тундре. Сейчас около поселка чумов много, земля плохая, не подъедешь. В поселок за 120 километров на оленях ехать не будешь. И олени слабые» [ПМА, с. Яр-Сале, 2018]. Получается, приобретение снегохода — дело добровольное, но причина приобретения — вынужденная: проигрывание в конкуренции за скорость и расстояния.

Ямальские кочевники пасут оленей с помощью «буранов» только зимой (при наличии бензина), а летом все же используют оленьи упряжки. И это, по их же мнению, не даст им окончательно забыть навыки оленеводства. Хотя около поселений можно наблюдать, как полукошечные ненцы ездят летом на снегоходах от «дачных» чумов в поселок (рис. 2). Мало того, у них уже есть свои «утопанные» трассы, прозванные в народе в противовес «зимникам» — «летниками». Для летних перевозок используют исключительно отечественные «бураны» из-за их неприхотливости в эксплуатации и относительной дешевизны. Опыт использования снегоходов оленеводами ямальской тундры демонстрирует, что процесс заимствования ими снегоходной техники «может остановиться и на этапе дополнения», из-за влияния инфраструктурных и экономических факторов [Истомин, 2015, с. 57]. Несовершенная система «доставания» бензина и некруглогодичный выпас оленей с использованием этого вида транспорта пока способствуют сохранению традиционных технологий выпаса оленей. Если оседлым ненцам снегоходы видятся разрушителями традиционной оленеводческой культуры, то сами оленеводы-кочевники воспринимают снегоход в качестве помощника для своих ослабевших оленей.

Рис. 2. Летом на снегоходе, 10 км от с. Яр-Сале. Фото Е. Яптик, август 2018 г.

Fig. 2. In the summer on a snowmobile, 10 km from the v. Yar-Sale. Photo by E. Yaptik, August 2018.

Заключение

Появление новых средств передвижения вывело традиционную кочевую мобильность коренных жителей Арктики на совершенно новый уровень. Современные снегоходы могли бы стать конкурентами северному оленю, являвшемуся традиционно главным транспортным животным оленеводов Ямала. Но ситуация, сложившаяся в регионе: рост частных оленеводческих стад, сокращение и истощение ягельных пастбищ, а отсюда — признаваемое самими кочевни-

ками «обмельчание» оленей, теряющих рабочие навыки и выносливость, говорят об обратном. В некоторых случаях технические средства становятся заменой оленю или его более выносливыми помощниками *еся хабт*. Но при этом активное применение ямальскими оленеводами снегоходов в повседневной хозяйственной практике не способствует отказу от кочевого образа жизни. Оленевод наращивает свое стадо не столько для статуса, сколько для приобретения нового снегохода и бензина, используя оленя в качестве эквивалента обмена.

При выборе технических новинок коренные жители Ямала ориентируются на их удобство в эксплуатации, высокую проходимость и экологичность. Престижность владения снегоходом сегодня заключается не столько в его наличии, сколько в его дороговизне, технических свойствах: скорости, проходимости, экономичности расхода топлива. В силу того что семьи без снегохода оказываются менее конкурентны и это снижает качество их жизни, снегоходная техника появилась во всех оленеводческих семьях и стала жизнеобеспечивающим транспортным средством. Владельцы такого транспорта являются информационно-коммуникационным звеном между стойбищами оленеводов и поселениями. Снегоходы вносят коррективы в пространственное расселение жителей в населенных пунктах. Оседлые аборигены, предпочитая селиться на окраинах поселков, таким образом восстанавливают ячейки единой сети социальных связей, которые разрушаются запретами на заезд сюда незарегистрированных снегоходов.

Снегоходы являются ярким примером адаптации коренных жителей к новым условиям, демонстрируют возможности сосуществования традиционной оленеводческой культуры и современных технологий. Правильное использование таких технологий во многом обеспечивает конкурентные преимущества местным предпринимателям. Новые транспортные средства увеличивают предпринимательскую активность аборигенов, вовлекают в нетрадиционные для них сферы занятости: ремонт и перепродажу снегоходов, извоз, доставку ГСМ, — в которых аборигены могут использовать традиционные знания по ориентированию на местности, реализовать свою любовь к перемещениям, имеют возможность выбрать транспорт, не расставаясь при этом с привычным мобильным образом жизни.

Несовершенная система «доставания» бензина и некруглогодичность выпаса оленей с использованием снегоходов, по мнению самих же оленеводов, способствуют сохранению ими традиционных технологий ведения оленеводства. Кочевую мобильность ямальских оленеводов снегоходы не ухудшили, но сама модель хозяйствования преобразилась. Нередкие несчастные случаи при эксплуатации этого вида транспорта показывают, что коренной житель Арктики, освоив снегоход с технической точки зрения, оказался не готов стать полностью *homo technicus mobilis* — человеком техническим мобильным. Олень в экстремальных ситуациях спасает человека, дарует ему жизнь, а техника — иногда отнимает. Снегоходная революция не совершила еще окончательный переворот в сознании кочевников-оленеводов Ямала, которым, помимо обретения навыков езды на снегоходах и ухода за ними, необходимо усвоить новые правила выживания.

Финансирование. Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ по проекту № 18-05-60040 «Новые технологии и социальные институты коренного населения Российской Арктики: возможности и риски».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адаев В.Н. Трансформация культуры: современные материалы и технологии в жизни тундровых ненцев-оленеводов Ямало-Ненецкого автономного округа // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3 (42). С. 158–164.

Арзютов Д.В. Олени и/или бензин: Эссе об обменах в северо-ямальской тундре // Социальные отношения в историко-культурном ландшафте Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 314–348.

Головнев А.В. Кочевники тундры: Ненцы и их фольклор. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 344 с.

Головнев А.В. Антропология движения. Екатеринбург: УрО РАН, 2009. 495 с.

Головнев А.В., Лезова С.В., Абрамов И.В., Белоруссова С.Ю., Бабенкова Н.А. Этноэкспертиза на Ямале: Ненецкие кочевья и газовые месторождения. Екатеринбург: Издательство АМБ, 2014. 232 с.

Головнев А.В., Куканов Д.А., Перевалова Е.В. Арктика: Атлас кочевых технологий. СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2018. 352 с.

Давыдов В.Н. Исследователь в движении: К вопросу об им/мобильных методологиях // Сибирские исторические исследования. 2019. № 1. С. 187–193.

Истомин К.В. Кочевая мобильности коми-ижемских оленеводов: Снегоходная революция и рыночная реставрация // УИВ. 2015. № 2 (47). С. 17–25.

Истомин К.В. Попытка построения стадильной модели межкультурного заимствования и внутрикультурного распространения технологических инноваций (на примере кочевых и полукочевых ненцев тазовской тундры) // ЭО. 2015. № 3. С. 41–59.

Кадук А.В. Современное состояние оленеводства и положение оленеводов в Борогонском наслеге Булунского улуса Республики Саха (Якутия) // Известия Иркутского государственного университета. 2017. Т. 20. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. С. 157–178.

Клоков К.Б. Современное состояние циркумполярного оленеводства // Олень всегда прав: Исследования по юридической антропологии. М.: Стратегия, 2003. С. 53–74.

Мартынова Е.П. Представления о богатстве у ненцев Ямала // Сибирский сборник-4. Грани социального: Антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 161–170. URL: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-260-9/978-5-88431-260-9_15.pdf (дата обращения: 01.11.20).

Поворознюк О.А. Забайкальские эвенки: Социально-экономические и культурные трансформации в XX–XXI веках. М.: ИЭА РАН, 2011. 350 с.

Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Современное состояние традиционной культуры самодийского и финно-угорского населения Ямало-Ненецкого автономного округа: (Этносоциальный аспект). Новосибирск: Банк культурной информации, 2007. 184 с.

Терехина А.Н., Волковицкий А.И. «В тундре это не терпит»: Заметки о репрезентации «своей» культуры ненцами Ямала // Кунсткамера. 2018. № 2. С. 193–200.

Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.

Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 228 с.

Южаков А.А. Ненецкая аборигенная порода северных оленей. Салехард: Изд-во «Красный Север», 2006. 160 с.

Pelto P.J. The snowmobile revolution: Technology and social change in the Arctic. Menlo Park, Calif., Cummings Pub. Co., 1973. 225 p.

ИСТОЧНИКИ

Гробман Е. Как на Ямале оленеводы вынуждены обменивать рога и панты на бензин. URL: <https://takiedela.ru/news/2019/01/23/uvezu-roga-iz-tundry/>.

Окотэтно Л. Нисяни табаком теда лахана нёдав // ЭтноАрктика. Интернет-СМИ. URL: <https://vk.com/etnoarktika> (дата обращения: 30.10.20).

Yaptik E.S.

Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS
Leninsky prosp., 32a, Moscow, 119334, Russian Federation
E-mail: lizaveta67@rambler.ru

Homo technicus mobilis in Yamal

The author attempts to investigate how new infrastructure and new technical means affect the social institutions of the indigenous inhabitants of the Yamal Peninsula, who were mainly engaged in traditional activities: nomadic reindeer herding and fishing. The work is based on the author's field materials of 2018–2020 for the Yamalo-Nenets Autonomous District (Western Siberia) and publications of other researchers. The paper shows how the autochthonous peoples build new mobile space and master snowmobiles. Domination over the created space takes place with the aid of traditional skills and behaviors. At the same time, deer, which was the main transport animal and the main measure of wealth of Arctic reindeer herders, has not receded into the background, but transformed into a means of technical modernization of the economy. As a result, it has been shown that, when choosing technical innovations, the indigenous people of Yamal are guided by their ease of operation, high cross-country capability and environmental friendliness, preferring the domestically produced Buran in daily routine. Snowmobiles can be found in almost all reindeer herding families, and only their high price indicates the standing of the owners and allows the latter to demonstrate their status in the society. 'Buranists' are involved in the market relations, occupying their niches in the system of commodity-exchange relations in the society. They act as an information and communication link between reindeer herders' camps and settlements. Snowmobiles are vivid examples of adaptation of indigenous people to new conditions and demonstrate possibility of coexistence of traditional reindeer farming culture with modern technologies. The Arctic nomad turned from a mobile man into *homo technicus mobilis*. This transformation appeared to be only on the outside, as evidenced by frequent accidents during the operation of snowmobiles. The proper use of such technologies in many respects offers competitive advantages to local entrepreneurs. New vehicles boost the entrepreneurial activity of the natives, involve them in the non-traditional sectors of employment: repair and resale of snowmobiles, transportation; and delivery of fuels, where natives can employ traditional knowledge of orientation, satisfy their passion for moving, and to avail themselves of the opportunity to choose a lifestyle and transport, without parting with their mobile lifestyle.

Key words: Yamal, Western Siberia, Nenets, supvival reindeer husbandry, mobility, snowmobile, “Buran”, transport.

Funding. The article was supported by the RFBR grant for the project No. 18-05-60040 «New technologies and social institutions of the indigenous population of the Russian Arctic: opportunities and risks».

REFERENCES

- Adaev V.N. (2018). Transformation of culture: modern materials and technologies in the life of tundra Nenets-reindeer herders of the Yamalo-Nenets Autonomous District. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 158–164. (Rus.).
- Arzyutov D.V. (2017). Deer and / or gasoline: An essay about exchanges in the North-Yamal tundra. In: *Sotsialnyye otnosheniya v istoriko-kulturnom landshafte Sibiri*. St. Petersburg: MAE RAN, 314–348. (Rus.).
- Golovnev A.V. (2004). *Nomad of the Tundra: Nenets and their folklore*. Ekaterinburg: UrO RAN. (Rus.).
- Golovnev A.V. (2009). *The anthropology of movement*. Ekaterinburg: UrO RAN. (Rus.).
- Golovnev A.V., Lyozova S.V., Abramov I.V., Belorussova S.Yu., Babenkova N.A. (2014). *Ethnoexamination in Yamal: Nenets nomads and gas fields*. Ekaterinburg: AMB Publishing House. (Rus.).
- Golovnev A.V., Kukanov D.A., Perevalova E.V. (2018). *Arctic: Atlas of nomadic technologies*. St. Petersburg: Publisher: MAE RAS. (Rus.).
- Davydov V.N. (2018). Researcher in motion: To the question about im / mobile methodologies. *Sibirskiy istoricheskiy issledovaniya*, (1), 187–193 (Rus.).
- Istomin K.V. (2015). Nomadic mobility of Komi-Izhma reindeer herders: Snowmobile revolution and market restoration. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, (2), 17–25. (Rus.).
- Istomin K.V. (2015). An attempt to build a stadial model of intercultural borrowing and intracultural dissemination of technological innovations (on the example of the nomadic and semi-nomadic Nenets of the Tazov tundra). *Etnograficheskoye obozreniye*, (3), 41–59. (Rus.).
- Kaduk A.V. (2017). The current state of reindeer husbandry and the position of reindeer herders in the Borogonsky nasleg of the Bulunsky ulus of the Sakha Republic (Yakutia). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*, (20), 157–178. (Rus.).
- Khazanov A.M. (2002). *Nomads and the outside world*. Ed. 3rd, add. Almaty: Dyk-Press. (Rus.).
- Kharyuchi G.P. (2001). *Traditions and innovations in the culture of the Nenets ethnos*. Tomsk: Publishing house Tom. un-t. (Rus.).
- Klovov K.B. (2003). The current state of circumpolar reindeer breeding. In: N.I. Novikova (Ed.). *Olen vseгда prav: Issledovaniya po yuridicheskoy antropologii*. Moscow: Strategiya, 53–74. (Rus.).
- Martynova E.P. (2014). Ideas of wealth among the Nents of Yamal. In: *Sibirskiy sbornik 4. Grani sotsialnogo: Antropologicheskiye perspektivy issledovaniya sotsialnykh otnosheniy i kultury*. St. Petersburg: MAE RAN, 161–170. (Rus.).
- Pelto P.J. (1973). *The snowmobile revolution: Technology and social change in the Arctic*. Menlo Park, Calif., Cummings Pub. Co.
- Povoroznyuk O.A. (2011). *Transbaikali Evenki: Socio-economic and cultural transformations in the XX–XXI centuries*. Moscow: IEA RAN. (Rus.).
- Popkov Yu.V., Tyugashev E.A. (2007). *The current state of the traditional culture of the Samoyed and Finno-Ugric population of the Yamalo-Nenets Autonomous District: (Ethnosocial aspect)*. Novosibirsk: Cultural Information Bank. (Rus.).
- Terekhina A.N., Volkovitsky A.I. (2018). “V tundre tak ne terpit”: Notes from the presentation of “its” culture of the Yamal. *Kunstkamera*, (2), 193–200. (Rus.).
- Yuzhakov A.A. (2006). *Nenets aboriginal breed of reindeer*. Salekhard: Izdatelstvo “Krasnyy Sever”. (Rus.).

Яптик Е.С., <https://orcid.org/0000-0002-8073-2214>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 25.02.2021

Article is published: 28.05.2021

Головнев И.А.^{а,*}, Головнева Е.В.^б

^а МАЭ (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034

^б Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина, ул. Мира, 11, Екатеринбург, 620002
E-mail: golovnev.ivan@gmail.com (Головнев И.А.); golovneva.elena@gmail.com (Головнева Е.В.)

ОБРАЗЫ САХАЛИНА В НАСЛЕДИИ Б.О. ПИЛСУДСКОГО (по материалам дальневосточных архивов)

Статья базируется на визуально-антропологических материалах Б.О. Пилсудского, хранящихся в фондах Сахалинского краеведческого музея и Общества изучения Амурского края. Многие из изучаемых фотодокументов, являясь уникальными свидетельствами культурной эволюции среди населения Сахалина на рубеже XIX–XX вв., вводятся в научный оборот впервые. Фотоработы анализируются в историко-антропологическом ключе. Делается вывод об архивном фотонаследии исследователя как информативном историческом источнике.

Ключевые слова: Бронислав Пилсудский, визуальная антропология, фотодокумент, нивхи, Сахалин.

Введение

Научные труды Бронислава Осиповича Пилсудского (1866–1918) по этнографии народностей Сахалина, созданные им на основании полевых исследований конца XIX — начала XX в., в современной науке признаны классическими, его публикации переведены на многие языки и переизданы в разных странах, а собранные им коллекции представлены в известнейших музеях мира. Не остаются и малоизученные аспекты в деятельности Б.О. Пилсудского, к каковым относятся его визуально-антропологические опыты — создание фотографических материалов этнографического и краеведческого характера, рассредоточенных ныне по фондам, в частности, дальневосточных архивов.

Наследие ученого включает внушительное число работ по вопросам лингвистики, истории и этнографии народностей Амура и Сахалина (айну, нивхов, ороков и др.). При этом Б.О. Пилсудский больше известен в научном мире как айновед — выпускались и продолжают выходить в свет публикации, посвященные его этнографическим сборам среди айнов Сахалина и Хоккайдо, хранящимся, к примеру, в Санкт-Петербургской «Кунсткамере» и в Южно-Сахалинском краеведческом музее, иллюстрируемые соответствующими фотографическими материалами исследователя [Латышев, Прокофьев, 1988; Мир айнов..., 2019]. Значительно скромнее в научном обороте представлены его работы по этнографии нивхов, с изучения которых Б.О. Пилсудский начинал свою исследовательскую практику, которым он посвятил свою дебютную публикацию и среди которых он сделал серию первых этнографических фотоснимков. Именно задачи сопоставления, обобщения и историко-антропологического анализа этих материалов как исследовательских источников стоят перед авторами настоящей статьи.

В современной антропологии все большее исследовательское внимание уделяется фотографическим материалам как категории исторических/этнографических документов [Степанова, 2018; Толмачева, 2011; Юргенева, 2018]. В этом плане обращение в данной статье к текстовым и фотоархивам Б.О. Пилсудского, описывающим традиции старожильского (нивхского) населения Сахалина и их эволюцию в процессе взаимодействия с пришлым (ссылно-каторжным) сообществом острова на рубеже XIX–XX вв., имеет многостороннюю исследовательскую актуальность.

Отдельные аспекты, связанные с фотографическими материалами исследователя, освещались в сборниках статей, выпускавшихся Институтом наследия Бронислава Пилсудского в Южно-Сахалинске [Латышев, 1998; Хасанова, 2005]. Но в целом визуально-антропологические архивы Б.О. Пилсудского по этнографии нивхов Сахалина до сих пор лишь фрагментарно представлены в научном обороте. В этой связи основными источниками для статьи стали архивные фотографические и текстовые документы, исследованные авторами в ходе дальневосточной экспедиции в июне — августе 2019 г. Так, в Южно-Сахалинске была изучена значительная — порядка 60 единиц — коллекция фотографий Б.О. Пилсудского в фондах Сахалинского областного краеведческого музея. История основания и развития музейного дела на Сахалине, вклю-

* Corresponding author.

чая и формирование фотофондов, напрямую связана с именем Б.О. Пилсудского. В 1896 г. на основании Приказа губернатора Сахалина В.Д. Мерказина в посту Александровском был основан первый на острове музей, собирание коллекций для которого было поручено группе политических заключенных, в том числе Б.О. Пилсудскому и Л.Я. Штернбергу. Уже к концу 1896 г. музей насчитывал около тысячи единиц хранения, сгруппированных по следующим отделам: этнографический, зоологический, сельскохозяйственный, горный и тюремно-технический. Но в июле 1905 г., в ходе японского вторжения на Сахалин, музей был полностью разграблен, а его коллекции — вывезены в Японию [Еллинский, 1928]. В связи с утратой исходных фондов музея основу современных фотоколлекций Сахалинского краеведческого музея составляют копийные материалы. И большая часть фотоколлекций Б.О. Пилсудского в музейном архиве — это репродукции из фондов польского Института востоковедения, переданные в дар музею профессором Альфредом Маевичем в 1994 г. Фотособрание сахалинского музея неоднородно, в нем представлены: натурные панорамы, кадры каторжного быта, этнографические снимки (айнов, нивхов, ороков), а также портреты самого Б.О. Пилсудского — на Сахалине (конец 1890-х гг.) и во Владивостоке (начало 1900-х гг.). Фотоснимки ранжируются и по времени создания: первая их группа относится к «каторжному» периоду пребывания Б.О. Пилсудского на Сахалине (1887–1899 гг.), вторая группа — снимки периода сахалинских экспедиций исследователя (1902–1905 гг.).

Другим опорным источником для данной работы послужил персональный архив Б.О. Пилсудского, хранящийся в Обществе изучения Амурского края (ОИАК) во Владивостоке. Этот фонд формировался с первых шагов Пилсудского-исследователя — он начал переписку Н.В. Кирилловым, Н.П. Матвеевым, Б.Д. Оржихом, Н.В. Ремезовым и другими членами ОИАК еще в 1893 г. Присылаемые в ОИАК краеведческие заметки сахалинского ссыльного Б.О. Пилсудского, публикуемые под разными псевдонимами в газетах Владивостока, привлекали внимание местных исследовательских кругов, значительный общественный резонанс вызвала и его первая полноценная статья «Нужды и потребности сахалинских гиляков», опубликованная в 1898 г. [Шульгина, 1990]. В апреле 1898 г. Б.О. Пилсудский, к тому времени переведенный на положение ссыльного поселенца, получил приглашение принять место библиотекаря ОИАК и был отпущен властями Сахалина во Владивосток. По приезде он передал в Музей ОИАК обширную — более 200 единиц — этнографическую коллекцию нивхских предметов и фотографий. Но после преобразования по указу СНК СССР 1925 г. музейного подразделения ОИАК в самостоятельную организацию предметные коллекции Б.О. Пилсудского перешли в экспозиции и фонды новоиспеченного Областного музея (ныне Музей истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева). На сегодняшний день архивный фонд Б.О. Пилсудского в ОИАК содержит 18 дел, среди которых особый интерес для настоящей статьи представляли подлинники автографов научных статей исследователя, материалы переписки и особенно — коллекция оригинальных фотоотпечатков Б.О. Пилсудского по этнографии нивхов. В письме из Львова от 29 мая 1909 г. в администрацию ОИАК Б.О. Пилсудский написал: «Не помню, имеются ли в музее Общества мои фотографические снимки: айнов, ороков, ольчей и гольдов (снимки гиляков были мною подарены в 1899 г.). Я бы охотно переслал снимки, если Комитет решит возможные расходы на бумагу и фиксирование, так как пока еще не позволяют мне средства купить на свой счет подарок Обществу» [ОИАК, д. 3, л. 32]. Переданная Б.О. Пилсудским в ОИАК фотоколлекция насчитывает 17 единиц хранения высокого технического качества: коллективные и индивидуальные портреты нивхов разного пола и возраста, кадры стойбищного быта и рыбных промыслов, сцены шаманского камлания и медвежьего праздника, фрагменты свадебного обряда и похорон. Следует оговориться, что в конце XIX в. на Дальнем Востоке, и на Сахалине в частности, имелись фототехника и необходимые для фотопроцесса химикалии, активно работали специалисты-фотографы — например, И.И. Павловский, делавший в начале 1890-х гг. по заказу А.П. Чехова снимки для книги «Остров Сахалин», П.Е. Ноитаки и др. [Головнева, Головнев, 2020]. Известно, что в своей экспедиционной работе по музейной линии Б.О. Пилсудский использовал фотоаппаратуру, дававшуюся ему в пользование чиновниками и коллегами по музею, в частности А.А. фон Фрикенем и Л.В. Поддубским [Латышев, 2008, с. 186]. А отпечатана нивхская фотоколлекция Б.О. Пилсудского была в специализированном ателье известного дальневосточного фотопредпринимателя Э.Т. Нино, о чем свидетельствуют штампы на картонном обороте фоторамок.

В персональном архиве Б.О. Пилсудского в ОИАК хранится также копия его дебютной исследовательской статьи «Нужды и потребности сахалинских гиляков» [ОИАК, д. 10]¹. В содер-

¹ Пилсудский Б.О. Нужды и потребности сахалинских гиляков // Записки Приамурского отдела ИРГО. 1898. Т. 4. Вып. 3. С. 1–38.

жании этой работы, рисующей образы колонизации Сахалина, сочетаются этнографические, общественно-политические и экономические линии. При этом параллельное рассмотрение фотокolleкций и статьи Б.О. Пилсудского открывает явную перекличку его визуальных и текстовых материалов, создававшихся в одно и то же время, в одних и тех же локациях — как иллюстраций к написанному. Сам Б.О. Пилсудский в одном из писем Л.Я. Штернбергу формулировал свою позицию по отношению к экспедиционному фотографированию следующим образом: «Считаю во время всякой поездки необходимым иметь возможность сделать снимки, без которых трудно дать удовлетворительные пояснения» [СПФ АРАН, д. 69, л. 330]. В этой связи эффективным исследовательским методом является сопоставление данных видов источников. Не имея замысла реферировать текст работы Б.О. Пилсудского целиком, полагаем значимым сфокусироваться на конструируемых автором ключевых сахалинских образах. Так, далее в тексте будут приведены выдержки из статьи Б.О. Пилсудского (курсивом) и тематические комментарии (обычным шрифтом) — для формирования последующих аналитических выводов.

Образы Сахалина Б.О. Пилсудского

Своей статье «Нужды и потребности сахалинских гиляков²» Б.О. Пилсудский предпослал характерный эпиграф — строфы из стихотворения И.В. Омурлевского «Камчадал»:

*«Ты чем его выше, развитое племя?
Ты чем его поднял гуманности век?
Не тем ли, что в наше кичливое время
Везде вымирает, неся твоё бремя,
Тобой развращенный дикарь-человек?»* [1898, с. 1].

«Остров инородцев» — исходный, связанный с историей (прошлым), образ. От него отталкивается все последующее повествование Б.О. Пилсудского. Начиная свои рассуждения о колонизации вообще, и острова Сахалин в частности, он характеризовал ее как повсеместный акт насилия пришлого элемента над местным. В развитие данной темы Б.О. Пилсудский оспаривал истинность устоявшегося в обществе стереотипа о лениности как причине современного бедствования инородцев вообще и в данном случае сахалинских гиляков:

«Если «присущая дикарям лень» держит гиляков в их положении, граничащем с крайней нуждой, и доводит их теперь до голодовок, то отчего же последние не возникали тогда, когда инородцы были единственными хозяевами острова?» [1898, с. 3].

Избрав приемом нарратива «доказательство от противного», Б.О. Пилсудский описывал сюжеты, непосредственно виденные и запечатленные им в ходе десятилетних (1887–1897) наблюдений за жизнью гиляков Тымовского округа Сахалина:

*«Всякий, кто видел (выделено нами. — Авт.) гиляков в их жалкой, обыкновенно сильно поношенной одежде, кто присмотрелся весною к их истощенным лицам — уже по этому наружному виду определит, что о достатке у гиляков теперь не может быть и речи. Еще более безотрадное впечатление придется вынести, если побывать в гиляцких юртах и **приглядеться** к скудному питанию гиляков, простой бедной обстановке»* [1898, с. 2].

Обращает на себя внимание специфический визуальный «акцент» Б.О. Пилсудского в повествовании, в отдельных местах даже структурированного на «сцены»:

«Утверждать о лени гиляков может только тот, кто не видел их работающими, например, в период лова рыбы, когда, не говоря уже о мужчинах, женщины чистят с утра до вечера рыбу с таким усердием, что у них распухают суставы в кисти. Не сказал бы тот больше о “присущей гилякам лени”, кто увидел бы такой факт, как еле видящий старик едет со своей артелью ловить рыбу и, при вытаскивании невода, бредет по пояс в воде. Неужели привычкою к лени можно объяснить такую, например, сцену, свидетелем которой я был в селении Усково? Слепой старик сидит над водой и багрит крючком рыбу. Привычной рукой убивает он колотушкой каждую попавшуюся на крючок рыбку и выкидывает на берег. Так продолжает работы, пока вечером не придет кто-нибудь и не отведет его домой» [1898, с. 4].

В фотоархиве Б.О. Пилсудского в ОИАК нам удалось обнаружить фотографии, наглядно визуализирующие и «бедную обстановку юрт», и «потертость одежд», и «истощенность лиц» гиляков [д. 13, л. 4, 6, 8], описанные в статье; и фотопортрет полуслеплого старика [д. 13, л. 2]; и фотосцену трудоемкой обработки рыбы [д. 13, л. 5]. Исследователь заключал:

² Гиляки — устар. наименование этнического сообщества *нихов* — будет использоваться далее в статье, согласно формату употреблению в оригинальной работе Б.О. Пилсудского.

«Лень не может быть преобладающей чертой характера у такого народа, который, как гилияки, считает ее одним из больших пороков» [1898, с. 4].

Как видно, методом исследовательской работы Б.О. Пилсудского была параллельная комплексная фиксация материалов: текстовое описание и визуализация их в фотографиях — как документальных доказательств, обосновывающих авторские доводы о развитости традиционной культуры сахалинских гилияков в прошлом, приходившей в упадок по мере колонизации острова посредством каторги.

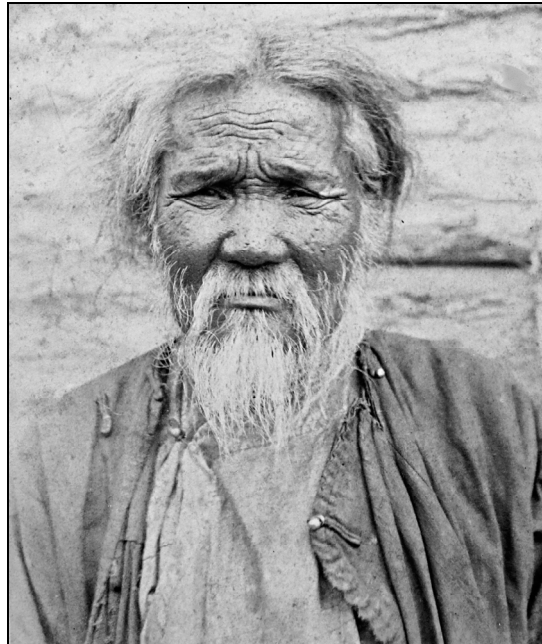

Рис. 1. Старик-гиляк. Фото Б.О. Пилсудского [ОИАК. Ф. 3, оп. 1, д. 13, л. 8].

Fig. 1. The Gilyak old man. Photo B. Pilsudskiy. From the funds of the Society for the Study of the Amur Region.

«Остров каторги» — следующий ключевой образ в рассматриваемом произведении Б.О. Пилсудского, связанный с временем настоящим (текущим). То, что он увидел непосредственно внутри сахалинской тюрьмы, осталось «за кадром» известных фотоколлекций. В упомянутых текстовых и визуальных архивах исследователя — в основном картины разорения местной природы и культуры колонизаторами:

«Поля, пастбища и покосы заняли места вдоль реки. Вырублены и сожжены деревья с ягодами, столь любимыми гилияками. Поляны, заросшие крапивою — прежним богатством тымовских гилияков, — заняты под пашни или вытоптаны скотом. Лучшие топи, все более удобные места для заезжков, отнимаются у гилияков поселенцами, более сильными и многочисленными» [1898, с. 5].

Будучи сам ущемленным в правах, политический ссыльный Б.О. Пилсудский в своих характеристиках каторжной колонизации выступал на стороне притесняемого местного населения, представляя на суд читателя случаи вытеснения гилияков с родовых земель, отъема властями каторги лучших промысловых участков и т.п.:

«Свежий подходящий пример. В 9-ти верстах от селения Рыковского есть гилиякское селение Носьб-во. Неподалеку устраивается солдатская заимка тымовской местной команды, и на том основании, что топя гилияков расположена очень близко к заимке, команда присваивает себе право на эту топя. И гилияки принуждены ловить рыбу через день, чередуясь с солдатами» [1898, с. 6].

Особо Б.О. Пилсудский отмечал вынужденное отступление гилияков с привычных мест их многопоколенного проживания. Согласно опросам исследователя, если в докаторжный период жизни на острове одною юртой могли пользоваться 3–4 поколения родственников, то наступление колонизаторов привело к тому, что большинство гилияков в рамках жизни одного поколения вынуждено строить по 3–4 юрты. И в доказательство своих слов продолжал череду встреченных им картин разрушения хозяйственных основ жизнедеятельности гилияков:

Образы Сахалина в наследии Б.О. Пилсудского (по материалам дальневосточных архивов)

«Несколько лет тому назад вернувшиеся из обычной весенней перекочевки в Натро гиялки селения Адо-Тымь на месте своего большого села нашли одни груды пепла. Оно было сожжено поселенцами, которым не нравилось близкое соседство гиялков. Потерпевшие, можно сказать, разоренные, гиялки не получили ни малейшего вознаграждения за убытки; они были принуждены спуститься вниз по реке и основать новое селение. Можно ли после этого удивляться, что гиялки живут в плохо сколоченных, жалких юртах?» [1898, с. 7].

Драматургически конфликтующие между собой фотообразы «изначального» Сахалина и картины его заселения каторжным сообществом наглядно отражены в архиве фотографий исследователя в Сахалинском краеведческом музее. Природная гармония («Скалы Три брата» [НВФ2531-2], «Императорская гавань» [НВФ2531-7/1], «Устье реки Б. Александровка» [НВФ2531-7/3]) и ее разрушение в результате использования принудительного труда каторжных («Выезд каторжан из тюрьмы на дорожные работы» [НВФ2531-3], «Доставка угля» [НВФ2531-6/1], «Арестанты направляются в тюрьму» [НВФ2531-4]). Первобытный быт гиялков («Прививка от оспы» [НВФ2531-26], «Процесс добывания огня» [КП 94/1], «Штернберг Л.Я. среди гиялков на о. Сахалине» [КП 62/1]) и его теснение поселенцами («Народ в табельный день в п. Александровск» [НВФ2531-5], «Рейд при Александровском посту» [НВФ2531-7/2], «Чиновники на барже» [НВФ2531-6/5]). К числу обстоятельств, сформировавших бедственное положение гиялков, Б.О. Пилсудский добавлял и психологический фактор — боязнь ведения «сделок» с соседями-поселенцами:

«Простодушный гиялак всегда бывал в проигрыше, и только с годами накаплились у него опыт и осторожность, создавалось недоверие к тороватому на мошенничества поселенцу, с удовольствием пользующемуся случаем обмануть, на которого все кругом привыкли смотреть сверху вниз, с презрением и насмешкой» [1898, с. 7–8].

Обобщая приведенные им примеры разрушительного влияния каторжной колонизации на жизнь острова, Б.О. Пилсудский формулировал выводы о складывавшемся хозяйственном закабалении местного населения пришлым, а также формировании психологической неуверенности гиялков в завтрашнем дне как культурном аспекте, дополнительно влиявшем на регресс их традиционной экономики. Проследив историю «болезни» и поставив ее «диагноз», далее в работе Б.О. Пилсудский предлагал свои рецепты для лечения недугов колонизации.

«Остров автономий» — заключительный образ рассматриваемой работы Б.О. Пилсудского, связанный с будущим (возможным), идеал жизнеустройства старожильческих и поселенческих сообществ на Сахалине, спроектированный исследователем:

«Средства исцеления вытекают из анализа рассмотренного. Жить и трудиться по прежнему гиялкам уже нельзя. Задача поселившейся на Сахалине нашей цивилизованной расы должна состоять в помощи дикарям перейти на высшую ступень культурного развития» [1898, с. 8].

Проект Б.О. Пилсудского предполагал серию протекционистских мер властей по отношению к гиялкам: отведение особых зон для проживания и ведения традиционного хозяйства, наделение земель в долгосрочную аренду, обеспечение льготными кредитами. В экономическом отношении исследователь предлагал сделать ставку на развитие традиционных отраслей хозяйства и промыслов гиялков: рыболовства, охоты, изготовления изделий из древесины и т.д. с условиями сбыта готовой продукции на местном рынке — для удовлетворения нужд администрации, каторжного хозяйства и поселенцев. На основании проведения собственных опытов по совместной с гиялками засолке рыбы, возделыванию картофеля и последующему их сбыту Б.О. Пилсудский констатировал, что успехи в экономике видны при первых же сдвигах взаимоотношений между группами островного населения в направлении «диалога»:

«Необходимо, чтобы гиялки уверовали в себя, признали и за собой способность — а это первое необходимое условие для дальнейшего самосовершенствования. Надо только поддерживать эти чувства» [1898, с. 19].

Автономное обслуживание нужд гиялков предлагалось Б.О. Пилсудским также в социальной сфере: судопроизводстве, медицине и образовании. В частности, подчеркивая специфику обычного права у гиялков, исследователь ратовал за создание особой судебной части по делам инородцев. И в части медицинского обслуживания — отстаивал создание при лазаретах отдельных палат для их лечения. А образование Б.О. Пилсудский относил к категории острых духовных нужд гиялков и называл делом будущего, апеллируя к любознательности гиялских детей как к гарантии развития сообщества в целом. Футуристический образ Сахалина нашел общее выражение в фотографиях учащихся местных детей и персонифицированное — в изо-

бражениях Индына³, одаренного воспитанника Б.О. Пилсудского. Сама же эта заключительная часть работы Б.О. Пилсудского, основанная во многом на утопических идеалах, приближала исследовательский труд к формату гуманитарного трактата. Характерно, что и завершал Б.О. Пилсудский свою статью назидательной цитатой — на этот раз из труда английского философа и экономиста Д.С. Милля:

«Когда цель состоит в том, чтобы надолго улучшить положение народа, тогда незначительные средства не просто производят незначительные действия, а вовсе не производят никакого действия» [1898, с. 38].

Рис. 2. Б.О. Пилсудский с детьми в стойбище гиляков. СОКМ. НВФ2531-77.

Fig. 2. B. Pilsudsky with children in the Gilyaks camp. From the funds of the Sakhalin Local Museum.

Заключение

Как видно из сопоставления текстовых и визуальных материалов, Б.О. Пилсудский выражал свои впечатления о Северном Сахалине в череде образов: остров инородцев (традиционный быт гиляков) — остров каторги (колонизация территории подневольным и поселенческим сообществами) — остров автономий (культурно-экономическое зонирование). Растущие государственные интересы в направлении колонизации Дальнего Востока актуализировали вовлечение ученых в разработку соответствующих программ в различных точках фронта [Головнев, 2020]. Обратив внимание на вышеописанные работы Б.О. Пилсудского среди нивхов, сахалинские власти доверили Б.О. Пилсудскому проведение переписи айнов и составление предложений по развитию их экономики; оригиналы рукописей его разработок также хранятся в архиве Общества изучения Амурского края [д. 2]. Так, исследователем был разработан «Проект правил об устройстве управления айнов о. Сахалина», где значительное место вновь уделялось вопросам культурной автономии и хозяйственной поддержки, медицинского обслуживания и образования айнов. Данные опыты носили комплексный научно-прикладной характер, отчасти развивая линию описания различных групп населения Сахалина, проведенного А.П. Чеховым в ходе путешествия по каторжному острову [Миссонова, 2012]. Но в связи с обстоятельствами Русско-японской войны на первый план вышли иные проблемы, связанные с переустройством жизни на Сахалине. Гражданской администрации, пришедшей после упразднения каторги в 1906 г. на смену военной, было также не до «инородцев». А потому прикладные предложения Б.О. Пилсудского, слишком ради-

³ Индын (1885–1903) — происходил из сообщества тымовских нивхов. Б.О. Пилсудский начал заниматься его образованием еще в период сахалинской ссылки. Переезжая в 1899 г. с Сахалина во Владивосток, Б.О. Пилсудский взял с собой Индына для продолжения его учебы. Во Владивостоке Индын помогал исследователю в переводе нивхских текстов, успешно окончил четыре ступени в городском училище. Предполагалось, что после окончания курса он вернется в родные места и станет учителем. Но в 1902 г., в ходе поездки с Б.О. Пилсудским на Сахалин для организации айнской школы, Индын тяжело заболел и в марте 1903 г. в возрасте 18 лет умер. До последних своих дней Б.О. Пилсудский тяжело переживал смерть ученика, считая себя виновником случившегося.

кальные для того периода, замерли на уровне проекта. И в наши дни перспективные положения Б.О. Пилсудского лишь частично удалось воплотить в жизнь — этнические сообщества, издревле населяющие Сахалин, до сих пор не имеют своей автономии [Прокофьев, 2007].

В то же время исследовательские качества работ Б.О. Пилсудского, включая фотографические, задокументировавшие процессы культурной эволюции среди сахалинских нивхов в период каторжной колонизации острова, оправдали свою комплексную функцию, с одной стороны — став вкладом в этнографию, с другой — в популяризацию науки. По справедливому замечанию В.Н. Басилова, «для этнографа фотодокумент не только не стареет, но, напротив, очень скоро приобретает ценность уникального исторического свидетельства, ибо повторить его через несколько лет оказывается уже невозможно — изменения накладывают свой отпечаток на формы народного быта» [1981, с. 161].

Анализируя визуальные архивы Б.О. Пилсудского, можно констатировать, что его фотографии выполнены в классической манере, без особых художественных изысков. Особенностью творческого почерка Б.О. Пилсудского в этот период его становления как исследователя являлось отсутствие метрического ракурса, проявляющего подход профессионального антрополога к человеку из местной среды сугубо как к предмету научного изучения. В частности, в отличие от распространенной в то время в науке методики съемки портретов представителей этнических сообществ на фоне искусственного нейтрального «задника», в фас и профиль, в одежде и без таковой — так снимали В.Г. Богораз и В.И. Йохельсон, С.М. Широкогоров и Б.И. Дыбовский [Головнев, 2019], — Б.О. Пилсудский фотографировал своих героев в естественной среде за ежедневными занятиями. В этом заключается и отличие его фотоколлекции по нивхам 1890-х гг. от его же «антропометрических» снимков айнов [СОКМ. НВФ2531-58], делавшихся в ходе последующих экспедиций на Сахалин в 1902–1905 гг. по заданию Академии наук.

В своей дальнейшей этнографической практике Б.О. Пилсудский регулярно использовал в экспедиционной практике не только фотоаппарат, но и другие технические средства: революционное для того времени оборудование для записи звука — фонограф Эдисона и даже кинокамеру. Так, в 1903 г. в ходе совместной исследовательской экспедиции Б.О. Пилсудского и В.Л. Серошевского на Хоккайдо ими были проведены этнографические киносъемки среди айнов. Но в связи с обострением международных отношений и надвигавшейся Русско-японской войной эти работы не были завершены, а деятельность по фотографированию и киносъемке даже стала причиной подозрения исследователей в шпионаже. В.Л. Серошевский пытался убедить японские власти в сугубо научном содержании киносъемки: «Сейчас я напишу в Саппоро и вышлю фильмы с просьбой, чтобы их проявили и убедились, что там ничего нет, кроме танцев, игрищ и обыкновенных «каракты»⁴, ткания полотна, возвращения рыбацких судов и установления «нуса»⁵ [Серошевский, 2004, с. 88]. Однако экспедиция была остановлена, исследователям пришлось покинуть Хоккайдо, а судьба их этнографических киноматериалов до сих пор остается неизвестной.

В 1905 г. Пилсудский вынужденно покинул Дальний Восток навсегда, увезя с собой солидный исследовательский «багаж»: этнографические записи об айнах (1880 страниц), о нивхах (320 страниц), об ороках (180 страниц), а также фонографические записи (30) и фотографии (300) [Majewicz, 1988, с. 218]. Сборы по этнографии нивхов Б.О. Пилсудский впоследствии передал Л.Я. Штернбергу, который частично опубликовал их в своей книге «Материалы по изучению гилацкого языка и фольклора» (1908). А фотографии, в связи с материальной нуждой, Б.О. Пилсудский рассылал за плату в различные музеи и архивы мира и продавал на рынках как открытки — многие из них, рассеянные по свету, в настоящее время регулярно появляются в различных изданиях, часто даже без ссылок на автора.

Таким образом, рассмотрение фотодокументов имеет особую значимость в рамках осмысления наследия Б.О. Пилсудского, поскольку вкупе с тематическими текстами исследователя, они представляют собой объемный источник для изучения в антропологии и широком спектре смежных гуманитарных наук. Кроме того, во многом именно благодаря фотообразам, созданным Б.О. Пилсудским, современные посетители этнографических экспозиций музеев, читатели переизданий его иллюстрированных статей и альбомов в России и за рубежом составляют свое представление об истории Сахалина на рубеже XIX–XX вв.

⁴ Традиционное айновское приветствие «Иран каракте» — «Позвольте прикоснуться к вашей душе».

⁵ Ритуальный деревянный посох айнов.

Финансирование. Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-59-23007 «Опыты изучения и визуальной репрезентации фронтирных территорий России и СССР в визуальной антропологии первой половины XX века: на примере исследований российских и венгерских ученых и кинематографистов».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Басилов В.Н. Наука о народах и фотография // СЭ. 1981. № 2. С. 161–164.
- Головнев И.А. Образы Камчатки в творчестве Бенедикта Дыбовского // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. № 3. С. 12–17.
- Головнев И.А. Ученый камчадал из страны вулканов: Прокопий Новограбленов и его образы Камчатки // Диалог со временем. 2020. № 3 (72). С. 181–194.
- Головнева Е.В., Головнев И.А. Чеховский Сахалин: Опыты фотографической фиксации острова // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 1. 76–92.
- Еллинский Б.Е. Сахалин: Черная жемчужина Дальнего Востока. М.: Госиздательство, 1928. 158 с.
- Латышев В.М. Научное наследие Бронислава Пилсудского в музеях и архивах России // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 1998. № 1. С. 4–20.
- Латышев В.М. Сахалинская жизнь Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2008. 384 с.
- Латышев В.М., Прокофьев М.М. Каталог этнографических коллекций Б.О. Пилсудского в Сахалинском областном краеведческом музее. Южно-Сахалинск: СОКМ, 1988. 102 с.
- Мир айнов глазами Бронислава Пилсудского / Авт.-сост. А.М. Соколов, В.А. Беляева-Сачук; Отв. ред. А.В. Головнев, М. Выва. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 192 с.
- Миссонова Л.И. К истории изучения населения Сахалина: Архивные материалы А.П. Чехова // ЭО. 2012. № 3. С. 161–174.
- Пилсудский Б.О. Нужды и потребности сахалинских гильяков // Записки Приамурского отдела ИРГО. 1898. Т. 4. Вып. 3. С. 1–38.
- Прокофьев М.М. Айны Южного Сахалина в трудах Бронислава Пилсудского / Б.О. Пилсудский. Айны Южного Сахалина. Южно-Сахалинск, 2007. С. 8–16.
- Серошевский В.Л. Среди косматых людей // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. 2004. № 8. С. 46–88.
- Степанова Л.Б. Север Якутии в экспедиционной фотохронике // Клио. 2018. № 10. С. 90–97.
- Хасанова М.М. Фотоколлекция Б.О. Пилсудского в МАЭ РАН // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2005. № 9. С. 139–152.
- Штернберг Л.Я. Материалы по изучению гильяцкого языка и фольклора. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1908. Т. 1. 232 с.
- Шульгина Т.С. Сколько было вложено там сердца! // Дальневосточный ученый. 1990. № 4. С. 8.
- Юргенева А.Л. Этнографическая фотография XIX века и ее современные модификации // Художественная культура. 2018. № 3. С. 136–167.
- Majewicz A.F. Researcher and Friend of Sakhalin Natives — The Scholarly Profile of Bronislaw Pilsudski // Hemispheres. 1988. № 5. С. 216–228.

ИСТОЧНИКИ

- Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 282. Оп. 5. Д. 69.
- Сахалинский областной краеведческий музей (СОКМ). НВФ2531; КП 62; КП 94.
- Толмачева Е.Б. Фотография как этнографический источник: Дис. ... канд. ист. наук. СПб: МАЭ РАН, 2011. 246 с.
- Общество изучения Амурского края (ОИАК). Ф. 3.

Golovnev I.A.^a, Golovneva E.V.^b

^a Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the RAS
Universitetskaya nab., 3, St. Petersburg, 199034, Russian Federation

^b Ural Federal University, Mira st., 11, Ekaterinburg, 620002, Russian Federation
E-mail: golovnev.ivan@gmail.com (Golovnev I.A.); golovneva.elena@gmail.com (Golovneva E.V.)

Images of Sakhalin in the research legacy of B.O. Pilsudsky (based on materials of the Far-Eastern archives)

In modern anthropology, researchers pay increasing attention to photographic data as a category of historical/ethnographic documents. This article is based on visual and anthropological materials of Bronislaw Pilsudsky (1866–1918), a renowned researcher of Sakhalin ethnic groups, collected by the authors from the archives and museums in the Far East during the expedition in June — August 2019. The study is focused on Pilsudsky's pho-

tographic and manuscript collections on the ethnography of the Nivkhs repositied in holdings of the Sakhalin Regional Museum (Yuzhno-Sakhalinsk) and the Society for Research on the Amur Region (Vladivostok). Many of these photographic documents, being unique evidence of the evolution of the material and spiritual culture of the indigenous people of Sakhalin at the turn of the 19th and 20th centuries, are introduced into the scientific discourse for the first time. The photographic materials are analyzed from the historical and anthropological perspectives, in conjunction with the published papers and archival manuscripts of the scientist (in particular, "Wants and needs of the Sakhalin Gilyaks"). Correlation of the textual and visual materials shows that B. Pilsudsky represented Sakhalin in a series of images: the island of native dwellers (traditional lifestyle of the Gilyaks) — the island of convicts (colonization of the territory, involuntary-settlement community) — the island of autonomies (cultural and economic zoning). In the course of his studies, B. Pilsudsky used concurrently textual description of the impressions and their photographic capture. The key feature of the scientific work of B. Pilsudsky of this period was the absence of a "metric" perspective — he photographed his characters in their natural habitat, in their daily routine. The conclusion is drawn on the archive photographs as multi-layered visual-anthropological documents on their time, which under a proper critical research perspective constitute valuable historical sources of scientific interest for studies in a wide range of the humanities.

Key words: Bronislav Pilsudsky, visual anthropology, photo-document, Nivkhs, Sakhalin.

Funding. This work was supported by the Russian Foundation for the Humanities as part of project No 18-59-23007 "Visual anthropological research of Russian and Soviet frontier territories in the first half of the 20th century: Russian and Hungarian scholars and filmmakers".

REFERENCES

- Basilov V.N. (1981). The science of peoples and photography. *Sovetskaia etnografiia*, (2), 161–164. (Rus.).
- Golovnev I.A. (2019). Images of Kamchatka in the work of Benedict Dybovsky. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, (3), 12–17. (Rus.).
- Golovnev I.A. (2020). Scientist Kamchadal from the country of volcanoes Prokopy Novogleblenov and his images of Kamchatka. *Dialog so Vremenem*, (72), 181–194. (Rus.).
- Golovneva E.V., Golovnev I.A. (2020). Chekhovskiy Sakhalin: Experiments on the photographic fixation of the island. *Praksema. Problemy vizual'noi semiotiki*, (1), 76–92. (Rus.).
- Ellinskii B.E. (1928). *Sakhalin: The black pearl of the Far East*. Moscow: Gosizdatel'stvo. (Rus.).
- Khasanova M.M. (2005). Photo collection of B.O. Pilsudski at the MAE RAS. *Izvestiia Instituta nasledii Bronislava Pilsudskogo*, (9), 139–152. (Rus.).
- Latyshev V.M. (1998). Scientific heritage of Bronislav Pilsudsky in museums and archives of Russia. *Izvestiia Instituta nasledii Bronislava Pilsudskogo*, (1), 4–20. (Rus.).
- Latyshev V.M. (2008). *Sakhalin life of Bronislav Pilsudsky*. Iuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskaia oblastnaia tipografiia. (Rus.).
- Latyshev V.M., Prokofev M.M. (1988). *Catalog of ethnographic collections of B.O. Pilsudsky in the Sakhalin Regional Museum*. Iuzhno-Sakhalinsk: SOKM. (Rus.).
- Majewicz A.F. (1988). Researcher and Friend of Sakhalin Natives — The Scholarly Profile of Bronislav Pilsudski. *Hemispheres*, (5), 216–228.
- Missonova L.I. (2012). On the history of the study of the population of Sakhalin: Archival materials of A.P. Chekhov. *Etnograficheskoe obozrenie*, (3), 161–174. (Rus.).
- Pilsudsky B.O. (1898). Needs and requirements of Sakhalin Gilyaks. *Zapiski Priamurskogo otdela IRGO*, (4), 1–38. (Rus.).
- Prokofev M.M. (2007). Ainu of South Sakhalin in the works of Bronislav Pilsudsky. In: B.O. Pilsudsky. *Ainy Iuzhnogo Sakhalina*. Iuzhno-Sakhalinsk, 8–16. (Rus.).
- Seroshevsky V.L. (2004). Among shaggy people. *Izvestiia Instituta nasledii Bronislava Pilsudskogo*, (8), 46–88. (Rus.).
- Shul'gina T.S. (1990). How many hearts were invested there! *Dal'nevostochnyi uchenyi*, (4), 8. (Rus.).
- Sokolov A.M., Belyaev-Sachuk V.A., Golovnev A.V., Vyrva M. (Eds.) (2019). *The Ainu world through the eyes of Bronislav Pilsudsky*. St. Petersburg: MAE RAN. (Rus.).
- Stepanova L.B. (2018). The North of Yakutia in the expeditionary photo chronicle. *Klio*, (10), 90–97. (Rus.).
- Sternberg L.Ya. *Materials for the study of the Gilyak language and folklore. Vol. 1*. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk. (Rus.).
- Yurgeneva A.L. (2018). Ethnographic photography of the XIX century and its modern modifications. *Khudozhestvennaia kul'tura*, (3), 136–167. (Rus.).

Головнев И.А., <https://orcid.org/0000-0003-4866-7122>

Головнева Е.В., <https://orcid.org/0000-0002-0709-4615>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 25.02.2021

Article is published: 28.05.2021

Мусагажинова А.А.^{a, *}, Кабиденнова Ж.Д.^b

^a Национальный музей Республики Казахстан, НИИ «Халық қазынасы»,
просп. Тәуелсіздік, 54, Нур-Султан, Z00T2C9, Казахстан

^b ПГУ им. С. Торайгырова, ул. Ломова, 64, Павлодар, S03K9T0, Казахстан
E-mail: aiya84@mail.ru (Мусагажинова А.А.); erasil_zhuldiz@mail.ru (Кабиденнова Ж.Д.)

РИТУАЛЬНЫЕ И ОБРЯДОВЫЕ ФУНКЦИИ ПИЩИ КАЗАХОВ САРЫАРКИ (XX–XXI вв.)

Статья посвящена проблеме значимости и сохранения традиционных пищевых практик в современной казахской культуре. В рамках этнографических полевых исследований были изучены народные поверья и приметы с этической и ценностной позиции в культуре питания, определены сохранившиеся модели пищевых практик в региональном социокультурном пространстве Северного и Центрального Казахстана. Выявлено, что в базовой модели пищевых практик сохранены традиционные представления культуры питания с опорой на этические ценности народного ислама.

Ключевые слова: Северный и Центральный Казахстан, казахская кухня, культура питания, ритуал, символ, поверье, примета.

Национально-культурные пищевые практики являются немаловажной составляющей культурного кода и этнического самосознания. Культура питания играет значительную роль в реализации телесно-коммуникативных практик, влияющих на модель мира и человека. Казахская кухня вобрала в себя многовековой опыт адаптации к окружающему миру, в ней мы видим консолидирующее начало социума. Нормы приема пищи структурировали казахское общество, цикличность мира степняков, строгая последовательность жизненных периодов маркируются с помощью тех или иных продуктов питания. Совместный прием пищи людьми из одного рода или населенного пункта укрепляет чувство солидарности и человеческие связи. Способствовать популяризации национальной кухни можно, только сохраняя, возрождая и бережно передавая новым поколениям старинные рецепты и связанные с ними традиции.

Две параллельно существующие пищевые практики, современная и традиционная, показывают совершенно разное отношение к пище. В традиционной культуре пищевые практики гармонично встроены в бытие и повседневность человека, а современные формы основаны на культе потребления. Постепенно на наших глазах исчезают не только какие-либо вкусовые сочетания, но и исчезают старинные рецепты. Известно, что еда не только насыщала наших предков, придавала силы в необходимый момент, но и защищала, способствовала укреплению отношений между людьми и даже примирению сторон. «Мы едим то, что мы едим» — гласит народная мудрость.

Целью нашего исследования является изучение моделей пищевых практик и их связи с традиционными верованиями, сохранившимися в казахской культуре Северного и Центрального Казахстана. Задачи исследования — выявление сохранившихся обрядов и ритуалов, связанных с приемом пищи, и определение их семиотической значимости. Пищевые практики в традиционной материальной культуре исследовались в этнографических работах (к прим.: [Арутюнов, Воронина, 2001]). По мнению С.А. Арутюнова, пища являлась тем «элементом культуры, в котором более других сохраняются традиционные черты, с ним более связаны представления народа о своей национальной специфике» [2001, с. 10]. Семиотический подход к изучению культуры как целостного и всеохватывающего явления применялся в исследовании традиционных обществ, в котором уделяется внимание пониманию природы символического (к прим.: [Лотман, 2000, Байбурин, 1993]). Исследования казахской традиционной культуры, в частности обрядов и ритуалов пищевых практик, проводились советскими и казахстанскими учеными [Масанов, 1966; Толеубаев, 1991; Аджигалиев, 1994; Алимбай и др., 1998; Шаханова, 1998; Ерназаров, 2003]. В частности, Н.Ж. Шаханова рассматривала пищевые практики в контексте традиционной культуры казахов с точки зрения структурно-семиотического подхода. По ее мнению, «традиционная система питания чрезвычайно насыщена культово-ритуальными моментами,

* Corresponding author.

поскольку пища органически связана с обрядовым комплексом культуры» [Шаханова, 1998, с. 70]. Ж.Т. Ерназаров при изучении семейной обрядности казахов обозначает семиотические интерпретации пищевых практик с позиции жизненного цикла человеческого существования от рождения до погребения [2003]. Большинство исследователей рассматривают пищевые практики во взаимосвязи с религиозными и ценностными представлениями этноса, как жизнеобеспечивающий компонент его существования.

В нашей работе использованы методы, применяемые при историко-культурном, этнографическом, семиотическом подходах. Сбор материалов в ходе полевых этнографических исследований осуществлялся методом формализованного интервью, фото- и видеофиксацией. Полевые исследования были направлены на сбор этнографических материалов, характеризующих современные повседневные пищевые практики и их семиотическую функцию, с целью сохранения нематериального культурного наследия. По специально разработанным вопросам, тематическим анкетам было опрошено 120 информаторов, заполнено 80 анкет, зафиксированы традиционные рецепты и технологии приготовления 17 блюд казахской национальной кухни Северного и Центрального Казахстана. Информаторами являлись женщины в возрасте от 40 до 70 лет, проживающие в сельской местности и имеющие преимущественно среднее, среднее специальное (90 %) и высшее (10 %) образование. Анкеты включали ряд вопросов о традиционных блюдах, используемых в повседневных обрядовых практиках, их значимости и рецептах приготовления.

Поверья и приметы, связанные с гостеприимством

Гостеприимство, уважение к гостю — наиважнейшая составляющая культурного кода казахов. В основе гостеприимства — закона степной жизни — лежит правило совместной трапезы. По народным поверьям, традиция гостеприимства была унаследована от легендарного предка казахов, культурного героя — Алаша-хана. С его именем связаны многие значительные события в жизни казахского народа. Легенда гласит: все свое имущество Алаша-хан разделил на четыре части, каждому из его сыновей досталось по одной, и с тех пор появились три жуза, а четвертая часть была поделена еще на три части. Именно они давали право каждому человеку на кров и пищу в любом доме казахской степи. Согласно этому правилу нельзя брать плату за еду при взаимном посещении друг друга и нужно, в свою очередь, относиться к другим людям уважительно, как к приглашенным гостям. По этнографическим данным [Кенжеахметулы, 2012, с. 44], существовали следующие обозначения людей, переступивших порог казахского дома: *арнайы қонақ* — гость, специально приглашенный или знакомый, приехавший издалека; *құдайы қонақ* — гость от бога, человек в дороге; *қыдырма қонақ* — специально ждавший и пришедший на угощение.

Существовал ряд традиций, связанных с гостеприимством, например встречи кочевья, проходящего возле аула. Смыслообразующим выступал обычай «встретить с белой пищей / одарить белой пищей». Когда показывалось идущее кочевье или приходила весть о нем, старшая женщина общины выезжала навстречу с посудой, наполненной айраном, и с сырами (*құрт-ірімшік*), ее сопровождали молодежь, дети, несущие чашки и иную посуду для питья. Они на короткий срок останавливали идущих с традиционным благопожеланием «спокойного кочевья» (*көш байсалды болсын, көш көлікті болсын*) и, оказывая знаки уважения, угощали белой пищей. Белая пища означает чистоту помыслов.

Несмотря на смену кочевого образа жизни оседлым, в настоящее время обычай гостеприимства остается значимым в казахском обществе. Например, до сих пор имеет место обычай *ерулік*. Ранее, если возле аула кочевье останавливалось на ночлег, делали *ерулік* — угощение в честь новоприбывших: несли им барана или готовую еду, поздравляя с новым местом. При изучении проблемы взаимодействия пищи и ритуала в традиционных системах питания исследователи обращают внимание, насколько пища насыщена культово-ритуальными моментами, поскольку она органически связана с обрядовым комплексом культуры [Шаханова, 1998, с. 70]. Данный обычай на современном этапе исполняется в случае переезда на постоянное место жительства родственников в город или село, где проживает принимающая сторона. Символичность данного обычая сохраняется и несет смысл укрепления родственных взаимоотношений.

В традиции гостеприимства сформировалась определенная модель пищевых практик, в которой гостям готовятся традиционные блюда. К примеру, *асату* — подача горсти мяса собственными руками кому-либо из присутствующих во время трапезы в обществе уважаемых людей. Это считается одним из проявлений личного расположения со стороны гостя или другого важного лица. Так, во время сватовства, сидя за столом, сваты угощают друг друга кусками печени с ломтями курдючного сала (*құйрық-бауыр*). Использование именно такого сочетания в

блюде символично: курдючное сало, по поверью, настраивает на доброжелательные отношения между сватами. *Асату* буквально означает «дать проглотить» и состоит из трех или четырех кусков жирного мяса, нарезанных крупными, плоскими ломтями (*жапырақ*). В старину такие куски брали правой рукой и полной пригоршней клали в рот человеку. За редким исключением, в наши дни их подают в руки. Мясо в углублении тазовой кости гость не ест. Плечевую кость (*тоқпан жілік*) не предлагают гостю, она достается хозяевам. В связи с постулатом, что «нет ничего выше пищи», не отпускают зашедшего, не предложив отведать какой-нибудь еды, напиток. Совместная еда благоприятствует хорошим отношениям в обществе, укрепляя и консолидируя.

Сохранился ряд поверий, соотносящихся с культом гостеприимства. Например, если кто-то войдет в дом, когда домочадцы принимают пищу, хозяин вслух выражает свое удовольствие, говоря, что вошедший «хорошо отзывается об этом доме». Напротив, вошедшему во время окончания трапезы, хозяева в шутку говорят, что он имеет нехорошие мысли о них. Попавшему прямо на трапезу предлагают угощение, обязательно дают отведать, при отказе шутят, что от этого человека «уйдет жена или муж». Таким образом, в назидательных целях, постоянно подчеркивается, что «нет ничего выше пищи». Также существуют приметы, связанные с гостями и угощением. Если кому-то во время чаепития в чашку попадут чаинки, то ему придется ждать гостя в своем доме. Если кто-то икает, то спрашивают, «не съел ли он ворованную еду». Если чешется подбородок, где-то ждет угощение. Если человек, принеся в чей-то дом еду от своего дома, поест ее, то у него жена родит девочку. Подобные поверья и приметы формируют определенные этические правила и носят сакральный и символический характер.

Традиция гостеприимства тесно связана с народными праздниками и природными циклами. Весна в казахской культуре олицетворяет пробуждение природы, начало нового года (*Наурыз*, день равноденствия) после долгой зимы. Обновление природы и социума сопровождается рядом празднеств, укрепляющих коллективный дух и групповую идентичность. Проявляя заботу о старшем поколении в этот период, члены семьи следуют обычаю *Белкөтерер*, означающему дословно «приподнять спину», включающему угощение особенными блюдами. Более молодые члены семьи, дети или близкие родственники готовят самые вкусные, калорийные и полезные блюда, дабы придать силы своим близким после долгой зимы. Во время угощения преподносится почетное блюдо (*сый табақ*), которое готовят весной после окота скота из первой белой пищи и остатков зимнего мяса (*соғымнан қалған*). Символическую и главную роль в почетном блюде выполняет спинная часть туши крупного животного (*омыртқа*, т.е. позвоночник), подаваемая с белым и красным творогом.

Немаловажной традицией, связанной с приходом весны, являлась *ұйқыашар*, что дословно означает «проснуться». Это совместное угощение обрядово-хозяйственного характера, проводимое к началу сезона окота скота. Обычно в это время собирается молодежь аула, парни и девушки всю ночь следят за скотом, ухаживают за приплодом. В такие ночи, чтобы не спать, отогнать сон (*ұйқы ашу*), жарят на огне куски сушеного, вяленого мяса, готовят многосоставное блюдо *кәпкәже* из молозива и разных других продуктов. Во время бдения устраивается веселье с шутками, играми [ПО № 3, с. 8].

Приметы и поверья, связанные с религией и уважением к пище

Поверья и приметы в традиционной казахской культуре тесно переплетены с космогоническими верованиями и религиозным мировоззрением, в которых присутствуют этические правила, объединяющие в себе моральные и ценностные установки социума. Например, согласно выражению «пищу (соль) не пинай (не выливай), девушку не оскорбляй» (*«асты (тұзды) теппе (төкпе), қызды секпе»*), о всякой пище нельзя плохо отзываться, так как это чревато уменьшением достатка, голодом. Категорически запрещается есть, сидя голышом или босым, а также обутым лишь на одну ногу. В народных поверьях говорится о дьяволе, который однажды признался в том, что «может любое зло причинить человеку, но не может его заставить есть, сидя обутым лишь в одну ногу», что указывает на силу запрета. Если человек во время еды уронит с рук пищу или посуду, то говорят, что это дьявол сбил либо не суждено, так как никакое действие не происходит без причины, как некое предупреждение.

В отношении негласных правил в пищевом поведении присутствовал ряд поверий. Например, запрещено употреблять пищу левой рукой, такое действие благоприятствует козням дьявола. Левая рука несет в себе знаки связи с иным, потусторонним миром. Например, во время омовения покойника целесообразно использовать левую руку. Нельзя есть мясо животных, птиц, относящихся к запретным. Гигиена имеет немаловажное значение в традиционной организации питания. Нельзя есть также и мясо издохшего домашнего животного, мертвечину, что

приравняется к нечистотам. На ночь пищу не оставляют открытой, а обязательно накрывают. Помимо практической, гигиенической стороны, довлеет также представление о том, что незакрытой пищей овладеют нечистые, злые силы, а это ведет к болезням. Иррациональные представления о существовании злых духов, влиянии нечистой силы глубоко заложены и отражены в пищевых практиках традиционной культуры.

Поверья, связанные с дорогой

Поверья, связанные с дорогой, имели сакральное значение для человека, собиравшегося в путь. При этом уделялось внимание этическому принципу уважения и почитания старшего. Отправляясь в дальний путь, следует отвести пищу в «старшем доме», принявшем отцовское наследство, или же в доме, который считается особо наделенным добрым вниманием духов предков (*аруақты ұй, аруақ қонған ұй*). Это приравняется к особым благословениям, идущим от предков. В дальнюю дорогу стараются не брать с собой масло (*сарымай*). Желтый цвет масла содержит намек на бесконечное пространство степи (*сарыдала*), протяженность во времени. В этом отражено стремление избежать длительной ненужной езды, желание иметь краткий путь.

Поверья и приметы, связанные с народной медициной

Этнографические исследования подтверждают, что система лечения в народной медицине опиралась на ценность пищи [Алимбай и др., 1998]. Пища играет важную роль в лечении и профилактике заболеваний. Есть примета о том, что если у человека болят суставы, кости, то ему поможет навар от сорока костей ног (*сирақ*) животных, собранных в разных аулах. Больному, который лежит с переломом кости, поможет еда, собранная по частице в сорока домах (*қырық үйдің қылауынан*). Такую еду, называемую «кушанье от перелома» (*мертік ас*), готовят родственники, соседи и приносят больному на дом. Поможет при переломе, если больной отведает пищу в семи домах. Считают, что кости зарастают так же быстро, как быстро заканчивается собранная еда; подразумевается, что больной должен хорошо питаться во время перелома, причем есть питательную и разнообразную пищу [ПО № 2, с.13]. Отмечается смысловая направленность примет в отношении подрастающего поколения. Детям нельзя давать мозг животных, ребенок вырастет слабым и бесхарактерным. Изначально голова животного отводится взрослым, старшим. Костный мозг тоже едят взрослые, детям его не дают. В противном случае у детей постоянно будет течь из носа, т.е. они вырастут сопливыми. К тому же, став взрослыми, они будут безжалостны к родителям.

Приметы и поверья, связанные с животным и природным миром

Необходимо отметить взаимосвязь человека и окружающих его домашних животных. Перед тем как покормить кошку, ее слегка щелкают по лбу (согласно народной легенде, кошка на том свете жалуется, что «хозяин не кормил ее», тогда как собака, напротив, защищает хозяина, говоря «о хорошем уходе с его стороны»). Будто бы кошка также внутренне желает, чтобы «в этом доме не было детей, и всё вкусное ела сама». Из таких поверий родилось представление о людях с «кошачьими желаниями», т.е. постоянно мыслящих не совсем хорошо об окружающих. Собаке не наливают еду домашним половником, обязательно пользуются другой посудой, чтобы не ушли достаток и благополучие из этой семьи, кроме того, так делается из соображений гигиены. При первой весенней грозе выносят из дома в ковшике немного молочного (айран), которым мажут снаружи дома (юрты) возле двери, метят порог, затем обходят дом, легонько постукивая ковшом по стенке, проговаривая: «много молока, мало угля» (*сүт көп, көмір аз*). Предполагается, что это способствует увеличению надоя молока у домашних животных. Одновременно это действие означает конец холодной зимы, наступление лета. Гроза приносит добрые дожди, от которых зеленеет степь, поднимается буйная трава. Люди просят благополучия, увеличения достатка (молоко, айран означает светлое начало, достаток в доме, тогда как уголь здесь связан с темным началом, трудностями).

Приметы и поверья, связанные со свадебной обрядностью

Семиотические модели семейной обрядности выделяются своеобразными визуальными маркерами в форме ритуальных действий. В этнографических исследованиях [Ерназаров, 2003, с. 183] свадебная обрядность выступает как полисемантическая категория, в которой обыгрываются с семиотической точки зрения идеи плодородия, роста, получения «разрешения» у аруахов, т.е. духов предков. Например, *отқа май құю* — лить масло на огонь, кормить огонь. Издревле у казахов огонь олицетворяет жизнь, непрерывное существование всего живого. Обряд проводится во время свадебных процессов и символизирует огонь, зажженный новой семьей.

Масло в традиционной казахской среде означает начало всего благосостояния, суть семейного достатка (*үйдің құты*). Ярко вспыхнувший огонь, на который вылили масло, символизирует жизнь молодой семьи в достатке и богатстве, а также доброе, светлое (освещенное) начало совместного пути молодых. Свадебные ритуалы, сформировавшиеся в доисламский период, имеют значение и по сей день, вкрапляясь в содержание народного ислама или казахского ислама.

Поверья и пищевые практики, связанные с рождением ребенка

До сегодняшнего дня сохранились рецепты ряда национальных блюд, таких как *үлпершек*, *құрсақшашу*, *жарысқазан*, *ұлтабар*. *Үлпершек* — разновидность редко употребляемого почетного блюда из сердечного мешка лошади, куда кладут мясо, жир. Готовится наподобие шужука (*шұжық*), поэтому его вялят с целью хранения на определенное время. С этими блюдами было связано поверье, что на человека перейдут качества определенных частей туши (сердце, голова, глаза, небо). Например, сердце, начиненное нежными кусками мяса, преподносили замужним дочерям, тем самым выражая родительскую любовь. *Құрсақшашу* — блюдо, приготавливаемое в честь первой беременности молодой женщины или когда долгое время ждут беременности у снохи в доме. На ритуальное празднество приглашаются женщины аула, которые приносят с собой еду для беременной: она должна отведать разнообразных и калорийных блюд. Если беременной во время токсикоза не дать требуемую пищу (*жерігі қанбаса*), родится слабый ребенок, слюнять. По этой причине в старину старались выполнить просьбу беременной женщины о получении определенной еды. Согласно одной легенде, женщина просила достать сердце льва; после того как просьба была выполнена, она родила сына, к которому перешла сила этого зверя, и он стал могучим батыром. Также, согласно магическим представлениям, беременной женщине не дают есть мясо щиколотки: считается, что это может привести к тяжелым родам. Смысл обрядового действия и блюда *жарысқазан* связан с быстрым приготовлением в условиях беготни, впопыхах. Обряд проводится в тот момент, когда у роженицы начинаются схватки. В этот час, радостный и тревожный, женщины поднимают притворную суету, торопливо готовят еду, обычно *қуырдақ*, жаркое, для которого не требуется много времени. Еду готовят в казане или сковородке типа *тәңкерме*. Это делается с целью обеспечить быстрые и безболезненные роды, чтобы роды прошли так же быстро, как быстро будет приготовлена еда. Магическую роль играет присутствие ножа. Начинают нарочито точить нож о край казана, приговаривая: «быстро ли черный казан поспеет, быстрее ли черная женщина родит» (*қара қазан бұрын пісе ме, қара қатын бұрын туа ма*). Громкое точение ножа будто бы помогает беременной, когда она тужится, сжав зубы [ПО № 1, с. 4]. В казахской традиции немаловажную роль играет блюдо *ұлтабар* — буквально «родить сына». Оно представляет собой отросток, часть бараньего желудка, которую варят, начинив жиром. Кладут обычно в почетное блюдо (*сый табақ*) для гостей. Один из старших гостей, немного нарезав с остатка от него, отдает какой-либо из молодых невесток этого дома с пожеланием «родить сына» (*ұл тап*). Молодая женщина берет двумя руками, выразив благодарность и поклонившись.

В традиционной системе питания отмечены важные моменты жизненного цикла человека. В процессе социализации ребенка четко фиксировали его положение через ритуальные действия с пожеланием всевозможных благ. Например, обряд *перерезания пупа* проводился при достижении ребенком одного года. Первые шаги ребенка символизировали, что он пришел в этот мир на долгую жизнь, и символическое перерезание пупа на ногах должно было помочь ему идти по жизни уверенно. Трапезы имели характер жертвоприношений [Шаханова, 1998, с. 90]. Также имелись поверья, связанные с пожеланиями ребенку благ. Например, если ребенок ест крошки хлеба, то, повзрослев, станет богатым. Символическая значимость поверья формировала в ребенке уважительное отношение к пище, бережливость, уважение к хлебу. Небо для употребления обычно дают девочке с пожеланиями красивого голоса, навыков искусного рукоделия. Если ребенок съест спинной мозг, то может утонуть в реке. Вместе с тем человека с водобоязнью лечат, дав ему спинной мозг и хрящи. Детям запрещено употреблять глотку животного, так как это приведет к неумеренности и ненасытности в просьбах. Если маленький ребенок отрыгнет, то быть достатку.

Правила, связанные с запретами

В пищевых практиках в традиционной казахской культуре существует ряд запретов. Нельзя есть трахею, в противном случае человек может остаться «голым», т.е. обеднеет, нечего будет надеть. Особенно стараются не давать трахею из соображений, что невеста или жених придет «голым», т.е. попадется бедный супруг или супруга. Если при обработке мяса в глотку не кладут жир, в этот дом придет «голая», бедная невеста.

В запретах также фиксируются знаковые поверья и приметы. Например, девушке не дают лучевую кость — засидится в девках. Эта часть туши предназначена для старших женщин в доме. Стараются не давать легкие, так как это ведет к мягкотелости, рыхлости. Запреты в пищевых практиках имеются и в процессе воспитания детей. К примеру, не дают детям мясной слой (*айналшық*) вокруг прямой кишки (*кәтен*), иначе они вырастут пассивными, не захотят покидать аул. Детям нельзя давать глотку — вырастут склочными, горлопанами. Девочке нельзя давать копчик — вырастет непоседливой, несерьезной и бесхарактерной. Мальчикам нельзя давать острие грудинки (*төстің сүріншегі*). Это чревато тем, что, когда он поедет забирать невесту, у него конь будет спотыкаться.

Существуют запреты, связанные с обереганием беременной женщины. Респондентами были обозначены, например, такие правила. Беременной нельзя есть верблюжатины. Это связано с боязнью, что беременность продлится не девять, а двенадцать месяцев, как у верблюдов, и рожать будут редко. Нельзя есть зайчатину, так как ребенок может родиться с заячьей губой. Иногда полагали, что определенная часть тела животного обладает своими качествами, которые могут перейти к человеку.

Тенгрианские ценности тюркской культуры фиксируют сакральное отношение к воде как источнику жизни. Воду не взбалтывают: такое делается при проклятиях и других подобных действиях и процессах, поэтому в обычной ситуации это запрещено.

Ряд правил существует в повседневных пищевых практиках. Если пролить молоко или айран, это вызовет болезнь вымени животного. Остатки пищи нельзя выливать, выбрасывать. Их можно дать скоту, чтобы не остались под ногами, или оставляют на каком-то высоком месте, чтобы их съели собаки, звери, птицы. Режут скот, повернув животное головой в сторону Мекки. Это делается, чтобы исполнились просьбы от Всевышнего а также чтобы был благословен и воспринят жертвенный скот. Людям другой религии не дают резать скот, мясо станет арам. Здесь наблюдается исламский контекст, строго определяющий ритуальные действия.

Приметы, связанные с народной этикой

Не менее интересны запреты, связанные с поведением за столом. За столом (*дастархан*) нельзя разговаривать грубо, произносить непристойности. Важным был принцип взаимоуважения при трапезе. Нельзя говорить с пищей во рту, перешагивать через стол, есть на улице, на ходу, стоя и лежа. Зашедший во время трапезы человек желает сидящим за столом приятного аппетита (*ас тәтті/дәмді болсын!*). Это пожелание благополучия, чтобы еда пошла на здоровье. Когда после завершения трапезы возвращают блюдо с остатками еды, невестка дома делает поклон в знак уважения к старшим и к пище. Во время трапезы хозяин прежде гостя не заявляет, что наелся, раньше гостя не заканчивает есть. Соблюдается приличие перед уважаемым гостем. Гость, у которого жив отец, не ест голову, тем самым он подчеркивает, обозначает свой статус в обществе — человека, имеющего отца. Начинать есть раньше старших — значит проявлять неуважение к ним. Вставать и уходить после трапезы можно только после произнесения старшим благословения (*ба-та*), что показывает уважение к пище и присутствующим за трапезой. Как видим, в подобных поверьях находят отражение принципы уважения к старшим и социальной иерархии.

Если человек, нарезающий мясо во время трапезы, оставляет небольшую часть или кусок, то ему делают замечание, стыдят, что он будто бы склонен ко лжи (*өтірік айтатының бар екен*). У казахов, считавших, что «пища путника в дороге», это особенно осуждается. Правильно разливать чай было испытанием для невестки; точно так же умело нарезать мясо перед сидящими считалось испытанием для молодых джигитов. В старину на тех, кто уклонился от угощения для путников (*конақасы*), налагали штраф (*айып*). Во время еды нельзя чавкать, громко жевать. Из поздних правил следует отметить запрет на *жаназа* (заупокойная молитва мусульман) по тому, кто умер от спиртного. Таких покойников следует хоронить отдельно. Белую пищу (молоко, айран, кумыс) не проливают на землю. Если случайно прольется, человек, обмакнув палец в молоко, касается им лба; если это женщина, то коснется правого плеча и правого воротника. Когда прольется молоко, иногда это может быть воспринято как знак того, что духи предков требуют к себе внимания (*аруақ дәмепіп жатқанының белгісі*). Потерю скота от диких зверей тоже могут воспринять как недовольство духов предков, как выражение их гнева. Посуду, мешковину, которые использовались в дойке молока, в изготовлении сыров, нельзя мыть, стирать в реке, проточной воде или носить в них воду. Вода может унести своим течением достаток этого дома, также можно навлечь болезни скота, у животных может заболеть вымя. Если белую пищу прольют вне дома, это место следует засыпать песком, чтобы ногами не топтали. Если молоко, сыры, масло, айран станут негодными к употреблению, можно дать скоту, сжечь или закопать в земле. Нельзя доить животных, не помыв руки,— рас-

пухнет вымя и не будет молока. Казахи запрещали после сумерек выносить из дома молоко и оставлять непокрытым. Если нужно вынести молоко вечером, ночью, то следует накрыть посуду крышкой, чтоб на молоко не падал свет луны.

В целом система жизнеобеспечения и картина мира в казахской культуре основаны на представлениях о гармоничном сосуществовании человека и природы. Если во время свадьбы пойдет дождь, то говорят, что кто-то из молодых в детстве ел много *қаспақ* — слой накипи молока, что остается на дне казана. Льют белую пищу иногда и в ознаменование какого-то особенно благоприятного года, в течение которого в семье исполнились заветные желания или небывало вырос достаток, увеличилось поголовье скота и т.п. Этот год объявляется в семье годом благосостояния, необычного достатка, иначе — *құт жылы*. Когда уходит этот год, с пожеланиями о том, чтобы до следующего цикла (*келесі мүшелде айналып келгенінше*) достаток держался в доме, льют белую пищу на голову того животного, с которым соотносится уходящий год. Например, если это год собаки, то льют молоко на голову собаки, что имеет большое символическое значение в отношении благополучного перехода времени в цикле тенгрианского календаря.

Таким образом, собранный в ходе полевого исследования материал показывает, что изучение нематериального культурного наследия крайне важно для сохранения национального кода и идентичности. Традиционные модели пищевых практик повседневности не теряют своей значимости в казахской культуре. Символические значения поверий и примет в организации пищевых ритуалов и обрядностей могут быть подвержены трансформациям ввиду смены хозяйственного образа жизни и влиянию глобализации. Можно отметить, что в современном казахском обществе преобладают культурные поверья, паттерны и модели пищевых практик повседневности, опирающиеся на духовные ценности народного ислама. Синтез различных пищевых практик в традиции и ритуалах казахского народа является неотъемлемой частью нематериальной культуры, актуализированной в рамках программы духовного возрождения.

Финансирование. Исследование выполнено за счет программы целевого финансирования Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (А.А. Мусагажинова — ИРН проекта BR05236868 «Изучение, сохранение и популяризация культурного наследия Сарыарки»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аджигалиев С.И. Генезис традиционной погребально-культовой архитектуры Западного Казахстана (на основе малых форм). Алматы: Гылым, 1994. 260 с.
- Алимбай Н., Муканов М.С., Аргынбаев Х. Традиционная культура жизнеобеспечения казахов: Очерки теории и истории. Алматы: Гылым, 1998. 234 с.
- Арутюнов С.А. Основные пищевые модели и их локальные варианты у народов России // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М.: Наука, 2001. С. 10–17.
- Арутюнов С.А., Воронина Т.А. (ред.) Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М.: Наука, 2001. 293 с.
- Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
- Ерназаров Т. Семейная обрядность казахов: Символ и ритуал. Алматы, 2003. 200 с.
- Кенжеахметулы С. Быт и культура казахского народа. Алматы: Алматыкітап баспасы, 2012. 383 с.
- Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
- Масанов Э. Очерки истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата: Наука, 1966. 332 с.
- Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX — нач. XX в.). Алма-Ата: Гылым, 1991. 214 с.
- Шаханова Н.Ж. Мир традиционной культуры казахов: (Этнографические очерки). Алматы: Қазақстан, 1998. 184 с.

ИСТОЧНИКИ

- Полевой отчет № 1, Сарыаркинская комплексная этнографическая экспедиция, 2018 г. (рук. Мусагажинова А.А.)
- Полевой отчет № 2, Сарыаркинская комплексная этнографическая экспедиция, 2018 г. (рук. Мусагажинова А.А.)
- Полевой отчет № 3, Сарыаркинская комплексная этнографическая экспедиция, 2018 г. (рук. Мусагажинова А.А.)

Musagazhinova A.A.^a, Kabidenova Zh.D.^b

^a National Museum of the Republic of Kazakhstan, “Halyk Kazynasy” Research Institute
Tauelsyzdyk av., 54, Nur-Sultan, Z00T2C9, Republic of Kazakhstan

^b S. Toraihyrov Pavlodar State University
Lomov st., 64, Pavlodar, S03K9T0, Republic of Kazakhstan
E-mail: aiya84@mail.ru (Musagazhinova A.A.); erasil_zhuldiz@mail.ru (Kabidenova Z.D.)

Ritual and ceremonial functions of the Saryarka Kazakh food (20th–21st centuries)

The study is aimed to identify the functions of the semiotic models in everyday food practices in the context of ritual and ceremonial activities. The objective of the research is the food practices extant in the modern Kazakh culture in the form of traditional beliefs and folklore. An ethnographic field research was carried out to collect materials in the Northern and Central Kazakhstan by means of structured interview, photographic documenting, and video recording. Using specially designed questionnaires and focused checklists, 120 respondents were interviewed, 80 checklists completed, and 7 recipes and cooking technologies of traditional Kazakh cuisine characteristic to the region were recorded with respect to the traditional diet. The ethnicity of the respondents is Kazakhs. In our study, we used methods based on historical, cultural, ethnographic, semiotic, and hermeneutic analyses. The results of the research, collected during the field study, showed that in the modern everyday practices of the Kazakh ethnic group, there are established models of transfer of cultural experience from one generation to another. It has been found that the traditional ideas of the dietary culture have been preserved with the support of religious values. Rituals and ceremonies in the food culture of the modern Kazakh ethnic group are relevant for activities related to the life cycle of a person, from their birth, adulthood, to their funeral. Various types of beliefs and superstitions in food practices are considered, which in the traditional Kazakh culture reflect the close entwinement of cosmogonic and religious worldviews within the triune of ‘Man, Nature, and God’. A set of ethical rules, related to the prohibitions and behavior at a meal in the food culture, is presented. Some surviving recipes of the traditional Kazakh cuisine have been identified. In the modern Kazakh society, along with the transformation of the food culture, however, traditional cultural patterns and models prevail, notably, those formed during the pre-Islamic period and later on, taking into account the Islamic component.

Key words: Northern and Central Kazakhstan, Kazakh cuisine, food culture, ritual, symbol, belief, sign.

Funding. The article was prepared under the TF project of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan.

REFERENCES

- Adzhigaliev S.I. (1994). *The genesis of the traditional burial and cult architecture of Western Kazakhstan (based on small forms)*. Almaty: Gylym. (Rus.).
- Alimbaï N., Mukanov M.S., Argyubaev Kh. (1998). *Traditional culture of life support of Kazakhs: Essays on theory and history*. Almaty: Gylym. (Rus.).
- Arutyunov S.A. (2001). The main food models and their local variants among the peoples of Russia. In: *Traditsionnaya pishcha kak vyrazheniye etnicheskogo samosoznaniya*. Moscow: Nauka, 10–17. (Rus.).
- Arutyunov S.A., Voronina T.A. (Eds.) (2001). *Traditional food as an expression of ethnic identity*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Baiburin A.K. (1993). *Ritual in traditional culture: Structural and Semantic Analysis of East Slavic Rites*. St. Petersburg: Nauka. (Rus.).
- Ernazarov Zh.T. (2003). *Family ritual of Kazakhs: symbol and ritual*. Almaty. (Rus.).
- Kenzheakhmetuly S. (2012). *Life and culture of the Kazakh people*. Almaty: Almatykitap baspasy. (Rus.).
- Lotman Iu.M. (2000). *Semiosphere*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. (Rus.).
- Masanov È. (1966). *Essays on the history of ethnographic study of the Kazakh people in the USSR*. Alma-Ata: Nauka. (Rus.).
- Toleubaev A.T. (1991). *Relics of pre-Islamic beliefs in the family rituals of Kazakhs (XIX — early XX centuries)*. Alma-Ata: Gylym. (Rus.).
- Shakhanova N.Zh. (1998). *The world of Kazakh traditional culture: (Ethnographic essays)*. Almaty: Kazakhstan. (Rus.).

Мусагажинова А.А., <https://orcid.org/0000-0003-2821-082X>

Кабиденова Ж.Д., <https://orcid.org/0000-0002-1478-1747>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 25.02.2021

Article is published: 28.05.2021

Стасевич И.В.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034
E-mail: stinga73@mail.ru

ВЫЗОВ ВРЕМЕНИ: ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ «ЗАБЫТЫХ» ТРАДИЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Статья основана на материалах по традиционной и современной казахской культуре. Автор анализирует некоторые обрядовые практики жизненного цикла, в основе которых лежит традиционный сценарий, однако современными казахами они воспроизводятся на новом уровне, часто наделяются новым смыслом и значением. Особое внимание в статье уделяется стратегиям поддержания преемственности в современной обрядности жизненного цикла, механизмам формирования локальной и региональной идентичности в современных условиях.

Ключевые слова: казахи, обряды жизненного цикла, воспроизведение традиций, региональная и локальная идентичность.

Современная казахская культура ориентирована на традицию. Обряды, в особенности связанные с жизненным циклом человека, большинством современных казахов рассматриваются как обязательная составляющая повседневной жизни. Обрядовые практики, маркирующие важные вехи в жизни человека, в современной культуре имеют выраженный социальный подтекст, они переходят на уровень социально значимых трапез, подтверждающих и закрепляющих новые статусы в рамках семейно-родственной группы, семантическая составляющая обрядовых мероприятий уходит на второй план и часто не имеет единой интерпретации среди носителей культуры.

Такой интерес к национальной культуре среди современных казахов можно объяснить декларируемой политикой суверенного Казахстана. Одним из основных тезисов национальной идеи стало возрождение этнических традиций, дистанцированность от советского прошлого, что повлекло за собой конструирование национальной истории и отчасти этнических традиций, что, в свою очередь, привело к заметной архаизации ценностных ориентиров этноса. Однако эти идеи не остались на уровне декларируемых патриотических тезисов, простые обыватели восприняли их с энтузиазмом. Знание традиций, следование им в настоящее время расценивается казахами как один из основополагающих компонентов социального статуса индивида. Человек, который выпадает из сложной системы традиционных связей, оказывается вне социума, его общественный статус заметно понижается. Воспитание в рамках традиционных ценностных ориентиров становится признаком «настоящего казаха», позволяет ощущать единство этнической общности, ее культурное своеобразие в глобальном мире. «Традиционность» казахского общества проявляет себя на нескольких уровнях. Верховые инициативы, которые носят региональный характер долгосрочного планирования, реализуются посредством национальной идеи возрождения этнической культуры и исторической памяти. К ним могут быть отнесены и инициативы официальных исламских институций по реформированию обрядности, ее исламизации. Низовые инициативы связаны с конструированием обрядности на локальном уровне, в рамках отдельных социальных групп, именно они для этнографа и представляют несомненный интерес. Этот уровень более динамичный, в отличие от консервативного регионального, он напрямую связан с конкретными проявлениями обрядотворчества обычных людей, с индивидуальным опытом познания культуры. Локально-синхронный срез традиции показывает рефлексию человека на вызовы времени, его способность приспосабливаться к изменяющимся внешним и внутренним условиям. Эта динамика обеспечивает сам процесс трансформации традиций, переосмысления «региональных», спущенных сверху инициатив и превращения их в локальные варианты.

Проблеме соотношения «регионального» и «локального» в контексте этнокультурных исследований посвящено достаточно много публикаций, часто интерпретации этих понятий существенно разнятся [Булкин и др., 1999; Добрякова, 1999; Звягинцева, 2007; Иконникова, 2010, с. 74–77; Жукова, 2010; Соколовский, 2013; и др.]. Воспользуемся теоретическими разработками коллег, изложенными в недавно вышедшей в свет монографии «Логика трансформаций. Ре-

гиональная и локальная специфика культурных и языковых процессов» [Морозов и др., 2019]. Согласно их гипотезе, региональные типы являются манифестациями устойчивых, сложившихся культурных форм, сохраняющимися в течение длительного времени именно вследствие их функционирования внутри административных образований, которые определяют их нормирование и кодификацию. Локальные типы связаны не столько с территорией, сколько с определенными группами населения, социумами. Они более динамичны и изменчивы, поскольку отражают насущные потребности изобретающих и применяющих их социальных групп [Там же, с. 38]. Накопленные за многие годы этнографами и историками материалы по казахской культуре убедительно показывают, что единой обрядности жизненного цикла у казахов никогда не существовало, она имела локальные особенности в зависимости от устоявшихся традиций, характерных для того или иного региона, социально-родственной группы. Но при этом комплекс обрядности жизненного цикла на всей территории расселения казахов сохранял и сохраняет общую структуру, обязательный набор последовательных этапов, что и позволяет нам рассматривать его как единую систему. Современные исследователи уделяют большее внимание описанию и анализу обобщенных форм обрядовой культуры, чем изучению механизмов адаптации традиционной обрядности в современных условиях [Аргынбаев, 1974; Толеубаев, 1991; Шаханова, 1998; Коновалов, Шаханова, 1998; Ерназаров, 2003; Стасевич, 2011; и др.]. Если же такие исследования и проводятся, то «локальность» большей частью рассматривается как территориальная характеристика анализируемого материала [Мустафина, 1992; Ажигали, 2001; Бекбалак, 2001; Галимова, 2001; и др.].

В статье речь пойдет о некоторых обрядовых практиках жизненного цикла, в основе которых лежит традиционный сценарий, однако современными казахами они воспроизводятся на новом уровне, часто наделяются новым смыслом и значением. Полевые материалы, данные, полученные при анализе казахских интернет-ресурсов, посвященных вопросам отправления основных обрядов жизненного цикла, дают возможность зафиксировать элементы стабильности и изменчивости в обрядовых практиках, изучить факторы, влияющие на механизм формирования локальной и региональной идентичности в современных условиях. Регулярные и планомерные полевые исследования позволяют нам фиксировать динамику становления и развития таких практик на достаточно коротком временном отрезке — в пределах 10–15 лет. Именно за этот период они могут проходить путь от инновации к традиции. Такой подход обеспечивает возможность изучения форм и способов трансформации традиции в исторической перспективе. Основным источником при анализе исследуемой проблемы стали полевые материалы автора, полученные во время этнографических экспедиций в Казахстан в течение нескольких полевых сезонов (1998 г. — Алматинская, Восточно-Казахстанская обл.; 2006 [Стасевич, 2006], 2007 [Стасевич, 2007] гг. — Западно-Казахстанская, Актюбинская обл.; 2009 г. [Стасевич, 2009] — Актюбинская, Оренбургская обл. РФ; 2014 г. [Стасевич, 2014] — Туркестанская, Алматинская обл.; 2018 [Стасевич, 2018], 2019 [Стасевич, 2019] гг. — Актюбинская обл.). Основная цель этнографического исследования заключалась в выявлении мнений информантов о состоянии собственной этнической культуры и перспективах ее развития. Оценка информантами своей культуры включала осознанный/неосознанный отбор актуальных для них этнических ценностей, современную трактовку исторической традиции и влияние традиции на современную обрядовую сферу. В каждом населенном пункте мы старались проводить интервью с представителями администрации, служителями мечетей, работниками школ, библиотек, краеведческих музеев, далее выбор информантов происходил по принципу «снежного кома». Кроме интервьюирования информантов применялся метод непосредственного наблюдения. Пребывание в населенном пункте более 5 дней позволяло провести его микростационарное исследование, направленное на углубленное изучение и более тщательную фиксацию всех сторон жизни населения данного поселка, включая обрядовую сферу. В этом случае применялась методика «включенного наблюдения». При работе с информантом учитывались следующие факторы: уровень образованности и подготовленности человека по теме беседы, уровень его религиозности, возраст, пол. Кроме того учитывалась роль ближайшего социального окружения информанта, его семьи и родственников в формировании его мнения о том или ином изучаемом нами явлении культуры.

Рассмотрим один из ярких примеров «возвращения» забытой традиции. В традиционной казахской культуре большое значение придавалось манипуляциям с последом и пуповиной только что рожденного ребенка. В обязанности повитухи (*кіндік шеше*, дословно «пуповинная мать») входило перерезание пуповины ребенка и «похороны» последа в чистом месте, вдали

от найденных троп. Пуповину ребенка мать хранила вместе с первыми состриженными волосиками и ногтями младенца. Модернизационные процессы изменили традиционный уклад, уже с середины XX в. большинство казахских женщин рожали в роддомах, под присмотром врачей и акушеров. Пуповина у ребенка отпадала в роддоме, описанная выше практика достаточно быстро исчезла, женщины не отслеживали судьбу последа и не забирали пуповину ребенка. При этом основной сценарий родильной обрядности сохранялся.

В настоящее время женщин из роддома выписывают, как правило, на третий день, следовательно, пуповина у ребенка отпадает уже дома, в освоенном пространстве домашних обрядов, под присмотром старших женщин семьи, а не в официальной больничной атмосфере. Изменилась жизненная ситуация, новые обстоятельства спровоцировали воспроизведение забытой практики. Достаточно быстро на эту ситуацию среагировал рынок, в широкой продаже можно найти массу вариантов богато декорированных коробочек, шкатулочек для хранения не только первых волос и ногтей ребенка, но и пуповины. Коробочки украшают надписи «Мамины сокровища», «Сокровища малышки» и т.п. Женщины охотно демонстрируют такие «сокровища», как правило, они хранятся в комнате родителей ребенка, где и находится младенец в первые годы своей жизни. Эта практика появилась в последнее время как реакция на своеобразный вызов времени. Основным источником знаний для молодых женщин стали не только знания старшего поколения, но и многочисленные доступные обывателям публикации, интернет-ресурсы, на страницах форумов женщины активно общаются, делятся информацией о тех или иных «исконных» традициях казахов. Роль личностей, пользующихся общественным признанием, в формировании такого фонда «исконных традиций» весьма значительна. Главное качество таких «экспертов» — признание коллективом их осведомленности о традициях казахского народа.

Несомненно, заслуживает внимание трансформация представлений, связанных с институтом *кіндік шеше*. Напомню, что это значимый персонаж в жизни ребенка; по традиции женщина, перерезавшая пуповину младенцу, становится, по сути, его второй матерью, она включается в социальную структуру семейно-родственной группы, в сложную систему дарообмена, принимает участие во всех обрядовых мероприятиях семьи. В современной жизни, когда врач в роддоме просто физически не может исполнять обязанности *кіндік шеше* для всех детей, при рождении которых он оказал медицинскую помощь, эту функцию приняла на себя женщина, встречающая молодую мать с ребенком из роддома. Еще лет десять назад эту женщину выбирали исходя из определенных традицией критериев, она должна была быть обязательно замужем, иметь многочисленное здоровое потомство, в последние годы все чаще на роль *кіндік шеше* молодые женщины выбирают своих подруг, иногда незамужних, или приглашают семейную пару, тогда кроме *кіндік шеше* у новорожденного появляется и *кіндік аке*.

При модернизации самого образа «пуповинной матери» устойчиво сохраняются ее функции. Она готовит «приданое» ребенку, за что получает от семьи роженицы подарок, обычно соизмеримый с потраченными средствами. В современной системе дарообмена большое значение приобрела договоренность, сейчас не считается отклонением от правил оговорить заранее, какие подарки будут сделаны и на какую сумму. Все понимают условность такого дарообмена, особенно молодое поколение, однако по традиции и ориентируясь на общественное мнение стараются следовать этому обычаю. Все большее распространение приобретает традиция замены предметных даров денежной суммой. Сохраняется демонстративность одаривания подарками, их всегда дарят прилюдно, при большом стечении гостей. Подарок обязательно должен получить одобрение присутствующих, это является одной из составляющей социального статуса семьи в рамках всей семейно-родственной группы.

Фактор социального престижа, одобрение окружающих и по сей день являются действующим механизмом воспроизведения принятых в обществе обрядовых норм и поведенческих стереотипов. Семья, отступающая от этих правил, рискует быть исключенной из системы социального взаимодействия. И здесь мы опять должны акцентировать внимание на том, что современная обрядность жизненного цикла в казахской культуре в основе своей имеет социальную составляющую, благодаря ей сохраняется и каждый раз подтверждается сложная система семейно-родственных связей и социальных статусов семей и индивидов.

Кто же устанавливает правила? Взрыв этнического традиционализма, последовавший за обретением Казахстаном политической независимости, повлек за собой конструирование «чистой» модели казахской культуры. Современные казахи видят в этом процессе попытку восста-

новить прошлое, обрести комфортные условия дальнейшего стабильного культурного развития нации, потерянные во время модернизации советского времени.

Казалось бы, именно представители старшего поколения, как хранители традиции, должны были занять лидирующее положение в установлении правил поведения и норм обрядовой жизни. Однако сам факт того, что старшее поколение выросло при советском режиме, заметно сокращает его авторитет среди молодежи, воспитанной уже в новых политических и социальных условиях. Этническими лидерами часто становятся люди среднего и молодого возраста, не просто знающие традиции, а во многом ориентированные на исламизацию этнической культуры, с их точки зрения безвозвратно испорченную атеистическим прошлым советской эпохи. Тем не менее стратегия поддержания преемственности поколений, в том числе в обрядовой сфере, в настоящее время остается лидирующей. Именно мнение старшего поколения, его одобрение или осуждение того или иного действия во многом продолжают формировать представления о «правильном» сценарии проведения обрядов жизненного цикла.

Среди «забытых» традиций оказались и новые практики, например *тілашар* (букв. «открытие языка»), семейный праздник при поступлении ребенка в школу, который справляется накануне 1 сентября в тех семьях, где есть первоклассники. Он знаменует собой окончание младшего детского возраста, начало школьной жизни и получил широкое распространение, по имеющимся данным, около десяти лет назад. Современные казахи объясняют его появление как «воссоздание забытой традиции», отсылка к ней в данном случае является установлением легитимности новой практики. Напомню, что в традиционной казахской культуре далеко не все дети получали образование, и достоверных источников, в которых описывался бы данный обряд, нам не известно. Процесс создания новых обрядовых практик, которые маркируют значимые с точки зрения современных казахов моменты жизненного цикла, является вполне закономерным. Семья будущего первоклассника перед началом учебного года устраивает обильное угощение, иногда традиционно в два этапа: днем зовут пожилых людей, вечером остальных гостей — соседей, родственников, знакомых. Гости приносят первокласснику подарки, старики дают свое благословение. Главный подарок виновнику торжества приносит *кіндік шеше*, обычно это все, что потребуется ребенку в школе: портфель, школьные принадлежности, но часто подарки бывают очень значительными, например, дарят предметы детской мебели, одежду школьнику на несколько лет вперед, велосипед и т.п. Ответный подарок для *кіндік шеше* не уступает по стоимости ее дарам, самый распространенный его вид — ювелирные украшения. Если материальный достаток семьи позволяет, то для проведения *тілашар* арендуют помещение кафе или ресторана, приглашают певцов, аниматоров для развлечения детей.

По мнению самих носителей традиции, праздник *тілашар* прочно вошел в современную казахскую обрядность и завершает цикл обрядовых мероприятий, связанных с рождением и воспитанием детей, дополняя традиционный набор устоявшихся практик. Хотя, как отмечают исследователи культуры российских казахов Е.И. Ларина и О.Б. Наумова, сценарий его еще очень прост — по существу это традиционная праздничная трапеза, помимо угощения включающая ритуалы дарообмена и получения благословения — *бата* от представителей старшего поколения [Ларина, Наумова, 2016, с. 153]. Представляется, что момент поступления в школу выбран для стихийного обрядотворчества не случайно, образование среди казахов традиционно пользуется большим престижем. Современные казахи отмечают по тому же сценарию окончание школы и благополучную сдачу выпускных экзаменов своих детей, поступление в вуз и его окончание. Однако эти мероприятия не получили такого широкого распространения, как праздник *тілашар*. Их скорее можно отнести к благодарственным трапезам по случаю благополучного завершения того или иного жизненного эпизода. Процессы модернизации иногда способствуют актуализации архаических культурных, социальных, а часто и языковых форм, облекая их в новый формат. Очевидно, что начало учебы осмысливается как самый ответственный момент, начало нового жизненного этапа, который определит дальнейшую судьбу ребенка, и именно он должен быть ритуально зафиксирован, в первую очередь с целью получения защиты и благословения со стороны духов предков и старших родственников, что в конечном счете и обеспечивает легитимность изменения социального и возрастного статуса человека.

Для нас интересна отсылка носителей традиции к некоему традиционному канону, в действительности не существовавшему. Но для конструирования нового обряда это и неважно, главным фактором оказывается принятие большинством веры в существование в отдаленном и весьма неопределенном прошлом «забытой» традиции. Основным каналом трансляции ин-

формации по традициям такого рода становятся интернет-ресурсы; на сайтах, посвященных традиционной казахской культуре, не только размещается руководство по проведению того или иного обряда, но и дается отсылка к его историческому прототипу¹. Социальный престиж — у меня будет не хуже, чем у других — становится еще одним толчком к распространению инноваций. Сами казахи называют такую практику *бәсике бәйге*, что в переносном значении подразумевает конкурентную борьбу, соперничество, в том числе в проведении обрядовых мероприятий. Несомненно, что в этом случае играет свою роль материальный достаток семьи, пышное проведение того или иного обряда становится визуальным подтверждением экономического статуса не только отдельной семьи, но и всей семейно-родственной группы.

Инициативы «сверху» по регулированию процесса обрядотворчества и низовые, локальные проявления этого процесса могут не совпадать и даже вступать в конфликт. Так, в последнее время достаточно ярко проявилось своего рода противостояние между представителями официальных исламских институций, выступающих за исламизацию ряда традиций, и традиционалистами, считающими, что национальные казахские традиции имеют свою уникальную региональную особенность, не противоречащую основным исламским нормам². Среди обрядов жизненного цикла этот процесс заметнее всего проявляет себя в погребально-поминальной обрядности, некоторые практики подвергаются реформированию под влиянием местных лидеров мусульманских общин.

Приведу несколько примеров. По традиции до погребения тела покойного присутствующие на похоронах совершали обряд выкупа грехов *дәуір алу* (иногда его называют *ықсат*, *фидия*). Несомненно, что этот обряд имеет древние, в диахронической перспективе доисламские корни, его суть заключается в переносе грехов умершего первоначально, видимо, на животное, позднее на другого человека; таким образом покойный обретал безгрешность перед высшими силами в момент своего перехода в мир мертвых. В настоящее время этот обряд практически повсеместно объявлен не соответствующим нормам шариата и не выполняется. Служители мусульманского культа запрещают его проводить, апеллируя к исламским представлениям, что каждый человек сам должен ответить перед Богом за свои грехи. Основным исламским элементом погребальной обрядности является чтение заупокойной молитвы *жаназа*, которая в современной обрядности заменила обычай *дәуір алу*. Суть обрядового действия остается неизменной — прощение грехов, долгов и всех обид покойному со стороны живых сородичей. Однако цель прочтения заупокойной молитвы заключается еще и в обращении к Аллаху с просьбой быть милостивым к умершему и дать ему место в раю. Основным отличием между обрядом чтения *жаназа* и обрядом *дәуір алу* является то, что при *жаназа* не происходит добровольной передачи грехов и долгов покойного одному из присутствующих, собравшиеся только заверяют друг друга в том, что умерший безгрешен перед Богом и не имеет неоплаченных долгов перед живыми.

В последние годы со стороны официальных исламских институций ужесточился и контроль над меню поминальной трапезы. Теперь запрещены всякие излишества, например салаты, колбасы, фрукты. На стол предпочитают ставить национальные блюда. Рекомендации по меню поминальной трапезы можно увидеть на информационных стендах в мечетях, муллы и имамы ведут разъяснительные беседы с родственниками покойного. Известны случаи, когда мулла отказывался читать Коран на поминании покойного, если рекомендации по проведению поминальной трапезы семьей умершего не были приняты к сведению. Несмотря на то что представители официальных исламских институций советуют устанавливать скромный надмогильный памятник, на кладбищах над погребениями последних лет продолжают ставить обелиски с портретным изображением покойного, памятники с купольным завершением типа *кумбез* и квадратные оградки из силикатного кирпича и каменных блоков. В последние годы получила распространение даже практика подновления надмогильного памятника, что явно противоречит нормам ислама. Именно низовые инициативы, локальные проявления обрядовых практик позволяют судить о своего рода «сопротивлении» исламизации, исходящей в первую очередь от представителей официального ислама и исламизированной молодежи, которая получила исламское образование за пределами страны. Уровень религиозности человека играет значительную роль при выборе жизненной стратегии. Если среди пожилого населения, входящего в состав Совета аксакалов, большинство людей относятся к приверженцам «классических» ис-

¹ См., напр.: <https://sauap.org/ru/kazahskie-narodnye-obychai-2/> (дата обращения: 14.04.10); в том числе образовательные сайты: <https://infourok.ru/tradicii-kazahskogo-naroda-vneklassnoe-meropriyatie-3643433.html> (дата обращения: 14.04.20).

² Вопросы исламизации современной культуры подробно рассмотрены в моей статье «Современный Кыргызстан: повторная исламизация или возрождение национальной культуры» [Стасевич, 2018].

ламских норм³, то от них можно ожидать поддержки позиции официального ислама. Однако известны случаи, когда именно аксакалы, оставаясь на позициях традиционализма, противостояли официальному исламскому духовенству, защищая устои «веры отцов». Одно и то же явление в разные исторические периоды и в разных контекстах может оцениваться по-разному даже представителями одной и той же институции, социальной группы. Так, практики, которые в настоящее время рассматриваются в рамках «народных верований», несоответствующих классическим формам ислама, еще несколько десятилетий назад у местных мусульманских лидеров не вызывали отторжения.

Подведем некоторые итоги. В современной казахской культуре темпы изменений обрядности значительно выше, чем в традиционном обществе, тем не менее существующая потребность обрядового оформления основных этапов жизненного цикла человека обеспечивает актуальность воспроизведения основных традиционных практик и создание новых на основе переосмысления традиционных образцов. Основной функцией обрядовых практик в настоящее время является консолидирующая, обеспечивающая не только повседневное общение между семейно-родственными группами, но и передачу религиозного опыта, сохранение сложной системы социальных взаимосвязей казахского общества. Технологические инновации, такие как интернет, мобильная связь, несомненно, оказывают влияние на процесс обрядотворчества. Сокращается не только социальная дистанция между людьми, но и время передачи и осмысления информации. Количество каналов сохранения и трансляции культурной информации в современном казахском обществе заметно расширилось за последнее столетие. Можно говорить по крайней мере о двух линиях воспроизведения традиционных практик: старшее поколение большей частью ориентируется на «воспоминания», которые транслируются в семье из поколения в поколение, молодежь и отчасти люди среднего возраста формируют свое знание о традиции из сведений, полученных от стариков, и из средств массовой информации, включая современную публицистику и интернет-ресурсы. Изучая традиции в движении, необходимо чутко фиксировать происходящие изменения. Анализ мнений информантов среднего и пожилого возраста показал рост за последние десять лет и среди старшего поколения значения широкодоступной информации интернет-ресурсов и мобильных приложений в формировании мнения о возможности корректировки существующих обрядовых практик. Таким образом, и старшее поколение включается в процесс обрядотворчества, что обеспечивает поддержание преемственности в современной обрядности жизненного цикла.

Возникновение новых обрядовых форм опирается на традиционные представления о необходимости ритуального оформления определенных жизненных ситуаций. Незначительные вариации обрядов жизненного цикла у населения сельской местности и городов может объясняться сохранением активных контактов в семейно-родственных группах, они способствуют трансляции и технологических, и социокультурных инноваций между представителями одной группы, проживающих как в поселках, так и в городских условиях. Локальность в системе обрядотворчества выступает как адаптивный механизм, сглаживающий влияние модернизационных процессов, позволяющий носителям традиции приспосабливаться к быстро изменяющимся условиям современного мира. По сути, и региональность может быть рассмотрена как определенный уровень выражения локальности. Идеи и подходы, присущие этому уровню, также принадлежат особой социальной группе, но в отличие от локальных вариантов имеют поддержку на административном уровне. Поэтому они более устойчивы и сохраняются достаточно длительное время без особых изменений. Получая официальную поддержку, они перестают быть локальными, а следовательно, динамичными вариантами этнических традиции. Любая традиция некогда была инновацией, изучение современных форм обрядности на коротком отрезке времени позволяет зафиксировать процесс становления новых обычаев, стереотипов поведения, способы их сохранения и передачи в пределах нескольких десятков лет. Появляются инновации, как правило, в периоды относительной социальной и культурной нестабильности, ко-

³ Под «классическим исламом», как правило, подразумевают книжные формы учения, соответствующие пониманию ислама у образованной части религиозной общины, представителей официальных мусульманских институций. Это «образцовый» или «совершенный» ислам времен пророка Мухаммеда [Родионов, 2001]. Народные формы религиозности, в данном случае «народный ислам», включают в себя кроме нормативных положений традиционные обряды, верования, правовые институты, которые в диахронической перспективе могут быть отнесены к доисламским, поэтому часто его называют «этническим исламом», основанным на переосмыслении догматического учения и адаптации традиционных религиозных и юридических практик. Исследователи неоднократно обращали внимание на тесную связь «классического» и «народного» ислама в Центральноазиатском регионе [Поляков, 1989, с. 76; Литвинов, 2006, с. 133–143].

гда возникает своего рода разрыв между мировоззренческими и идеологическими установками поколений, как ответ на изменяющиеся условия существования. Казахстан за последние несколько десятилетий прошел этот путь, что, в свою очередь, не могло не сказаться на процессе обрядотворчества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аргынбаев Х.А. Свадьба и свадебные обряды у казахов в прошлом и настоящем // СЭ. 1974. № 6. С. 69–77.
- Ажигали С.Е. Религиозность и обрядность сельчан Казахстана в ближайшей ретроспективе: Жетысу, середина 80-х // Обычаи и обряды в прошлом и настоящем. Алматы: Ғылым, 2001. С. 35–96.
- Бекбалал К.А. Похоронно-поминальная обрядность казахов Южного Казахстана // Обычаи и обряды казахов в прошлом и настоящем: Алматы: Ғылым, 2001. С. 294–317.
- Булкин В.А., Герд А.С., Лебедев Г.С., Седых В.Н. Основания регионалистики: формирование и эволюция историко-культурных зон. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 390 с.
- Ғалимова А.К. Родильная и детская обрядность казахов Северо-Восточного Казахстана // Обычаи и обряды казахов в прошлом и настоящем. Алматы: Ғылым, 2001. С. 267–276.
- Добрякова М.С. Исследование локальных сообществ в социологической традиции // Социологические исследования. 1999. № 7. С. 125–133.
- Ерназаров Ж.Т. Семейная обрядность казахов: Символ и ритуал. Алматы: Курсив, 2003. 199 с.
- Жукова Н.В. Процессы формирования локальных культур и особенности их исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер. Гуманитар. науки. 2010. Вып. 590. С. 109–116.
- Звягинцева М.М. Константы региональной культуры // Ученые записки: Электрон. науч. журнал Курского государственного университета. 2007. № 1–2. С. 192–199.
- Иконникова Н.К. Символические границы местных сообществ // Местные сообщества: Проблемы социокультурного развития. М.: Независимый институт гражданского общества, 2010. С. 74–77.
- Коновалов А.В., Шаханова Н.Ж. Ребенок в системе традиционной обрядности казахов: Родильный и ранний воспитательный циклы // Детство в традиционной культуре народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. СПб.: МАЭ РАН, 1998. С. 7–36.
- Ларина Е.И., Наумова О.Б. Сквозь модернизацию: Традиции в современной жизни российских казахов. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 303 с.
- Литвинов В.П. Религиозное паломничество: региональный аспект (на примере Туркестана эпохи средневековья и нового времени. Елец: Елецкий гос. ун-т. им. И.А. Бунина, 2006. 377 с.
- Морозов И.А., Слепцов И.С., Самоделова Е.А., Куприянов П.С., Чеснокова Е.Г. Логика трансформаций: Региональная и локальная специфика культурных и языковых процессов. М.: Индрик, 2019. 991 с.
- Мустафина Р.М. Представления, культы и обряды у казахов (в контексте бытового ислама в Южном Казахстане в конце XIX — XX вв.). Алматы: Қазақ университеті, 1992. 172 с.
- Поляков С.П. Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. М.: Знание: Центральный дом научного атеизма, 1989. 112 с.
- Родионов М.А. Ислам классический. СПб.: Петерб. востоковедение, 2001. 256 с.
- Соколовский С.В. Заметки о принципах выделения регионов в географии и антропологии // ЭО. 2013. № 5. С. 54–60.
- Стасевич И.В. Социальный статус женщины у казахов: Традиции и современностью СПб.: МАЭ РАН, 2011. 199 с.
- Стасевич И.В. Современный Кыргызстан: Повторная исламизация или возрождение национальной культуры // ЭО. 2018. № 2. С. 76–88.
- Толеубаев А. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов. Алма-Ата: Ғылым, 1991. 213 с.
- Шаханова Н. Мир традиционной культуры казахов: (Этнографические очерки). Алматы: Қазақстан, 1998. 14 с.

ИСТОЧНИКИ

- Стасевич И.В. Отчет о работе Актюбинской этнографической экспедиции, 2006 г. // Архив МАЭ РАН. Ф. К1. Оп. 2. № 1799.
- Стасевич И.В. Отчет о работе Актюбинской этнографической экспедиции, 2007 г. // Архив МАЭ РАН. Ф. К1. Оп. 2. № 1839.
- Стасевич И. В. Отчет о работе этнографической экспедиции, 2009 г. // Архив МАЭ РАН. Ф. К1. Оп. 2. № 1948.
- Стасевич И. В. Отчет о работе этнографической экспедиции 2014 года в Республике Казахстан // Архив МАЭ РАН. Ф. К1. Оп. 2. № 2240.
- Стасевич И.В. Отчет об этнографической экспедиции в Актюбинскую область, Республика Казахстан, 2018 г. // Архив МАЭ РАН, в научно-технической обработке.
- Стасевич И.В. Отчет об этнографической экспедиции в Актюбинскую область, Республика Казахстан, 2019 г. // Архив МАЭ РАН, в научно-технической обработке.

Вызов времени: воспроизведение «забытых» традиций в современной казахской культуре

Инфолаевка. Традиции казахского народа. Внеклассное мероприятие. URL: <https://infourok.ru/tradicii-kazahskogo-naroda-vneklassnoe-meropriyatie-3643433.html> (дата обращения: 14.04.20).

Казахские народные обычаи. URL: <https://sauap.org/ru/kazahskie-narodnye-obychai-2/> (дата обращения: 14.04.20).

Stasevich I.V.

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS
Universitetskaya nab., 3, St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: stinga73@mail.ru

The challenge of the time: reproduction of 'forgotten' traditions in the modern Kazakh culture

This paper is based on the materials on the traditional and modern Kazakh culture. The author analyzes some ritual practices of the life cycle, which are founded on the traditional scenario but understood by the modern Kazakhs at a new level and often are vested with a new sense and significance. The main sources of the conducted research are represented by the field observations of the author and information from the Kazakh Internet resources concerning the problems of administering principal life-cycle rituals. Regular and systematic field investigations allow us to register the dynamics of formation and evolution of such practices over a fairly short time span of within 10–15 years. It is this period over which they can develop from innovation into tradition. This approach provides possibility of studying the forms and the way of the transformation of a tradition from the historical perspective. The author pays special attention to the strategies of sustaining the continuity in present-day life-cycle ritualism and to the mechanisms of the formation of the local and regional identity in present-day conditions. Locally synchronous view of the tradition demonstrates the reflection of the individual on the challenge of the time, their ability to adapt to the changing external and internal conditions. This dynamic provides the very process of the transformation of the traditions, reconsideration of the 'regional' initiatives imposed from above and their transition into local variants. Each tradition had once been an innovation; examination of the modern forms of ritualism over a short time span allows capturing the process of establishing new customs, behavioral stereotypes, and the ways of their preservation and propagation over several decades. Innovations appear, as a rule, in the periods of relative social and cultural instability, when a certain discontinuity occurs between the worldview and ideological norms of the generations in response to the changing conditions of their existence. In the present-day Kazakh culture, the pace of alteration of the rites is considerably higher than that in a traditional society; however, the current demand for the ritual accompaniment of the stages of the human life cycle warrants reproduction of main traditional practices and creation of new practices on the basis of rethinking of the traditional patterns.

Key words: Kazakhs, life-cycle rites, reproduction of traditions, regional and local identity.

REFERENCES

- Argynbaev Kh.A. (1974). Wedding and wedding rites among Kazakhs in the past and present. *Sovetskaya etnografiya*, (6), 69–77. (Rus.).
- Azhigali S.E. (2001). Religiousness and ritualism of the villagers of Kazakhstan in the nearest retrospective: Zhetysay, mid-80s. In: *Obychai i obriady v proshlom i nastoiashchem*. Almaty: Galym, 35–96. (Rus.).
- Bekbalak K.A. (2001). Funeral and memorial rites of the Kazakhs of South Kazakhstan. In: *Obychai i obriady v proshlom i nastoiashchem*. Almaty: Galym, 294–317. (Rus.).
- Bulkin V.A., Gerd A.S., Lebedev G.S., Sedykh V.N. (1999). *The foundations of regional studies: The formation and evolution of historical and cultural zones*. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet. (Rus.).
- Dobriakova M.S. (1999). Study of local communities in the sociological tradition. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, (7), 125–133. (Rus.).
- Ernazarov Zh.T. (2003). *Family rites of the Kazakhs: Symbol and ritual*. Almaty: Kursiv. (Rus.).
- Galimov A.K. (2001). Maternity and children's rites of the Kazakhs of North-East Kazakhstan. In: *Obychai i obriady v proshlom i nastoiashchem*. Almaty: Galym, 267–276. (Rus.).
- Ikonnikova N.K. (2010). Symbolic boundaries of local communities. In: *Mestnye soobshchestva: Problemy sotsiokul'turnogo razvitiia*. Moscow: Nezavisimy i institut grazhdanskogo obshchestva, 74–77. (Rus.).
- Konovalov A.V., Shakhanova N.Zh. (1998). A child in the system of traditional rituals of Kazakhs: Childbirth and early educational cycles. In: *Detstvo v traditsionnoi kul'ture narodov Srednei Azii, Kazakhstana i Kavkaza*. St. Petersburg: MAE RAN, 7–36. (Rus.).
- Larina E.I., Naumova O.B. (2016). *Through modernization: Traditions in the modern life of Russian Kazakhs*. Moscow St. Petersburg: Nestor-Istoriia. (Rus.).
- Litvinov V.P. (2006). *Religious pilgrimage: Regional aspect (on the example of Turkestan of the Middle Ages and modern times)*. Elets: Eletsii gosudarstvennyi iuniversitet imeni I.A. Bunina. (Rus.).
- Morozov I.A., Sleptsov I.S., Samodelova E.A., Kupriianov P.S., Chesnokova E.G. (2019). *The logic of transformations: Regional and local specificity of cultural and linguistic processes*. Moscow: Indrik. (Rus.).
- Mustafina R.M. (1992). *Representations, cults and rites among the Kazakhs (in the context of common Islam in South Kazakhstan at the end of the 19th — 20th centuries)*. Almaty: Qazaq universiteti. (Rus.).

- Poliakov S.P. (1989). *Traditionalism in the modern Central Asian society*. Moscow: Znanie: Tsentral'nyi dom nauchnogo ateizma. (Rus.).
- Rodionov M.A. (2001). *Classical Islam*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. (Rus.).
- Shakhanova N. (1998). *The world of traditional culture of Kazakhs: (Ethnographic essays)*. Almaty: Kazakhstan. (Rus.).
- Sokolovskii S.V. (2013). Notes on the principles of identifying regions in geography and anthropology. *Etnograficheskoe obozrenie*, (5), 54–60. (Rus.).
- Stasevich I.V. (2011). *Social status of women among Kazakhs: Traditions and modernity*. St. Petersburg: MAE RAN. (Rus.).
- Stasevich I.V. (2018). Modern Kyrgyzstan: Re-Islamization or revival of national culture. *Etnograficheskoe obozrenie*, (2), 76–88. (Rus.).
- Toleubaev A. (1991). *Relics of pre-Islamic beliefs in the family rituals of Kazakhs*. Alma-Ata: Galym. (Rus.).
- Zhukova N.V. (2010). The processes of formation of local cultures and features of their research. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*, (590), 109–116. (Rus.).
- Zviagintseva M.M. (2007). Regional culture constants. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kur'skogo gosudarstvennogo universiteta*, (1–2), 192–199. (Rus.).

Стасевич И.В., <https://orcid.org/0000-0002-5213-4647>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 25.02.2021

Article is published: 28.05.2021

Дмитриева Т.Н.

Уральский федеральный университет, просп. Ленина, 51, Екатеринбург, 620000
E-mail: profdmitan@yandex.ru

РУССКОЕ ОСВОЕНИЕ И ТОПОНИМИЯ ПЕЛЫМСКОГО КРАЯ ПО ПИСЬМЕННЫМ И ПОЛЕВЫМ ИСТОЧНИКАМ XVIII–XXI вв.

Исследуется раннее русское освоение севера Свердловской области — бассейна р. Пелым, притока р. Тавда, территории исконного проживания манси. Анализируется малоизученная русская топонимия, выясняется происхождение русских ойконимов — названий деревень, известных с середины XVIII в., прослеживается история их функционирования. Установлено, что почти все ранние русские ойконимы Пелыма образованы от фамилий первопоселенцев. Показаны случаи адаптации русских ойконимов у манси либо их замены на мансийские. Выявлены производные микротопонимы, сохраняющие память об исчезнувших деревнях и их названиях, и современные фамилии потомков жителей этих деревень.

Ключевые слова: Пелым, Тавда, Пелымская волость, Свердловская область, русское освоение Сибири, топонимический ландшафт, русско-мансийское взаимодействие, русская топонимия, ойконимы.

Введение

Территория бассейна р. Пелым, притока р. Тавда, входила в состав Пелымского княжества — одного из угорских княжеств Западной Сибири, которое начало формироваться в XII–XIII вв. и достигло значительного расцвета к XV в. Исконно мансийская территория Припелымья стала осваиваться русскими с конца XVI в., после покорения Сибири Ермаком, и в 1593 г. в устье Пелыма на месте ранее покоренного городка пелымских вогуличей было построено одно из старейших русских поселений Сибири — город Пелым. Он стал первым русским населенным пунктом на р. Тавда и административным центром еще одного уезда на новоприсоединенной к Московскому государству территории [Семенов, 1873, с. 28; Югория..., 2000, 2, с. 348; Очерки..., 2000, с. 126; Голоса древних культур, 2008, с. 21–22]. В XVII в. город Пелым, расположенный на большой сибирской дороге, которая шла через Верхотурье, имел большое стратегическое и торговое значение, но вскоре утратил его [Семенов, 1873, с. 28; История Урала..., 1989, с. 289] и впоследствии стал селом Пелым (Пелымское), затем деревней Пелым.

Первыми русскими поселенцами Пелыма были стрельцы и казаки, прибывшие с князем Петром Горчаковым, основавшим город Пелым, а также сосланные сюда по разным причинам каргопольцы, калужане, граждане Углича (60 семей, более 200 чел.), пермичи и вятчане [Семенов, 1873, с. 28; Очерки..., 2000, с. 126].

В XIX в. Пелымский край (Пелымское отделение (участок) Туринского округа) включал две волости государственных крестьян — Пелымскую и Кондинскую и семь инородческих вогульских управ [Семенов, 1873, с. 28].

Манси, жившие по нижнему и среднему Пелыму, говорили на пелымском диалекте мансийского языка; верхнее течение Пелыма осваивали носители северных мансийских диалектов — верхнелозьвинские и верхнесосьвинские манси. Мансийское население среднего и особенно нижнего Пелыма в течение длительного времени подвергалось значительному русскому влиянию, чему также способствовало обращение манси в христианскую веру. Христианизация основной массы угорского населения проходила в XVIII в., но пелымских вогулов крестили уже в XVII в. [Семенов, 1873, с. 28; Главацкая, 2005, карта 5].

В конце XIX в. Б. Мункачи, записывая мансийские и русские названия пелымских деревень, многие из них помечал звездочкой, чтобы показать, что «деревня теперь заселена русскими или что народ вогулов был развращен» (т.е. русифицирован. — Т. Д.) [Munkácsi, 1896, с. 429]. По данным А. Каннисто начала XX в., на Пелыме существовали смешанные мансийско-русские семьи и часть пелымских манси была русифицирована [Kannisto, Nevalainen, 1969]. К середине XX в. пелымские манси полностью обрусели. В 1966 г. Топонимическая экспедиция Уральского университета (ТЭ) работала с последним пелымским манси, помнившим родной язык, это был Денис Осипович Мульмин из д. Шанталь по среднему Пелыму [Глинских, 1971, с. 35].

Полевые материалы, собранные ТЭ в конце 1960-х — начале 1970-х гг. на территории Гаринского и Ивдельского районов Свердловской области, где и протекает р. Пелым, свидетельствуют, что топонимия Пелыма имеет преимущественно мансийское происхождение. На территории нижнего и среднего течения реки она является субстратной. Специальное исследование субстратной мансийской топонимии Пелыма проведено Г.В. Глинских в его кандидатской диссертации «Русская топонимия мансийского происхождения в бассейне реки Тавды» [1972] и ряде статей [1969, 1971, 1976 и др.]. Северномансийские топонимы верхнего течения Пелыма, сбор которых проводился ТЭ в 1968–1974 гг., включены А.К. Матвеевым в его «Материалы по мансийской топонимии горной части Северного Урала» [2011].

Русской топонимии Пелыма еще не было уделено должного внимания. В данной статье рассматривается топонимия нижнего течения р. Пелым, наиболее освоенного русскими поселенцами. Цель исследования — выяснить происхождение самого раннего пласта русских ойконимов Пелыма и проследить историю их функционирования. Методы исследования — сравнительно-сопоставительный, описательный, этимологический, метод реконструкции и статистической обработки лингвистического материала.

Для анализа привлекаются сведения источников XVII–XXI вв., в том числе данные таможенных книг города Пелыма второй половины XVII в. [Кондинский край..., 2006]; материалы путешествия российского академика Герарда Фридриха Миллера 1742 г. [2006]; сведения экспедиций 1888–1889 гг. Берната Мункачи [Munkácsi, 1896]; списки населенных пунктов Свердловской области за 1928, 1978, 1987 гг.; карты региона 1923, 1994, 2004, 2009, 2010 гг.; полевые материалы ТЭ 1966 г., представляющие уже историческую ценность, так как они были собраны в населенных пунктах Гаринского района, почти все из которых ныне прекратили существование.

Истоки фамилий жителей русских деревень, названия которых рассматриваются в работе, выяснялись с помощью лексикографических источников.

Результаты

В описании Г.Ф. Миллера, хронологически самом раннем из взятых источников топонимических сведений о Пелыме, на этом участке Пелыма представлены названия 16 русских поселений — 17 ойконимов (у одной из деревень отмечено 2 названия). Также Миллер фиксирует здесь параллельные русские и мансийские наименования четырех мансийских поселений (юрт) и семи гидрообъектов (русские соответствия в основном являются результатом переработки их мансийских оригиналов [Дмитриева, 2013]); здесь же отмечено 16 собственно мансийских топонимов, в том числе названия четырех юрт и двенадцати гидрообъектов [Миллер, 2006, с. 221–227].

Рассмотрим названия русских деревень нижнего Пелыма, идя вслед за Миллером вверх по реке, начиная от ее устья.

1. Дворникова

«Дер. Дворникова, или Болиных, на западном берегу, немного выше устья. 5 дворов» [Миллер, 2006, с. 223].

Ср.: русская деревня *Болина* в составе Пелымского с/с Гаринского района по р. Пелым, 26 хозяйств [Населенные пункты, 1928, с. 38]; то же — д. *Болино* (-а), на прав. б. р. Пелым, выше устья [ТЭ, 1966]. В списках 1970-х гг. деревни нет. В настоящее время — ур. *Болино*, на прав. б. р. Пелым, около 1 км выше устья [Свердловская область..., 2009; Свердловская область, 2010, с. 113].

Русская д. *Дворникова* была известна также по р. Тавда, в Кузнецовском с/с Гаринского района, в ней было 23 хозяйства ([Населенные пункты..., 1928, с. 34]; также: [Свердловская область..., 1978, с. 113; Свердловская область..., 1987, с. 94]); она находилась на правом берегу р. Тавда, около 80 км ниже устья р. Пелым [Свердловская область, 1995]. На современной карте отмечается как д. *Дворникова* (нежил.) [Свердловская область, 2010, с. 130].

Дворников — фамилия жителя из д. Дворникова по Тавде, одного из информантов ТЭ 1966 г. В таможенных книгах Пелыма XVII в. упоминаются «пелымской крестьянской сын Гришка *Дворников*» (1677/78 г.) и «пелымской вагулской *дворник* Митка Жданов» (1678/79 г.). Известно, что дворником называли содержателя двора, построенного в Пелыме для приезжающих туда вогулов [Кондинский край..., 2006, с. 88, 91]. Ср.: *дворник* 'лицо, ведающее подворьем или гостиным двором' (одно из значений) [Словарь русского языка..., вып. 4, 1977, с. 193]. Эта информация проливает свет на происхождение данной фамилии [Полякова, 2005, с. 109; Мосин, 2000, с. 103].

Фамилия *Болин*, от которой образовано второе название деревни, восходит к антропониму *Боля*, основу которого можно соотнести с рус. диал. *боля* 'боль, хворь', 'больной человек' или же *боля* 'милый, любимый' [Словарь русских народных говоров, вып. 3, 1968, с. 94]. В пермских

памятниках XVII в. встречается слово *боль* в значении 'больной человек' и фамилия *Болин* — от прозвища *Боль* или *Боля*, называвшего больного, страдающего физическим недугом человека [Полякова, 2005, с. 53]; слово *боль* в значении 'больной' известно в др.-рус. языке с XII в. [Словарь русского языка..., вып. 1, 1975, с. 284].

2. Кривоногова

«Дер. Кривоногова, на обоих берегах, в 2 версты от предыдущей и в ½ версты выше города [Пелыма]. 3 двора, из которых один на восточном берегу, а два — на западном» [Миллер, 2006, с. 223].

В поздних источниках д. Кривоногова на Пелыме не фиксируется, хотя отмечена русская д. *Кривоногова 1-я (Сарапова)* с 3 хозяйствами в Пелымском с/с по р. Тавде [Населенные пункты..., 1928, с. 38]. Возможно, что это один и тот же объект: р. Тавда делает здесь петлю и очень близко подходит к Пелыму, так что расположенное на этом узком перешейке селение, так же как и село Пелым, можно считать находящимся и по Пелыму, и по Тавде.

Деревня *Кривоногова* существовала и в Кузнецовском с/с по р. Тавда: *Кривоногова 2-ая* (Гарпичная) с 37 хозяйствами [Там же, с. 34], то же — д. *Кривоногова* [Свердловская область..., 1978, с. 113; 1987, с. 94], *Кривоногова* (нежил.) — на прав. б. р. Тавда, ниже д. Дворникова [Свердловская область, 1995]. На современной карте на месте этой деревни примерно в 7 км к Ю от д. Дворникова (нежил.) на правом берегу р. Тавда указано ур. *Кривоногово* [Свердловская область, 2010, с. 130].

Кривоногов — фамилия информантов ТЭ в д. Кривоногова и Лушников по р. Тавде [ТЭ, 1966] (в 1916 г. они относились к Пелымской волости [Населенные пункты..., 1928, с. 34]). Фамилия образована от некалендарного имени или прозвища *Кривоног*, данного человеку с кривыми ногами [Полякова, 2005, с. 196; Мосин, 2000, с. 193]. Встречается в таможенных книгах Пелыма 1675/76–1677/78 гг.: «пелымской стрелец Сенка Кривоногов», «пелымской стрелецкой сын Егорка Кривоногов», «пелымской стрелец Илюшка Кривоногов» [Кондинский край..., 2006, с. 85, 86, 88, 89].

3. Конихова

«Дер. Конихова, на восточном берегу, в 1 ½ в. от предыдущей. 10 дворов» [Миллер, 2006, с. 223].

Тот же объект — русская д. *Конюхова* с 18 хозяйствами в Пелымском с/с, на р. Пелым [Населенные пункты..., 1928, с. 38]. У Миллера название передается фонетически неточно.

В настоящее время на месте деревни отмечено ур. *Конюхово* — на левом берегу р. Пелым, около 3 км выше д. Пелым, ниже ур. Шунинский Мыс [Свердловская область..., 2009; Свердловская область, 2010, с. 113]. (Деревня Шулнина (Горшкова) также существовала по р. Пелым в Пелымском с/с [Населенные пункты..., 1928, с. 38]). На прежнее место нахождения деревни Конюхова, уже не существовавшей и в 1960-е гг., указывают топонимы, зафиксированные ТЭ: мыс *Конюховский Мыс*, там же ур. *Конюховский Луг* — по левому берегу р. Пелым, недалеко от устья, к СЗ от д. Пелым, ниже ур. Шунинский Мыс. Есть и *Конюховское Озеро*, старица — по лев. б. р. Пелым, около 4 км выше д. Болино [ТЭ, 1966]. Эта старица, без названия на карте, имеет проток, впадающий в р. Пелым севернее ур. *Конюхово* [Свердловская область, 2010, с. 113].

Фамилия *Конюхов*, образованная от прозвища *Конюх*, отражающего род занятия человека (*конюх* 'служитель при лошадях') [Полякова, 2005, с. 179], отмечена в таможенных книгах Пелыма 1676/77–1678/79 гг.: упоминаются «пелымские десятичники Мишка да Ивашко Конюховы», «пелымской стрелецкой сын Сергушко (Сергушка) Конюхов», «пелымской стрелец Мишка Конюхов» [Кондинский край..., 2006, с. 86, 88, 89].

4. Кузнецова (1)

«Дер. Кузнецова, на западном берегу, напротив предыдущей [д. Конихова]. 4 двора» [Миллер, 2006, 223].

Ср.: д. *Кузнецова 1-я (Багрянова)* по р. Пелым, в Пелымском с/с, 7 хозяйств [Населенные пункты..., 1928, с. 38]. С названием д. *Багрянова* безусловно связаны отмеченные ТЭ топонимы: мыс *Багряновский Мыс*, там же ур. *Багряновский Луг* — на правом (т.е. западном) берегу р. Пелым, выше д. Болина, ниже мыса Конюховский Мыс (вариант: ниже мыса Шунинский Мыс) [ТЭ, 1966].

Фамилия *Кузнецов* — одна из самых распространенных русских фамилий, восходящая к названию одной из важнейших профессий — *кузнец* [Мосин, 2000, с. 199; Полякова, 2005, с. 201], упоминается в Таможенных книгах Пелыма 1676/77–1677/78 гг.: «пелымской стрелец Гришка Кузнецов», «пелымской стрелец Тишка Кузнецов» [Кондинский край..., 2006, с. 86, 88, 89, 90]. *Кузнецов* — фамилия информанта ТЭ в д. Болина [ТЭ, 1966].

Название пелымской деревни Кузнецовой 1-й, записанной в 1928 г. и как *Багрянова*, должно восходить к фамилии *Багрянов от *Багрян*: это могло быть прозвище из краткой формы прилагательного *багряный*, известного в XI–XVII вв. в значении 'багряный' и 'бурый (о масти)' [Словарь русского языка...

ка..., вып. 1, 1975, с. 64]. В русских говорах *багряный* также 'полосатый, пестрый' [Словарь русских народных говоров, вып. 2, 1966, с. 35]. Мотивацию антропонима однозначно определить трудно. Появление формы *Багра́новский* (с твердым *р*) в составе топонимов, зафиксированных ТЭ, неясно.

Ср.: д. *Кузнецова* по р. Тавде в Кузнецовском с/с, 20 хозяйств [Населенные пункты, 1928, с. 38]; то же — д. *Кузнецова* [Свердловская область..., 1978, с. 113; 1987, с. 94], д. *Кузнецова* на правом берегу р. Тавда ниже устья Пельма (по прямой около 50 км к ЮВ), 2,5 км ниже д. *Дворникова*. Ниже этой д. Кузнецовой, существующей и в наши дни, указана д. *Кривоногова* (нежил). [Свердловская область, 1995; 2010, с. 130].

Смежное расположение тавдинских деревень *Дворникова*, *Кузнецова* и *Кривоногова* — такое же, как и на Пельме, — по всей вероятности, свидетельствует об освоении Тавды русскими переселенцами с Пельма. В 1916 г. деревни *Дворникова*, *Кривоногова 2-я* и *Кузнецова*, расположенные по р. Тавде, относились к Пельмской волости; в 1928 г. они уже входили в состав Кузнецовского с/с Гаринского района [Населенные пункты..., 1928, с. 34].

5. Кузнецова (2)

«Дер. Кузнецова, на восточном берегу, в 2 верстах от предыдущей. 1 двор» [Миллер, 2006, 223]. В дальнейшем не упоминается (см. выше).

6. Худякова

«Дер. Худякова, на обоих берегах, в 2 верстах от предыдущей. 13 дворов, из которых 6 стоят на восточном берегу, а 7 — на западном» [Там же].

Ср.: манс. пельм. **Kuk-p.*¹ (*Худяковская, Худякова*) [Munkácsi, 1896, с. 433], то же — *kuk-pəwél* [Munkácsi, Kálmán, 1986, с. 221]; д. *Худякова* по р. Пельм в Пельмском с/с, 19 хозяйств [Населенные пункты..., 1928, с. 38]; д. *Худякова* (бывш.) по правому берегу р. Пельм, выше ур. Шунинский Мыс, выше бывш. д. Пахомова (лев. б. р.), а также: *Худяковская Присадка*, ур. — по прав. б. р. Пельм, ниже устья р. Кондинка (лев. приток Пельма); *Худяковский Мыс*, ур. — 1) по прав. б. р. Пельм, выше ур. Шунинский Мыс, 2) по лев. б. р. Мал. Пельм, 6 км выше устья) [ТЭ, 1966].

Фамилия *Худяков* отмечается в таможенных книгах Пельма 1675/76–1678/79 гг.: «пельмской стрелецкой сын Сергушка Худяков», «стрелецкой сын Сергушка Худяков»; «стрелецкой десятник Мишка Худяков» [Кондинский край..., 2006, с. 84, 85, 87, 89, 91]. *Худяков* — фамилия информанта ТЭ, жителя д. Пельм [ТЭ, 1966]. Образована от некалендарного имени или прозвища *Худяк* — из *худой* 'плохой; бедный; худощавый', ср. в памятниках XVII в.: «Крестьянин пог. Янидор Фомка Худяк», 1623 [Полякова, 2005, с. 407]; «Федка Худяк Пурегов, верхотурский пашенный крестьянин с 1603, пришел с р. Пинеги», 1621 ([Мосин, 2001, с. 444]; см. также: [Мосин, 2000, с. 407]).

7. Толмачева

«Дер. Толмачева, на восточном берегу... 1 двор» [Миллер, 2006, с. 223]. В дальнейшем в источниках деревня не упоминается.

Фамилия *Толмачев* встречается в Таможенных книгах Пельма 1675/76–1677/78 гг.: «пельмской стрелецкой сын Левка Толмачев»; «пельмской стрелец Стенка Толмачев» [Кондинский край..., 2006, с. 85, 86, 88]. Фамилия образована от прозвища *Толмач* из *толмач* 'устный переводчик' [Полякова, 2005, с. 377], вторичные значения — 'человек, назойливо повторяющий одно и то же', 'бестолковый человек' [Мосин, 2000, с. 377]; слово *толмач* — тюркское заимствование, известное в древнерусском языке с XIII в., со времен монголо-татарского нашествия [Шипова, 1976, с. 324].

8. Вискунова

«Дер. Вискунова, на обоих берегах... в 10 верстах по прямой сухопутной дороге (через волок) от дер. Худяковой, поскольку река Пельм между Худяковой и этой деревней образует излучину к востоку... Данная деревня рассеяна по трем местам... 2 двора на восточном берегу, потом на том же берегу, в 2 верстах выше, 1 двор и в 3 верстах выше напротив друг друга 2 двора на западном берегу и 1 двор — на восточном; все вместе они составляют 6 дворов» [Миллер, 2006, с. 224].

Фамилия *Вискунов* встречается в Таможенных книгах Пельма 1675/76–1678/79 гг.: «пельмской стрелец Сенка Вискунов»; «пельмской стрелец Ивашко Вискунов» [Кондинский край..., 2006, с. 84, 85, 87, 89, 91]. В основе фамилии — прозвище *Вискун*, возможно связанное с глаголом *вискать* 'визжать' [Полякова, 2005, с. 81].

Ср.: д. *Вискунова 1-я (Алексихина)* — по р. Пельм, в Ереминском с/с, 4 хозяйства [Населенные пункты..., 1928, с. 32].

¹ Манс. пельм. *pəwél* (манс. сев. *pāwəl*), сокращенно *p.* — 'деревня, поселение' (см.: [Munkácsi, Kálmán, 1986, с. 427]). В записи Миллера — *paul*, например *Апер-paul* [Миллер, 2006, с. 223].

Впоследствии название *Вискунова* не сохранилось, но фиксируются варианты второго названия деревни и производные от него топонимы. Ср.: манс. пелым. **U/oχs-p*. (Олекшины) [Munkácsi, 1896, с. 433], *u/oχs-pəwél* (Олэкшины) [Munkácsi, Kálmán, 1986, с. 694]; д. *Алэкшина* (бывш.) — на правом берегу р. Пелым, рядом — мыс и ур. *Алэксин* (*Алэксинский*, *Алэксихинский*) *Мыс*, также ур. *Алэксинский Остров* [ТЭ, 1966]. На современных картах на прав. берегу р. Пелым отмечено ур. *Алексинский Мыс* и в р. Пелым обозначен небольшой остров [Свердловская область..., 2009; Свердловская область, 2010, с. 97]. В основе этих топонимов может быть неполное имя *Алекса* (*Алэкса*, *Олэкса*) — от календарного полного *Алексей* [Полякова, 2005, с. 27] — и производное от него женское прозвище *Алексиха* (*Алэксиха*) или восходящие к ним фамилии. Мансийский и русский варианты топонима, отмеченные Мункачи, также происходят от русского имени Алексей, адаптированного мансийским языком. Форма множественного числа ойконима *Олэкшины* (имеется в виду: *юрты*) говорит о том, что Мункачи фиксировал название мансийского селения (здесь — селение обрусевших манси).

Деревня *Вискунова 2-я* (*Василисуна*) с 15 хозяйствами существовала по р. Тавда, в Троицком с/с [Населенные пункты..., 1928, с. 38]. На современной карте это д. *Василисуна* (нежил.), на левом берегу р. Тавда, около 30 км ниже с. Пелым [Свердловская область, 2010, с. 113]. Относившаяся в прошлом к Пелымской волости д. Вискунова 2-я, как и тавдинские деревни Дворникова, Кузнецова и Кривоногова, очевидно, тоже была основана выходцами с Пелыма.

9. Зуева

«Дер. Зуева... в 6 верстах по прямому сухопутному пути от последних дворов дер. Вискуновой, а по реке, которая здесь образует излучину к западу, в 10 верстах. На обоих берегах, на каждой стороне, по одному двору» [Миллер, 2006, с. 224].

В дальнейшем деревня не упоминается. Однако в материалах ТЭ есть рч. *Зуева* — левый приток р. Пелым ниже бывш. д. Алэкшина и там же — ур. *Зуево* [ТЭ, 1966]. Это ниже деревни Зуевой, указанной Миллером, но участок Пелыма тот же.

Фамилия *Зуев* зафиксирована в Таможенной книге Пелыма за 1675/76 г.: «збор таможенного с головы Стефана Ушакова, целовальника Гришки Зуева», «при таможенном голове Стефане Ушакове да при целовальнике Гришке Зуеве собрано десятой и всякой пошлыны... пятьдесят пять рублей дватцат пять алтын з денгою» [Кондинский край..., 2006, с. 83, 85]. *Целовальник* — здесь служащий таможи: «целовальник *стар.* присяжный человек, хранитель, продавец, сборщик казенного имущества при таможах, весах, при продаже соли и пр.» [Даль, 1980, с. 577].

Зуев — фамилия информантов ТЭ в д. Речешная и Пантелеево Кузнецовского с/с на р. Тавде [ТЭ, 1966]. Фамилия от прозвища *Зуй* — из *зуй* «название птицы», «задира, озорник»; «кулик», «проворный, бойкий ребёнок». Прозвище и фамилия были распространены в XV–XVIII вв. [Парфенова, 2005, с. 181; Полякова, 2005, с. 144; Мосин, 2000, с. 140].

10. Кадаулова

«Дер. Кадаулова, на западном берегу... в 2 верстах от Зуевой. 1 двор» [Миллер, 2006, с. 224].

В конце XIX в. Б. Мункачи отмечает русское название деревни в варианте *Кайдаулова* и ее мансийское соответствие **Khəitəl-p*. [Munkácsi, 1896, с. 433]. Очевидно, первая часть мансийского названия является адаптированным вариантом русского.

В 1928 г. д. *Кайдаулова* с 16 хозяйствами записана, видимо, как общее название для нескольких более мелких деревень: *Кайдаулова* (1-я и 2-я, Иванова, Антонова, Домнина, Маленькая) [Населенные пункты..., 1928, с. 32]. То же — д. *Кайдаулова* — на правом берегу р. Пелым, выше р. Похтынья; также есть оз. *Кайдауловское* — на прав. б. р. Пелым, к С от д. Кайдаулова [ТЭ, 1966], на современных картах озеро указано в 3,5 км к СЗ от с. Ерёмино [Свердловская область..., 2009; Свердловская область, 2010, с. 97].

Кайдаулов — фамилия информантов ТЭ в с. Ерёмино [ТЭ, 1966]. Фамилия восходит к имени *Кадаул* (*Кайдаул*), которое имеет тюркское происхождение, ср. тат. *кадау* «колоть», «пришивать» и др.; перен. «укорять, говорить колкости»; *кадау кеше* «ехидный человек»; *кадаулы* «в приколоте состоянии, приколотый» [Татарско-русский словарь, 1966, с. 204]. Интернет-источник объясняет имя *Кайдаул* из тат.-монг. *кайда* «связанный» + *улла* «Аллах, бог», т.е. «связанный Аллахом» (покорный Аллаху) [Происхождение фамилии...].

11. Векшина

«Дер. Векшина, на восточном берегу, в 1½ верстах от предыдущей. 3 двора. К ней относится еще 1 двор, расположенный прямо напротив на западной стороне, в ½ версты от берега, у речной заводи, подобные которой здесь называются *урай*» [Миллер, 2006, с. 224].

Ср.: д. *Векшина* (1-я и 2-я, *Пулина*) с 9 хозяйствами по р. Пелым в Ереминском с/с [Населенные пункты..., 1928, с. 32]; д. *Векшина* [Свердловская область..., 1978, с. 112; 1987, с. 93]; д. *Векшина* на лев. б. р. Пелым, ниже устья Малого Пельма [Свердловская область, 1995, 2006; 2010, с. 97; Свердловская область..., 2009].

Там, где был двор д. Векшиной на западной (правой) стороне р. Пелым, впоследствии возникло село *Ерёмино*. Ср.: манс. пелым. **Järméx-p.* (Еремины) [Munkácsi, 1896, с. 433], то же — *järméx-pəwél* [Munkácsi, Kálmán, 1986, с. 150]; *Еремино* (-ское), с., центр Ереминского с/с, 25 хозяйств [Населенные пункты..., 1928, с. 32]; *Ерёмино* [Свердловская область..., 1978, с. 112] *Еремино* [Свердловская область..., 1987, с. 93; Свердловская область, 1995, 2006]; *Ерёмино* [Свердловская область..., 2009; Свердловская область, 2010, с. 97].

Векшин — фамилия информантов ТЭ, жителей с. Еремино и расположенной выше по Пелыму д. Шанталь [ТЭ, 1966]. Ср. в Таможенных книгах Пельма: «Пелымской стрелец Харка Векшин» (1676/77 г.); «пелымской стрелецкой сын Гришка Векшин» (1677/78 г.); «пелымской стрелец Стенка Векшин» (1678/79 г.) [Кондинский край..., 2006, с. 87, 89, 91]. Фамилия от прозвища *Векша* — из рус. диал. *векша* 'белка'. Антропонимы *Векошка*, *Векша*, *Векшин* зафиксированы в XV–XVI вв. [Парфенова, 2005, с. 87; Мосин, 2000, с. 74; Полякова, 2005, с. 76].

12. Криводанова

«Дер. Криводанова, на восточном берегу, в 2–3 верстах от предыдущей [д. Векшина]. 3 двора» [Миллер, 2006, с. 224]. В дальнейшем деревня не упоминается.

Криводанов — фамилия от прозвища *Криводан*, которое мог получить человек, уклонявшийся от уплаты дани или выплачивавший ее не в полной мере. В XVII в. фамилия зафиксирована в Сибири [Мосин, 2000, с. 193].

13. Хайдукова

«Дер. Хайдукова, расположена на восточном берегу, посередине... вогульской деревни [Россохины юрты, по-вогульски *Jäsunte-paul*]², на равном расстоянии от ее нижних и верхних юрт. 1 двор» [Миллер, 2006, 225]. «Дер. Хайдукова, на восточном берегу [Большого Пельма], в 1 версте от разделения или, скорее, соединения и слияния двух рукавов. 4 двора, которые вместе с вышеприведенной деревней Хайдуковой, с которой она стоит в близком соседстве, поскольку река здесь вновь образует большую излучину, считаются одной деревней» [Там же].

Ср.: манс. пелым. **ǫške-p.*, (*Хайдуковская*) [Munkácsi, 1896, с. 433]; то же — *ǫške-pəwél* [Munkácsi, Kálmán, 1986, с. 395]; д. *Гайдукова* в Ереминском с/с, 15 хозяйств [Населенные пункты..., 1928, с. 32], д. *Гайдукова* [Свердловская область..., 1978, с. 112; 1987, с. 93]; д. *Гайдукова* — по левому берегу р. Бол. Пелым, выше устья прот. Малый Пелым; рядом, по лев. б. р. Бол. Пелым, ниже деревни — мыс *Гайдуковский Мыс* [ТЭ, 1966]; д. *Гайдукова* [Свердловская область, 1995]. В настоящее время на месте бывшей деревни отмечено ур. *Гайдуково* [Свердловская область..., 2009; Свердловская область, 2010, с. 97].

Гайдуков — фамилия информантов ТЭ в д. Гайдукова и расположенной рядом с ней д. Ланцева [ТЭ, 1966]. В Таможенных книгах Пельма 1675/76 и 1678/79 гг. неоднократно упоминается «пелымской стрелец Савка Гайдуков» [Кондинский край..., 2006, с. 83, 85, 87, 89–91]. Фамилия образована от прозвища *Гайдук* — из *гайдук* 'легко вооруженный пехотинец (в польских и венгерских войсках)', XVII в. [Словарь русского языка..., вып. 4, 1977, с. 8], через укр. *гайдук* 'служитель, подручный' и пол. *hajduk* 'гайдук, легко вооруженный венгерский солдат, слуга, лакей' из венг. *haidú*, мн. *haidúk* 'наемные пехотные войска, несущие пограничную службу против турок'... 'телохранитель' [Фасмер, 1964, с. 383]. На появление фамилии *Гайдуков* в Припелымье может пролить свет упоминание о том, что в 1684 г. в городе Пелыме было 60 «стрелцов и черкасы», а «черкасы» — выходцы из Польши и с Украины [Кондинский край..., 2006, с. 92]. Фамилия *Гайдуков* встречается в Зауралье в XVII в. [Парфенова, 2005, с. 107].

14. Веселова

«Дер. *Веселова*, на устье ... речки [Oschmar-jä], в 2 верстах от Катышевых юрт. 4 двора» [Миллер, 2006, с. 226].

В дальнейшем д. Веселова не упоминается, но на том же месте известна д. *Ошмарья*, центр Ошмарьинского с/с [Свердловская область..., 1978, с. 114; 1987, с. 93], которая находилась по обоим

² «Россохины юрты, по-вогульски *Jäsunte-paul* на обоих берегах [р. Пелым]: сначала 2 юрты на восточном берегу, в ½ версты от Криводановой, а затем на западном берегу, в 1 версте далее вверх, еще 2 юрты». [Миллер, 2006, с. 224–225]. Очевидно, что юрты находились вблизи устья протоки Малый Пелым, мансийское название селения и переводится как «Деревня устья реки», о чем пишет сам Миллер [Там же, с. 225].

берегам той же речки, примерно в 0,5 км выше ее устья [Свердловская область, 1995]. На более поздних картах — д. *Ошмарья* (нежил.) [Свердловская область, 2006; 2010, с. 83; Свердловская область..., 2009] и р. *Ошмарка* [Свердловская область..., 2009; Свердловская область, 2010, с. 83]. В конце XIX в. Мункачи фиксировал мансийское название реки *ášmér-jä* и селение *ä-jä-pəwél* *Ошмары* [Munkácsi, Kálmán, 1986, с. 395], **Ášmér-jä-p.* (Ошмары) [Munkácsi, 1896, с. 433] — манс. «Деревня реки Ошмэр-е». Это тоже были юрты обрусевших манси.

Фамилия *Веселов* образована от прозвища *Веселой* (*Весёлый*), ср.: *веселый* 'скоморох, певец, музыкант, плясун', 1659 г. [Словарь русского языка..., вып. 2, 1975, с. 112]. Прозвище *Веселой* упоминается в грамоте XV в. Антропоним известен в XVI–XVII вв. [Парфенова, 2005, с. 90]. Ср.: «Ларка Ортемьев Веселой, верхотурский служилый», 1640 и др. [Мосин, 2001, с. 79; 2000, с. 75].

15. Пономарева

«Дер. Пономарева, на западном берегу реки Малый Пелым, в 5 верстах от ее соединения с Большим Пелымом. 2 двора» [Миллер, 2006, с. 226].

Ср.: манс. пелым. **Varaulëx-p.* (Панамаровская) [Munkácsi, 1896, с. 433]; то же — *varaulëx-pəwél* [Munkácsi, Kálmán, 1986, с. 718] (русское название деревни Мункачи записал у манси в фонетически адаптированной форме); д. *Пономарева* в Ереминском с/с, 15 хозяйств [Населенные пункты..., 1928, с. 32]. В справочниках административно-территориального деления Свердловской области второй половины XX в. деревня отсутствует, но на современных картах на месте деревни отмечено ур. *Пономарево* и ферма [Свердловская область..., 2009; Свердловская область, 2010, с. 97].

Пономарев — фамилия информанта ТЭ в с. Ерёмينو [ТЭ, 1966]. Восходит к прозвищу *Пономарь* от *пономарь* 'церковный причетник, зажигающий свечи, прислуживающий в алтаре и звонящий на колокольне' (из греч.) [Словарь русского языка..., вып. 17, 1991, с. 58]. Ср. на Урале: «Василий Иванов сын Пономарев, чердынский крестьянин», 1605; «Чердынец Тарх Остафиев сын Пономарь», 1638 [Мосин, 2000, с. 306; Полякова, 2005, с. 304]. На Пелыме ойконим мог быть образован и непосредственно от наименования служителя церкви (см. ниже).

16. Верх-Пелымской погост

«Верх-Пелымской погост, на восточной стороне реки, напротив предыдущей деревни [*Reku-paul*, на западном берегу, в 3 верстах от *Tuman'a*³, 4 юрты⁴], в ½ версты или несколько далее от берега... Здесь имеется учрежденная для вогулов церковь Спасителя Образа Нерукотворенного, при которой имеются лишь два жилища — священника и дьячка. Прежде здесь была вогульская деревня *Tschochla-paul*, состоявшая из 3 юрт, но ее жители после постройки церкви переселились в другие места» [Миллер, 2006, с. 227]. В описании Миллера это последний русский топоним по Пелыму, далее следует только мансийская топонимия.

Ср.: манс. пелым. *Pup-p.*, (*Pap-falu* [венг. «Поп-деревня»], *Верхнее Пелым(ь)ское*) [Munkácsi, 1896, с. 433]; то же — *p.-pəwél* [Munkácsi, Kálmán, 1986, с. 482]. Слово «поп» вошло в мансийский язык из русского в связи с христианизацией мансийского населения.

В начале XX в. на месте Верх-Пелымского погоста было с. *Сласское* [Карта Урала и Приуралья, 1923], названное по бывшей в нем церкви; позже его называли с. *Верх-Пелымское*, или *Попова*, в нем было 5 хозяйств и проживали 12 русских и 3 вогула [Населенные пункты..., 1928, с. 28] (во всех остальных деревнях, упомянутых Миллером и сохранившихся до XX в., справочник 1928 г. указывает только русское население). В 1960-е гг. деревни Поповой уже не существовало, но, по полевым материалам ТЭ 1966 года, рядом с бывшей д. Попова отмечена рч. *Поповская Речка*, впадающая в Пелым.

Материалы Миллера позволяют установить точное местоположение этого поселения — с северной стороны оз. Пелымский туман, а не в верховье Пелыма, как иногда считают историки.

Обсуждение результатов

Анализ русских ойконимов Пелыма на основе материалов письменных, картографических и полевых источников XVII–XXI вв. позволяет сделать выводы о происхождении и истории функционирования раннего пласта русской топонимии региона.

1. Ранний пласт русских топонимов Пелыма, представленных местной ойконимией, отражает историю освоения края, в том числе его активное заселение русскими стрельцами. Из 17 русских ойконимов, отмеченных Миллером, к фамилиям стрельцов восходит 9 (деревни *Кривоногова*, *Конихова* (*Конюхова*), *Кузнецова* (2 смежных объекта), *Худякова*, *Толмачева*, *Вис-*

³ От озера Пелымский туман.

⁴ Здесь — четыре дома (хозяйства).

кунова, Векшина, Хайдукова). Единичные ойконимы связаны с фамилиями служащего таможи (Зуева), содержателя постоянного двора (Дворникова), с наименованием служителя культа (Пономарева). Социальную принадлежность носителей фамилий Болин, Ка(й)даулов, Криводанов, Веселов, также отразившихся в ойконимах, установить не удалось.

Фамилии, от которых образованы ойконимы, восходят к антропонимам, связанным с характеристиками человека и его деятельностью. Ойконим *Верх-Пелымской погост* указывает на местоположение христианского храма, построенного на Пелыме для крещеных вогулов.

2. Русские названия деревень, возникших на исконно мансийской территории, подвергались адаптации в языке манси либо заменялись на мансийские. Результаты мансийско-русского взаимодействия на Пелыме хорошо видны по данным Б. Мункачи конца XIX в., где выявляются:

— мансийские названия как следствие адаптации русских ойконимов: *Кадаулова* → рус. *Кайдаулова* (закрепившийся впоследствии вариант) и манс. **Khəitél-p.*; рус. *Олекшины, Олёкшины* и манс. **U'loχś-p., u'loχś-pəwél*, позже в русских источниках — *Алексихина, Алёксина* (вместо д. *Вискунова*); рус. *Еремины* и манс. **Järméχ-p.* — с. *Ерёмино* (на месте части д. *Векшина*);

— русские варианты ойконимов, адаптированные мансийским языком, и собственно мансийские названия, первый компонент в которых неясен (манс. антропонимы?): *Худякова* → рус. *Худяковская* и манс. **Kuk-p., kuk-pəwél*; *Пономарева* → рус. *Панамаровская* и манс. **Varauléχ-p., varauléχ-pəwél*; *Хайдукова* → рус. *Хайдуковская* и манс. **ǫśke-p., ǫśke-pəwél*;

— новое русское название, восходящее к мансийскому: рус. *Ошмары*, манс. **Ǿsmér-jǾ-p., Ǿ.-jǾ-pəwél* «Деревня реки Ошмэр-е» = д. *Ошмарья* (на месте д. *Веселова*).

3. Сопоставление сведений из описания Г.Ф. Миллера 1742 г. с последующими данными письменных и картографических источников и полевых материалов позволяет оценить степень сохранности раннего пласта русских ойконимов региона и проследить историю их функционирования с XVIII в. до наших дней.

Из 17 русских ойконимов, зафиксированных Миллером, до настоящего времени сохранился только один — название д. *Векшина*, существующей до сих пор на восточном, левом берегу р. Пелым. Также существует с. *Ерёмино*, возникшее на месте двора д. Векшиной на западной, правой стороне р. Пелым. По данным переписи 2010 г. в д. Векшина проживает 3 человека, в с. Ерёмино — 49 человек, а всего на участке р. Пелым от ее устья до оз. Пелымский Туман осталось 3 деревни, если считать и д. Пелым (в 1928 г. было 36 деревень, в 1978 и в 1994 гг. их было 8).

С названиями уже исчезнувших деревень и с фамилиями их жителей связаны наименования урочищ и других объектов на их месте или поблизости:

Дворникова (Болиных) → *Болина* → ур. *Болино* (2010); *Конихова* (у Миллера неточно) → *Конюхова* → *Конюхова* (бывш.), мыс *Конюховский Мыс*, ур. *Конюховский Луг*, старица *Конюховское Озеро* → ур. *Конюхово* (2010); *Худякова* → *Худякова* (бывш.), ур. *Худяковская Присадка*, *Худяковский Мыс* (1966); *Зуева* → рч. *Зуева*, ур. *Зуево* (1966); *Кадаулова* → *Кайдаулова* → оз. *Кайдауловское* (2010); *Хайдукова* → *Хайдуковская* → *Гайдукова* → ур. *Гайдуково* (2010); *Пономарева* → ур. *Пономарево* (2010).

У некоторых деревень (*Вискунова, Кузнецова, Верх-Пелымской погост*) впоследствии появились вторые названия, и именно они отражаются в современной топонимии:

Вискунова → *Вискунова 1-я (Алексихина)* → *Алёксина* (бывш.), ур. *Алёксинский Остров*, мыс и ур. *Алёксин (Алёксинский, Алёксихинский) Мыс* → ур. *Алексинский Мыс* (2010); *Кузнецова* → *Кузнецова 1-я (Багрянова)* → мыс *Баграновский Мыс*, ур. *Баграновский Луг* (1966); *Верх-Пелымской погост* → с. *Спасское* → с. *Верх-Пелымское (Попова)* → рч. *Поповская Речка* (1966).

Ойконимы *Кривоногова, Толмачева, Криводанова, Веселова* не оставили никаких следов в топонимии Пелыма.

Заключение

Анализ и сопоставление данных письменных и картографических источников и полевых материалов позволили выявить происхождение самого раннего пласта русских ойконимов Пелыма и проследить историю их функционирования.

Экономические и социальные преобразования последних десятилетий сильно изменили топонимический ландшафт сельской местности во всех регионах России. Исчезло множество деревень и безвозвратно утратились местные топонимические системы, от которых остались лишь некоторые следы. История русских ойконимов Пелыма является наглядным тому подтверждением. Память об исчезнувших пелымских деревнях и их названиях, известных с XVIII в., сохраняется в

местной микротопонимии, зафиксированной в материалах ТЭ второй половины XX в. и на картах XXI в., о них напоминают и современные фамилии потомков жителей этих деревень.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов XVII–XX вв. Екатеринбург; Салехард: РА АРТмедиа, 2005. 360 с.
- Глинских Г.В. Основные типы мансийской топонимики Среднего и Нижнего Припелымья // Всесоюзная конференция по финно-угроведению: Тез. докл. и сообщ. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1969. С. 14–17.
- Глинских Г.В. Русская топонимика мансийского происхождения на территории среднего и нижнего Припелымья // Вопросы топониматики. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1971. Вып. 5. С. 35–57.
- Глинских Г.В. Русская адаптация мансийских субстратных топонимов в бассейне р. Тавды // Вопросы ономастики. Вып. 11: Русская ономастика и ее взаимодействие с апеллятивной лексикой. Свердловск: Урал. ун-т, 1976. С. 5–32.
- Голоса древних культур / Ред.-сост.: Е. Главацкая, Е. Вершинин, И. Захарова. Екатеринбург: Баско, 2008. 128 с.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1980. Т. 4. 683 с.
- Дмитриева Т.Н. Материалы путешествий Г.Ф. Миллера 1742 г. как историко-топонимический источник // Obi-ugor és szamojéd kutatások, magyar őstörténet: Hajdú Péter és Schmidt Éva emlékkonferencia. 2012. Pécs: Pécsi Tudományegyetem, 2013. P. 42–52.
- История Урала с древнейших времен до 1861 г. / Отв. ред. А.А. Преображенский. М.: Наука, 1989. 608 с.
- Кондинский край XVI — начала XX в. в документах, описаниях, записках путешественников, воспоминаниях / Авт.-сост. В.И. Байдин [и др.]; Под общ. ред. В.И. Байдина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. 388 с.
- Матвеев А.К. Материалы по мансийской топонимии горной части Северного Урала. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. 260 с.
- Миллер Г.Ф. Путешествия 1742 года // Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г.Ф. Миллера / Пер. и подгот. текста, предисл., коммент. А.Х. ЭлERTA. Екатеринбург: Волот, 2006. 416 с.
- Мосин А.Г. Уральские фамилии: Материалы для словаря. Т. 1: Фамилии жителей Камышловского уезда Пермской губернии (по данным исповедных росписей 1822 г.). Екатеринбург: Екатеринбург, 2000. 496 с.
- Мосин А.Г. Уральский исторический ономастикон. Екатеринбург: Екатеринбург, 2001. 516 с.
- Населенные пункты Уральской области. Т. XI: Тагильский округ. Гаринский район. Свердловск: Изд. орготдела Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окружных исполкомов, 1928. 120 с.: карты.
- Очерки истории Югры / Отв. ред. Д.А. Редин, Н.Б. Патрикеев. Екатеринбург: Волот, 2000. 408 с.
- Парфенова Н.Н. Словарь русских фамилий конца XVI–XVIII вв. (по архивным источникам Зауралья). М.: Синергия, 2005. 480 с.
- Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. Пермь: Книжный мир, 2005. 463 с.
- Свердловская область: Административно-территориальное деление на 1 января 1978 г. / Отв. за выпуск В.И. Глинских. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1978. 288 с.
- Свердловская область: Административно-территориальное деление на 1 января 1987 г. / Отв. за выпуск Г.В. Алексеев. Свердловск: Уральский рабочий, 1987. 230 с.
- Свердловская область. Атлас: В 2 т. Масштаб 1:100 000. Т. 1: Север области. Екатеринбург: Уралаэрогеодезия, 2010. 184 с.
- Семенов П.П. Пелым // П.П. Семенов. Географическо-статистический словарь Российской империи: В 5 т. СПб., 1863–1885. Т. IV. СПб., 1873.
- Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин. М.; Л.: Наука, 1966. Вып. 2. 317 с.; Л.: Ленинградское отделение издательства «Наука», 1968. Вып. 3. 360 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. С.Г. Бархударов (вып. 1–6). М.: Наука, 1975. Вып. 1–2. 371 с., 323 с.; 1977. Вып. 4. 403 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. Г.А. Богатова. М.: Наука, 1991. Вып. 17. 296 с.
- Татарско-русский словарь / Под ред. М.М. Османова. М.: Советская энциклопедия, 1966. 863 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева: В 4 т. Т. 1. М.: Прогресс, 1964. 588 с.
- Шилова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата: Наука КазССР, 1976. 444 с.
- Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа / Гл. ред. Г.Ф. Шафранов-Куцев: В 4 т. Ханты-Мансийск, 2000. Т. 2. 432 с.
- Kannisto A., Nevalainen J. Statistik über die Wogulen // Journal de la Société Finno-ougrienne. 1969. № 70 (4). S. 49–52.
- Munkácsi B. Nyolczadik szakasz. A vogul föld helynevei // B. Munkácsi Vogul népköltési gyűjtemény. IV kötet. Életképek. Első füzet. Vogul szövegek es fordításaik. Saját gyűjtése és Reguly Antal hagyományai alapján. Budapest: Kiadja a Magyar tudományos Akadémia, 1896.
- Munkácsi B., Kálmán B. Wogulisches Wörterbuch. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986. 950 s.

ИСТОЧНИКИ

Глинских Г.В. Русская топонимика мансийского происхождения в бассейне реки Тавды: Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1972.

Карта Урала и Приуралья. Масштаб 1:1 000 000. Изд. Уралпромбюро, 1923. Л. 6.

Свердловская область. Общегеографическая карта. Масштаб 1: 500 000. По состоянию на 1994 г. М.: Роскартография, 1995, 2000.

Свердловская область. Общегеографическая карта. Масштаб 1:500 000. Сост. в 1994 г. Испр. в 2004 г. Екатеринбург: Уралаэрогеодезия, 2006.

Свердловская область: Окрестности Гари. Масштаб 1:100 000. Екатеринбург: Уралаэрогеодезия: ЗАО ЦНТ, 2009.

Происхождение фамилии «Кайдаулов» // Nominic. Значение фамилии. URL: <https://nominic.ru/Фамилия/Кайдаулов> (дата обращения: 19.11.20).

Топонимическая экспедиция Уральского федерального университета 1960–1970-х гг. // Топонимическая картотека ТЭ УрФУ. Место хранения — кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург.

Dmitrieva T.N.

Ural Federal University, prosp. Lenina, 51, Ekaterinburg, 620000, Russian Federation

E-mail: profdmitan@yandex.ru

Russian development and toponymy of the Pelym region according to written and field sources of the 18th–21st centuries

The paper is aimed at the study of the under-investigated Russian toponymy of the north of the Sverdlovsk Region, specifically, of the oikonyms — the names of villages — along the lower reaches of the Pelym River. The basin of the Pelym River, a tributary of the Tavda River, is of interest as the Mansi native territory. It is also an area of the early land development by the Russians beyond the Urals, which began at the end of the 16th century. The objective of this study is to establish the origins of the earliest layer of names of the Russian villages along the Pelym River and to trace the history of their functioning from the 18th century to the present day. The work is based on the material of historical documents (customs books of the town of Pelym of the second half of the 17th century), information from written, statistical, and cartographic sources (travel materials of academician G.F. Müller of 1742, expeditions of B. Munkácsi in 1888–1889, lists of the settlements of the Ural and Sverdlovsk regions, and modern maps of the region), as well as field materials of the 1960s collected by the Ural University Toponymic Expedition. Research methods include descriptive, etymological, comparative, reconstruction, and statistical analysis of linguistic material. It has been ascertained that almost all considered oikonyms have anthroponomical origins and are derived from the surnames of first settlers. They reflect the history of the development of the Pelym region, including its active settlement by the Russian riflemen Streltsy (villages Krivonogova, Khudyakova, Kuznetsova, Tolmacheva etc.). The names of the Russian villages which were founded in the Mansi native territory were subjected to adaptation in the Mansi language, or the Mansi were giving them their own names, which is clearly shown by the materials of B. Munkácsi of the late 19th century (Ponomareva village → Panamarovskaya in Russian and Varaulëx-pewël in Mansi, Kadaulova (Kaidaulova) village → Kheitël-p. in Mansi etc.). Of the 17 Russian oikonyms of the lower Pelym known in the 18th century and recorded by G.F. Müller in the description of his travel in 1742, only one has survived to this day — the name of the village of Vekshina, which is still extant. The memory of the disappeared Pelym villages and their names are preserved by the local microtoponyms present on the modern maps, as well as by the surnames of the descendants of the inhabitants of these villages.

Key words: Pelym, Tavda, Pelym volost, Sverdlovsk region, Russian development of Siberia, toponymic landscape, Russian-Mansi interaction, Russian toponymy, oikonyms.

REFERENCES

Alekseev G.V. (Ed.) (1987). *Sverdlovsk region. Administrative division on January 1, 1987*. Sverdlovsk: Ural'skiy rabochiy. (Rus.).

Baidin V.I. (Ed.) (2006). *Kondinsky region of the 16th — early 20th centuries in documents, descriptions, travelers' notes, memoirs*. Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta. (Rus.).

Barkhudarov S.G. (Ed.) (1975). *Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries*. Vol. 1, 2, 4. Moscow: Nauka. (Rus.).

Bogatova G.A. (Ed.) (1991). *Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries*. Vol. 17. Moscow: Nauka. (Rus.).

Dal' V.I. (1980). *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk.

- Dmitrieva T.N. (2013). Materials of G. F. Müller's travels in 1742 as a historical and toponymic source. In: Fancsaly Éva & B. Székely Gábor (Eds.). *Obi-ugor és szamojéd kutatások, magyar őstörténet: Hajdú Péter és Schmidt Éva emlékkonferencia*. Pécs: Pécsi Tudományegyetem, 42–52. (Rus.).
- Fasmer M. (1964). *Etymological dictionary of the Russian language*. Vol. 1. Moscow: Progress. (Rus.).
- Filin F.P. (Ed.) (1964, 1968). *Dictionary of Russian folk dialects*, (2, 3). Moscow; Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Glavatskaya E.M. (2005). *Religious traditions of the Khanty of the 17th–20th centuries*. Ekaterinburg; Salekhard: RA ARTmedia. (Rus.).
- Glavatskaia E., Vershinin E. & Zakharova I. (2008). *Voices of ancient cultures*. Ekaterinburg: Basko. (Rus.).
- Glinskikh G.V. (1969). Basic types of the Middle and Lower Pelym river basin Mansi toponymy. In: G.K. Baraksanov (Ed.). *Vsesoiuznaia konferenciia po finno-ugrovedeniiu*. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 14–17. (Rus.).
- Glinskikh G.V. (1971). Russian toponymy of Mansi origin in the Middle and Lower Pelym River basin area. In: A.K. Matveev (Ed.). *Voprosy toponomastiki*, (5). Sverdlovsk: Izd-vo Ural'skogo universiteta, 35–57. (Rus.).
- Glinskikh G.V. (1976). Mansi substrate toponymy in the Russian dialects of the Tavda river area. In: A.K. Matveev (Ed.). *Etimologiya russkikh dialektnykh slov*. Sverdlovsk: Ural'skii universitet, 109–179. (Rus.).
- Glinskikh V.I. (Ed.). (1978). *Sverdlovsk region. Administrative division on January 1, 1978*. Sverdlovsk: Sredne-Ural. kn. izd-vo. 1978. (Rus.).
- Kannisto A., Nevalainen J. (1969). Statistik über die Wogulen. *Journal de la Société Finno-ougrienne*, 70(4), 49–52.
- Matveev A.K. (2011). *Materials on the Mansi toponymy of the Northern Ural*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta. (Rus.).
- Miller G.F. (2006). Travels of 1742. In: A.Kh. Elert (Ed.). *Severo-Zapadnaya Sibir v ekspeditsionnykh trudakh i materialakh G.F. Millera*. Ekaterinburg: Volot. (Rus.).
- Mosin A.G. (2000). *Ural surnames: Materials for the dictionary*. Vol. 1: *Surnames of residents of the Kamyshlovsky district of the Perm province (according to the confessional paintings of 1822)*. Ekaterinburg: Ekaterinburg. (Rus.).
- Mosin A.G. (2001). *Ural Historical Onomasticon*. Ekaterinburg: Ekaterinburg. (Rus.).
- Munkácsi B. (1896). Nyolczadik szakasz. A vogul föld helynevei. In: B. Munkácsi. *Vogul népköltési gyűjtemény. IV kötet. Életképek. Első füzet. Vogul szövegek és fordításai. Saját gyűjtése és Reguly Antal hagyományai alapján*. Budapest: Kiadja a Magyar tudományos Akadémia.
- Munkácsi B., Kálmán B. (1986). *Wogulisches Wörterbuch*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986.
- Osmanov M.M. (Ed.). (1966). *Tatar-Russian dictionary*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (Rus.).
- Parfenova N.N. (2005). *Dictionary of Russian surnames of the late 16th — 18th centuries (according to archival sources of the Trans-Urals)*. Moscow: Synergy. (Rus.).
- Polyakova E.N. (2005). *Dictionary of Perm surnames*. Perm: Knizhny mir. (Rus.).
- Preobrazhenskii A.A. (Ed.) (1989). *History of the Urals from ancient times to 1861*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Redin D.A. & Patrikeev N.B. (Eds.) (2000). *Essays on the history of Ugra*. Ekaterinburg: Volot. (Rus.).
- Semenov P.P. (1873). *Geographical and Statistical Dictionary of the Russian Empire*. St. Petersburg, (Rus.).
- Shafranov-Kutsev G.F. (Eds.) (2000). *Yugoria: Encyclopedia of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug*. Vol. 2. Khanty-Mansiysk. (Rus.).
- Shipova E.N. (1976). *Dictionary of Turkisms in Russian*. Alma-Ata: Nauka KazSSR. (Rus.).

Дмитриева Т.Н., <https://orcid.org/0000-0002-3719-5150>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 25.02.2021

Article is published: 28.05.2021

Чепайтене Р.

Институт истории Литвы, Кражю, 5, Вильнюс, 01108, Литва
E-mail: geokdepe@gmail.com

ГУЛАГОВСКИЙ ОПЫТ В КУЛЬТУРНЫХ НАРРАТИВАХ И КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЛИТВЫ

На основе обобщения и анализа эго-документов, литературных произведений, визуальных репрезентаций рассмотрены тенденции переосмысления опыта ГУЛАГа в постсоветской Литве. Особое внимание уделяется освещению специфики женского и отчасти детского опыта ссылки. Определены способы восприятия, переживания и воспроизведения коллективной травмы в этноисторическом контексте; выявлена роль постпамяти в формировании и поддержке национальной идентичности литовцев.

Ключевые слова: Литва, Сибирь, ГУЛАГ, депортация, национальная идентичность, коллективная травма, постпамять.

*Существуют разные формы сопротивления:
выжить, когда должен умереть, помнить, когда обязан забыть,
думать, когда вынужден не думать, замечать, когда лучше не замечать,
пытаться узнать, когда велено ничего не знать.*

Даля Гринкевичюте [Grinkevičiūtė, 1997, p. 273]

Введение

В октябре 1939 г. Л. Берией был подписан приказ № 001223, обосновавший принципы преследования жителей Литвы, Латвии, Эстонии, Западной Украины, Западной Беларуси и Молдавии. В Литве массовые аресты начались 10 июля 1940 г. В первой волне репрессий пострадало около 7000 жителей Литовской Республики, среди них политики, чиновники, общественные и культурные деятели. В июне 1941 г. в Сибирь и Казахстан были депортированы представители интеллигенции и зажиточного крестьянства. Репрессии возобновились в 1946 г. Таким способом пытались пресечь спонтанное формирование вооруженного антисоветского сопротивления, наблюдавшееся по всей республике. Решив сломить его, а также нежелание крестьян (основной экономической опоры подполья) вступать в колхозы, карательные органы за период 1946–1952 гг. сослали в Казахстан, Сибирь и на Дальний Восток не менее 132 тыс. жителей Литвы [Зубкова, 2008; Бердинских, 2005, с. 515–541]. Большинство репрессированных мужчин сразу отделялись от семей и отправлялись в лагеря. Женщины и дети составляли около 70 % от всех литовских спецпереселенцев. С 1949 г. дети ссыльных до 16 лет стали вноситься в общие списки депортированных. После окончания срока ссылки ссыльнопоселенцам создавались разного рода препятствия для возвращения на родину. Вернувшимся же отказывали в регистрации, без которой они не могли найти постоянное место жительства, учиться и официально работать. Также всячески ущемлялись их гражданские права. Поэтому, несмотря на то что в 1963 г. были освобождены последние литовские ссыльные, около 50 тыс. чел. еще долгое время не могли вернуться на родину или не вернулись совсем (некоторая их часть поселилась в Калининградской области и Латвии) [Земсков, 2003; Кустова, 2014].

Даже в период «оттепели» тема сталинских репрессий и антисоветского сопротивления в Литовской ССР оставалась под жестким контролем: либо умалчивалась, либо идеологически обрабатывалась. Лишь во время перестройки в прессе появились первые публикации фрагментов воспоминаний депортированных, за которыми последовал массив разнообразных свидетельств — документальных, литературных и визуальных текстов, в которых авторы пытались запечатлеть пережитое и переосмыслить сталинские депортации в новом социокультурном контексте. Исследователи (пост)социализма уделяют внимание свидетельствам ГУЛАГа, ставя вопрос, каким образом они повлияли на трансформацию советского общества после демонтажа системы принудительного труда и особенно после распада СССР [Копосов, 2011; Эткинд, 2018; Эппле, 2020]¹. Литовским сви-

¹ Одним из первых среди российских исследователей обратился к этой теме В.А. Тишков, поставивший вопрос о формировании национальной идентичности в том числе на отстройке коллективной травмы, заложенной темами депортации и репрессий [2001].

детельствам часто свойственно переплетение сюжетов сопротивления и репрессий, поскольку взятые в плен партизаны и их помощники попадали в ГУЛАГ, и после отбытия срока им иногда позволялось воссоединиться с семьями, находящимися в ссылке. Или наоборот — некоторые ссыльные по разным доносам отправлялись на принудительное «перевоспитание» [Клумбите, 2017]. Недавно начали обращаться к интересному аспекту такого «переплетения» — случаям лагерных восстаний, в которых литовские «лесные братья» принимали активное участие или занимали лидирующие позиции [Saudargas, Karazijaitė, 2018].

Свидетельства глубоко травматичного индивидуального и коллективного опыта все больше начали привлекать исследователей разных социогуманитарных дисциплин. Очевидно, исследования такого рода специфических источников требуют особых компетенций — не только этноисторических, но и психологических, социологических, культурологических, литературоведческих и пр. Различные аспекты темы депортаций и репрессий рассматривают в современной Литве историки А. Анушаускас, Д. Лейнарте [Leinartė, 2012], Т. Балкелис и В. Даволюте [Maps of Memory..., 2012; Population displacement..., 2016], много лет изучению коллективной памяти посвятила социолог И. Шутиниене [Šutinienė, 2002; Krukauskienė et al., 2003; Šutinienė, 2013]; профессор психологии Д. Гайлиене, вместе со своей командой из Вильнюсского университета анализирует коллективные последствия посттравматического синдрома [Kazlauskas, Gailienė, 2003; Gailienė, 2008]; изучением исторической памяти о ГУЛАГе занимаются культурологи В. Рубавичюс [Rubavičius, 2007, 2018], Г. Мажейкис [Mažeikis, 2016], литературоведы А. Миколайтите [Mykolaitytė, 2016a, 2016b], Е. Балютите [Baliutytė, 2008] и др. Но в их трудах зачастую отсутствует компаративистский подход, позволяющий подробно проанализировать последствия коллективной травмы литовцев в сравнении с опытом других народов бывшего СССР, выявить общность и специфику восприятия в контексте меняющейся политики памяти.

В. Рубавичюс делает важное замечание, что волна гулаговской литературы и кинодокументалистики в Литве достигла пика примерно в 1995 г. и потом стала понемногу спадать [Rubavičius, 2018, p. 54]. Философ Г. Мажейкис различает гулаговские и постгулаговские тексты и отмечает, что если первые, изображая условия лагеря и ссылки, жестокость, десятилетия репрессий и т.д., повторяют схемы ГУЛАГа, таким образом своеобразно его реабилитируют, то вторым уже свойственна сосредоточенность на последствиях долгосрочного коллективного травмирования [Mažeikis, 2018, p. 250]. В качестве примеров визуальных гулаговских текстов он называет фильм Г. Беглова «Ад, или Досье на самого себя» (1989 г.), сериал В. Фатьянова «Последний бой майора Пугачева» (2005 г.), снятый по мотивам произведений В. Шаламова, а постгулаговского — «Покаяние» Т. Абуладзе (1984 г.) и «Левиафан» А. Звягинцева (2014 г.).

Существуют ли тексты, отражающие это качественное различие в других постсоветских странах, в том числе Литве, и каково их взаимоотношение? Уже во время перестройки Прибалтийские республики почувствовали потребность переконструировать свои национальные нарративы. После отказа от версии о «добровольном вступлении» в состав СССР открылся целый пласт до того вытесненной и умалчиваемой памяти о сталинских репрессиях и о «войне после войны», продолжившейся в Литве до 1953 г., что в начале 1990-х сыграло решающую роль в делегитимации советского режима.

Данная статья посвящена анализу того, каким образом тема «вывезенных»² появляется в публичном пространстве перестроечной и постсоветской Литвы, становясь тем самым частью процесса конструирования нового национального идеологического дискурса и немаловажным фактором формирования и поддержки коллективной идентичности. Также меня интересует, как со временем меняются формы, смыслы и сообщения этих репрезентаций ГУЛАГа, особенно в процессе смены поколений, когда на место прямых очевидцев событий приходят авторы и творцы, не имеющие личного опыта репрессий, а лишь знающие о нем через историю семьи или родственников. Тут неизбежно возникает вопрос и о возможностях (и пределах) сохранения первичных смыслов, которыми люди, пережившие репрессии, наделяли свои свидетельства, и о качестве обработки и «перевода» этих специфических источников на язык, понятный современному обществу, с учетом и жанровых особенностей (письменный и визуальный тексты). Возможно ли при адаптации/воспроизведении воспоминаний обойти когнитивные ловушки упрощения, искажения, идеологической ангажированности, чрезмерного эмоционального давления на читателя/зрителя или, наоборот, политкорректной (само)цензуры? Последняя, кстати, может

² Эвфемизм советского времени, который до сих пор иногда используется для определения депортированных.

быть даже двойной, свойственной как самим авторам свидетельств, так и их «переводчикам» на современный язык, приспособленный к логике потребления массовой художественной продукции. В данном исследовании я попытаюсь более подробно остановиться на нескольких, на мой взгляд, самых ярких и знаковых произведениях о ссылке, наиболее четко отражающих сдвиг в восприятии советских репрессий, как и в оценке самого советского периода, но оставляя в стороне другие, не менее значительные по степени осмысления советского периода, тексты, которые к теме депортаций приступают лишь фрагментарно. Я буду их анализировать и через призму того, каким образом меняются режимы памяти/забвения, т.е. что подчеркивается, а о чем умалчивается или сознательно удаляется из виду.

Гулаговские тексты как историческое свидетельство

Только в конце 1980-х гг. обществу стали доступны свидетельства бывших репрессированных, опубликованные или записанные на аудио или видео, в виде исторических исследований, неподцензурной беллетристики, интеллектуальной публицистики и т.д. [Baliutytė, 2008]. Например, одним из первых текстов, поднявших тему террора советской системы против мирного населения и получивших большую общественную огласку, стала статья известного писателя Р. Гудайтиса «Мы из края расстрелянных песен», опубликованная в 1988 г. в журнале «Literatūra ir menas». Только за 1991–1992 гг. появилось более 50 разнообразных изданий на тему депортаций и антисоветского сопротивления.

За прошедшие 30 лет такая литература объединила жанровое многообразие: это воспоминания и мемуары, дневники и письма, любительская и профессиональная поэзия и проза, и пр. [Pokorska-Iwaniuk, 2015]. В 1990-е гг. вокруг мемуаристики бывших политзаключенных и ссыльных наблюдался ажиотаж. Авторы спешили рассказать о своем прошлом, которым до того опасались делиться даже с близкими. Сюжет описываемых событий был прост и похож (менялись лишь имена, места и даты), и со временем к таким текстам начали терять интерес. Позднее подобные воспоминания уже издавались на средства авторов небольшими тиражами. Писательница Е. Гудоните горько пошутила, что опубликованные мемуары нынче имеются чуть ли в каждой семье литовских спецпереселенцев (из интервью Е. Гудоните от 29.01.21).

Общественный интерес стал основой и для многих новых гражданских и художественных инициатив, связанных с попытками увековечения памяти жертв сталинизма. «Работа памяти и горя» началась со спонтанных экспедиций бывших заключенных и ссыльных или их родственников в места лагерей и ссылок, с целью обнаружения и перезахоронения в Литве останков своих близких (об этом были созданы многочисленные документальные фильмы и передачи). За ними последовала общественная молодежная акция «Миссия Сибирь», посвященная посещению этих мест и приведению в порядок кладбищ литовских политзаключенных и ссыльных [Прокопьева, 2018].

Но со временем документальное кино, первоначально охотно бравшееся за визуальные повествования о ГУЛАГе, пережило похожую с мемуаристикой тенденцию подъема и спада интереса. В основном такие фильмы и не предполагали создания нового исторического знания или смысла, а лишь хотели в очередной раз напомнить зрителю об уже известном [Šermukšnytė, 2004, p. 123–124].

Спустя тридцать лет после распада СССР исследователи выделяют несколько видов гулаговской литературы.

1. Написанные в советское время и тщательно скрывавшиеся рукописи, которые были опубликованы в перестройку или сразу после обретения независимости. Яркий пример — книга Д. Гринкевичюте «Литовцы у моря Лаптевых», несколько частей которой были напечатаны еще в 1988 г. в журнале «Pergalė». Воспоминания были переведены на другие языки и получили широкую известность. Таких текстов немного, они выделяются исключительной внушительностью документальности и отражают непосредственные и живые реакции людей на постигшую их экзистенциальную катастрофу.

2. Тексты, созданные в литовской диаспоре, в основном в США, на основе опыта пережитого в период 1940–1941 гг. или немногочисленных прямых свидетельств тех, кому после «визита в Сибирь» удалось вырваться на Запад. По мнению литературоведа Б. Райлы, этим текстам не хватает убедительности, оригинальной и свежей интерпретации описываемых событий. Им часто «свойственны сентиментализм, морализаторство, стоны и мольба» [Raila, 1974, p. 93]. В этой группе по литературным качествам выделяется книга Б. Армониене «Оставь слезы в Москве» [Armonienė, 2011], оставшаяся малозамеченной из-за перенасыщенности подобными произведениями.

3. Воспоминания жертв репрессий, записанные в независимой Литве. Сложился большой массив текстов, в том числе коллективные сборники мемуаров: «Путь ссылки» (2006), «Реки ссылки» (2008), «Живая память» (2010), «Дети Сибири. Воспоминания литовских ссыльных детей» (2011), «Дети ссылки» (2012) и пр. Их можно оценивать как своеобразную самотерапию, поз-воляющую вывести на поверхность сознания самое болезненное и травмирующее, отпеча-тавшееся в памяти. Такие мемуары часто издаются на собственные средства и адресуются собственной семье, родне и друзьям.

4. Тексты «второго поколения», создаваемые современными авторами на основе переработки переживаний предыдущего поколения — родителей или близких родственников. В них отсутствует то, за что подобную литературу критиковал Б. Райла. Обычно это попытки создать впечатляющую и увлекательную историю вместо очередных описаний потерь, боли и не-взгод. Очевидно, что подобных текстов со временем будет становиться все больше.

Последнюю группу литературных (или созданных на их основе кинематографических) произве-дений можно причислить к нарративам *постпамяти* (*post-memory*) [Mykolaitytė, 2016a]. Хотя в большинстве случаев литовским гулаговским текстам свойственна ярко выраженная виктимизация («что они нам сделали»³), этноцентризм и недостаточный уровень саморефлексии, но встречается и холодная документальность, например, присущая книге известного межвоенного журналиста В. Густайниса «Без вины» [Gustainis, 1989]. Также по степени осмысления личного и группового опыта депортаций существуют более сложные и ценные тексты. Среди них по своим литературным и документальным качествам выделяются уже упомянутые воспоминания Д. Гринкевичюте (1927–1987), которая в 1941 г. в четырнадцатилетнем возрасте была депортирована сначала на Алтай, а потом на север Якутии. Она написала два текста воспоминаний — в 1949–1950 г. на русском языке и в 1976 г. на литовском, которые стали широко известны в переводах [Grinkevičiūtė, 2003]. В этих воспоминаниях не только звучит свидетельство *голой жизни* невинных людей, оказавшихся в невыносимых условиях на льду моря Лаптевых, но и прослеживается четкая стратегия выживания, выбранная автором. В ее текстах заметна интонация собственной позиции, самоопределения, вы-бора, чем она отличается от остальной литературы такого рода, которую в основном можно назвать литературой травмы. Гринкевичюте не считала себя жертвой режима в психоаналитическом смыс-ле слова и не действовала соответственно, не согласившись принять навязанный ей советской властью жизненный сценарий и таким образом выступив как самостоятельный, автономный и сво-боднодействующий субъект. Даже после освобождения, работая врачом, она держалась своих мо-ральных принципов, из-за чего часто конфликтовала с местной властью и преследовалась органа-ми госбезопасности. В этом случае мы видим трансформацию бывшего политзаключенного в диссидента, завязавшего тесные контакты с российскими инакомыслящими. Не надеясь на публи-кацию воспоминаний, она обосновала смысл записи пережитого и увиденного тем, что нельзя по-зволить стереть из памяти случившееся с ее семьей и другими людьми, иначе это стало бы мо-ральным проигрышем [Baliutytė, 2008, p. 20]. В отличие от большинства мемуаров литовских депор-тированных, заикленных на травме собственной семьи, общины, народа, Гринкевичюте немало места уделяет и другим народам, в ее текстах часто упоминаются братья по горю — финны, латы-ши, украинцы, русские. Наряду с сохранением памяти о жертвах для нее важны вопросы метафизического характера: где грани человечности? каким образом они испытываются? что про-исходит с человеком в экстремальных условиях? Ее ответ: «...понимаю, что теперь все, что было искусственно, что было лишь пустой вежливостью и мещанской порядочностью, все спало с нас как чужие лахмотья. В смертельной борьбе за жизнь, лицом к смерти каждый предстал таким, каким является на самом деле» [Grinkevičiūtė, 1997, p. 118].

Стратегия отказа от роли жертвы ярко выражена и в сохранившихся немногочисленных свидетельствах о жизни узницы ГУЛАГа Аделе Дирсите (1909–1955). Находясь в лагерях, она, будучи учительницей и католической активисткой, тайно записывала молитвы на кусочках бере-сты, обрывках мешков из-под цемента и других подручных средствах. По ним видно, что Дирсите находила смысл в происходящем с ней и с другими в вере и в медитации таинств мук и жертво-приношения Христа. В 1953 г. молитвы были собраны в небольшую книжечку, переправленную в США и изданную там. Рукописный молитвенник гулаговских узников, получивший название «Ма-рия, спасай нас», позднее был переведен на многие языки. Этот пример сибирского религиозно-го самиздата в своей монографии упоминает Е. Савенко, приводя отрывок перевода молитвы

³ Так звучит и название одной из книг Д. Гайлиене.

«Мария, спаси нас» на русский язык [2017, с. 117–118]. Также сохранились некоторые эго-документы Дирсите — письма, отправленные родственникам и друзьям в Литву, которые позднее были собраны и изданы по частной инициативе, к сожалению, без подобающего научного комментария [Dirsyte, 2000]. В них более подробно раскрывается ее стратегия выживания — сосредоточение на позитивном и оптимистическом, поиск и обучение других находить следы Бога в удивительной сибирской природе, в лицах подруг, в мельчайших знаках любви, которые она с благодарностью принимает в виде посылок или весточек из дома. Трансцендентальное в этих письмах скорее предполагается, нежели прослеживается, но они вплетаются в долгую и богатую традицию католического мистицизма, посвященного поиску аутентичного поведения христианина перед лицом испытаний, горя и страдания. Несмотря на трудные условия в ГУЛАГе Дирсите пыталась помочь сохранить храбрость, надежду и веру в Бога, учила черпать духовную силу в молитве других женщин и девушек, среди которых было несколько ее учениц. За ее духовное влияние на заключенных она неоднократно подвергалась суровым наказаниям, истязаниям и побоям. Обстоятельства ее смерти и место захоронения неизвестны, существует отрывочная информация, что она погибла в лагере в Хабаровском крае в 1955 г., за несколько месяцев до возможного освобождения [Pipiras, Končius, 2016]. Католической церковью в 2000 г. А. Дирсите была объявлена Божьей слугой, уже заведено дело ее беатификации.

Как и молитвы Дирсите, «Псалмы» Антанаса Мишкиниса — цикл из 40 стихотворений поэта, публициста и писателя-неоромантика были написаны в лагерях в 1949–1953 гг. Цикл тоже посвящен мучительному поиску Бога. В отличие от Дирсите, поэта, оказавшегося перед лицом всепоглощающего ужаса и людских мук, интересовала сама сущность зла. Корень ГУЛАГа для Мишкиниса прежде всего кроется в последствиях создания атеистического общества (стихотворение «Мир без Бога»), а образ и сущность зла (Дьявол) в его стихах отождествлен с фольклорным девятиголовым драконом или с библейским змеем, что удивительно напоминает образы подлости, используемые философ-неотомистом А. Мацейном, в философском трактате-трилогии «*Cor Inquietum*» («Великий инквизитор» (1946 г.), «Драма Иова» (1950 г.), «Тайна подлости» (1964 г.)) [Maceina, 1990]. Экзистенциальная потребность в поиске смысла бытия в окружении безысходности, мерзости, абсурда и смерти вдохновила Мишкиниса на создание лирики высокого литературного уровня, с образами христианского, национального и народного мировоззрения, мотивами любви к Литве, к малой родине, к матери. «Псалмы», также записанные на мешковине, запоминались и исполнялись узниками как молитвы и религиозные песни. В Литве они распространялись при помощи самиздата и впервые были опубликованы в 1991 г.

К наиболее экзистенциально и художественно ценным литовским гулаговским текстам можно отнести и роман в новеллах Владаса Калвайтиса (1929–2018) «Барак усиленного режима» [Kalvaitis, 2011]. Писатель-самоучка признался в интервью, что не дописал свои воспоминания о лагере, куда попал в 22 года, из-за скуки. Поэтому он выбрал жанр коротких новелл, который «позволяет обрести обезболивающую дистанцию, освобождает место для взгляда реалиста и сатирика» [Speičytė, 2013]. Роман по своим литературным качествам может быть сравним не только с книгой Д. Гринкевичюте, но и с более ранним свидетельством похожего опыта нацистского концлагеря — романом Б. Сруоги «Лес Богов» (лит. *Dievų miškas*), которому тоже свойствен черный юмор. Но, в отличие от Сруоги, Калвайтис, к сожалению, до сих пор незаслуженно малоизвестен за пределами интеллектуального круга.

«Уже не рана, а рубец»: переосмысление гулаговских текстов в произведениях «второго» поколения

В отличие от «первого» поколения авторов гулаговских текстов, цель которых — засвидетельствовать и увековечить пережитое, а также задокументировать ужасы ГУЛАГа, представители «второго» ставят перед собой совсем иные задачи. Прежде всего это глубоко личный поиск ответа на вопрос, какое значение в их собственной судьбе и идентичности имел травмирующий опыт родителей или близких и каким образом у них появились разработанные стратегии, тактики и навыки выживания в ГУЛАГе. Например, представительница «второго поколения» Егле Гудоните, описывающая в романе «Поколение от Сибири» (2013 г.) жизнь бабушки и матери в Алтайском крае, свой интерес к этой теме объясняет тем, что это позволило ей дополнить собственное тождество, «как будто бы у тебя до того было лишь имя, и ты теперь приобретаешь и фамилию» (из интервью Е. Гудоните от 29.01.21).

Тем временем писательница, имеющая литовско-американские корни, Рута Шепетис призналась, что, родившись и живя в США, не зная при этом языка, только будучи взрослой заду-

малась о том, что значит иметь литовское имя и фамилию и считать себя литовкой. Написание романа о сталинских депортациях «Меж серых небес» (англ. *Between Shades of Grey*, лит. *Tarp pilkų debesų*, 2011 г.) повлияла ее поездка в Каунас, где выяснилось, что большая часть семейных фотографий была уничтожена из-за «неправильного» происхождения предков, так как хранить их дома было чересчур опасно. Она была шокирована фактом незнания своих корней и тем, что люди за границей тоже ничего не знают о сталинских репрессиях в Литве — их жертвы по сей день остаются безликими и безголосыми. Поэтому она и решила написать книгу: «таким образом я могла хоть как-то утвердить свою литовскую идентичность и уже не чувствовать себя самозванкой» [Liandzbergienė, 2011]. Роман был переведен на более чем 30 языков и получил разные литературные премии. Популярность книги определила увлекательно и внушительно рассказанная история литовской ссылки первой, довоенной, волны. Роман раскрывает историю девушки Лины, семью которой депортировали в Сибирь. Она показана глазами этого еще почти ребенка, таким образом избегается ловушка идеологически окрашенных оценок и вышеупомянутой «жалобности»: девушка сталкивается с несправедливостью и жестокостью, но еще не умеет их толком объяснить [Mykolaitytė, 2016a, p. 191]. Читателей книги Шепетис привлекает экстремальная ситуация, экзотичная Сибирь и Север, увиденные глазами подростка.

Роман Шепетис был сконструирован на основе нескольких текстов и устных рассказов ссыльных 1941 г. У Д. Гринкевичюте она взяла географию, структуру семьи, возраст рассказчицы, а также схожую позицию по отношению к травмирующему опыту. Хотя в литовских СМИ можно найти и информацию, что прототипом главной героини книги стала другая женщина — Ирена Саулюте Валайтите-Шпакаускиене, которая несмотря на преклонный возраст до сих пор проводит экскурсии в Музее народного быта под открытым небом в Румшишкес, рядом с воссозданной юртой ссыльных у моря Лаптевых [Stažytė, 2019], и которая сама недавно издала воспоминания [Valaitytė-Špaukauskienė, 2020]. Но, несмотря на тщательную подготовительную работу писательницы, в ее романе остались существенные смысловые искажения и алогизмы. Отдавая дань автору за несомненные заслуги в популяризации темы за пределами Литвы, надо заметить, что книге свойственна слащавость, простодушные и даже наивные суждения, указывающие на непонимание более сложных причин и исторического контекста, что приводит к неадекватному представлению особенностей тоталитарного режима и общества. Часть этих недостатков позднее была перенесена или добавлена в сценарий фильма, созданного на основе романа американским режиссером литовского происхождения М. Маркевичюсом «Пепел на снегу» (*Ashes in the snow*, 2018 г.). Критики фильма не обошли стороной примитивность сценария и драматургии, к сожалению, вульгаризирующие или иногда искажающие суть и смысл сталинских преступлений. Один из рецензентов обратил внимание на то, что в фильме заметна попытка «нормализовать травмирующую реальность, втискивая ее в своеобразные трафареты изображаемого, таким образом превращая действительность в менее болезненную, даже совсем приемлемую для просмотра» [Genevičius, 2018].

«Пепел на снегу» отнюдь не был в авангарде фильмов о ссылке литовцев, но первым обратил на эту тему внимание мирового сообщества. В 2013 г. на экраны вышел фильм «Экскурсантка» (*Ekskursantė*, режиссер А. Юзенас), рассказывающий историю одиннадцатилетней девочки, которая по пути в Сибирь сумела сбежать и, не без помощи добрых людей избежав многих трудностей и пройдя тысячи километров, вернуться домой. В этом фильме снимались как литовские, так и российские актеры, он получил премию на российском кинофестивале «Ника». Рассказанная история поставила трагедию сталинского террора выше обычной национальной горечи и обиды и стала общечеловеческой притчей о добре и зле, о силе человечности. Хотя режиссер Юзенас в интервью упомянул, что в основу фильма тоже легла реальная история, но, по решению сценариста, имя прототипа осталось неизвестным [Noreikienė, 2013]. Фильм можно воспринять как иной, более свободный взгляд на болезненное прошлое, даже как тест на зрелость литовского общества, ведь в нем представлена неоднозначная история, а портреты сотрудников советских репрессивных структур не только негативны.

Произведениям «второго» поколения также свойственна попытка вырваться за рамки застывшего канона гулаговской литературы в поисках новых подходов, ракурсов и способов выражения. Этим они вписываются в уже формирующуюся традицию литературы постпамяти, к которой, к примеру, можно отнести графический роман о переосмыслении Холокоста «Маус» Арта Шпигельмана (1991 г.) или рефлексии о послевоенной немецкой идентичности — «Малая родина: немка осмысливает историю и род» Норы Круг (2018 г.). Постпамять включает отношение

второго и последующих поколений к мощному, часто травмирующему опыту, который случился с другими людьми намного раньше их рождения, но несмотря на это им был передан настолько непосредственно и глубоко, как если бы это были их собственные воспоминания [Hirsch, 2008, p. 103; Хирш, 2016]. Автор данного понятия М. Хирш указывает на то, что этот концепт подходит для изучения любых культурных травм, формирующих коллективную идентичность. Появление постпамяти стало возможно потому, что «память может быть передана тем, кто не пережил самого события» [Hirsch, 2008, p. 106]. Тем самым эта вторичная, приобретенная память уже является иной, нежели память прямых свидетелей и участников драматических событий. Она более свободна от сознательных или подсознательных умолчаний, присущих текстам очевидцев террора, написанным жертвами, которым было трудно или невыносимо больно говорить о своих ранах и переживаниях, что особенно свойственно женским воспоминаниям. По мнению Э. фон Альфена: «Нужно уточнить, что постпамять — это не вид памяти. Младшие поколения создают ее с помощью воображения, позволяющего им реконструировать воспоминания, которых у них нет. Или реконструировать прошлое, о котором они ничего не знают» [2015].

Примеры литовских текстов постпамяти как раз хорошо иллюстрируют эту мысль. Реконструировать прошлое не так-то просто. Родители или близкие часто предпочитают о перенесенных репрессиях молчать из-за незажившей травмы либо боятся о них рассказывать, поскольку это политически опасно, как это было до распада СССР, или потому, что «другие просто не поймут». Так что приходится искать иные способы преодоления когнитивного разрыва — читать и сравнивать уже опубликованные мемуары других ссыльных, дискуссиями о них провоцируя близких вернуться к собственному опыту, открыться и сравнить его с опытом других. То есть стать своего рода любителем-детективом/психотерапевтом. Но экзистенциальная брешь, вероятность не(до)понимания и искажения первичных смыслов остается.

Среди произведений «постпамяти», отличающихся поиском нового языка выражения, особо стоит отметить книгу комиксов «Сибирский хайку» (автор текста Юрг Виле, художник Лина Итаки), победившую на конкурсе лучшей детской книги в 2018 г. Источником этого необычного произведения стала история тринадцатилетнего мальчишки Альгиса, прототипом которого является папа одной из авторов книги. Книга была создана двумя молодыми женщинами, объединившими разные средства — рисунки, письма, поэтические вставки и пр., чтобы рассказать историю от первого лица, показать ее глазами ребенка, не перегружив историческими деталями, и не драматизировать, даже, наоборот, привнести немалую долю юмора и немного мистики.

Более сложную картину памяти ссылки и отношения к травме рисует документальный роман Е. Гудоните «Поколение от Сибири». Это не только тщательная реконструкция пережитого депортированными, но и попытка нащупать глубинные трансгенеративные связи. Повествование строится на пересечении образов представительниц трех поколений — бабушки, матери и самого автора текста. Их голоса иногда переплетаются, мешая читателю отделить их друг от друга. В отличие от литературы, ориентированной на возрождение прошлых событий, повествование Гудоните двухвекторное — в нем отражены как годы ссылки на Алтае (трудное детство матери автора Асты, или Асточки-Ласточки, как ее тогда называли, описаны от первого лица), так и настоящее (размышления автора о памяти, родине, идентичности, судьбе). «Слегка запуталась в маршруте своей поездки — то ли я еду в Сибирь через себя, то ли в себя — через Сибирь? Знаю лишь, что последней остановкой все равно будет Литва» [Gudonytė, 2013, p. 6–7]. Автор обращается к читателю с вопросом: сколько в тебе Сибири, таким образом провоцируя его задуматься о своей принадлежности к нации как «сообществу памяти», даже если он или она и не имеет семейного опыта репрессий. И сама отвечает на индивидуальном, а не на коллективном уровне. Книгу сложно отнести к конкретному жанру, ей присуще фрагментарное, «осколочное» повествование, с чередующимися разными стилевыми и языковыми приемами: это и проза, и стихи, и фотографии, и даже рецепты, записанные еще в межвоенное время рукой бабушки, что резко контрастирует с описанием голодания в Сибири. Автор мастерски играет и возможностями языка: тут и атмосферное региональное наречие, помогающие раскрыть особенности детской психологии, и современный молодежный жаргон, и юмор, и (само)ирония. Но, несмотря на свежий взгляд и желание найти новые формы выражения, эту книгу можно обоснованно отнести и к продолжению традиции литовского неоромантизма, с ее вниманием к природе, к бытовым деталям, что особо свойственно женской прозе. Этим текст Гудоните объединяет мемуарику представителей «первого» поколения и (пост)гулаговские тексты «второго».

Заключение

Как правило, основной массе опубликованных литовских гулаговских свидетельств свойственна серьезность, простота изложения, дескриптивность и скрупулезное перечисление пережитых страданий и обид, лиризм, характерный для народного творчества и неоромантической литературы, иногда пронизанный религиозным мировоззрением, даже долоризмом. По своей структуре фабула этих текстов проста, сюжеты схожи (*внезапный арест — путешествие в Сибирь — трудности и невзгоды ссылки — счастливое возвращение на родину*). Их основная цель — сохранить память, тем самым вырывая из небытия и забвения имена, места, события, чувства и переживания, которые иначе были бы потеряны навсегда. До уровня рефлексии этого опыта поднимаются лишь редкие, исключительные, произведения, часто обладающие и немалыми литературными достоинствами.

Почти во всех затронутых в статье произведениях отмечается своеобразная гендерная стратификация — литературные и художественные свидетельства сталинских депортаций в Литве или в литовской диаспоре в основном создаются женщинами или о женщинах (тем временем тема антисоветского сопротивления представлена в основном мужскими авторами и персонажами [Чепайтене, 2013, с. 254]). Также большая их часть ставит акцент на образах и специфическом опыте депортаций подростков. Дети и подростки составляли треть литовских спецпереселенцев, что позволило заметить Т. Балкелису, что именно опыт ссылки явился для подростков даже своеобразно продуктивным, создавая их как личности, так как идентичности подростков на тот момент были еще несформировавшимися [Balkelis, 2012]. Это обстоятельство, видимо, повлияло не только на написание самых значимых гулаговских текстов, но и на способы их адаптации к восприятию современного читателя/зрителя.

Основное различие между наиболее документально и литературно ценными текстами «первого» и «второго» поколений литовских авторов в основном можно обозначить как разную степень онтологической интенсивности. Если первые стремятся к осмыслению пережитых репрессий в рамках экзистенциализма (Гринкявичюте, Калвайтис) или христианской метафизики (Дирсите, Мишкинис), то вторые по понятным причинам этого уровня рефлексии экстремально травмирующего опыта уже не достигают, ориентируясь на встраивание своей личной биографии в уже ставший каноном великий исторический нарратив о «борьбе и страданиях» нации. Но они стремятся компенсировать возникающее качественное различие между первичным свидетельством и ее «переводом» на современный секулярный, постнациональный язык страстным желанием освежить эту уже постепенно замирающую и дезактуализирующуюся память при помощи смелого внедрения новых, часто неконвенциональных форм отражения (книга комиксов Виле и Итагаки) или языковых экспериментов (Гудоните). Поиском новых форм дискурса о репрессиях и усилиями популяризации данного исторического сюжета представители «второго» поколения также пытаются превзойти герметичность и этноцентричность гулаговских текстов «первого» поколения, (пере)открывая его для будущих поколений, особенно для детей и молодежи в глобальном масштабе. Но в поиске форм адаптации специфических гулаговских текстов ко вкусам и пониманию современной аудитории неизбежно возникает и опасность невольного искажения исторического контекста и первичных смыслов или даже непредумышленной вульгаризации горя, на что обратили внимание критики книги Шепетис и фильма, снятого по ее мотивам.

Опираясь лишь на вкратце упомянутые примеры, пока трудно ответить на вопрос, чего в этих новых изысканиях больше — продолжения традиции гулаговской литературы «первого» поколения или ее осознанной или неосознанной деконструкции. Но очевидно, проблема сохранения аутентичного голоса свидетельства при его дальнейшем использовании и «переводе» на присущий современной культуре язык и ценности требует очень чуткого и внимательного отношения к первичным источникам, как и поиска новой этики их использования и интерпретации.

Несомненно, в 1990-е гг. гулаговские нарративы стали одним из факторов создания новой, постсоветской, коллективной идентичности. В настоящее время тема депортации не потеряла своей актуальности, что доказывает трансформация гулаговских текстов. Сейчас на первый план выходят не мотивы жертвенности, страдания и горя нации, но акцентируется интерес к межэтническим отношениям и солидарности, к самой Сибири с ее природными и культурными особенностями, наконец, к специфике детского восприятия травмы. Именно эти, эмоционально более разнообразные, а политически, наоборот, менее ангажированные подходы вселяют надежду, что память о ссылке еще долго останется неотъемлемой частью национальной идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердинских В.А.* Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М.: НЛО, 2005. 768 с.
- Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2003. 304 с.
- Зубкова Е.* Прибалтика и Кремль, 1940–1953. М.: РОССПЭН, 2008. 351 с.
- Копосов Н.* Память строгого режима: История и политика в России. М.: НЛО, 2001. 320 с.
- Кустова Э.* Просить, убеждать, изворачиваться: Литовские спецпереселенцы ходатайствуют о возвращении на Родину // Миграционные последствия Второй мировой войны. Новосибирск: Наука, 2014. С. 31–54.
- Савенко Е.Н.* Свободное слово: Очерки истории самиздата Сибири 1920–1990 гг. Новосибирск: ГПТНБ СО РАН, 2017. 478 с.
- Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте: (Этнография чеченской войны). М.: Наука, 2001. 552 с.
- Чепайтене Р.* Восприятие советской эпохи в современной Литве // Прошлый век. М.: ИНИОН, 2013. Т. 1. С. 241–276.
- Эплле Н.* Неудобное прошлое: Память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: НЛО, 2020. 576 с.
- Эткинд А.* Кривое горе: Память о непогребенных. М.: НЛО, 2018. 328 с.
- Baliutytė E.* Savimonės formos Lietuvos dokumentinėje literatūroje // Literatūra. 2008. № 50 (1). P. 16–29.
- Balkelis T.* Ethnicity and Identity in the Memoirs of Lithuanian Children Deported to the Gulag // Maps of Memory: Trauma, Identity and Exile in Deportation Memoirs from the Baltic States. Vilnius: Institute of Lithuanian Literature and Folklore, 2012. P. 46–71.
- Gailienė D.* Ką jie mums padarė: Lietuvos gyvenimas traumų psichologijos žvilgsniu. Vilnius: Tyto alba, 2008. 244 p.
- Hirsch M.* The Generation of Postmemory // Poetics Today. 2008. № 29 (1). P. 103–128.
- Kazlauskas E., Gailienė D.* Politinių represijų metu patirto sunkaus ilgalaikio traumavimo psichologinių padarinių kompleksiskumas // Psichologija. 2003. № 27. P. 43–52.
- Krukauskienė E., Šutinienė I., Trinkūnienė I., Vosyliūtė A.* Socialinė atmintis: Minėjimai ir užmarštys. Vilnius: Eugrimas, 2003. 152 p.
- Leinartė D.* Lietuvos moterų ir vyrų trauminė patirtis sovietų lageriuose ir tremtyje // Kultūros barai. 2012. Nr. 2. P. 50–58.
- Maps of Memory. Trauma, Identity and Exile in Deportation Memoirs from the Baltic States / Ed. by V. Davoliūtė and T. Balkelis.* Vilnius: ILLF, 2012. 246 p.
- Mažeikis G.* Pogulaginė sąmonė ir atžangos dialektika // Darbai ir dienos. 2016. № 65. P. 55–86.
- Mažeikis G.* Dvasios niekšybė: Moralinės vaizduotės tyrimai. Kaunas: KVDU, 2018. 373 p.
- Mykolaitytė A.* Sovietmečio atminties perkūrimas šiuolaikinėje kultūroje. Lituanistica. 2016a. Nr. 3. P. 187–193.
- Mykolaitytė A.* Trauminė sovietmečio atmintis šiuolaikinėje lietuvių literatūroje // Sovijus. Tarpdalykiniai kultūros tyrimai. 2016b. T. 4. № 2. P. 44–53.
- Pokorska-Iwaniuk M.* World War II in Lithuanian Exile Memoirs as an Act of Opposition to Soviet Era Injustice // Teksto slėpiniai. 2015. № 17. P. 178–190.
- Population Displacement in Lithuania in the Twentieth Century: Experiences, Identities and Legacies / Ed. by V. Davoliūtė and T. Balkelis.* Leiden: Brill, 2016. 263 p.
- Rubavičius V.* Neišgyvendinamo sovietmečio patirtis: Socialinė atmintis ir tapatumo politika // Lietuvių tautos tapatybė: Tarp realybės ir utopijos (sud. R. Repšienė). Vilnius: KFMI, 2007. P. 12–40.
- Rubavičius V.* Nacionalinis tapatumas, kultūrinė atmintis ir politika. Vilnius: LKTI, 2018. 328 p.
- Saudargas P., Karazijaitė G.* Gulago partizanai. Vilnius: Petro ofsetas, 2018. 256 p.
- Šermukšnytė R.* Lietuvos istorija dokumentiniame kine ir televizijoje: Diskurso konstravimo ypatybės // Lietuvos istorijos studijos. 2004. № 14. P. 114–129.
- Šutinienė I.* Trauma ir kolektyvinė atmintis: Sociokultūrinis aspektas // Filosofija, sociologija. 2002. № 1. P. 57–62.
- Šutinienė I.* Sovietmečio atmintis šiuolaikinėje Lietuvoje: Ambivalentiškumas ar nostalgija? // Sociologija. Mintis ir veiksmai. 2013. № 32 (1). P. 152–175.

ИСТОЧНИКИ

- Альфен Э. фон.* Холокост и ГУЛАГ: Что остается после памяти? Постпамять без постполитики в России: Как определить «виновных»? URL: <http://gefter.ru/archive/17231>
- Клумбите Н.* Память об антисоветском сопротивлении в жизни одного литовского села // Уроки истории XX век. 3 августа 2017 года. URL: <https://urokiistorii.ru/article/54023>
- Прокопьева С.* «Миссия Сибирь» — невыполнима? URL: <https://www.sibreal.org/a/29334526.html> (дата обращения: 15.09.19).
- Хурш М.* Что такое постпамять. URL: <https://urokiistorii.ru/article/53287?> (дата обращения: 15.09.19).
- Armonienė B.* Palik ašaras Maskvoje. Tarp Lietuvos, Amerikos ir Sibiro. Sukrečianti vienos šeimos istorija. Vilnius: Alma littera, 2011. 240 p.
- Dirsytė A.* Jūs manieji. Laiškai. Kaunas: Atmintis, 2000.
- Genevičius T.* Sukurta pagal tikrus įvykius? URL: <https://m.diena.lt/naujienos/nuomones/nuomones/sukurta-pagal-tikrus-ivykius-885593> (дата обращения: 04.10.19).

- Grinkevičiūtė D. Lietuviai prie Laptevų jūros: Atsiminimai, miniatiūros, laiškai. Vilnius: Lietuvos rašytojų sąjungos leidykla, 1997. 273 p.
- Grinkevičiūtė D. A Stolen Youth, a Stolen Homeland: Memoirs. Vilnius, 2003.
- Gudonytė E. Karta nuo Sibiro. Vilnius: Mintis, 2013. 189 p.
- Gustainis V. Be kaltės. Vilnius: Mintis, 1989.
- Kalvaitis V. Sustiprinto režimo barakas. Kaunas: Kauko laiptai, 2011.
- Liandzbergienė G. Rūta Šepetis. Privalai skirsti, net jei gimei su pakirptais sparnais. URL: <https://www.15min.lt/vardai/naujiena/lietuva/ruta-sepetys-privalai-skirsti-net-jei-gimei-su-pakirptais-sparnais-1050-180395>
- Maceina A. Raštai. Vilnius: Mintis, 1990. T. III. 663 p.
- Noreikienė J. Filmas "Ekskursantė" rusus pravirkdė, o lietuvius gali supykdyti. URL: <https://www.lrytas.lt/kultura/meno-pulsas/2013/09/26/news/filmas-ekskursante-rusus-pravirkde-o-lietuvius-gali-supykdyti-4608102/>
- Pipiras N., Končius A. Visa atnaujinti ir išverti Kristuje (Dievo Tarnaitė Adelė Dirsytė). URL: <http://www.propatria.lt/2016/11/kun-n-pipiras-kun-koncius-visa.html> (data обращения: 14.10.19).
- Raila B. Paguoda (Antra dalis). Londonas: Nidos knygų klubo leidinys, 1974. 374 p.
- Speičytė B. Apie liudytojus, pasakojimą ir atminties sveikatą // Literatūra ir menas. 2013. No. 7. URL: <http://litera-turaimenas.lt/knygos/brigita-speicyte-apie-liudytojus-pasakojima-ir-atminties-sveikata> (data обращения: 20.10.19).
- Valaitytė-Špaukauskienė I.S. Manėme, kad plaukiame į Ameriką. Vilnius: Alma litera, 2020.

Čepaitienė R.

Lithuanian Institute of History, Kražių, 5, Vilnius, Lithuania
E-mail: geokdepe@gmail.com

The GULAG experience in cultural narratives and collective identity of post-Soviet Lithuania

In this paper, the tendencies of rethinking the GULAG in the cultural memory of post-Soviet Lithuania (after 1990) are analyzed. The sources for the analysis were represented by ego-documents, literary works, and visual arts (movies and comics). The author draws attention to the specifics of female and, in part, children's experience of the deportation, to the ways of perceiving, rethinking, and reproducing collective trauma in an ethno-historical context, to the role of post-memory in the formation and support of the national identity in the modern Lithuanian society. In recent years, in the field of perpetuating the memory of the Stalinist period in Lithuania, the public attention is increasingly shifted from the direct and authentic evidence to heterogeneous visually striking artistic representations. This shift in the focus of interest can be explained by the generational change, which warrants the search for a new stylistic language and message forms. As a result, works are created that belong to the field of post-memory, which are characterized by a higher degree of adaptability of the traumatic experience of previous generations to the knowledge and mentality of modern viewers / readers, as well as by attempt to increase their attractiveness through vivid and memorable characters and stories. The main difference between the most literarily valuable texts of the 'first' and the 'second' generation of the Lithuanian authors can basically be described as a different degree of ontological intensity. If the former authors seek to comprehend the experienced repressions within the framework of existentialism (Grinkevičiūtė and Kalvaitis) or Christian metaphysics (Dirsyte and Miškinis), then the latter authors, for obvious reasons, no longer achieve this level of reflection on the extremely traumatic experience, focusing on embedding their personal biographies into the great historical narrative about the "struggle and sorrows" of the nation, which has already become canonical.

Key words: Lithuania, Siberia, GULAG, deportations, national identity, collective trauma, post-memory.

REFERENCES

- Baliutytė E. (2008). Forms of Self-Consciousness in Lithuanian Documentary Literature. *Literatūra*, 50(1), 16–29. (Lith.).
- Balkelis T. (2012). Ethnicity and Identity in the Memoirs of Lithuanian Children Deported to the Gulag. In: V. Davoliute and T. Balkelis (Eds.). *Maps of Memory: Trauma, Identity and Exile in Deportation Memoirs from the Baltic States*. Vilnius: Institute of Lithuanian Literature and Folklore, 46–71.
- Berdinsky V.A. (2005). *Special Settlers. political reference of the peoples of Soviet Russia*. Moscow: NLO. (Rus.).
- Davoliūtė V., Balkelis T. (Eds.) (2012). *Maps of Memory. Trauma, Identity and Exile in Deportation Memoirs from the Baltic States*. Vilnius: ILLF. (Lith.).
- Davoliūtė V., Balkelis T. (Eds.) (2016). *Population Displacement in Lithuania in the Twentieth Century: Experiences, Identities and Legacies*. Leiden: Brill.
- Eppe N. (2020). *Inconvenient Past Memory of State Crimes in Russia and other countries*. Moscow: NLO. (Rus.).
- Etkind A. (2018). *Warped Mourning: Stories of the Undead in the Land of the Unburied*. Moscow: NLO. (Rus.).
- Gailienė D. (2008). *What they did to us: Lithuanian life from the point of view of trauma psychology*. Vilnius: Tyto alba. (Lith.).

- Hirsch M. (2008). The Generation of Postmemory. *Poetics Today*, 29(1), 103–128.
- Kazlauskas E., Gaillienė D. (2003). The complexity of the psychological consequences of severe long-term trauma experienced during political repression. *Psichologija*, (27), 43–52. (Lith.).
- Koposov N. (2001). *Memory of the strict regime: History and politics in Russia*. Moscow: NLO. (Rus.).
- Krukauskienė E., Šutinienė I., Trinkūnienė I., Vosyliūtė A. (2003). *Social Memory: Commemorations and Oblivions*. Vilnius: Eugrimas. (Lith.).
- Kustova E. (2014). Ask, convince, dodge: Lithuanian special settlers are petitioning for a return to their homeland. In: N. Ablagey, A. Blum (Eds.). *Migration consequences of the Second World War*. Novosibirsk: Nauka, 31–54. (Rus.).
- Leinartė D. (2012). Traumatic experience of Lithuanian women and men in Soviet camps and exile. *Kultūros barai*, (2), 50–58. (Lith.).
- Mažeikis G. (2016). Post-Gulag consciousness and the dialectics of regression. *Darbai ir dienos*, (65), 55–86. (Lith.).
- Mažeikis G. (2018). *The Spirit's Scourge: Moral Imagination Research*. Kaunas: KVDU.
- Mykoliaitytė A. (2016a). Recreating the memory of the Soviet era in modern culture. *Lituanistica*, (3), 187–193. (Lith.).
- Mykoliaitytė A. (2016b). Traumatic memory of the Soviet era in contemporary Lithuanian literature. *Sovijus. Tarpdalykiniai kultūros tyrimai*, 4(2), 44–53. (Lith.).
- Pokorska-Iwaniuk M. (2015). World War II in Lithuanian Exile Memoirs as an Act of Opposition to Soviet Era Injustice. *Teksto slėpiniai*, (17), 178–190.
- Rubavičius V. (2007). The long-lasting experience of the Soviet era: Social memory and identity politics. In: R. Repšienė (Eds.). *Lietuvių tautos tapatybė: Tarp realybės ir utopijos*. Vilnius: KFMI, 12–40. (Lith.).
- Rubavičius V. (2018). *National identity, cultural memory and politics*. Vilnius: LKTI. (Lith.).
- Saudargas P., Karazijaitė G. (2018). *GULAG Parisans*. Vilnius: Petro ofsetas. (Lith.).
- Šermukšnytė R. (2004). Lithuanian history in documentary film and television: Discourse construction properties. *Lithuanian history studies*, (14), 114–129. (Lith.).
- Šutinienė I. (2002). Trauma and collective memory: A sociocultural aspect. *Filosofija, sociologija*, (1), 57–62. (Lith.).
- Šutinienė I. (2013). Memory of the Soviet era in modern Lithuania: ambivalence or nostalgia? *Sociologija. Mintis ir veiksmai*, 32(1), 152–175. (Lith.).
- Savenko E.N. (2017). *Free word: Essays on the history of Siberian samizdat 1920–1990*. Novosibirsk. (Rus.).
- Tishkov V.A. (2001). *Society in Armed Conflict: (Ethnography of the Chechen War)*. Moscow. (Rus.).
- Чепайтене Р. (2013). Perception of the Soviet era in modern Lithuania. In: A. Miller (Ed.). *Proshlyj vek*. Moscow: INION, 241–276. (Rus.).
- Zemskov V.N. (2003). *Special Settlers in the USSR, 1930–1960*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Zubkova E. (2008). *Baltic states and the Kremlin, 1940–1953*. Moscow: ROSSPEN. (Rus.).

Чепайтене Р., <https://orcid.org/0000-0002-8023-7870>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 25.02.2021

Article is published: 28.05.2021

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Вестник археологии, антропологии и этнографии» публикует работы теоретического, научно-исследовательского и информационного характера по вопросам археологии, антропологии, этнографии и смежных научных дисциплин. Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Основные разделы «Археология», «Антропология», «Этнология» включают как аналитические работы, так и статьи, представляющие собой исчерпывающие публикации материалов конкретных археологических памятников, антропологических серий, этнографических коллекций и т.д. В отдельные номера журнала включаются рубрики «Рецензии» и «Хроника».

1. Рукопись статьи высылается в адрес редакции по e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru в виде:

1) одного файла, включающего сведения об авторе (авторах), название статьи, аннотацию, ключевые слова, список сокращений, основной текст статьи со вставленными иллюстрациями, подписанными подписями, таблицами, названиями таблиц, библиографическим списком в формате *.rtf или *.doc (не в *.docx, чтобы избежать склеивания слов или искажения текста), озаглавленного по фамилии автора(ов) (Романов.doc; Романов и др.doc);

а) сведения об авторе(ах) статей: ФИО (полностью); место работы — название головной организации (подразделения не указываются); адрес учреждения: улица, № дома, город, почтовый индекс; e-mail; телефон;

б) название статьи: строчными буквами; не используйте заглавные буквы для всего названия;

в) аннотация на русском языке **объемом не более 500 знаков**: необходимо четко сформулировать цели, главные положения и результаты работы;

г) таблицы: представляются без разрывов при переходе с одной страницы на другую, должны иметь общую нумерацию арабскими цифрами и заголовки. Диагональное членение ячеек в таблицах не допускается;

д) иллюстрации: должны иметь общую нумерацию в соответствии с порядком их расположения в тексте статьи (рис. 1, 2, 3 и т.д.). **Номера позиций на рисунках набираются курсивом.** В подписанных подписях необходимо расшифровать все условные обозначения на иллюстрациях, соблюдая точное соответствие обозначений и нумерации на рисунках, в подписанных подписях и основном тексте рукописи. Иллюстрации не должны быть перегружены текстовыми пояснениями;

2) дополнительных файлов с иллюстрациями в форматах jpg, tiff, bmp (Романов.jpg, Романов_рис.1.tiff, Романов_рис.2.jpg);

3) файла со сведениями статьи на английском языке;

4) файла со списком возможных рецензентов;

5) одновременно с рукописью высылается заполненное автором/авторами авторское соглашение (публичная оферта).

Сведения статьи на английском языке должны содержать:

— ФИО авторов, место работы, адрес учреждения;

— Article title (название статьи);

— Summary (на русском и английском языках) объемом не менее 2000–2500 знаков с пробелами. Summary не является копией русскоязычной аннотации, должно включать указания: на географическую и хронологическую привязку исследований (если не указано в названии), цель исследования, материалы и источниковую базу, методы исследования, а также основные результаты и выводы. В скобках надо дать перевод на английский язык специфических терминов и названий (например, названия археологических культур, орудий, сырья, методов, технологий и т.д.);

— Key words;

— Figure captions (подписанные подписи);

— Table giving the names (названия таблиц);

— **Acknowledgements** (благодарность за содействие и помощь в подготовке работы, а также спонсорам);

— **Funding (сведения о финансировании проектов);**

— References (список литературы на латинице).

При составлении References нужно воспользоваться автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. Пошаговая инструкция по оформлению списка литературы на латинице находится на странице журнала: <http://www.ipdn.ru/rics/va>. Список «References» должен быть полным, включать и публикации из библиографического списка на европейских языках, не требующие транслитерации.

При предоставлении некорректных текстов на английском (название статьи, резюме, ключевые слова, переводы для References) редакция отклоняет статью.

Список возможных рецензентов (не менее трех) — квалифицированных специалистов по тематике рецензируемых материалов, имеющих в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой статьи, должен содержать следующую информацию: ФИО рецензента полностью; место работы; ученая степень; e-mail. Возможные рецензенты не должны работать в одном учреждении с авторами статей.

2. После ознакомления с содержанием статьи, оценки ее соответствия научным направлениям журнала, требованиям к оформлению статьи автору направляется ответ, в котором сообщается о возможности и сроках публикации, либо мотивированный отказ. После проведения внешнего и внутреннего рецензирования в течение 2–3 недель при наличии замечаний редакция направляет рецензию. После доработки статьи авторы направляют печатный вариант статьи по адресу: 625003, а/я 2774, ТюмНЦ СО РАН (ИПОС), редколлегия журнала. Между автором (авторами) и гл. редактором журнала «Вестник археологии...» заключается лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале.

3. Общий объем рукописи в одном текстовом файле на русском языке (включая аннотацию, основной текст статьи, таблицы, иллюстрации, библиографический список на русском языке, разделы «Благодарность», «Финансирование») не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков с пробелами) для основных разделов «Вестника...» и 0,3 авт. л. для разделов «Рецензии» и «Хроника». «Summary» и «References» не входят в этот объем, однако не должны превышать 10 тыс. знаков с пробелами. Статья должна содержать не более 5–6 иллюстраций. Одна иллюстрация размером 160×225 мм приравнивается к 1/8 авт. л. **Рукописи объемом свыше 1 авт. л., а также с нарушениями технических требований к оформлению статей не рассматриваются.**

4. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

5. Не допускается:

— производить табуляцию;

— выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);

— форматировать заголовки, фамилии авторов (должны быть набраны обычным текстом), сам текст, делать принудительные переносы, пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона;

6. Сноски к тексту статьи следует размещать внизу соответствующих страниц. Нумерация сносок сквозная, арабскими цифрами.

7. Библиографический список приводится в алфавитном порядке, при этом первыми в нем должны стоять работы, изданные на кириллице. В этот же список при необходимости включаются под заголовком «Источники» публикации документов, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях. Труды одного автора располагаются в хронологической последовательности, а вышедшие в одном и том же году — в алфавитном порядке с добавлением к году издания данной работы соответствующих **латинских литер: a, b, c, d и т.д.** **Для работ, опубликованных в течение последних десятилетий, обязательно указываются издательство и страницы.** Кроме того, следует указать DOI (при наличии соответствующих данных).

Ссылки на использованную литературу приводятся в тексте рукописи в **квадратных скобках** в алфавитном порядке (например: [Деревянко и др., 2000, с. 24; Зданович, 1984b, с. 201; Морозов, 1976]).

При оформлении списка литературы нужно придерживаться следующего порядка библиографического описания книг, статей и отчетов (ФИО авторов или название работы набираются курсивом, в инициалах авторов между именем и отчеством пробел не ставится):

Агапов М.Г. «Яптик-сити»: В поисках идентичности северного села // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3 (42). С. 181–191. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-42-3-181-191>.

Анисимов А.Ф. Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Наука, 1966. 243 с.

Зах В.А., Скочина С.Н. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2. С. 4–11. URL: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

Квашнин Ю.Н. К вопросу о личных именах и связанных с ними обычаях // Словцовские чтения — 2000: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. Тюмень, 2000. С. 235–238.

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 34 с.

Матвеева Н.П., Берлина С.В., Чикунова И.Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 228 с.

(Необходимо указывать фамилии и инициалы всех авторов монографии; не использовать *и др.* или *et al.*)

Морозов В.М. Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5278.

Шилов С.Н., Рябинина Е.А. Комплекс памятников «Дачный» в системе взаимодействий культур раннего железного века на правобережье р. Миасс // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск, 2006. С. 102–105.

Budd P. Alloying and metallworking in the copper age of Central Europe // Bull. of the Metals Museum. Sendai, 1992. Vol. 17. P. 3–14.

Radivojevic M., Rehren T., Pernicka E. On the origins of extractive metallurgy: New evidence from Europe // Journal of Archaeol. Science. 2010. № 37. P. 2775–2787. <https://doi.org/10.1016/j.crpv.2014.06.004>.

8. Текст статьи должен быть тщательно выверен и подписан (с указанием — перед подписью — фамилии, имени и отчества полностью) каждым из авторов.

Плата за публикацию статей не взимается.

Адрес редакции:

625003, Тюмень, а/я 2774, ТюмНЦ СО РАН (ИПОС)

Тел. (345-2) 40-63-60; 68-87-58

Адрес сайта: <http://www.ipdn.ru>

E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru (с указанием в теме письма раздела «Вестника археологии, антропологии и этнографии»)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР — Академия наук СССР
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ЗИН АН СССР — Зоологический институт АН СССР
ИА РАН — Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИАЭ АН КазССР — Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР
ИИАЭ ДВО РАН — Институт истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения РАН
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН
ИПОС СО РАН — Институт проблем освоения Севера СО РАН
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
МАЭ РАН — Музей археологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
РАН — Российская академия наук
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СО РАН — Сибирское отделение РАН
УИВ — Уральский исторический вестник
УрО РАН — Уральское отделение РАН
ЭО — Этнографическое обозрение

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

Издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

Сетевое издание

Вестник археологии, антропологии и этнографии

№ 2 (53)

2021

Главный редактор
доктор исторических наук А.Н. Багашев

Редактор
Верстка
Художник
Перевод на английский

Е.М. Зах
М.В. Крашенинина, С.А. Иларионова
С.А. Иларионова
С.В. Святко

*Точка зрения авторов публикуемых материалов не всегда отражает точку зрения редакции.
При перепечатке материалов ссылка на статьи журнала
«Вестник археологии, антропологии и этнографии» обязательна*

Подписано в печать 28.05.2021. Уч.-изд. л. 20,5. Объем 30 Mb.
Минимальные системные требования: Pentium 330 МГц, ОС Windows 98 и выше,
ОЗУ 512 МБ, Internet Explorer, Adobe Reader 5.0 и выше

Адрес редакции: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86, тел. (3452) 406-360
E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru
Размещение журнала: <http://www.ipdn.ru>

ISSN 977-2071-0437-05

Изображение Вретрагны на жертвеннике
в росписях Синего зала дворца бухар-худатов в Варахше (V–VI вв.)
[Альбаум, 1975, табл. III]

«Охота на слонах» в росписях Красного зала дворца бухар-худатов в Варахше (V–VI вв.)
[Шишкин, 1963, табл. IV]

Тюменский научный центр СО РАН

Подписной индекс 80385

Каталог Агентства Роспечать «Журналы России»